МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

М. В. ЗЫЗЫКИН

ПАТРИАРХ НИКОН

Его государственные и канонические идеи

Часть III. Падение Никона и крушение его идей в Петровском законодательстве. Отзывы о Никоне

М. В. Зызыкин

ПАТРИАРХ НИКОН

Его государственные и канонические идеи

Часть III. Падение Никона и крушение его идей в Петровском законодательстве. Отзывы о Никоне

«Церковь – не стены каменныя, а каноны и пастыри духовные…».
Из «Разорения» Никона

Москва
Берлин
2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4
З96

Зызыкин, М. В.

З96 Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. В 3 ч. Ч. III. Падение Никона и крушение его идей в Петровском законодательстве. Отзывы о Никоне / М. В. Зызыкин. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2019. – 472 с.

ISBN 978-5-4499-0329-7

Михаил Валерианович Зызыкин (1880—1960 гг.) — русский историк, правовед, публицист. В 1921-м году М. В. Зызыкин был вынужден эмигрировать из России. Находясь в эмиграции, он преподавал в Софийском университете, а в 1929-м году был приглашен на православный богословский факультет в Варшаву на кафедру по Православной Социологии и Каноническому праву. Именно в Польше вышел один из его самых главных и актуальных трудов «Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи» (в трех томах). Исследование представляет собой магис-терскую диссертацию, представленную в Русскую Академическую группу в Париже. Мысль об этой книге зародилась у М. В. Зы-зыкина во время Московского Церковного Собора 1917 года «среди грохота разваливавшейся русской государственности и потуг возрождения Русской Церкви в реформе». В своей монографии автор рассматривает общие и вечные вопросы церковно-государственных отношений. Не излагая полную биографию Никона, М. В. Зызыкин в то же время акцентирует внимание на его идеях о церковно-государственных отношениях, рассматривая его «личность и деяния постольку, поскольку это нужно для уяснения его идей».

Вниманию читателей представлена третья часть труда, в которой, как отмечает сам автор, уже в «новой связи идей» рассматривается история падения Никона, повествуется о крушении его идей в Петровском законодательстве. Завершают труд отзывы историков, богословов и философов о патриархе.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4

ISBN 978-5-4499-0329-7

Вместо предисловия к III части

Опоздавшее по обстоятельствам, от автора независящим, печатание III части труда, составляющей неразрывную часть моей диссертации, совпадает с событиями в истории Христианской Церкви, воскресающими память о Патриархе Никоне уже в новой связи идей.

Поскольку в 1917 году с его памятью неразрывно связано такое событие в истории Русской Православной Церкви, как восстановление Патриаршества, постольку в 1937 году имя его выплывает в истории всей Православной Церкви и даже Церкви Вселенской – в том понимании этого термина, который объединил все Христианские Церкви на Оксфордской Конференции. Столь ярко выдвинутая Никоном в свое время идея симфонии, как верховного руководящего принципа, определяющего задание Церкви по христианизации всех социальных отношений, выявилась вновь, как требование церковного сознания, с видоизменениями, приспособленными к новым историческим условиям в подготовительных к конференции работах, прежде всего, у авторов православных, как социальное выражение Догмата Богочеловечества (в сборнике «Kirche, Staat ut Mensch»). То же по существу учение, вытекающее из признания первенства духовных целей и видоизмененное, особенно в методах применения, в зависимости от различного понимания природы Церкви и Государства в разных исповеданиях, мы находим и у немецких протестантских ученых («Kirche, Volk und Staat»), и у авторов американских кальвинистских (W. A. Brown. «Church and State in the Contemporary America»), у шведских лютеранских (Ehrenström. «Christian Faith and the Modern State»), У англиканских (Oldham. «The church and its function in society»), у голландских кальвинистов (Visser't Hooft. «The Church and the Churches») и пр. О ней же вспоминает в результате работ Конференции и доклад одной из ее секций: «All spheres of life were to be organised as an harmonious system under the domination of Christian Standarts and the super-

natural guidance of the Church» (Все сферы жизни должны были организоваться в одну гармоническую систему по указанию христианских идей под сверхприродным руководством Церкви).

В свое время для Католической Церкви принцип симфонии был провозглашен в энциклике «Immortale Dei» Папой Львом XIII-м, хотя он связан там с иными оттенками в понимании духовной и светской власти. Таким образом, принцип симфонии, при всех своих видоизменениях, выдвигается на степень общехристианского церковного правосознания, углубление и определение которого потребовалось в видах нового исторического события – появления противоборствующих Церкви философских секуляризованных и даже богоборческих мировоззрений, поддерживаемых силою государственной власти.

Борьба Никона с церковным провинциализмом – обособлением от других частей Православной Церкви нашла повторение в требовании Афинского Богословского Конгресса 1936 года создания особого всеправославного органа, контролирующего и координирующего сознание и деятельность отдельных Поместных Церквей. А в бельгийском журнале «Irénikon» (июньский номер 1937 г.) в рецензии на мой II-й том рецензент, неизвестный мне и подписавший только свои инициалы, справедливо обнаруживает идейную общность между Никоновским построением церковно-государственных отношений и предстоявшей постановкой их в Оксфорде, выводя этим Никона на арену всемирно-историческую. Такое же универсальное социологическое значение придает рецензент и проблеме, поставленной Никоном, о значении Церкви для жизни самого Государства, обнаруженном в русской социальной катастрофе XX века, которая никак не может быть вложена в рамки национальной истории отдельного Государства и имеет такое же всемирно-историческое значение, которое принадлежит большевизму с его динамизмом, хотящим охватить всю вселенную, выявляя себя, как антицерковь, противопоставленную Церкви

Христовой на всем земном шаре, стремящую превзойти ее в силе своего прозелитизма.

Признание такого же церковного , вненационального значения Патриарха Никона видно и у английских историков Церкви (Palmer'а и др.), и в рецензиях на мои первые два тома, написанных в Orientalia Christiana за 1932 и 1936 г. профессором канонического права в Страсбургском Университете Herman'ом.

17 декабря 1937 года.

Варшава.

Часть III
Падение Никона и крушение его идей в Петровском законодательстве. Отзывы о Никоне

Глава I. Положение Патриарха в Московском государственном строе

Положение Боярской Думы в строе Московского Государства. – Соединенные заседания Боярской Думы и Собора Духовенства. – Положение Патриарха в Боярской Думе. Положение Патриарха в безгосударное время. – Взгляд иерархии на свое участие в государственных делах. – Государственное значение Патриарха. – Рост царской власти влек за собой рост и Патриаршей Власти. – Титул Патриарха Московского «всея Великие, Малые и Белые России». – Состав различных государственных прав Патриарха Никона; его права в Государстве, как Патриарха, в силу этого сана и права, как государственного регента. – Бытовое положение Патриарха. – Скромность Никона в домашней обстановке и пышность в официальной. – Прием Никоном Патриарха Макария. Обеды Никона с нищими в описании Павла Алеппского. – Павел Алеппский о строгости Никона к духовенству. – С. М. Соловьев о нравах XVII века и о существовавших тогда наказаниях. Соответствие Никоновских архипастырских наказаний духу века и обычаям. – Заботливость Никона в отношении людей низшего социального положения. – Враждебные Никону течения общественной мысли и его враги. Староцерковная партия, враждебная Никону в церковно-обрядовых реформах.

Положение Боярской Думы в строе Московского Государства.

Необходимо предварительно вникнуть в общий строй Московского Государства. Прежде всего необходимо обратить внимание на учреждение, существовавшее издревле при царе, – Боярскую Думу, неотделимую от царской власти. Права ее не были определены законом, а держались, как факт бытовой на обычном праве. Общая законодательная формула была: «Царь указал и бояре

приговорили». Закон представлялся, как результат неразрывной деятельности царя и Боярской Думы. В сфере административной вместе с царем она назначала центральных и местных правителей. Ведение текущих дел находилось под постоянным контролем Думы. Самые приказы первоначально были нередко (Разрядный, Поместный др.) лишь комиссиями Боярской Думы. Получение звания думного человека, т. е. заседающего в Боярской Думе, зависело от воли государя. Но государь в этом случае был связан обычаем и считался с породою участвовавшего: лица высших, преимущественно княжеских фамилий, получали прямо звание боярина, минуя низшие чины, менее знатные начинали с окольничества; Василий III оставил преемнику 20 бояр, 1 казначея, 1 окольничьего; Иоанн Грозный оставил сыну 10 бояр, 1 окольничьего, 1 крайчего 1 казначея и 8 думных дворян; Феодор Иоанович оставил 8 окольничьих и 2 думных дворян. Прочие проходили по низшим ступеням чинов, редко достигая боярства. В производстве лиц в думные дворяне и думные дьяки воля государя ничем не стеснена; в думные дьяки производились из дворян, гостей и подъячих (Вл. Буданов. Обзор Истории Русского Права, 160 стр.). Думные дворяне и думные дьяки появляются в первой половине XVI века, когда великий князь начал вводить в Думу простых дворян; и эту меру усилил Грозный во время борьбы с родовитым боярством; с 1572 г. думный дворянин – особый постоянный разряд думных людей на ряду с боярами и окольничьими. Во время борьбы с боярством появляются в Думе и думные дьяки, ведшие такие дела, которые Дума не могла вести in corpore. Они не считались членами Думы, но по своему ведомству имели право голоса в заседаниях Думы. Общее число думных людей обыкновенно разрасталось (неродовитая часть увеличилась при Грозном, но при Феодоре Иоановиче опять уменьшилась в числе. 16 родов прямо поступали в бояре, а 15 в окольничии по праву рождения. К первым принадлежали: Черкаские, Воротынские, Трубецкие, Голицыны, Хованские, Морозовы,

Шереметевы, Одоевские, Пронские, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровские, Буйносовы, Ростовские, Хилковы, Урусовы (из них только 4 нетитулованные фамилии: Морозовы, Шереметевы, Шеины и Салтыковы); из княжеских, кроме Черкаских и Урусовых, все Гедеминовичи и Рюриковичи. Ко вторым относятся Куракины, Долгорукие, Ромодановские, Пожарские, Волконские, Лобановы-Ростовские, Барятинские, Львовы – все Рюриковичи, кроме Куракиных Гедеминовичей, и семь боярских фамилий: Бутурлины, Стрешневы, Милославские, Сукины, Пушкины, Чумаковы и Плещеевы. Думных людей при Годунове было 30, в Смутное время 47, при Михаиле Феодоровиче 19, при Алексее Михайловиче – 59, при Феодоре Алексеевиче 167. В постоянных заседаниях Думы участвовали все ее члены, которые были в Москве. Возможно полные заседания Думы происходили в особо важных случаях, в частности при созыве Земских Соборов, непременную часть коих составляла Дума.

Земский Собор не есть элемент власти противоположной власти Царской и Боярской Думы; он есть орган власти общеземской, включавшей в себя Царя и Думу: эти три части Собора существенные и органические. Без них нет и Земского Собора. Даже когда нет царя, то власть царя предоставляется лицам, заменяющим государя (Патриархом или Думой в качестве временного правительства). С 1653 г. до смерти своей царь Алексей не созывал земских соборов, ибо Уложение разрешило законодательные вопросы, а с 1654 г. – ряд войн. Иногда к Думе присоединялся собор духовенства. Обычай этот, говорит Ключевский в сочинении «Боярская Дума» (XXV гл.), вышел из одного источника с древне русскими сместными судами: в делах, подсудных двум разным юрисдикциям; на суде присутствовали представители обеих.

Соединенные заседания Боярской Думы и Собора Духовенства.

Взаимная связь обоих правительств создала обычай со времен Св. Владимира приглашать на совет высших

церковных иерархов, и об этом политическом значении иерархии Московские послы говорили полякам в 1610 г. «Изначала у нас в Русском царстве так велось, если великие государственные или земские дела начнутся, то великие государи призывали к себе на собор патриархов, митрополитов и архиереев и с ними о всяких делах советовались, без их совета ничего не приговаривали.»

Церковь ведала у нас до Петра все дела веры и семейного порядка, так что присутствие представителей Церкви считалось необходимым в Думе и при обсуждении вопросов о женитьбе царя в виду опасности для чистоты веры под влиянием иноземцев. Оно требовалось вообще всегда, когда хоть сколько-нибудь затрагивались интересы Церкви; например, вопрос о том, отдавать ли на откуп продажу питей, затрагивал крестоцелование, клятву и потому требовал участия представителей Церкви. Дума устанавливала и казенные меры весов по совету с патриархом, ибо надзору церковной власти исстари были поручены торговые меры и весы. Патриарх или один, или с властями участвовал в Думе и тогда, когда затрагивалось положение церковных и монастырских владений, землевладельческих льгот, крестьянских побегов. Однако, не только в тех случаях, когда рассматривались вопросы, затрагивающие религиозно-нравственную сторону, или материальные интересы Церкви, призывались ее представители в Думу. Взаимнопроникание Церкви и государства до XVIII века было настолько велико, что как с одной стороны царь с высшими чинами государства участвовал в церковных соборах, рассматривавших дела внутреннего церковного управления (например на Стоглавом Соборе), так с другой стороны и представители Церкви участвовали в Думе в делах чисто государственного характера, например, в вопросе о войне, о местничестве, в издании Судебника, Уложения. Через это духовенство получало большой политический вес, но часто уклонялось само от решения в тех случаях, когда не видело связи вопроса с нравственными или религиозными идеями и тогда

заявляло, что это дело государя и его синклита, а его дело молиться. Освященный Собор являлся в Думу на совещания о государственных вопросах не в одинаковом составе. Иногда патриарх являлся, окруженный одними архиереями, иногда к ним присоединялись выборные власти: архимандриты, игумены, но неизвестно, как они выбирались. Некоторые из них принимали участие в силу своего положения, например архимандриты исторически известных монастырей. Патриарх Никон, мы видели, в январе 1665 г. хлопотал о таком же положении для архимандрита Воскресенского монастыря.

Положение Патриарха в Боярской Думе. Положение Патриарха в безгосударное время.

Высшие духовные лица считались действительными членами Думы, имели в ней место по сану, хотя не всегда присутствовали на заседаниях. Патриарх же в этом строе занимал особое положение, унаследованное исстари. Он сидел рядом с царем по правую руку. Он председательствовал в Думе по праву первого сановника государства в отсутствие царя. Он же созывал и избирательный земский собор в безгосударное время, как делал патриарх Иов после смерти Феодора Иоанновича и патриарх Иоаким после смерти Феодора Алексеевича. Первосвятитель становился опекуном малолетних детей государя после смерти (великого Князя Василия III). Когда царь в 1547-1548 гг. уходил в Казанский поход, он оставил в Москве удельного князя Владимира Андреевича и 6 бояр и окольничих; они во всех делах должны были испрашивать санкции митрополита Макария. Поэтому не было ничего необычного и в том, что, когда Царь Алексей Михайлович ушел в поход в 1654 г., он, оставив князя Пронского с 5 товарищами, подчинил их высшему правительству из царицы, малолетнего царевича и патриарха Никона. Патриарх Никон издавал указы именем царевича и получал доклады от бояр. Патриарх, после рассмотрения дела боярами, его рассматривал вновь и давал решение или

утверждавшее или изменявшее боярский приговор. В данном случае патриарх выступал в качестве временного верховного правителя государственного регента, как во время междуцарствия он, в качестве начального человека, возглавлял и Думу и Освященный Собор. Уложение одинаково карало за оскорбление Царя и Патриарха, ничего даже не говорит о суде над патриархом, как бы не думая о возможности суда над ним. Обессиливая Патриарха материально конфискацией части его имущества и ограничивая права духовенства вообще и понижая его влияние в обществе.

Взгляд иерархии на свое участие в государственных делах.

Уложение еще не затрагивало личного положения патриарха и не исключало возможности привилегий для него в виде особых жалованных грамот. На самое участие в государственных делах иерархия наша смотрела всегда как на помощь государству ради «страха Божия», и никогда не было стремления преобладания над Царем в государственных делах, и ниоткуда не видно, чтобы и Никон нарушал эту традицию.

Свои государственные прерогативы наши патриархи всегда рассматривали не как присущие им права, а как нечто пожалованное царем; также, Никон на всех 614 стр. своего «Раззорения» ни разу не выражает своего сожаления ни воспоминания о правах патриарха в государстве, останавливаясь исключительно только на том, что он считал или принадлежащим Церкви по ее существу, или в силу многовековой давности.

Государственное значение Патриарха.

Особенно усилилось государственное значение патриарха в смутное время. Он – центр не только религиозного, но и национального самосознания; все искатели престола стремятся заручиться его благословением. «Меня Патриарх Иов благословил на царство», ложно писал

Лжедимитрий в Москву. Василий Шуйский в Гермогене ищет поддержки колеблющегося престола. При переговорах с королевичем польским Владиславом грамотам без печати патриарха никто не верит. Он – центр движения, созывающего ополчение на защиту веры и отечества со всех частей распадающегося государства. Народ видит в нем охранителя и религиозных и национальных интересов, который становится во главе государства, за отсутствием Царя, как Богом поставленный пастырь, начальный человек и высший судья. В 1618 году не могут решить вопроса о положении православных в отошедших к Швеции землях, ибо не было Патриарха, а детям его духовным, митрополитам, архиепископам, епископам, кроме его святейшего повеления, совершенного ответа на то учинить невозможно, понеже он есть всем пастырь и глава». И Филарета зовут на патриарший престол, желая видеть в нем «царствию помогателя. И первый Царь утверждает это народное сознание, когда постановляет, что «каков он государь, таков и отец его государь, их государское величество нераздельно». Представление о священной двоице – не только мысль Эпанагоги, но и выношенное в смуте представление о том, что Патриарх первый помощник Царя в восстановлении царства и идеалов правды и святости, которые олицетворяются Патриархом и стоят, как руководящие вехи перед царством.

Государственное значение патриархов определялось не личными их качествами, а идеями, вложенными в самое учреждение, поэтому и малые способности патриархов Иоасафа и Иосифа, бывших между Филаретом и Никоном, не изменили государственного значения их, хотя и понижали общественное значение Церкви.

Рост царской власти влек за собой рост и патриаршей власти.

Как правило, надо считать, что рост Царской власти отражался и на росте Патриаршей. Так было изначала с учреждения Московского патриаршества, которое отражало

не только внутренний рост русской Церкви, но и рост власти Царской при Грозном. Государство русское прежде окрепло в своей самостоятельности, чем русская Церковь, только в половине XV в. начавшая свое самостоятельное существование, а сила государства увеличивала естественно и силу церковную, ибо идеи Церкви и Государства хотя и разными путями, в принципе призваны были вести к одной конечной цели. Эта связанность отражалась и в самых титулах Царя и Патриарха, которые и пространственно соответствовали друг другу. Павел Апеппский, как свидетель, передает, что 6 января 1656 г. (II, 281) во время молебна пели многолетия за самодержца Великой, Малой и Белой России: Вильно была взято, и в ответ Царь велел титуловать Патриарха таким же титулом.

Титулы Патриарха Московского «всея Великие, Малые и Белые России».

Хотя бояре и Лигарид обвиняют Никона в узурпировании этих титулов, но Патриархом Великой и Малой России титуловал Никона еще в 1654 г. сам Константинопольский патриарх Паисий в соборной грамоте в ответ на Никоновские вопросы об обрядах (грамота эта у Пальмера, II т., 408 стр.), хотя сам Никон еще в декабре 1655 г. на соборных актах подписывался только «архиепископ царствующего града Москвы и Патриарх всея России» (II, 415). Но Царь титуловал Никона еще в 1654 г. в публичных актах Патриархом Московским и Великой и Малой России». (II, 518), отдав еще в 1653 г. приказ титуловать его патриархом Великой и Малой России (II, 547). Титул же «Белой», первоначально был указан для употребления самим Царем для себя в грамоте, где и Никон титуловался, соответственно Царю. Пальмер приводит грамоту от 1655 г. (II, 463), где царь сообщает о завоевании у Польши Белоруссии, Литвы, Волыни и Подолии и приказывает внести в Царский титул: «Великий Князь Литовский и Белорусский, Волыни и Подолии». В этой грамоте есть фраза: «Молитвами Отца нашего и богомольца Великого Государя Святейшего Никона

Патриарха Московского и всея Великие и Малые и Белые России... мы взяли у Польши город Вильну, столицу великого княжества Литовского, некогда принадлежавшего нашим предкам. равно мы взяли и Белую Русь. и милостью Божиею мы сделались Великим Государем над великим княжеством Литовским наших предков и над Белой Русью и над Волынью и Подолией». По Виленскому перемирию 24 октября 1655 года Белая Русь и Малая Русь соединились с Московским царством, а царь Алексей Михайлович должен был вступить на Польский трон после смерти короля Казимира (IV, 102). Итак Царь, воспринимая сам титул, одновременно его дает и Патриарху (II, 463), сам же Никон не употребляет этого титула в церковных молитвах (II, 552). Из этого видно, как неправильно Лигарид и бояре в одиннадцатом вопросе патриархам обвиняли Никона косвенно в самовольном присвоении титула Великой, Малой и Белой России (III, 333). Кстати сказать, в отношении обвинений Никона в честолюбии и властолюбии, неправильно и обвинение его в захвате Киевской кафедры, так как еще в 1657 г. царь почитал себя обиженным за отказ Никона (II, 518) посвятить туда епископа в виду принадлежности Киева Константинопольскому патриархату, как и сам Никон писал об этом (I, 158-160).

Состав различных государственных прав патриарха Никона; его права в государстве, как патриарха в силу этого сана и права, как государственного регента.

То же и с титулом великого государя. Он не давал Никону никаких реальных прав и был способом отличия заслуг Никона, по сохранению царской семьи от чумы, со стороны царя, который дал его в октябре 1654 г., когда Никон доставил в Вязьму царю невредимым его семейство (IV, 99). Патриарх, мак государственный сановник, получал высший титул, не связанный ни с какими особыми правами; особые права имел Никон не по титулу великого государя, а по положению государственного регента на время отсутствия царя, кроме тех прав, которые он имел в государстве по

положению всякого патриарха, т. е. право участия в Боярской Думе, право печалования перед царем за опальных и несправедливо обиженных. Положение государственного регента было временное и обусловлено отсутствием Царя. Именно, в качестве государственного регента, Никон принимал бояр ежедневно с докладами и, по рассказам Павла Алеппского, заставлял их по долгу ожидать своего приема и прежде доклада выслушивать молитву и кланяться ему в ноги, чем весьма затрагивалось боярское самолюбие. Это послужило одной из причин ненависти и зависти бояр к Никону.

По описанию Павла Алеппского этот прием происходил у Никона так: бояре сидели в ожидании, пока патриарх не позовет их войти (патриарх Макарий был на приеме.) При входе их Никон оборачивался к иконам, читая про себя «Достойно есть», причем все они делали земной поклон и оставались с непокрытой головой до самого ухода. Каждый из них, приблизившись, кланялся ему до земли, подходил под благословение и в заключение вторично делал земной поклон. Патриарх разговаривал с ними стоя, при чем они докладывали ему все текущие дела, на кои он давал ответ, приказывал, что должно делать (Ч.И.О.И. и Д. Р. 1898, 3; 159 стр.) «По окончании приема, патриарх оборачивался к иконам, пел «Достойно есть», благословлял бояр и отпускал их, затем шел впереди них в церковь, ибо он обыкновенно никогда не пропускал службы в церкви, 3 раза, днем и ночью, присутствуя за обедней и вечерней, и в большую часть дней совершал литургию».

«Предшественники Никона никогда не занимались государственными делами, но он, благодаря своему проницательному острому уму и знаниям, искусен во всех отраслях дел духовных, государственных и мирских, так как он был женат и на опыте ознакомился с мирскими делами.»

С возвращением в Москву царя, Никон переставал быть регентом еще в конце 1656 г., и, когда царь велел в июле 1658 г. прекратить ему называться великим государем, он его не лишал каких-либо реальных прав, а только пышного

титула, который Никон называл «горделивым и проклятым названием», и лишение это только образно выражало царский гнев.

Бытовое положение патриарха.

В соответствии с положением патриарха в строе правовом, стояло и его общественное положение в быту. По этому быту можно определить положение человека XVII века, ибо в то время домашние бытовые формы строго определялись социальным положением, а не имущественным достатком; форма быта приближалась к царским по мере приближения чина к царю, и формы быта Патриархов совершенно походили на царские, представляли их точное подобие в соответствии с тем, что патриарх был первое лицо в государстве после царя; они только индивидуализировались в зависимости от того, что они принадлежали предстоятелям Церкви, а не представителям государства. Когда иностранные послы принимались Царем без Патриарха, то они представлялись Патриарху отдельно в такой же церемонии: также собирались в патриаршие палаты патриаршие бояре, думные дьяки, дворецкие, приказные люди и дети боярские на патриаршем дворе в цветных платьях, а на площади были стрельцы, но в отличие от царского приема без пищалей (Писарев, Пр. Соб. 1904).

Официальный домашний быт Патриархов выражался в очень пышных формах. Для этой пышности были причины, ибо Патриарх был выразителем религиозно-национального сознания народа не только перед лицом своих русских, но и пред лицом приезжих православных, а способы выражения этого сознания, естествен но, должны были соответствовать понятиям своего времени.

Скромность Никона в домашней обстановке и пышность в общественной.

В то время преимущественно обращали внимание на внешние формы жизни, и по ним судили о внутреннем достоинстве, а Патриарх Московский призван был выражать

идею 3-го Рима и явить образ предстоятеля высшего в Церкви сана – патриаршего. Особенно красочно и ярко в своей деятельности и личности выявлял эту идею Никон. В личной жизни Никон был не требователен и скромен в требованиях, как это описано у его иподиакона Шушерина, неизменно состоявшего при нем, начиная со времени митрополитства Никона в Новгороде до 30 ноября 1666 г., когда он, сопровождавший патриарха Никона на суд, был арестован властями у Никольских ворот.

Шушерин (СПБ., 1817) о жизни в Воскресенском монастыре, когда Никон не был связан официальными выступлениями, – пишет (стр. 88): «Пища же его бяше вседневная: капуста варена с хлебом сушеным, мелко раздробленным, и от огородных зелей огурцы, и юха малых рыбиц и то токмо в разрешенные дни, в среды же и в пятницы и в понедельники никакого же вкушения рыбы во все лето, разве в Господние Праздники и в Богородицыны. Одежды же его бяше от кож овчих, и ряса от влас агньчих пепеловидного сукна ношаше, мантия же всегда черного сукна мантийнаго, точию с источниками... По вся же посты, в пустыню свою отхождаше, юже устрои и в ней две церкви Богоявления Господня и от святых праведных Апостолов Петра и Павла, в ней же устроено келей, восходы же нань вельми тесные, тамо же едина верхняя келия мало во всем сажень, в ней же пребываше и жестокое житие препровождаше вящщия молитвы и поклоны и пост творяше, сна же мало всегда приимаше, яко в нощеденствие токмо 3 часа.»

Но когда Никону приходилось выступать на людях официально, как Патриарху, он поражал блеском своих одежд, пышностью своих приемов и обедов и торжественностью церемоний. И в этом своем свойстве Никон иллюстрировал только, что для русского человека вероисповедание, как бытовое начало, проникает собой подобно воздуху, по словам И. С. Аксакова (V, 145), всю жизнь народа, определяет характер всех отправлений его жизни, как духовной, так и материальной, как

общественной, так и государственной. Вера для русского человека есть не только субъективное личное чувство, но начало общественное, бытовое, управляющее жизнью. Формы быта настолько сливались с саном, что нельзя было помыслить представителя сана без принадлежащих этому сану бытовых особенностей. Вполне естественно, что, когда Никон находился в Воскресенском монастыре, и не видел отношения к нему со стороны царя, соответствующего его сану в мелочах повседневной жизни, то он горевал об этом не потому, что, как говорит Каптерев, «он чувствовал себя устраненным царедворцем, любящим блага жизни» (Каптерев 1, 411), а потому, что в отсутствии соответствующих блюд в именинные царские дни он видел неуважение и непризнание его как Патриарха, тогда как сам Никон почитал себя Патриархом.

Никон писал в июле 1659 года: «Еже ныне июля в 25 день торжествования рождения благородные царевны и великие княжны Анны Михайловны вси возвеселившися о добром том рождестве насладившись. Един аз, яко пес, лишен богатыя вашея трапезы; но и пси по реченному напитываются от крупиц, падающих от трапезы господей своих. Аще не бы яко враг вменен, не бы лишен малого уломка хлеба богатыя вашия трапезы». Каптерев называет это «томлением при воспоминаниях о роскошных царских трапезах» (Каптерев, Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, 1, 401), но здесь не то, полагаем мы, а горькая обида на несоответствие своего действительного положения с своим саном, который, при господствовавших обычаях того времени, делал Патриарха участником всех царских именинных торжеств, как символ чести и бытовое признание нераздельности Царя и Патриарха.

Также в этом стремлении «стоять высоко, ездить широко» нельзя видеть проявления какой-то гордости, как то делали расколоучители и их современные ученые последователи; в этом было лишь бытовое выражение идей, которые Никон связывал с саном. Он считал себя обязанным реально и наглядно воспитывать это понятие и в русских, и в

православных иностранцах, приезжавших с Востока. В соответствии с этим Никон строит рядом с царским в Кремле патриарший дворец, который освящает в декабре 1655 года. В соответствии с этим его облачения поражают великолепием, его митра своими драгоценными украшениями. Его службы необыкновенно торжественны, всегда в сослужении многочисленного духовенства, и по строгости выполнения всех уставных требований поражают своей продолжительностью и пунктуальностью даже духовных православных иностранцев, их свидетелей, в рассказе Павла Алеппского сопровождавшего в 1654 г. своего отца Патриарха Макария.

Павел Алеппский описывает одну из многочисленных великопостных служб (Ч. О. И. и Х. 1898, 3; 138, стр.), продолжавшуюся 7 часов; он пишет: «Мало было Патриарху продолжительной службы и длинного синаксария: он еще прибавил в конце проповедь и много поучений. Бог да даст ему чувство меры. Он не пожалел Царя, ни даже царских детей. Я хотел бы знать, что бы у нас сказали и стали ли бы так терпеть...

Но нет сомнения, что Творец даровал русским царство, которого они достойны, и которое приличествует за то, что все их заботы духовные , а не телесные . Таковы все они. Царь и Патриарх прислали нам кушать, но только что мы сели за стол, полумертвые от усталости, и пораженные изумлением, как ударили к вечерне». И такие случаи неоднократно попадаются в дневнике Павла Алеппского.

Пышные обычаи Патриарха введены не Никоном; не Никон ввел и обряд угощения Патриарха Царем посредством почтительного поднесения с сыновним приветствием ему чаши с вином за обедом; этот обычай был еще при Митрополитах; здесь дело не в гордости Никона, а в установленном чине жизни, выявлявшем общенародное почитание предстоятеля Церкви, который Никон только тщательно соблюдал и более красочно выражал.

Прием Никоном Патриарха Макария. Обеды Никона с нищими в описании Павла Алеппского.

Вот, описание Павлом Алеппским приема Никоном Патриарха Макария (Чт. О. И. и др. Росс. 1898, 3; 22, 23 стр.): «Когда наш Владыка Патриарх приблизился к первой лестнице патриарших палат, его встретили два главных архимандрита, поклонились ему до земли и сказали, читая по имевшейся у них бумаге; Отец Святый Блаженнейший и Владыка кир Макарий, Патриарх великого града Божия Антиохии и стран Киликии, Иверии, Сирии, Аравии и всего Востока, брат твой и соучастник в божественных таинствах, Господин кир Никон, Архиепископ града Москвы и Патриарх всех стран Великой и Малой России, послал нас, архимандритов монастыря такого то в такой то области, встретить твою святость по Слову Господа нашего Иисуса Христа в Его Святом Евангелии: кто принимает вас, принимает Меня». И они опят поклонились ему до земли. Читали они по-гречески, а драгоман переводил по-русски. Наш Владыка Патриарх выразил подобающие благожелания и благословил их. Они взяли его под руки вместо бояр и повели наверх. Когда он дошел до вторых лестниц, его встретили два другие архимандрита, которые, сказав и сделав то же, взяли его под руки. При входе нашем во внешнюю часть палат, где находится 3-я лестница, вышел Патриарх Никон, одетый в мантию из зеленого рытого, узорчатого бархата, со скрижалями из красного бархата, на которых в середине изображение херувимов из золота и жемчуга, и с источниками из белого галуна с красной полоской в середине. На голове его был белый клобук с крестом из жемчуга и драгоценных каменьев. Над его глазами было изображение херувима с жемчугом; воскрылия клобука спускались вниз и также были украшены золотом и драгоценными камнями. В правой руке он держал посох. Он встретил нашего учителя с великим почетом, сказав: «Отец Святый Блаженнейший, кир Макарий, Патриарх великого града Божия Антиохии и стран Киликии, Иверии, Сирии, и Аравии и всего Востока. Твоя святость уподобляется Господу

Христу, а я подобен Закхею, который, будучи мал ростом и домогался увидеть Христа, взлез на сикамору, чтобы видеть Его; так и я грешный вышел теперь, чтобы лицезреть твою святость». Драгоман переводил его слова на греческий. За тем он облобызался с нашим Владыкой и повел его внутрь своих палат, весь пол которых был устлан большими коврами. Оба они подошли по обычаю к иконостасу, который всегда ставится над головой Патриарха. Свечи горели. Они пропели «Достойно есть» и сделали земной поклон и поклонились друг другу. Затем Патриарх Никон снял свой клобук и просил нашего Владыку Патриарха благословить его. С трудом, после многих отказов, он благословил его на чело, грудь и плечи по их обычаю, и они сели беседовать через драгомана. Потом он встал и пошел во внутренние покои, где снял свою зеленую мантию и надел другую, всегдашнюю из рытого узорчатого бархата фиолетового цвета и белый также всегдашний клобук с одним, вышитым из золота херувимом на челе, снял зеленное бархатное одеяние, и надел красное бархатное по их обычаю и вышел. В это время подходили все бывшие у него настоятели монастырей, протопопы, священники и диаконы и кланялись нашему Владыке, а он их благословлял». Во всей этой церемонии мы наблюдаем, кроме внешней пышности Никона, и строго каноническое признание высшего места Антиохийского Патриарха при всей его бедности и захудалости кафедры в принятии первым благословения от него и в самом обращении словесном, где Никон ставит себя на место Закхея перед Христом. Образец этого смирения Никон давал и в другом виде. Павел Алеппский рассказывает (179 стр.) о богатой трапезе у Патриарха в Вербное Воскресение после хождения на осляти: «В столовую привели нищих, слепых, увечных, безногих и поставили для них стол близ Патриарха; он поздравлял каждого из них, кормил и поил с полным уважением. При виде всего этого мы почувствовали тошноту. Наконец Патриарх поднялся, ему поднесли таз и кувшин, и он обошел нищих, умывая, вытирая и лобызая их ноги, всех по порядку, при чем

раздавал им милостыню до последнего. Мы удивились чрезвычайно, глядя на это, и были тронуты до слез». Характерно, что этот обед был без Царя, ибо он был в походе, но Никон только тогда сел за стол, когда послал яства и напитки всему царскому семейству.

Павел Алеппский о строгости Никона к духовенству.

Еще об одной черте Никона упоминает Павел Алеппский – это о строгости к духовенству. О дисциплине Никона и строгости сообщает Павел Алеппский в нескольких местах своего сочинения «Путешествие Патриарха Макария»; На 47 стр. (1898, 3 Чт. О. И. и Др. Росс.) он пишет: «Сделавшись Патриархом, он немедленно сослал в заточение в Сибирь трех протопопов с женами и детьми, из коих 1 был царским протопопом. Последний занимал такое положение, что мог наказывать, заключать в тюрьму и налагать оковы на священников без дозволения прежних Патриархов. Когда это произошло, водворился мир. И все стали бояться Никона. Он до сих пор великий тиран по отношению к архиереям, архимандритам и всему священническому чину, даже к государственным сановникам... Прослышав о чьем-нибудь проступке, даже об опьянении, он немедленно того заточает, ибо его стрельцы постоянно рыщут по городу, и лишь только увидят священника или монаха пьяным, сажают его в тюрьму, подвергая всяческому унижению. Оттого нам приходилось видеть тюрьмы переполненными такими людьми, кои находятся в самом скверном положении, будучи окованы тяжелыми цепями по шее и с большими колодками на ногах. Бояре прежде входили к Патриарху без доклада привратника; он выходил им навстречу, а при уходе шел их провожать. Теперь же, как мы видели собственными глазами, министры Царя и его приближенные сидят долгое время у наружных дверей, пока Никон не дозволит им войти; они входят с чрезвычайной робостью и страхом, при чем до окончания дела стоят на ногах, а, когда затем уходят, Никон продолжает сидеть». Павел Алеппский забывает, что Никон принимал бояр в качестве государственного регента,

представляя лицо Царя, а потому и прием его был иной. Что касается тюрем, то сам Павел Алеппский сообщает (160 стр.), что такие тюрьмы были у всех архиереев, и следовательно ничего особенного это для Никона не представляет. «Во всяком месте пребывания архиерея есть тюрьма, снабженная тяжелыми железными оковами и большими деревянными колодками. Если кто из настоятелей монастырей, или важных сановников совершит проступок, то, будучи заключен в оковы, должен просеивать муку, ночью и днем при пекарне, пока не отбудут наказания: нам случалось их видеть в таком положении.»

В другом месте (стр. 162) Павел Алеппский пишет: «От того Бог отступился и тот навлек на себя Его гнев, кто совершил проступок и провинился перед Патриархом: пьянствовал или был ленив в молитве, ибо такового Патриарх немедленно посылает в заточение. В прежние время Сибирские монастыри были пусты, но Никон в свое управление переполнил их злополучными настоятелям монастырей, священниками и монахами. Если священник провинился, Патриарх тотчас снимает с него колпак: это значит, что он лишен священнического сана... Такой строгостью он всех устрашил, и его слово стало решающим. Но в последнее время он дошел до того, что отставил от должности келаря монастыря Св. Троицы и заточил его в один монастырь, где сделал его мельником, а раньше, когда он приезжал из монастыря или отправлялся куда-нибудь, то его сопровождало много архиереев, служителей и ратников, чего нет и у Патриарха.

Едва ли можно удивляться этой строгости Никона при распущенности нравов после смутной эпохи с одной стороны и при стремлении Никона повысить общественное значение Церкви. Однако, его строгость не была понята современниками и вызывала на него множество нареканий, особенно со стороны расколоучителей. Мы упоминали уже об упреке Никону со стороны одного из них – протопопа Ивана Неронова. Однако, не следует преувеличивать этого. Ибо нельзя забыть, что пастырские меры воздействия, о

которых упоминает Павел Алеппский, соответствовали характеру общих наказаний того времени. Не забудем, что в то время сами бояре подвергались телесным наказаниям. В XIV т. 77 стр. Истории России сам С. М. Соловьев дает картину современных нравов и наказаний, относящихся ко времени непосредственно следующему за Никоном.

С. М. Соловьев о нравах XVII века и о существовавших тогда наказаниях. Соответствие Никоновских архипастырских наказаний духу века и обычаям.

«Русские люди», пишет он, страдали от разбойничества, для усиления которого было много благоприятных условии; мы встречаем известия, что строитель пустыни участвовал в разбойничестве: в описываемое время встречаем новое поразительное известие. В 1688 г. князь Яков Лобанов Ростовский да Иван Микулин ездили на разбой по Троицкой дороге разбивать государевых мужиков с царской казной; мужиков они разбили и казну взяли себе, двух человек убили до смерти. Про то их воровство разыскано и по розыску князь Яков Лобанов взят со двора, привезен к Красному Крыльцу в простых санишках, и учинено ему наказание: бит кнутом в жилецком подклете, по упросу верховной боярыни и мамы княгини Анны Никифоровны Лобановой, де у него отнято бесповоротно 400 дворов крестьянских, а человека его калмыка да казначея за то повесили; Микулин бит кнутом на площади нещадно, сослан в Сибирь, и отняты у него поместья и вотчины бесповоротно. Встречаем целый ряд известий о преступлениях, совершенных людьми из честных родов; в 1684 г. учинено наказание Петру Васильевичу Кикину: бит кнутом перед Стрелецким Приказом, за то, что девку растлил, да и прежде он Петр пытан на Вятке за то, что подписывался было под руку Думного дьяка. В 1685 г. бит кнутом Хвощинский за то, что на порожнем столбце составил было запись. Князь Петр Крапоткин бит кнутом за то, что выскреб и подписал своей рукой. Биты батогами Кутузов и Нарышкин за то, что они ругались по Касимовском Царевиче. В связи с этими явлениями любопытно взглянуть на движение законодательства в описываемое время. В

начале правления Софьи было постановлено: за один разбой и воровство без убийства и поджогу бить кнутом, отрезать левое ухо, два пальца у левой руки и сослать в Сибирь на вечное житье с женами и детьми, которые не в разделе, за два воровства чинить указ по «Уложению», за три казнить смертью. Но в следующем году постановлено резать у преступников уши, вместо отсечения пальцев, и тогда же за произношение возмутительных слов запрещено было казнить смертью, а велено бить кнутом и ссылать в разные города. В начале 1689 г. постановлено было не окапывать в землю жен за убийство мужей, но отсекать им головы». Если бесчинства происходили в высшем классе общества и самом Дворце, то что же думать о нравах среди низшего забитого жизнью духовенства. Естественно, что и наказания, хотя бы и архипастырские, архипастырским распоряжением наложенные , должны были идти в уровень с нравами века: заключение в тюрьму, как церковно-исправительное наказание не покажется суровым при господстве членовредительных наказаний в суде светском, особенно, если принять во внимание господствовавшее во всех слоях общества, и в том числе и в духовенстве, пьянство. Мнение Лигарида о невнимательности Никона к нуждам духовенства, часто повторяемое после него, можно и не повторять, тем более, что и челобитная Царю на Патриарха Никона, в которой говорится об его невнимательности к нуждам духовенства, и на которую ссылается Соловьев, была анонимна, как доказано Гюббенетом (т. II гл. XVI), и была найдена в паперти Благовещенского Собора в 1669 г., т. е. спустя почти два года после того, как Никон уже был сослан в Ферапонтов монастырь, и относилась даже не к Никону, а к порядкам, установленным при его предшественнике дьяком Кокошиловым.

Заботливость Никона в отношении людей низшего социального положения.

В V томе Исторической Библиотеки собрано масса писем Никона к архимандритам Иверского монастыря, относящихся и ко времени патриаршества Никона, и ко времени

пребывания его в Воскресенском монастыре, после 10 июля 1658 г. до конца 1666 г., в которых, напротив, сквозит его заботливость об интересах малых мира сего. Никон то заботится, чтобы не взыскивали недоимок с крестьян в случае пожара, то о том, чтобы им не задерживали жалованья, то о том, чтобы принималось в расчет семейное положение крестьянина. Он был строг к духовенству, но здесь его дисциплина имела свое оправдание в цели создать духовенство, могущее быть примером, нравственным образцом в обществе.

Враждебные Никону течения общественной мысли и его враги. Староцерковная партия, враждебная Никону в церковно-обрядовых реформах.

Однако, это создало Никону много врагов, и мы, упоминая об этом, можем видеть, что для духовенства он был тяжел. Но не отсюда вышли главные его враги. Эти враги были на верху общественной лестницы и составились из двух главных течений русской общественной мысли. Один враждебный лагерь был в Церкви – в консервативной старообрядческой партии преимущественно из протопопов, другой в государстве – среди либерального боярства, как отзвук новых стремлений, направленных к секуляризации государственной жизни. Были еще враги личные, обиженные действиями Никона вольно или невольно: например, Митрополит Иларион Рязанский и Архиепископ Вятский Александр, Митрополит Питирим и др.

Епископ Александр Вятский имел личное озлобление на Никона за перевод его в Вятку на Соборе 1657 г., и вскоре после ухода Никона стал протестовать и против этого перевода, и против его книжных исправлений. Проф. Николаевский в своей статье «Патриаршая область и русские епархии в XVII веке» говорит, что он имел достаточно средств и на покупку новых имений, и на устроение архиерейского дома, где давал приют укрывавшимся от правительства расколоучителям; он долго жаловался на мнимые гонения от Никона в то время, когда тот не имел уже

влияния на его дела. Митрополит же Питирим был недоволен переводом на Белгородскую митрополию, туда не поехал, продолжал называться Крутицким и жил в Москве, так что Белгородская митрополия еще 10 лет оставалась не открытой; Иларион Рязанский был недоволен тем, что не был избран в Патриархи его отец, Митрополит Авфоний (к которому Никон пришел в монастырь юношей), который отказался от патриаршества, оказавшись вместе с Никоном в числе 3 кандидатов на патриаршество и пожелавший видеть Патриархом Никона; Митрополит Питирим, как искавший сесть на место Никона на патриаршество, был также врагом Никону.

Консервативная церковная партия была недовольна исправлением книг и обрядов, и во время своего патриаршества Никон боролся с ней, опираясь на соборные определения, одобрение Константинопольского Патриарха, и, когда не помогали увещания, прибегал к ссылкам. Эта церковная партия исходила из признания первенства церковных интересов над государственными и, хотя отдавала первое место Царю, однако, почитала его связанным всецело церковными канонами и уставами, настолько, что, когда Царь, по их мнению, отступил от этих уставов, то он в их глазах подлежал проклятию и терял права на повиновение; равно отвергнута была раскольниками будто бы за нарушенные уставы Церкви и иерархическая власть Церкви, и они образовали свое особое общество.

Никон также ставил интересы Православной Церкви выше государственных, но относительно понимания самого Православия расходился с ними. Так, древнерусское воззрение, почитавшее слово Божие выше всего, было свойственно обоим течениям и выражалось оно так: «А святым Божественным книгам достоит Царю всех свыше советов внимати и почасту их прочитати.» Не придавая обряду церковному такой неизменяемости, как догмату, Никон почитал его подлежащим изменению и исправлению со стороны власти Поместного Собора, особенно, когда он получил одобрение Восточных Патриархов. Мы видели, что

Никон испросил разрешение Собора 1654 г. на исправление книг, получил на это и одобрение и согласие Константинопольского Собора, и провел самое исправление через Поместный Собор 1655 и 1656 года. Но для старообрядцев высшим критерием было не согласование своих обычаев с обычаями других Церквей и с древнецерковным преданием, не голос органа высшей власти Поместной Церкви и Восточных Патриархов, а согласование с раз установленными обычаями на Стоглавом Соборе и наличная русская действительность, как она выражалась в русских церковных книгах. Мы оставляем в стороне вопрос об этих изменениях, ибо в поле зрения наших интересов лежит другая сторона Никоновской деятельности, именно не его внутрицерковная борьба с старообрядцами, а его борьба за Церковь, за ее самостоятельность в Государстве. Скажем только, что по исследованию Каптерева Никона напрасно считают до сих пор за инициатора церковных реформ. Правда, Никон проводил исправления обрядов и книг и при том с особой тщательностью, запрашивая Патриархов, собирая книги со всех русских монастырей, посылая на Афон за старыми книгами. Арсений Суханов оттуда вывез их более 700, но потом, проведши реформу, Никон в своих письмах и сочинениях об ней ни разу не упоминал, видно не отдавал он ей души. Он выполнил задание Вонифатьева и Царя, которое разделял, не будучи их главным инициатором. В церковнообрядовых реформах он имел враждебную себе партию консервативную, а в защите прав Церкви в Государстве имел против себя либеральную боярскую партию.

Глава II. Боярство и Никон. Приготовления к суду над Никоном

Либеральная боярская партия, враждебная Никону в его защите прав Церкви в Государстве. – Бояре нуждаются в слабом царе. – Совпадение интересов староцерковной и боярской либеральной партии в стремлении свергнуть Никона. – Причины общего характера боярской вражды к Никону. Характеристика боярства XVI и XVII века. – Боярская реакция после Грозного и узко-эгоистическая политика боярства. – Результаты эгоистической политики боярства в половине XVII века, в частности местничества. – Влияние Никона на государственные дела: приостановка местничества, война с Польшей; участие в ней Никона. – Развитие военных действий с Польшей, а потом со Швецией. – Возобновление местнических счетов после ухода Никона и роковое влияние их на войну. – Результаты столетней боярской реакции Грозному. – Невознаградимость для царя потери Никона, как советника и поддержки против бояр. Стремление бояр устранить от царя советника, сильного умом и энергией. Разногласия царя, с Никоном по церковным вопросам в 1657 г. – Бояре одинаково преследуют гениальных людей не своего круга, попавших к власти: Патриарха Никона и А. Л. Ордын-Нащокина. – Никон в качестве государственного советника сдерживал боярство, как раньше сдерживал его Грозный и Патриарх Филарет, советник Царя. Боярские фамилии, давшие главных врагов против Никона. Двор царя. Нравственные качества врагов Никона. – Причины боярской нелюбви к Никону, заключавшиеся в характере Никона, а также из-за войн. – Перенесение в Москву мощей Св. Филиппа, как средство борьбы с духом века и средство искупить вину царской власти перед Митрополитом Филиппом. – Трудность Никоновского пути по созданию Святой Русси для бояр, недуховно настроенных. – Никоновские требования церковной самостоятельности задевают бояр. Главная причина вражды к Никону – боярову нужен слабый царь, послушный, а не дополняющий себя в другой сильной личности. – Стремление Никона ввести церковность во все жизненные отношения. Он начинает с царя. – Судьба Никона – судьба древних еврейских пророков. Неправильное понимание С. М. Соловьевым Никона и его идей. – Петр I, как представитель идеи омирщения Государства в противоположность идее оцерковления. – Соловьев верно определил психологические причины разрыва Никона с царем. – О

причинах, послуживших к спорам между царем и Никоном; они в области не государственной, а церковной: поставление Киевского Митрополита в 1657 г. – Средства борьбы бояр против Никона. – Докуки Никону 1660-1663 г. от соседей Сытина и Боборыкина. – Назначение комиссии 23 декабря 1662 г. Собирание вин на Никона к Собору. – Лигарид. Его вопросы-ответы. – Вопрос о том, как составить правила, по силе которых обвинить Никона. Составление вопросов для отправки на Восток. – Бояре побуждают старообрядцев составить петицию против Никона. – Неестественный союз бояр, принявших реформы Никона, с расколоучителями против Никона. – Сторонники старообрядцев из боярства. – Развитие раскола от пропаганды возвращенного Авакума. – Предупреждение в 1663 г. о личности Лигарида, полученные Никоном. – Деятельность Лигарида в высшем управлении Русской Церкви. – Преследование правительством Никоновских доброжелателей. – Попытка отделаться от Никона посредством пострижения его в схиму. – Чего добивались бояре посылкой вопросов Восточным Патриархам? Их обвинения затрагивают не только Никона, но и царя. – Неистовствующая злоба бояр, доказательства ее. – Обвинение Никона в названии Воскресенского монастыря Новым Иерусалимом. – Основная причина боярской злобы – не в Никоне, в самих боярах. – Составление вопросов Патриархам и способы получения ответов. Посылка иеродиакона Мелетия на Восток. – Письмо Иерусалимского Патриарха Нектария к царю 20 III 1664 г. – Мнение Константинопольского Патриарха Дионисия по Никоновскому делу. – Мнение Иерусалимского Патриарха Нектария по делу Никона. – Как подписали свитки Александрийский и Антиохийский Патриархи. – О незаконности суда над Никоном с точки зрения его составления. – Патриархи Александрийский и Антиохийский не могли представлять Константинопольского Патриарха Парфения и Иерусалимского Патриарха Нектария. – Стремление Патриархов Александрийского и Антиохийского оправдаться перед двумя другими Патриархами за суд над Никоном. – Патриарх Нектарий Иерусалимский возбуждает дело о Лигариде. – Кто был орудием против Никона, и кто действительно его врагом. Смысл этой вражды. – Подробное рассмотрение вопросов, посланных Патриархам на Восток, и ответов. – Глава I ответов патриарших свитков. – II глава ответов патриарших свитков. – III глава ответов патриарших свитков. – IV глава свитков и V-ая. – X, XI и XII главы ответов патриарших свитков. – XIII глава

свитков – Глава XIV–XX патриарших свитков. Гл. XIV. – Глава XV свитков. – Глава XVI свитков. – Глава XVII свитков. – Глава XVIII свитков – Глава XIX свитков. – Глава XX свитков. – Глава VII, VIII, VIX, XXI, XXII, XXIII свитков. – Глава VI свитков. – XXIV глава свитков. – Глава XXV свитков. – Вопрос о наличности вины Никона решается 30.XI 1666 г. в его отсутствие. – О троекратном приглашении Никона на суд. – Ложное заявление Патриархов о наличии у них согласия Константинопольского и Иерусалимского Патриархов. – Чем руководились Патриархи в суждении о деле Никона. – Искусственные меры, принятые правительством для осведомления Патриархов о деле Никона (по правительственным источникам). – В чем обвиняли Никона на суде? – Практика Константинопольской Церкви в отношении Иерархов, покинувших кафедру. – Обсуждение Никоновского ухода на Соборе между 16 февр. и 23 апр. 1666 г. – Историческая справка разного вида об уходах Патриархов и Епископов со своих престолов. Выводы. – В результате исторической справки для бояр, чтобы окончательно отделаться от Никона, нельзя было ограничиться одним оставлением патриаршества с его стороны.

Либеральная боярская партия враждебная Никону в его защите прав Церкви в государстве.

В вопросах общественного положения Церкви и ее самостоятельности Никон отстаивал свои идеи, свои выношенные мысли, результаты своих собственных размышлений над святоотеческими сочинениями (Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Иоанна Дамаскина), страдал за них, отстаивал их всей силой своей личности, предпочел удаление от дел какому-либо компромиссу и здесь он наткнулся на дух века, на новые веяния, которые использовали в свою пользу создавшееся с половины XV века засилие государства над Церковью.

Если Государство – высший творец всех отношений и прав, то оно по своему субъективному усмотрению, не связанное никакими высшими нормами, может их пересоздавать и давать и Церкви ровно столько прав, сколько само пожелает. Из такой именно точки зрения исходили бояре, которым претила Никоновская теория о каких-то незыблемых правах Церкви на свое законодательство,

управление и суд, о правах Церкви, хотя и данных Государством, но освященных и канонизированных шестивековой давностью. Им важен был интерес их сословия в смысле беспрепятственного управления всем Государством – прежде всего осуществить влияние на царя через Боярскую Думу. Учреждение это включало и потомков некогда самостоятельных княжеских родов, которые в участии в Думе видели компенсацию за утрату своей политической самостоятельности, включало и старое Московское боярство и вновь выслуживающихся при царях лиц, и лиц, просто породнившихся с царями через их браки на подданных. Все эти лица ревниво оберегали возможность своего влияния на царскую власть, и, конечно, дружба Царя с таким сильным человеком, как Никон, дружба, восполнившая качествами Никона недостатки Царя, как правителя, была слишком неприятна для боярства.

Бояре нуждаются в слабом царе.

Боярству нужен слабый царь, когда оно могло бы проявлять свою власть беспрепятственно: недаром число членов Боярской Думы так сильно увеличивается при слабых царях-обоих Феодорах, а в малолетство Иоанна Грозного и при юности Алексея Михайловича установилось боярское засилие, приведшее при Грозном к расправе царя над боярами, а при Алексее Михайловиче к народному бунту 1648 года, вновь повторившемуся в 1662 году из-за неумения бояр справиться с финансовым положением Государства, сопровождавшимся взяточничеством и несправедливостью к слабым. Чего добивалось боярство при слабом царе, иллюстрирует боярский проект 1681 года, разделивший Россию на ряд наследственных наместничеств с боярскими фамилиями во главе. Это было бы возвращение России к удельным временам и обессиление ее, на подобие Польши. Уже Царь Феодор подписал проект, и лишь Патриарх Иоаким отказал в своей подписи и убедил царя его взять обратно. Мы познакомились с идеями Никона, и чтобы отыскать причины вражды боярства против него, мы должны

уяснить, чем еще Никон отталкивал боярство, находившееся вокруг царя в качестве его сотрудников по управлению.

Совпадение интересов староцерковной и боярской либеральной партии в стремлении свергнуть Никона.

Мы говорили, что против Никона стояла в Церкви старообрядческая партия, которая разделяла с Никоном основное убеждение, воспитанное Церковью и живое в народе, о первенстве церковных интересов перед государственными и налагавшее на царя и на Государство обязанность проникаться ими; эта партия хотела уничтожения реформ Никона и его свержения; ради этого в особенности она выдвигала на первое место и в чисто церковных делах царя; в этом она сходилась с представителями боярской либеральной партии, которая усвоила цезарепапистские идеи, с которыми боролся Никон, и также добивалась сначала низвержения Никона из состава государевых советников, потом с патриаршего престола, затем его заточения, ссылки и создания условий, при которых Никон не мог бы быть возвращен из ссылки. Эта партия принимала Никоновские реформы в Церкви, но не допускала никакой реформы церковно-государственных отношений, установленных Уложением. Пока Никон не был низложен, обе партии нередко сходились на общей задаче свалить Никона. Одним это нужно было для аннулирования его церковных реформ, а другим для устранения государева советника, который занимал место, рассчитанное ими для себя. Цезарепапистские идеи не были для боярства чем то самостоятельно выношенным и взлелеянным, а были даны Лигаридом, приехавшим в Москву в апреле 1662 года и давшим идейную опору в борьбе против Никона, и при том такую опору, которая при известных условиях могла расположить в свою пользу и царя, возвеличивая его власть до неограниченных пределов: это – обычный прием лести. Они старались внушить царю, что Никон стремится захватить власть, что царя уже не слышно, боятся де только Патриарха Никона, что царю остается только предоставить

Никону Москву, как предоставил Константин Великий Рим Римскому папе Сильвестру, и такие наветы действовали постепенно на царя, особенно когда он, возмужалый после 2½ летнего участия в войне, где привык уже к известной самостоятельности, вернулся в Москву. Мы увидим впоследствии, что бояре не щадили косвенно и царя в обвинении против Никона, но важно определить, чем собственно так отвратен был для бояр Никон. Надо вникнуть в психологию боярства. Не видно, чтобы оно делало это из приверженности какой-либо идее; даже цезарепапизм был только орудием для него в борьбе с Никоном, данным ему в руки Лигаридом: до его приезда не слышно было таких обвинений на Никона, и обвиняли его до этого времени только в оставлении кафедры, искусственно истолковывая его удаление, как отречение.

Причины общего характера боярской вражды к Никону. Характеристика боярства XVI и XVII века.

Исследователь политического значения боярства за период от Грозного до XVIII века, Белов, отмечает основные черты боярства, которые и поясняют нам, почему такой представитель чисто русского народного миросозерцания с его идеалами правды и святости, каким был Никон и в своем учении и в своей жизни, был для них неприемлем, и настолько неприемлем, что с 1657 года, когда они почувствовали, что им удается внушить царю к Никону нерасположение, почти до самой смерти Никона в 1681 г., они работают над созданием невозможности для Никона сблизиться с царем, сначала с Алексеем Михайловичем, потом с его сыном Феодором Алексеевичем. Никон, ведь, не нес с собой никакой реформы государственного переустройства, которая затрагивала бы положение боярства; он только отстаивал самостоятельность канонического управления Церкви и ее освященные давностью права. Никон, правда, добился приостановки действий Уложения в некоторых отношениях, именно в вопросе о церковном суде, влиял на Царя в смысле рассылок указов воеводам о

применении Кормчей вместо Уложения в уголовных делах. Этого, однако, было бы недостаточно для такой ожесточенной ненависти бояр против Никона. Были другие причины более общего характера. Это недовольство боярства, что человек не их среды встал около царя, что такая талантливая личность затеняет боярство. Белов представляет нам боярство на протяжении последних 150 лет своего существования до Никона, как класс людей, лишенных какого-либо идейного творчества. Вся энергия его уходила на сохранение за собой власти и на проведение чисто эгоистической классовой политики. Единственным интересом этого боярства было соблюдение местничества, т. е. взаимных родовых счетов. Мудрая политика Грозного, казнившего оппозиционное новому Московскому строю боярство, утвердила царскую власть. В боярстве XVI и XVII века были разные слои: и потомки бывших удельных князей, и старинное Московское боярство, и люди новые, выслужившиеся, для которых, как мы видели, в Боярской Думе был особый чин думного дворянина. Введением новых людей в Боярскую Думу Грозный подорвал значение этого боярства. Он потряс его и опричниной, не столько даже казнями, сколько тем, что в опричнину он брал земли, бывшие опорой титулованного боярства, и заселял их новыми людьми, не имевшими на данном месте исторических корней и преданий, переселяя старые фамилии с своих на сиженных веками гнезд на новые места.

Боярская реакция после Грозного и узко эгоистическая политика боярства.

Результаты этого дела не могли быть уничтожены ни смутой, ни столетней реакцией делу Грозного со стороны бояр; однако, эта реакция обнаружила историческое стремление этого класса, который делал много злого для народа и Государства. Карамзин, смягчающий вообще бояр, пишет: «Боярин Андрей Михайлович Шуйский при Грозном и князь Василий Репнин Оболенский, будучи наместниками в Пскове свирепствовали как львы, по выражению

современников: не только угнетали земледельцев, граждан беззаконными налогами, но вымышляли преступления, ободряли ложных доносителей, возобновляли дела старые, требовали даров от богатых, безденежной работы от бедных и в самых св. обителях искали добычи с лютостью монгольских хищников.» Бояре сделали все, чтобы погубить свои притязания быть наследственными советниками государя. Вышеуказанное поведение боярства, большинство коего было на стороне Шуйских, и вызвало кровавые меры Грозного, как ответ на узкую эгоистическую политику. Курбский жаловался на своеволие одного, но бояре этому противопоставляли совершенно безыдейное самовластие многих. Заговор Шуйских в малолетство Грозного против Бельских и Митрополита Иоасафа имел целью дать торжество боярам наместникам и удержать олигархию. Грозный впоследствии поддерживал Бельских (Гедиминовичи), вносивших умиротворение в народ. Борьба Шуйских с Бельскими – борьба потомков Александра Невского с Гедиминовичами; устранение старобоярских Московских фамилий во главе с Юрьевыми-Захарьиными, устранение родственников царя по матери князей Глинских татарского происхождения – все это было лишь родословные счеты, на которых держались все отношения высших слоев боярства. В смутное время борьба шла за престол по тем же родословным счетам, а позже опустилась в другую плоскость, борьбу за места на государевой службе. Безыдейность и эгоистичность боярства сказывались во всех его выступлениях, как класса.

При избрании на престол Шуйского бояре брали запись от царя, что он не будет представителей боярских родов без суда казнить смертью. Боярство оговаривало только свои права. С Михаила Феодоровича взяли по преданию запись: «Не осудя истинным судом с бояры своими никого смерти не предавать и не наказывать вкупе с преступником его родственников». Об этой записи писали Котошихин и Татищев. Но в царствовании Михаила бояр держал в руках отец царя, помогавший ему в государственном управлении,

как позже Никон Алексею Михайловичу. На отношение его к боярам указывает один хронограф, памятник XVIII века.

«Сей убо Филарет Московский и всея Руси возрасту и сана был среднего, Божественные писания отчасти разумел; нравом опальчив и мнителен, а владетелен таков был, яко и самому царю бояться его; бояр же и всякого чина царского синклита зело томляше заточеньями необратными и иными наказаньями, до духовного же чину милостив был и не сребролюбив, всякими же царскими делами и ратными владел, а в грамотах и челобитных имя его писали с «вичем». Филарет действовал именем сына и вместо смерти казнил заточениями. Исключением было дело Шейна, но его казнили в порыве ненависти бояре, разрывая этой казнью льготы своему сословию.»

От вновь избираемого польского королевича требовали такого закрепощения народа, о котором и не думал Годунов. В условиях ему уже не думали о возвышении людей по заслугам и об условиях свободных поездок заграницу, а только о том, чтобы «Московских княжеских и боярских родов приезжими иноземцами в чести не понижать.» Вся жизнь Государства для них в том, чтобы не понижались боярские роды: для этого было одно средство – никого не допускать на свою высоту: но эта традиция, такой способ охраны своего значения, и низвела значение боярства к концу XVII века до нуля. Самый факт предпочтения боярством польского королевича кандидату, указанному Патриархом Гермогеном (Михаилу Романову), объясняется родословной гордостью, чтобы не подчиниться потомку отравленной боярами ненавистной им царицы Анастасии, жены Грозного. Расхождение боярской и народной точки зрения на власть определилось тогда же в этом вопросе. Народ вспоминал царицу Анастасию почти как святую страдалицу от бояр, и возвел ради нее дом Романовых над князьями дома Св. Владимира и дома Гедимина (Голицыны), а боярский кандидат Владислав был ненавистен и для народа и для Патриарха Гермогена. Силой вещей бояре, выставившие самозванцев игрой имени Грозного царя, в конце концов принуждены были смириться перед этим

именем и просить внучатного племянника той царицы Анастасии, сына которой они хотели отстранить от престола в пользу своего князя Владимира Андреевича. Сломленное в результате смуты народным сознанием, призвавшим в результате крепкой народной думы на престол представителя фамилии боярской но не титулованной, русское боярство окоченело окончательно в политической классовой политике после отчаянных попыток в смуту возвратить утраченное положение. В конце XVII в. «боярин» уже означает только чин, и окончательное падение боярства было плодом его внутренней бессодержательности которой можно противопоставить разве политическую зрелость и постоянную неусыпную заботливость об интересах Государства, а не касты, аристократии английской, не отстававшей в своем политическом развитии от развития государства. Безопасность Государства и народа ставилась в зависимость от каприза бояр и при Грозном, когда царь вынужден был назначить вождем сторожевых полков князя Ивана Андреевича Шуйского, который вместе с князем Мстиславским и навели на Москву хана в 1571 г. Как первые князья Рюриковичи в междуусобных смутах наводили половцев, так потомки Александра Невского Шуйские наводили татар, ставя свое «я» выше всего. С молоком матери бояре впитывали презрительное отношение к народу, и потомство удельных князей и бояр в этом презрении к народу натолкнулось на Грозного – выразителя народных дум и чаяний, поставившего сан царя на незыблемую нравственную высоту выразителя религиозно нравственного сознания православного народа, власть, принципиально отличающуюся от власти всех других князей, как Богом освященную и призванную вести народ к спасению под осенением Церкви и ее законов.

Результаты эгоистической политики боярства в половине XVII века, в частности местничества.

То же поставление своего «я» выше государственных интересов было и при Алексее Михайловиче. Бунты 1648 г. и 1662 – плоды деятельности Морозовых, Милославских,

которые с приобщением к боярству и власти восприняли целиком традиции прежнего боярства по хищничеству, казнокрадству, исключительному эгоизму с забвением государственных интересов. А местничество показало свои плоды в Польской войне после ухода Никона.

Царь Феодор Алексеевич на Соборе 12 января 1682 года говорил об этом времени так (Павлов Сильванский «Государевы служилые люди», стр. 160): «При Царе Алексее Михайловиче в его государских походах во время войны с Польшей и Швецией все чины были безместны же и во время того безместия, при помощи Божией славные над неприятелем победы учинилися. А которые бояре презрев его государское повеление, вчинали тогда места и тем чинено наказание и разорение отнятием поместий и вотчин. В последующих же походах между бояры и воеводы, для случаев отечества их многие быша несогласия и ратным людям теснота и оттого их несогласия многий упадок разным людям учинился, а именно под Конотопом и под Чудновым и в иных многих местах.»

Влияние Никона на государственные дела: приостановка местничества, война с Польшей; участие в ней Никона.

Характерно, что в начале войны с Польшей местничество было приостановлено специально для этой войны, и, когда Царь говорил речь в Успенском Соборе 23. X. 1653 (Сол. X. 304), то он сказал: «Мы, Великий Государь, положа упование на Бога и на Пресвятую Богородицу из Московских чудотворцев, посоветовавшись с отцом своим с великим государем, святым Никоном Патриархом, со всем Освященным Собором и окольничими и думными людьми переговорили, и изволили идти на недруга своего, Польского короля, воеводам и ратным людям быть на нынешней службе без мест, и этот наш указ мы велели записать в разрядную книгу и закрепили своей государственной рукой». Невозможно не думать, что в этом постановлении о приостановке местничества сказалось влияние Никона,

который, хотя еще не был в это время государственным регентом, но все же был главным советником Царя во всех делах, по общему признанию и современников и историков, и без него не делалось никакого важного дела. Самая война с Польшей была решена под его влиянием, и им поддерживалось стремление освободить православную Малороссию от польской власти, и сам Богдан Хмельницкий, зная об этом влиянии Никона, посылал к Царю в 1653 г. послов Бырляя и Мужиловского с грамотами о просьбе ходатайствовать перед Царем не только к боярам Морозову и Милославскому, но и к Патриарху Никону (Сол. X., 264). У Соловьева есть сведения на основании первоисточников, что Никон принимал живое участие в войне. Так 25. V. 1656 Никон писал Царю, что к Потемкину отправлены донские казаки, которых он благословил идти на Стокгольм и в другие места. 9. VII. 1655 г. Никон давал Царю совет не вступать в сношение с литовским гетманом Радзивиллом, предавшимся в подданство шведскому королю (X. 339).

Развитие военных действий с Польшей, а потом с Швецией.

Никон благословил царя в письме писаться Великим Князем Литовским, ибо были завоеваны Литовские города; это был разгар успехов в войне с Польшей, когда последняя оказалась на краю гибели и заключила с Россией Виленский договор 24 окт. 1656 г., по которому самый Польский престол по смерти короля Казимира переходил к царю Алексею Михайловичу; по Виленскому договору установлен ряд необыкновенно благоприятных для России условий: Белорусские и Малорусские города отходили к России. В польских областях устанавливалась по договору полная свобода богослужения для православных: уния подлежала искоренению, Россия и Польша впредь до окончательного соединения обязывались не заключать мира и не вступать в войну без общего согласия (В первый поход были взяты Смоленск, Могилев, Полоцк и Витебск; во второй без боя взяты Минск, Гродно, Пинск, Вильно, все Литовское

княжество. Хмельницкий дошел до Люблина; у Польши были отобраны не только Литовские города, но и Белорусские, а на юге русские уже осаждали Львов).

Последующие события привели, однако, к войне со Швецией, ибо шведский король Карл X, пользуясь критическим положением Польши, вторгся в нее и завладел всей Великой Польшей, и простер свое внимание на области, уже завоеванные русскими, в том числе и на Литву. Несмотря на требование русского правительства не затрагивать русских завоевании, Шведский король не уступал, и весной 1656 г. началась вынужденная война со Швецией, которая привела к поражению русских под Ригой в октябре того же года и к приостановке Шведской войны, вплоть до заключения 3-летнего перемирия 1658 г. И безрезультатного мира с Швецией в 1661 г.

Никон надеялся в этой войне отобрать у Швеции Ингрию и Карелию, населенные православными, и вообще русские города, потерянные в связи со смутой (По Столбовскому договору 1616 г. Москва отказалась от притязаний на Ливонию и Карелию; Швеция возвращала Москве Новгород, но оставляла за собой Ивангород, Копорье, Ям, Орешек, Ингрию). С Польшей же положение было регулировано перед тем Поляновским миром 17 мая 1634 г., по которому Россия уступала Польше все города, отданные по Деулинскому перемирию в 1618 г., когда Польша взяла себе за Филарета и Шеина Смоленск, Дорогобуж, Рославль, Чернигов, Стародуб, Новгород Северский, Трубчевск, Себеж, Невель.

В отношении Шведских планов Никон был единомышленником Ордын-Нащокина после разрешения вопросов с Польшей в 1656 году. Но в виду пробуждения национального духа в Польше, отобравшей уже у Шведского короля его завоевания, и измены Выговского, переведшего в 1659 году (Гадячский договор 6 сент. 1659 г.) Малороссию снова на сторону Польши, возникла опять война с Польшей, продолжавшаяся до Андруссовского перемирия 1667 г.

Возобновление местнических счетов после ухода Никона и роковое влияние их на войну.

Весьма характерно, что с уходом Никона начались самые яростные местнические счеты между боярами, командовавшими войсками, которые привели к ряду поражений и позволили заключить войну далеко не на тех условиях, которые были заключены в Вильне в 1656 г. Пришлось отказаться и от Белоруссии и от правобережной Украины, и, если дела не привели к худшему, то только потому, что сама Польша была уже была потрясена до основания и первоначальными неудачами в войне, в виду явного сочувствия к России населения Белорусских и Литовских областей, и внутренними междуусобиями (восстание Любомирского), и турецкой угрозой через гетмана Дорошенко.

Интересно видеть, к чему привело начавшееся разнузданное местничество бояр. Под влиянием этих поражений Россия принуждена была заключить 21 июня 1661 г. с Швецией невыгодный мир, уступавший Швеции города, отходившие к России по перемирию 1658 года. Поражения эти велики. Пользуясь несогласиями между Трубецким и Ромодановским, разбив первого под Конотопом в 1659 г. 28.VI, а второго под Нежином, Чарнецкий разбил князя Хованского осенью 1660 г. под Слонимом, а потом Долгорукого, в том же году, вернув всю Литву от русских. Осенью 1661 г., после поражения Хованского и Нащокина, потеряны были Гродно, Могилев и Вильно. Шереметев был окружен на Волыни под Чудновым осенью 1660 года и сдался в плен с огромной 100,000 армией; из Крымского плена он во всем обвинял Барятинского, что он, не дойдя до него с помощью, поворотил назад и занимался грабежом (XI, 106); тогда то изменил и Юрий Хмельницкий, сын Богдана. Остававшиеся в Малороссии воеводы ссорились друг с другом (XI, 107). Чаадаевский воевода бил челом на князя Юрия Барятинского, что он ходит только для своей корысти, пишет ложные доклады о своих сражениях, а с ним не советуется. В печальном платье после поражения Трубецкого

вышел Царь к народу, и ужас напал на Москву. У русского Царя не оказалось воевод, равных по талантам Чарнецким, Любомирским и Вишневецким, ибо таланты эти никак не могли проявляться при местнической системе. О каком успехе можно было думать, когда происходили такие явления, о которых говорится в челобитной местных жителей, по которым проходили войска князя Урусова и Барятинского. Вот что писали новгородские дворяне и дети боярские: «Воевода Урусов мстит прежнюю недружбу, ибо они били челом на него Царю Михаилу Феодоровичу, и тот мстит за Новгородскую недружбу. Узнав, что у кого-нибудь есть пленники, воевода присылал друзей со стрельцами, выбирал лучших девиц и женщин, брал к себе силой и, подержав у себя, отсылал в Великие Луки на государственных подводах. Посылал голов сотнями за лошадьми и часть приведенных лошадей взял себе, других роздал тем, к кому добр, остальных послал государю в Вильно. Идучи дорогой, заставлял служилых людей ловить рыбу из прудов, выпустив воду, приказал идти под Брест наскоро с вьюками, а дорогой свои и конские кормы и людей в плен брать. Они дворяне, услыхав государеву милость, забыли свои великие нужды и беспокойства, на государеву службу пошли с радостью, но как только перешли реку Неман, Урусов и Барятинский запретили им под смертной казнью брать что-либо у жителей, а сами воеводы в благочестивых христианских церквах, в костелах по местечкам в наших местностях, в мещанских дворах всякую казну грабили, колокола, лошадей, кареты, органы, и, отягчаясь добычей, шли под Брест очень медленно, а их поморили голодной смертью» (X, Сол. 332-334). Урусов не по нужде в постные дни ел мясо, и дух бесчестил, называл не слугами и небойцами, а на самом у Бреста и сабли не было, в Верховичах испугавшись пушечной стрельбы, с боя уехал и государево знамя с собой увез» (Сол. X, 335).

Хотя эта война нанесла окончательный удар Польше, от которого она никогда вполне не оправилась, и сам Польский король в заседании Сейма 4 июля 1661 г. за 100 лет

предсказал ее раздел, однако, относительный успех войны для русских при невероятной продолжительности войны (13 лет) и огромных потерях был обязан не качествам боевой мощи, а бессилию Польши при ее внутренних неурядицах.

Результаты столетней боярской реакции Грозному.

Говоря о поражениях 1660 г., исследователь русского боярства Белов пишет: «Вот, к чему привела столетняя боярская реакция мерам Грозного, направленным к тому, чтобы оценивать человека не по породе, а по заслугам. Свое же дело боярство довело до тихой, незамеченной историей кончины родословной Боярской Думы. Была неизбежна крутая реформа сверху, вследствие отсутствия всякой способности в обществе к самопомощи. Петр явился на призыв истории. Когда в ноябре 1681 г. уничтожалось местничество, то в самом акте об этом упоминалось о Конотопском и Чудновском поражении, как следствии этой системы управления» (Пальмер V, 909 Прим.) Для такой реформы (Боярская Дума кончилась в 1711 г.), не достаточен был уже Государственный регент, который мог быть устранен интригами бояр, если сам Царь не сознавал, что его борьба должна быть направлена на бояр, а не на своего советника, своей волей и внутренней силой восполнившего слабого волей Царя и указывавшего ему его призвание, как православного Царя, – быть в своей деятельности выразителем религиозно-национальных интересов своего народа и во внутренней и во внешней политике.

Невознаградимость для царя потери Никона, как советника и поддержки против бояр.

Никон помогал Царю и идейно и непосредственно в жизни. Когда Никон был регентом, царь мог сам быть на войне, и его приказы должны были исполняться без ссылок на местничество, и такое послушание не могло и в будущем повредить слушающемуся. «Сам Соловьев, – пишет Пальмер (V, 909), замечает, при всем его порицании Никона, что ничто не было более невыгодно для Царя чем то, что разрыв

его с Никоном разбил его внимание как раз в то время, когда иностранные дела требовали всего его внимания и деятельности, и делал невозможным для него отъезд из Москвы. Нет сомнения, что неприятно правителю, лично не лишенному способностей, быть затемненным высшей способностью и силой характера одного из своих слуг; если бы был человек Никоновского характера и способностей среди бояр, было бы трудно для Царя делать его своим личным другом или пользоваться так свободно его способностями, как использовал царь Алексей способности Никона в течение 3 лет. Но то обстоятельство, что Никон был духовный и предстоятель Церкви, и делало всю разницу. Пока он не покушался на присваивание себе светской чести или власти или функций, чего Никон никогда и не делал, Царь мог пользоваться советом или службой того, кто по возрасту и положению был ему как отец, без всякого основания быть завистливым или ревнивым к его духовным превосходствам» (Пальм. V, 910). «И если Алексей в течение последних 18 лет своей жизни чувствовал часто, насколько он сам был себе враг, лишаясь службы Никона для дел своего семейства, своего Двора и своего управления, то это еще более чувствовалось им, когда он неожиданно, не дожив до 47 лет, оказался пораженным смертельной болезнью. Его сын должен был управлять под опекой бояр, а царь Алексей Михайлович не мог с сожалением не чувствовать, умирая, насколько положение его семьи было бы другое, если бы его духовный отец и друг был в том же ранге и власти, как в 1654 и 1655 г., когда он спас всю его семью от чумы.

Вероятно, он не стал бы тогда завидовать, если бы мог воскресить прошлое по желанию и дать снова Никону титул Великого Государя».

Стремление бояр устранить от Царя советника, сильного умом и энергией.

Бояре во время сумели устранить от Царя сильного умом и волей советника и уготовить путь к своему беспрепятственному своеволию, бывшему путеводной нитью

и стимулом всей их политики еще при Грозном. Никон отдавал свои силы и на служение государству, в качестве советника государева, но ни откуда не видно, чтобы Никон видел в этой службе Царю неразрывную принадлежность своего сана: ни разу ни в одном из разговоров, дошедших до нас, ни в одном письме или сочинении Никон об этом не упомянул, а, если бы это было, то многочисленные враги его непременно оставили бы об этом память, ибо они всегда изощрялись во всевозможных обвинениях на Никона, в которым он впоследствии оказывался совершенно непричастным.

Разногласия Царя с Никоном в 1656, 1657 г. по церковным вопросам.

Но до нас дошли факты его разногласия с царем, начавшегося с 1656 г., и все эти разногласия относились к чисто церковным вопросам, в которых Никон отстаивал свою компетенцию. До нас дошло столкновение Никона с Царем по вопросу о водоосвящении 5 января 1656 г., а также столкновение в 1657 г. по поводу назначения в Киев епископа на место умершего митрополита Сильвестра Коссова. Мы скажем о них после, а пока – о боярах.

Бояре одинаково преследуют гениальных людей не своего круга, попавших к власти: Патриарха Никона, А. Л. Ордын-Нащокина.

Они считали себя прирожденными советниками Царя. Для них Никон был человек из народа, сын крестьянина, выскочка, и потому неприемлем так же, как неприемлемы были у власти люди не их круга. Известно, сколько пришлось потерпеть талантливейшему деятелю этого царствования, боярину Афанасию Лаврентьевичу Ордын-Нащокину, не отличавшемуся породой. На него роптали бояре за то, что Алексей Михайлович стал с ним часто совещаться. Князь Хованский, бывший после него в Пскове воеводой, разрушил введенное им самоуправление, которое было неприятно боярам, «Воеводам де нечего делать, все в Пскове мужики

делают», т. е. просто воеводам нельзя было брать взяток. Эти воеводы были обычно из бояр или под покровительством бояр. «Если бы я от мира был, мир свое любил бы», писал Ордын-Нащокин царю, жалуясь на общее к себе недоброжелательство. «Думным людям противно слушать его донесения и советы, потому что они не видят стези правды, и сердце их одебелело завистью». Злая ирония звучит в его словах, когда он пишет Царю о нравственном превосходстве знати сравнительно с своей худородной особой. «Думным людям никому не надобен я, надобны такие великие государственные дела... У таких дел пристойно быть из ближних бояр: и род великий, и друзей много во всем пространный смысл имеют и жить умеют; отдаю тебе, великому Государю, мое кратное целование, за собой держать не смею по недостатку умишки моего» (Ключевский, Курс III, 438). Судьба Нащокина напоминает несколько судьбу Никона. Поэтому приведем о нем несколько слов из Ключевского (Ключевский, Курс III 435). Он был воеводой в родном Пскове в 1655 г. В 1658 г. стал думным дворянином, и в 1667 г. начальником Посольского Приказа. Он заключал с Швецией Велиасарское перемирие 1658 г., условия которого превзошли ожидания самого Царя Алексея. Он заключал также Андруссовское перемирие 1667 г, положившее конец 13-летней войне. Он вытягал у Польши не только Смоленскую и Северскую землю и Восточную Малороссию, но и из западной Киев с округом. Он знал языки немецкий, латинский, польский. Он был поклонником Западной Европы. Он отрешился от национальной замкнутости и первый провозгласил правило: «Доброму не стыдно навыкать и со стороны у чужих, даже у своих врагов». Приверженность его к западно-европейским порядкам и порицание своих нравилось иноземцам и создавало врагов между своими. Московское боярство его ненавидело, его единственной опорой был Царь. «Перед всеми людьми, пишет он Царю, за твое государево дело никто так не возненавиден как я». В его бумагах (Ibid., 339) найден значительный запас идей и проектов, которые могли

стать и стали надолго руководящими началами внутренней и внешней политики. Исходной точкой его планов было брать образец с запада, но брать не все без разбора. Он хотел согласовать общеевропейскую культуру с национальной самобытностью. Он ненавидел порядки Московской администрации, в которой любят дело смотреть по человеку, а не по делу. Дело в деле, а не в лицах, был напротив лозунг Нащокина. Нащокин почитался великим в деле, ему врученном, – дипломатом – не только дома, но и у иноземцев. При нем поставлены были вопросы, питавшие вражду с Польшей и Швецией, – о Малороссии и Балтийском море. Вопрос о воссоединении юго-западной Руси с Великороссией он считал неразрешимым для своего времени и потому был сторонником мира и союза с Польшей для прекращения шведских козней. Он хотел, чтобы все православные от Дуная до России были под покровительством Московского Царя. В 1667 г. он развивал в речи польским послам идею о славе славянских народов, если бы все говорящие по-славянски от Адриатического до Немецкого моря и Северного океана соединились под главенством Польши и России в одну державу. Он мечтал о династическом воссоединении с Польшей под властью Московского царя или его сына, и в этом он совершал крутой поворот в Московской внешней политике. Нащокин готов был ради союза с Польшей отступиться не только от западной Малороссии, но и восточной. Хотя он устраивал торговые отношения с Персией и Средней Азией, с Хивой, Бухарой, смотрел на Дальний Восток и на Китай, думал о колонизации Приамурья, но прежде всего он думал о выходе к Балтийскому морю ради народно хозяйственных соображений, а Ливонию приобрести он хотел во что бы то ни стало. Под его влиянием царь Алексей Михайлович хлопотал о возвращении бывших русских владений от Швеции, о приобретении морских пристаней Нарвы, Ивангорода, Орешка и всего течения Невы со шведской крепостью на месте позднейшего Петербурга. Он хотел приобретения Риги ради прямого ближайшего пути в

Европу. Он и шел на союз с Польшей, жертвуя чуть ли не всей Малороссией ради отнятия Ливонии, но осуществить его мысль удалось унаследовавшему его идеи Петру. Он вообще во многом предупредил Петра и раньше его высказал идеи, которые тот осуществил и во внутреннем управлении. Он из наблюдений над западной Европой пришел к сознанию главного недостатка Московского государственного управления – недостатка внимания к развитию производительных сил страны при эксплуатации народного труда. Поэтому он думал о развитии промышленности и торговли и ради этого стремился к освобождению промышленного класса от гнета приказной администрации и в Пскове по примеру Западной Европы ввел городское самоуправление. Его преемник князь Хованский, будучи воеводой в Пскове, отменил его самоуправление ради боярских интересов; впоследствии в 1667 г. он провел Новоторговый устав. Нащокин провел мысль об особом приказе для купцов и создал его, как предшественника учреждений Петра. Он же предложил проект военного преобразования и хотел заменить конную милицию городовых дворян, обученных иноземному строю сплочением пеших и конных даточных людей. Это – идеи регулярной армии, комплектуемой из всех сословий. Он думал и о флоте на Каспийском или Балтийском море, о переустройстве государственного управления в духе децентрализации. Но ему не удалось, как и Никону, сделать все, что он мог бы, ибо неустойчивый характер положил преждевременный конец его деятельности. В 1671 г. он должен был по поручению царя вести переговоры с Польшей, в которых призван был оттягать у Польши Киев, вопреки соглашению, скрепленному год назад его присягой: он не пошел на это и постригся в монахи, в феврале 1672 г. В качестве инока Антония он занимался богадельней, устроенной им в Пскове до своей смерти в 1680 г.

Не любили бояре и боярина Зюзина, преданного Никону, который исходатайствовал для него боярство и милость Царя, которой тот чуть было не лишился на воеводстве в

Путивле. «Местничество, говорит Павлов Сильванский (Государевы служилые люди, стр. 79), объединяло все аристократические фамилии в одно целое, в класс лиц, разместившихся между собою по отечеству и не оставлявших места в своей среде неродословным людям... Устанавливая иерархию родов, местничество вместе с тем закрывало доступ новым родам в среду известных фамилий. Оно имело главным образом значение сословно-оборонительной системы. Родословная знать не раздвигалась, когда к ней приходили новые люди. Эта система с одной стороны наносила чрезвычайный вред правительству, парализуя все его распоряжения и в мирное и в военное время, ибо связывало правительство в порядке назначения на должности счетами боярских родов о том, кому под кем быть невместно. Эта система настолько связывала даже Царя, что спасителя России в эпоху смуты князя Пожарского – члена захудалого рода Царь мог повысить против его отечества лишь искусным обходом местнических счетов, но и личность царская должна была уступить перед Салтыковым, одним из высших членов местнической лестницы» (Павлов Сильван. Ib. 157).

Никон в качестве Государственного советника сдерживал боярство, как раньше сдерживал его Грозный и Патриарх Филарет советник Царя.

Разинский бунт 1671 года – результат хищничества воеводских дьяков, но и он не вразумил боярства. Через 10 лет бояре составили проект, когда возбужден был вопрос об отмене местничества, по которому в Великом Новгороде, Казани и других областях должны были быть царские наместники «великородные бояре» вечно и носили бы титла тех царств, где кто будет; это было бы возрождением уделов под новым названием, и самая наличность такого проекта есть оправдание мудрой, обдуманной правительственной политики Грозного, направленной к объединению Государства и к обузданию боярства, политики, которую по отношению к боярству в качестве Государевых советников в

известной степени продолжали и Патриарх Филарет и Патриарх Никон. Что Никон сдерживал боярство, видно из того, что стали делать бояре, когда Никон лишился влияния в государственных делах: примеры местничества мы привели, последовало непомерное увеличение членов в Боярской Думе при Феодоре и, наконец, проэкт раздробления России. Всякие стремления к улучшению в государственной жизни всегда натыкались на косную неподвижную омертвелую группу боярства, и Аф. Лавр. Ордын-Нащокин, человек живых стремлений и улучшений и новых путей во внешней политике, задыхался от интриг, ковавшихся против него, многократно писал об этом Царю и горькими жалобами просил Царя освободить его от службы и кончил жизнь свою добровольным уходом в монастырь.

Боярские фамилии, давшие главных врагов против Никона. Двор Царя. Нравственные качества врагов Никона.

Против Никона из среды старого родовитого боярства, считавшего только себя прирожденными советниками царя, особенно выступали кн. Никита Иванович Одоевский, стоявший одно время во главе Монастырского Приказа и проводник цезарепапистской системы Уложения в жизнь, и кн. Алексей Никитич Трубецкой, стоявший с 1647-1663 г. председателем Сибирского Приказа. Боярство, ослабленное смутой и убылью родов, с XVII века было пополнено новыми родами, которые уже не могли говорить: «Царь жалует нас поместьем а не отчеством», ибо были возвышены царской властью и всем обязаны ей; получая службу и награды от милости Царя, они уже не могли считаться наследственными советниками Царя по праву рождения и имели влияние в силу родства или свойства с Царем через царским жен: это – Стрешневы, Милославские, позже Хитрово, Нарышкины, Матвеевы, Апраксины. Никону пришлось встретиться с первыми тремя фамилиями, особенно с дядей царя Алексея Михайловича Семеном Лукьяновичем Стрешневым, а из Милославских к нему враждебна была сама царица Мария

Ильинишна и ее отец Илья Данилович, и ее двоюродный брат Иван Михайлович. Все это – советники Царя уже по праву родства с Царем. Из Стрешневых Иван Феодорович был председателем Монастырского Приказа и Челобитного с 1657-1661 и с 1660-1667 гг., а Семен Лукьянович Стрешнев председателем Литовского приказа. Милославский был временщиком и не малую роль сыграл в народном озлоблении, приведшем к бунту 1648 г. Милославские историками характеризуются, как люди злые, своекорыстные, хитрые и мелкие, эгоистичные, властолюбивые; все это были люди, стоявшие так или иначе у кормила правления. Вся сила зла была в Илье Даниловиче Милославском, поддержанном у власти влиянием царицы Марии Ильинишны (Пальм. V, 923) Об Илье Даниловиче Милославском англичанин Коллинс, который был придворным доктором царя Алексея Михайловича после 1660 г. в течение семи лет, пишет, что он очень способный, деятельный, с мускулами как у Геркулеса, но жадный, несправедливый, безнравственный, больше боялся, чем любил Царя, который однако после бунта в июле 1662 г., причиненного своеволием и засилием семьи Милославского и других, показал к нему неблаговоление. Похожи были на Илью Даниловича и его племянники Иван Михайлович и Иван Богданович. Ничего хорошего о них не говорит и Соловьев. После смерти Ильи в 1668 г. представителем связи фамилии со двором оказался Иван Михайлович, на время второго брака Царя удаленный в Астрахань воеводой. Царь Алексей, умирая, боялся за судьбу второй семьи, чувствуя опасность от коварной и злобной природы Ивана Михайловича Милославского. Богдан Матвеич Хитрово был, по рассказам Коллинса, человек совершенно безнравственный. «Однажды утром, рассказывает он, (V, 205), его жена была найдена мертвой в своей постели. Так как его измены были общеизвестны, и ревность его жены стала для него обременением, то эта неожиданная смерть причинила много слухов и подозрений среди народа. «Коллинс говорит, «что Царь понудил его жениться и оставить порочную жизнь,

которую он вел с польскими непотребными девками, под угрозой лишения его места при дворе».

Михайловский, описавший жизнь Патриарха Никона, говорит, что двор и правительство при Алексее Михайловиче были многочисленны: было 11 бояр ближних, других бояр 69, окольничих 90, думных дворян 37, дьяков 11, но в деле Никона мы встречаем постоянно одни и те же фамилии: Стрешневых, Милославских, Одоевского, Долгоруких, Трубецких, Салтыковых, Ромодановского и дьяка Алмаза Иванова, т. е. как будто заговор против Никона из родственников царя (Стрешневы и Милославские), бояр Монастырского приказа (Долгорукий и Одоевский) и тех из бояр, которые были оставлены Царем на время Польского похода, или же имели в семействе духовных детей протопопа Авакума. К ним надо присоединить еще Хитрово и Морозовых, как тесно связанных с Милославскими. Морозов был воспитатель Царя в юности и его главный министр и советник по восшествии Алексея Михайловича на престол; он женил Царя на Марие Ильинишне Милославской и сам женился на ее сестре Анне Ильинишне; Милославские были обязаны ему своим возвышением, также и Хитрово, мать которого была у Морозова в семье кормилицей. «Так как Морозов, пишет Пальмер (IV, 316), не был безукоризнен и в общественном отношении, то такие испорченные и дурные люди, как Милославский и Хитрово, которых он возвел к власти, и другие, которые стояли наравне с ним по рождению, как Трубецкие, Долгорукие и Хованские, или по родству с царем, как Стрешневы, не боялись ни немилости, ни наказания за свои злоупотребления и тиранство благодаря ему». Морозов не мешал врагам Никона, и они считали его на своей стороне. Перед смертью он, видимо, чувствуя, что Никон может быть им обижен, просил через Царя у него прощения, хотя открыто он никогда не выступал против Никона. Никон его охотно простил (1661) и даже предлагал его похоронит в Воскресенском монастыре (IV, 319). Также охотно простил Никон и Стрешнева (весной 1665) за 1½ года до смерти последнего, за кощунство с

благословением, как вообще он охотно прощал (IV, 660), когда прошение испрашивалось (также и Иваном Нероновым). Вся эта компания людей непрерывно интриговала против Никона, заслонившего от них возможность безраздельного влияния на Царя. Царь, пишет Пальмер (V, 924), поддержал нечестие и несправедливость в лице Ильи Даниловича Милославского и других связанных с ним против Никона, но зато это нечестие в лице Ивана Михайловича впоследствии повернулось против его второй семьи или, вернее, против него самого в лице Нарышкиных».

Всякое предпочтение Царем Никона существенно их стесняло. Исключая царицы Марии Ильинишны, симпатизировавшей расколу, в частности заступавшейся за протопопа Аввакума перед Царем и устраивавшей ему за него сцены, как об этом пишет сам Аввакум, все это, мы видим, были люди не идейные, а отстаивавшие просто свое положение, удовлетворявшее их или корыстолюбию, или честолюбию, или властолюбию, искавшие себе союзников даже в рядах старообрядцев, которым не сочувствовали в их деле, не погнушавшиеся водительством запрещенного митрополита Паисия Лигарида, все это для того, чтобы свалить Никона.

Причины боярской нелюбви к Никону, заключавшиеся в характере Никона, а также из-за войн.

Конечно, в свойствах характера Никона были некоторые черты, которые ущемляли их болезненное самолюбие при полной их недуховности и еще более одиозным для них делали временное возглавление государства им, на время отсутствия Царя. Мы не говорим уже об упоминавшихся у Павла Алеппского ожиданиях бояр на приеме Никона. Но трудно представить, как бы могло быть иначе, как мог бы Никон удовлетворить их немедленно при приемах, когда вообще трудно представить, откуда он доставал время для всех своих дел. Мы видели, что он почти ежедневно принимал участие в церковных службах. У него в палатах было 7 церковных приказов, которые и управляли, и судили,

и ничего не могли сделать без его утверждения. Одновременно Никон, в годы пребывания Царя на войне, проводил церковные реформы на соборах 1654-1656 г., переписывался с Константинопольским Патриархом, исправлял книги и обряды, работал в патриаршем архиве, фактически руководил набором и отправкой войск, снабжением его оружием и припасами, посылкой подкреплений, отдавал сам распоряжения по борьбе с чумой, дважды посетившей Россию, и в 1654 и 1655 г., спасал от чумы царскую семью; одновременно со всем этим нес борьбу со старообрядчеством, уже после собора 1654 г. обнаружившего сопротивление. Понятно поэтому, что Никон имел время только на то, чтобы отдавать распоряжения боярам по текущему управлению без особой учтивости; к тому же он заменял Царя.

Конечно, это оскорбляло самолюбивых прирожденных и родственных советников Царя. Мало того, есть данные , что боярам не совсем нравилась и политика Никона относительно присоединения Малороссии, влекшая за собой войну с Польшей. Так у Гюббенета приводится случай, когда один архимандрит Константинопольского Патриарха писал в Москву из Ясс в 1663 г., называя Никона вторым Златоустом, что «Царь его любит и жалует и приходит к нему по ночам для беседы; бояре же отстраняют Никона за то, что он настаивает, чтобы Царь шел на войну против татар, которые полонили множество москвичей и казаков, но это боярам не нравится, ибо они привыкли проводить более спокойную жизнь в Москве.» Это одно письмо не было бы доказательным, но мы знаем, что сначала вплоть до 1653 г. бояре противились присоединению Малороссии, не желая войны с Польшей.

Но мы хотим сказать еще о других свойствах Никона: он был необыкновенно прямолинеен и суров в обличениях Боярам приходилось выслушивать от него публичные упреки. Иногда они подвергались им от него в Думе, как от архипастыря, то за то, что у такого-то боярина Никон увидел икону латинского письма, то за невыполнение церковных

обрядов, то за то, что в таком то боярском доме появился орган, то за несоблюдение постов. Будучи неумолимо строг к себе, Никон боролся с последствиями знакомства боярства с чужеземными порядками во время польской войны, которое разрушало цельность московского быта и создавало легкомысленное отношение к уставам Православной Церкви. Никон требовал соблюдения правил об исповеди и святом причащении, и вообще боролся за соблюдение в жизни всех правил христианского благочиния и поведения, как в общественном, так и в домашнем быту. Но он никогда не щадил в своих обличениях ни сана, ни звания, открыто возглашая имена провинившихся и в Церкви, и в Боярской Думе. Преследуя высокую цель воспитания людей в духе церковных требований и не ища своего, Никон однако натыкался на озлобление, возраставшее с одной стороны от непремиримости Никона, а с другой от возрастания духа распущенности и ослабления сознания христианских требований в жизни; смутное время оставило большие следы в этом отношении и создало тип князя Хворостинина, который отрицал воскресение мертвых, необходимость поста и молитвы, людей своих не пускал в церкви, сам на страстной неделе 1622 года «пил без просыпу», ел мясо, не был в церкви на Пасхе. С этим типом встретился и Никон еще тогда, когда он в сане Новгородского митрополита ездил за мощами Св. Филиппа. Мы цитировали его инциденты с Отяевым и князем Лобановым Ростовским в виду отказа их поститься и говеть: для Руси XVII века вольномыслие при поездке с митрополитом за Св. Мощами должно было казаться едва ли не отпадением от православия и не такому ревнителю строгой жизни, как Никону.

И сам Царь писал об этом Никону: «Ведомо нам учинилось, что многие дворяне и всякие служилые люди, которые посланы с вами, в великий пост не постились и не с благочестием едут. И тебе бы, богомольцу нашему, заставить их в Петров пост и в Господень пост говеть, а которые начнут ослушаться, тех по правилам св. отец запрещать и разрешать, зане от Бога на тебя та власть положена, и на всякое

благочиние приводить». Надо думать, что настроение, проявленное Лобановым Ростовским и Одоевым было не единично. «Царь выдал нас своему митрополиту», шептались бояре.

Как в государственной жизни Никон стремился к оцерковлению закона, так и в жизни общественной он проводил те же требования: надо быть христианами не на словах, а на деле, и послушание церковным законам и уставам он ставил на первом месте. Он сам подавал пример проведения в жизнь церковного устава и в храме и в домашнем быту, дисциплинировал духовенство, и, встречая здесь противоречия духа века, всю надежду возлагал на помощь свыше.

Перенесение в Москву мощей Св. Филиппа, как средство борьбы с духом века, и средство искупить вину царской власти перед митрополитом Филиппом.

Ввиду того значения, которое играет всегда пример свыше Никон хотел всенародно, пользуясь своим влиянием на Царя, показать, какое почитание оказывает сама царская власть высшим принципам жизни в лице тех, кто показывал пример служения им. Св. Филипп, митрополит московский, погибший от Грозного Царя, был особенно почитаем Никоном, как жертва насилия за стойкое отстаивание христианской правды, и Никон задумал совершить перенесение его мощей из Соловецкого монастыря в Москву. Его любимый святитель, которому он потом строил церкви (и в Иверском монастыре, и в патриарших палатах), являлся для него путеводной звездой и духовным укреплением в борьбе с духом века, в борьбе, которую надо было начинать в верхних слоях при дворе и притом покаянием. Этим публичным почитанием памяти Святого одновременно воскрешалось и уважение первосвятительскому сану, который носил Св. Филипп, и который он воплощал, как назидательный пример правды и святости. И вот, при стечении народа в церкви Соловецкого монастыря Никон от лица Царя читал перед гробом святителя покаянную речь,

чтобы смыть с царской власти тяготевшее на ней преступление, подобно тому, как перед перенесением мощей Св. Златоуста говорил речь император Феодосий. Проф. Николаевский полагает, что Царь этим перенесением мощей хотел ослабить тяжелое впечатление от государственных мер в отношении к Церкви, введенных Уложением. В феврале 1652 г. состоялись соборные совещания о перенесении мощей, а 17 февраля 1652 г. Царь слушал панихиду по Иоанне Грозном, от имени которого он молился к мощам митрополита Филиппа. Эта царская грамота вручена была Патриарху Никону при его отъезде. Но можно усмотреть и другую идею в перенесении мощей, если вспомнить, какое значение придавал Никон греху и в частной, и в общественной деятельности. А потому в искуплении греха, совершенного по отношению к митрополиту Филиппу, он мог видеть главное средство для достижения благополучного царствования своего друга и Царя. Вот, эта речь (взята из статьи Проф. Николаевского «О перенесении мощей святителя Филиппа из Соловецкого монастыря в Москву»): «Ничто так не печалит моей души, пресвятый владыка, как то, что Ты не находишься в царствующем нашем граде Москве и в соборной Церкви Успения Богородицы вместе с бывшими до Тебя и по Тебе святителями, чтобы совокупными вашими молитвами Святая Соборная Апостольская Церковь и вера Христова пребывали неподвижной, и стадо вашей паствы оставалось ненаветным от гибельных волков; и мы крепки не своей силой и многооружным воинством, но вашими святыми молитвами. Второе молю Тебя и желаю пришествия твоего сюда, чтобы разрешить согрешение прадеда нашего Царя и великого князя Иоанна, совершенное против Тебя нерассудно завистью и несдержанной яростью. Хотя я и неповинен в досаждении Тебе, но грех прадеда постоянно убеждает меня, приводит в жалость и мучит мою совесть, что от изгнания Тебя до настоящего времени ты вдали от твоей святительской паствы. Потому преклоняю сан свой царский за согрешившего против тебя, да отпустишь ему согрешение

своим к нам пришествием, да уничтожится поношение, которое лежит на нем за твое изгнание; пусть все уверятся, что Ты примирился с ним. Умоляю Тебя и честь моего царства преклоняю перед честными твоими мощами и повергаю к молению всю мою власть, приди и прости оскорбившего Тебя напрасно; он раскаялся тогда в содеянном грехе, и за его покаяние и за наше прошение приди к нам. Оправдалось на Тебе Евангельское слово, за которое Ты пострадал, что «всякое царство, разделившееся на ся, не станет;» теперь и у нас нет прекословящих Тебе, нет ныне в твоей пастве никакого разделения, но все единомысленно просим и молим Тебя: приди с миром восвояси, и свои Тебя примут с любовию».

Напрасно Никону ставили на суде упрек в унижении царской власти, будто бы заключающемся в этой речи; эта речь стремится поднять царскую власть на ту высоту, которая не боится самообличения и в раскаянии видит средство очищения духовного. Она вытекала из Никоновского миросозерцания, в котором центральное значение в причине всех несчастий и личных и государственных отводится греху и личному, и общественному. Это несчастие может поражать, как видно из постоянных Никоновских грозных предостережений, не только виновного, но и его потомство и целое государство, если виновником греха – правящая власть. На этом пути нельзя обойтись без самообличения и покаяния всенародного, иначе не будет и искупления греха, и вот Никон предпринимает от лица Царя это покаяние, выступая по отношению к Царю, как отец, его молитвенник, покровом своим ограждающий его и его царство от бед. Однако, такие призывы к самообличению и обличению понимались нередко, как обида самолюбию, и Никону пришлось в заключение своего «Раззорения» выяснить различие между дерзостью и дерзновением. Так как во всяком обличении, хотя бы оно обращалось на архипастырское рвение к уничтожению греха, при том непомерном самолюбии и самопочитании, которое было среди боярства, можно

усмотреть обиду, то Никон так и протестовал против статьи Уложения, которая грозила наказанием за бесчестие словом, ибо при растяжимости понятия «бесчестия» эта статья препятствовала обличительной деятельности Церкви. Когда Царь был в духовном единении с Никоном, то он поощрял его в его архипастырских заботах, и потому, когда поступила к нему жалоба от Отяева и Лобанова Ростовского на строгость Никона в требовании постов и исповеди, он писал Никону свой совет, вышеприведенный нами. А князю Хованскому, возглавлявшему боярскую свиту, Царь писал «а тебе боярину нашему от великого дурна их унимать и велеть ехать в благочинии, а не со смехом; зане же и к нам, земному Царю, едут со страхом и трепетом, а то кольми паче подобает ехать к такому великому светильнику со страхом и трепетом». Когда Царь проникся больше мирскими интересами и настроениями, то и он стал склонять ухо к Никоновским врагам, усматривавшим в обличениях Никона превозношение.

Трудность Никоновского пути к Святой Руси для бояр, недуховно настроенных.

Людям, мирски настроенным, Никон был тяжел: его идеал Руси кающейся, Руси, себя бичующей за свои грехи, Руси настолько проникающейся интересами духовными, что в ней самые административно политические подразделения государства мыслятся более под религиозной формой, чем под юридической. «Киев блажит Св. Антония и Феодосия Печерского, Москва Святителей Петра, Алексея и Иону; и Великий Новгород блажит Варлаама и Михаила, юродивого Христа ради, Смоленск князя Феодора, Ростов – Леонтия, Игнатия, Исаию, Вассиана и Ефрема, Вологда преподобного Дмитрия, а мы Устюжане блажим Прокопия Устюжского, имеем его стражем и хранителем отчизны нашей Устюга», так писали Устюжане (Пр. Соб. 1863, 1) – Этот идеал, взятый не в его отвлеченном изображении, а в самой действительности, требует непрерывного героического подвига над самим собой, непрерывного самораспинания,

отсечения своих собственных страстей, и для принятия требует такого непрерывного духовного подъема, что не боярской среде XVII века, приразившейся в эпоху смуты и войн нравственной распущенности, с ее единственным культом родовой чести, можно было подняться в жизни своей до такого трудного идеала. А Никон требовал его проведения и в государственной жизни, и исполнение правил церковных и в частной жизни, и в государственном законодательстве ставил условием своего патриаршества, ибо без этого «мы только на словах христиане». «Не слушатели, а исполнители законов спасутся». «Церковь не стены и храм, а правило Церкви», вот, основа Никоновского миропонимания.

Никоновские требования церковной самостоятельности задевают бояр. Главной причиной вражды на Никона – боярству нужен Царь слабый, послушный, а не дополняющий себя в сильной личности.

Естественно, эта среда стала враждебной Никону, ибо всей своей личностью он представлялся ей живым укором. К тому присоединилось и то, что Никоновские требования церковной самостоятельности наносили ущерб боярскому властолюбию через изъятие подсудности духовенства Монастырскому Приказу, где сосредоточивалось боярское управление и суд над Церковью; боярские притязания облеклись в форму отстаивания прав самого Царя по цезарепапистской теории Паисия Лигарида, но в основе своей бояре мало думали о Царе, ибо во многих своих обвинениях Никона бояре, как мы увидим, задевали не меньше, чем Никона, самого Царя. Боярам нужен был слабый Царь, при котором они могли бы быть главной политической силой, но Царь, которому помогала такая сильная личность, как Никон, который к тому же проводил свои идеалы Святой Руси, не мог быть приемлем для боярских вожделений и их понятий о своем праве быть прирожденными советниками Царя. Чтобы иметь нужного им Царя в лице Алексея Михайловича, им надо было

устранить того, кто своими качествами дополнял то, в чем нуждалась царская власть, а не окружающее ее боярство. Никон сам не вел политической борьбы с боярством, которая бы подрывала права боярства, но своей необыкновенно одаренной личностью он сводил ничтожное перед ним боярство ко второстепенному значению при Царе. Могло ли гордое боярство ему это простить? Нет. А Никон был прямолинеен, он совершенно не знал того, чтобы на интригу отвечать контр-интригой; и в своих идеалах он был непоколебим, положил всю надежду на клятву Царя и бояр, перед тем как согласиться на патриаршество; но клятва не могла сдержать начинавшегося в обществе отчуждения от Церкви в жизни; почитание Церкви оставалось, но больше внешнее, а не в стремлении пронизать все отправления жизни церковным принципом. Никон начал с Царя, но это не удалось, и Никон в сокрушении писал в «Раззорении», что Царь его не понял.

Стремление Никона ввести церковность во все жизненные отношения. Он начинает с Царя.

Никон хотел, чтобы тот, кто стоит во главе народа и являет живой пример, был образец смирения, а не гордости, чтобы не навлечь на царство тяжелых посещений Божиих; а самый цезарепапизм разссматривался Никоном как грех, за который неминуемо должна быть расплата, как за забвение заповедей Божиих. Сама царская власть имеет ценность для государства, пока ее представитель угоден Богу и не попускает отступления. «Многие Царю говорят: «Ты Бог земной. И Царь не запрещает им так говорить и ему самому и другим. И Патриарх Никон говорил Царю, когда был на кафедре в Москве, и писал после, когда оставил Москву, чтобы он запретил на будущее безумцам величать себя Богом. Но Царь молчал... а что такое Царь? Прем. Сына Сирах. 10, 12—17 говорит: и вот, ныне Царь, а завтра умирает. Когда же человек умирает, то наследием его становятся пресмыкающиеся, звери и черви. Начало гордости – удаление от Господа и отступления сердца его от

Творца его, ибо начало греха – гордость, и обладаемый ею изрыгает мерзость; и за это Господь посылает на него страшные наказания и в конец низлагает его. Господь низвергает престол властителей и посаждает кротких на место их». Гордость в Царе, как грех, есть катастрофа для Царя и его царства. Он цитирует из пророка Исаии (14, 13-14) о Навуходоносоре, Царе Вавилонском, который возомнил себя, подобно Всевышнему, цитирует из пророка Иезекииля слова, обращенные к начальствующему в тюрьме (Иезек. 28, 1-9). Так говорит Господь Бог; «за то, что вознеслось сердце твое и ты говоришь: я Бог, и будучи человеком, а не Богом ставишь ум твой наравне с умом Божиим... Я наведу на тебя иноземцев, лютейших из народов, и они обнаружат мечи свои против красы твоей мудрости и помрачат блеск твой. Скажешь ли тогда перед твоим убийцей: «Я Богъ,» тогда как в руке поражающего тебя ты будешь человек, а не Бог». Напомнив из Деяний апостольских 12, 21—23 о смерти Ирода, Никон указывает, что в проявлении гордости Царя, захватывающего Церковь, (т. е. ее законодательство, управление) есть признаки отступления последних дней мира и цитирует апостола Павла 2 Фес. 2, 4 о человеке греха, который превозносится выше всего, называемого Богом или святыней, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога». «Цезарепапизм есть высшее проявление превознесения человеческого «я», и психологически вполне было приемлемо для бояр, как орудие против православного понимания царской власти Никоном. В другом месте Никон с горечью сетует, что духовное понимание назначения царской власти и тяжелые последствия от превознесения и гордости Царь не усвоил. Он пишет: «и те гордые люди, которые теперь нарушили границу, присвоив себе честь и славу Бога, попрали своими ногами и под ногами своей лошади и своего орла (Намек на рисунок на Острожской Библии напечатанной в мае 1663 г.) пророческие тайны и град Великого Царя (Церковь).» «Бог познается в Своих тяжелых посещениях. Бог познается в исполнении суда. Делами рук Своих Он схватывает грешников. Но Царь не хотел этого понять. Нет, он не хотел этого понять».

Судьба Никона – судьба древних еврейских пророков.

Никон не искал для себя никакой власти, в чем обвиняли его бояре, но убежденный, что от вторжения в Церковь грозит гибель и царству, он, как древний пророк, обличал и Царя за этот захват, и окружавших его бояр за забвение церковных правил и в государственной и в частной жизни. Но когда же обличители были приятны обличаемым? И с Никоном совершилось то же, что сталось с древними пророками, из которых одних убивали, других побивали камнями и гнали. Вот, причины гонений на Никона: они – в психологии чванливого, ревнивого к власти боярства, гордого и неспособного в этой гордости подняться до тех идей Св. Руси, которым служил Никон и словом и делом. А народ любил Никона, как выразителя своих идей; позже мы приведем свидетельства этой любви. В Царе же перемена к Никону пришла постепенно.

Неправильное понимание Соловьевым Никона и его идей.

Историк С. М. Соловьев, совершенно неправильно, по нашему мнению, осветивший образ Никона, как самолюбивого, гордого, властолюбивого человека, под влиянием свидетельств его врагов: Лигарида, князя А. Н. Трубецкого, Неронова, которых он цитирует, нам кажется, правильно осветил перемену в самом Царе. На основании свидетельских показаний врагов Никона Соловьев не мог уяснить личности Никона; он пишет (в XIII т. 141): «Обилие материальных мирских средств и заключает в себе причину падения Никона, который, как человек плоти и крови, не выдержал искушения, прельстился предложением жертв и пал. Никон позволил себе принять роковой титул «великого государя» т. е. главного хозяина, правителя страны, титул, не могший иметь никакого отношения к значению патриарха, титул, указывавший прямо на двоевластие, на то, что два хозяина в доме, и влекший необходимо к столкновению между ними, тем более, что Никон по природе своей не мог быть только титулярным великим государем. Патриаршество, его

высокое назначение стало для Никона на втором плане, он бросился на мирскую власть, захотел быть настоящим великим государем, настоящим законным и проиграл дело». Вся эта характеристика есть повторение боярских взглядов на Никона, внушаемых боярами Царю, но от действительного Никона бесконечно далека. Никакого двоевластия в государстве не создавалось. За исключением того времени, когда Никон был регентом государства по поручению Царя, он был только влиятельным советником Царя; титул великого государя был титулом пожалованным патриарху в государственной сфере, как первому сановнику, оказавшему огромные услуги государству и Царю, и оставался только титулом. А близость Патриарха к Царю, установленная по чину, была не установлением другой власти в государстве рядом с царской, а символом тех идей, которые были положены в основу государственной власти в Московской Руси, стремящейся к правде и святости.

Петр I, как представитель идеи омирщения государства в противоположность идее оцерковления.

Когда Петр I указывал в Духовном Регламенте на то, что этот великий государь вносит двоевластие, то он был неискренен, ибо на опыте знал, что он мог третировать Патриарха Адриана, но ему противен был сам институт патриаршества, как символ других основ жизни, не тех, которые он проводил с Феофаном Прокоповичем. Ему нужно было не оцерковление государства, а полное его омирщение, ибо для него руководящим началом было уже не создание Святой Руси, а принцип государственной пользы, истолкованной самостоятельно самой светской властью в зависимости от господствующих философских учений.

Соловьев верно определил психологические причины разрыва в царе.

Но Соловьев, сказали мы, верно понял психику Царя, окруженного, добавим, врагами Никона и в походе (где с ним был даже Митрополит Питирим), и в Москве. Он пишет,

что «трудно указать, когда произошел этот перелом, даже и сам Царь едва ли сумел бы его указать. Он вкрадывался постепенно и возрастал вместе с Царем. 2½ года самостоятельной жизни на войне привели к возмужалости, самоуверенности, а, возвратясь в Москву, Царь застал другого, занимающегося его царскими делами: желание самостоятельности, наговоры врагов Никона, которые дразнили Царя, что его уже не слышно, боятся только Патриарха, возбудили в нем известную ревность и он стал отходить от Никона, чем и воспользовались враги Никона, чтобы их окончательно развести.»

О причинах, послуживших к спорам между Царем и Никоном; они в области не государственной, а церковной: поставление Киевского Митрополита в 1657 г.

Но напрасно мы стали бы искать каких-либо коренных разногласий у Царя с Никоном по государственным делам, которые бы привели между ними к вражде прочитав все известные сочинения о нем мы не нашли такого разногласия; совершенно очевидно, что, если бы оно было, то Никон о нем, упомянул бы, но свое государственное служение он нес только, как долг, возложенный Царем, и, когда оно прекратилось, он даже никогда об этом не вспоминал ни в письмах, ни в «Раззорении». Несомненно, что и враги Никона, обвинявшие его в властолюбии и сами из зависти не примирившиеся с его титулом великого Государя и непрерывно придумывавшие и создававшие клеветы на него или обвинения, не упустили бы об этом не только упомянуть, но и раздуть выше действительности. Однако, ничего этого не было. И сам Царь свидетельствовал еще в 1657 г., что Никон не вмешивается в государственные дела. В это время он уже не был регентом государства, а в лучшем случае советником, когда Царь к нему обращался. К Царю в Саввином монастыре во время его посещения обратился дьякон Мирского Митрополита, которого Никон запретил в священнослужении. Дьякон просил Царя позволить ему служить литургию в предстоящее воскресенье, но Царь

отказав, ответил: «Я боюсь Патриарха Никона, а ну как он отдаст мне свой посох и скажет: возьми его и сам паси монахов и священников. Я не вмешиваюсь и не противоречу тебе, когда ты повелеваешь своими генералами и воеводами, зачем же ты мешаешь мне управлять священниками и монахами?».

Были у Царя проявления некоторого нелюбия к Никону в разногласии по вопросам церковным. Так одно из них рассказано Павлом Алеппским и относится к весне 1656 года по поводу водоосвящения в день Крещения Господня. Об этом рассказывает Павел Алеппский (II, 315) в связи с обратным возвращением своим в Москву в апреле 1656 г. по требованию Царя, с дороги: ему передали о споре Царя с Патриархом в Церкви в Великую Пятницу. Спор шел о совершенном 5 января Никоном водоосвящении, совершенном только однажды накануне праздника. Это было сделано Никоном вопреки совету Антиохийского Патриарха Макария, несмотря на то, что, как показывает Павел Алеппский, Никон постоянно просил Патриарха Макария следить за его богослужением и говорить, что найдет неправильным, чтобы иметь возможность исправить свои обычаи, и обычно он слушал указания, но не на этот раз. Когда Царь узнал, что это было сделано не по совету Патриарха Макария, а Никоном самостоятельно, то он вступил с ним в спор и будто «ругал его», называя «блядин мужик». Патриарх Никон ему сказал: «я твой духовный Отец, зачем же ты поносишь меня.» Впрочем, история с ругательством внесена Павлом Алеппским в 1667 году, т. е. через 10 лет (П. II, 316, 488), равно и заметки о надменности и гордости и о суровом поведении Никона были им вписаны под влиянием боярских рассказов во время второго путешествия в Россию 1666 г., будучи вставлены в прежний рассказ. Сами ругательства надо отнести, говорит Пальмер, к другому поводу, именно – спору из-за назначения Епископа в Киев 1657 г. (Пальм. 11, 478 Прим.). А Царь сказал ему: «ты не духовный отец мой, но духовный отец мой Антиохийский Патриарх, и я верну его обратно». Действительно Царь

вернул Антиохийского Патриарха; но потом спустя некоторое время, в конце мая позволил ему уехать. Причины возвращения указаны Павлом Алеппским (II, 322) – обсудить вопрос о крещении поляков, дать свидетельство о Молдавском Митрополите, приехавшем по поручению Молдавского воеводы Стефана просить о принятии в подданство Молдавии, и присутствовать на осуждении новой ереси.

Этот конфликт был более серьезного свойства, именно по поводу назначения в Киев Митрополита; Киев в 1657 г. принадлежал в церковном отношении Константинопольскому Патриархату, еще не был присоединен по мирному договору (это случилось лишь в 1667 г.), а был только занят в порядке военной оккупации. Там умер Митрополит Сильвестр Коссов, и Царь хотел чтобы Никон туда поставил Митрополита, а Никон решительно отказывался, считая неканоническим ставить Митрополита в чужом патриархате, да еще без ведома Константинопольского Патриарха. Царь, однако вместе с политическим присоединением задумал совершить и церковное присоединение и, опираясь на свою фактическую власть, и совершить это присоединение, как если бы Никон действительно, и не только по титулу был Патриархом Малой России; но Никон отказывается, и вот в связи с этим его отказом, предполагает Пальмер, и начинает его Царь ругать неподобными словами и «мужиком блядиным» (II Прим. 4, 87). Царь много раз просил об этом Никона, но Никон ставит условием на это согласие Константинопольского Патриарха. Сам Никон об этом пишет (1, 158) «Митрополит Питирим захватил Константинопольскую Церковь и лицемерно поставил епископа в Киеве при жизни тамошнего Митрополита: дело, которое мы сами, из уважения к Божественным канонам, не решались делать, когда сам Царь многократно настаивал на этом перед нами и устно и письменно». Также об этом он упоминал и в грамоте Патриарху Дионисию Константинопольскому (III, 384, 399). Дело же о поставлении Никоном Митрополита в Киеве было

в значительной степени подготовлено. После смерти Сильвестра, Бутурлин послал к епископу Черниговскому Лазарю Барановичу и архимандриту Печерскому Иннокентию Гизелю в Чигирин, прося угодить Царю не выбирать Митрополита без царского указа и благословения Московского Патриарха. Лазарь решил советоваться с Архимандритами и игумнами, и 7 августа 1657 г. ответил, что Киевское духовенство готово быть под Патриархом Никоном: он пошлет кого-нибудь к Царю после похорон гетмана. Бутурлин думал, что все эти переговоры идут с благословения Никона, но в действительности Никон не соглашался, а Царь его ругал. На это разногласие есть намек и в письме Никона к Лигариду в июле 1662 г., когда еще Никон думал встретить в Лигариде беспристрастное суждение об его деле и когда он еще не знал его прошлого. Там сказано (III, 52): «И тако быхом на патриаршеском столе на Москве шесть лет в совете с благочестивейшим Царем аще и не всецело; яже суть по Божественным уставом прияла святая великая Церковь власть о суде церковном, по правилам святых апостол и святых седми Вселенских соборов святых отец и прочих, и благочестивых Царей, а еже царская власть восхити суд на нас самих и на сыны наша, преосвященные митрополиты, архиепископы и епископы и на монастыри, и на архимандриты, игумны, иеромонахи и монахи и на весь притч церковный, о нем же паче всякого свидетельства яже на Москве сам зришь каково мучительство, и бедность, и грабление настоит Церкви».

Стремление Царя посвятить Епископа на Киевскую митрополию было внушено дядей Царя, боярином Симеоном Лукьяновичем Стрешневым, который с дьяком Дементием Башмаковым заведовал Литовским Приказом, 1657—1662 г. Когда Никон, ссылаясь на каноны, отказывался, то это вызывало гнев и неподобные слова. Это было, пишет Пальмер, отдаленная прелюдия к тому конечному разрыву, который последовал в следующем году, и она связана с тем самым Симеоном Лукьяновичем Стрешневым, который явится лидером Никоновских врагов в боярском синклите,

начиная с весны 1662 г. когда он ввел к Царю Паисия Лигарида» (IV, 314).

Средства борьбы бояр против Никона.

У Никона была неприкосновенная святая святых: в церковных делах, по существу принадлежащих Церкви, он решающее слово отводил власти церковной, а не государственной, и в этом был неумолим. Совокупность указанных нами причин привела либеральствующее боярство к ненависти к Никону, преимущественно бояр, стоящих у кормила правления; это боярство и повело отчаянную неумолимую борьбу против Никона, продолжавшуюся вплоть до его кончины. Оно искало себе союзников. Этим союзником ему была партия старообрядческая, а потом, после ухода Никона в Воскресенский монастырь присоединилась высшая церковная иерархия и с 1662 г. Паисий Лигарид, взявший в свои руки все руководство борьбы против Никона.

Чтобы посеять в Царе недоверие к Никону, бояре оклеветали все его действия. Одни говорили, что Никон злоупотребляет дружбой Царя, советует ему войны, чтобы с удалением Царя из Москвы самому властвовать над всем (Вивл. IV № 11). Другие говорили, что Никон хочет сделаться равным государю, и даже, что он хочет сделаться Царем (Никон в 26 вопросе сам говорит об этой клевете). Благовидным основанием для таких обвинений послужил данный Царем Никону титул великого государя.

«Различие господина и государя, замечает Пальмер (IV, 151 пр.), дело обычая. Αυϑένεη или master, effendi не только титул известного ранга, но употребляется и в общем разговоре, подобно английскому слову Sir, Sire и французскому Monsieur, Monseigneur; δεσπόδιης, по-болгарски и по-русски господарь и государь, будучи титулом царствующих князей, дается также и греками даже в напечатанной литургии их епископам».

Они использовали одну неосторожность Никона, выразившуюся в отписке от имени Церкви одной казенной

вотчины Иверскому монастырю, и стали доносить Царю, что Никон похищает себе государственное имущество, самовольно приписывает своим монастырям вотчины государственных крестьян (27 воп.). Говорили, что Никон не хочет давать Царю помощи на войну от монастырских вотчин, значит де Никон не почитает Царя. Говорили, что он подкуплен иезуитом Аллегретти, чтобы отвлечь внимание Царя от Польши к Швеции (По Бергу). Царя раздражали такие наветы, постепенно отчуждали его от Никона, причем бояре всячески препятствовали им свидеться и уничтожить с самого начала недомоловки и недоверие. К этому времени относится и начало третирования Никона со стороны бояр: «Симеон Лукьянович Стрешнев, пишет Никон Константинопольскому Патриарху, научил некоего пса себе подобного сидети якоже при Вознесении Господь наш воздвиг руце и благословлял Свои ученики, так и того пса изучил обеими передними ногами ругатися благословение Божие и назвал того пса Никоном Патриархом. Монастырский Приказ забрал силу, пользуясь расхождением Никона с Царем. Никон жаловался на несправедливое вмешательство Царя в дела церковные, но Царь не внимал. Монастырский Приказ стал оспаривать распоряжения Патриарха, и даже отобрал у него некоторые вотчины (Церк. Ист. Митрополита Платона 2 ч. 237 стр.).

Со времени ухода Никона продолжается систематическая борьба против него, направленная к недопущению его сближения с Царем, а затем к его окончательному низвержению с престола, борьба, которая продолжалась и после ссылки Никона в декабре 1666 года в Ферапонтов монастырь в смысле недопущения возможности его восстановления и привела Никона, с восстановлением влияния Милославских после смерти Алексея Михайловича, в 1676 году к более тяжкому заключению в Кирилло-Белозерский монастырь. В Москве с самого начала не удовольствовались тем, что Никон ушел в Воскресенский монастырь, где он занялся постройкой храма и несением монашеского подвига, и сделали все, чтобы затруднить

Никону возвращение и отравить ему существование. Уже в 1658 г. духовным лицам было запрещено ездить к Никону, а по дороге к монастырю были поставлены заставы (Гюб. I, гл. 2), хотя сделано это негласно. За Никоном следили, выведывали через посланных к нему, с кем он общается из находящихся в Москве, и от кого узнает о происходящем там. Всякое сочувствие к Никону строго преследовалось, хотя Царь это и скрывал от Никона (выпытывая одновременно через думного дьяка Дементия Башмакова, посылавшегося к Никону в мае 1659 г., выведывать, кто общается с Никоном.) Соловьев об этом ничего не пишет, и это устанавливается Гюббенетом. После отъезда Никона из Москвы в его помещении, где он жил, был произведен обыск с целью изъять письма Царя и грамоты, где он титуловал Никона «Великим Государем». Однако, две сохранившиеся грамоты Царя с пожалованиями Крестному монастырю от 30 июля 1657 г. и 27 марта 1658 г. титулуют Патриарха Никона многократно «великим Государем». Они напечатаны в 94 томе Сборника Императорского Русского Исторического Общества. Посетившие Никона за июль 1659 года певчие дьяки сами повинились в нарушении запрета и были допрашиваемы. Летом же 1659 г., когда Никон приехал в Москву в виду выяснения ответов, куда уезжать, так как несчастия войны привели татар под Москву; ему в Москве было предложено ехать в Калязинский монастырь, но Никон увидел в этом замаскированное желание его сослать (пишет он в 17 вопросе,) и не поехал туда (об ссылке пишет сам Никон), а его выражение, что уж лучше ему в Москве поместиться в Зачатиевском, где была тюрьма, показывает, что он тут же дал понять, что ему смысл предложения ясен. Никон не мог свободно переписываться, ибо за этим также следили, и это обстоятельство подчеркивается Гюббенетом, как причина того, что многие сторонники Никона, наличность которых совершенно несомненна, скрыты от нас. Когда с разрешения Царя Никон отправился в свои монастыри Иверский и Крестный в сентябре 1659 года и пробыл там до декабря 1660 года, то в январе 1660 г. Царь

созвал собор, который и заседал в феврале, стремясь заочно расправиться с Никоном, в нарушение правил, не допускающих судить архиерея заочно, а также судить Патриарха без других Патриархов. Мы видели искусственную подтасовку свидетельских показаний, на основании которых, хотя и не решили считать Никона осужденным, однако лживо установили факт отречения его от патриаршества и ухода без благословной вины, что на суде 1666 г. считалось уже окончательно установленным и не требующим исследования. В это же время возникло темное дело об отравлении Никона через явившегося к нему дьякона Феодосия, служившего перед тем у заклятого врага Никона Митрополита Питирима. Сам Никон писал об этом 28. VI 1660 г. Зюзину: «А ныне мне о себе иного кроме болезней и скорбей писать нечего; едва жив в болезнях, Крутицкий Митрополит да Чудовский архимандрит прислали дьякона Феодосия, который жил у Крутицкого Митрополита, со многими чаровствовами, чтобы меня отравить, и он было отравил, да Господь помиловал, едва безуем каменем и индриговым песком отпился, лежал не мало без памяти, едва не умер и ныне весьма животом страдаю, и впредь не знаю, – что будет и долго ли проживу». Осталось неисследованным это дело, но впоследствии на суде Никон отводил, хотя и безрезультатно, участие Митрополита Питирима и Павла епископа Крутицкого, бывшего архимандрита Чудовского (в 1666) за попытку его отравить. Но когда Царь предложил Никону казнить дьякона Феодосия или сослать по выбору Никона, то Никон отказался его преследовать, сказав: «воля в том великого государя; я чист от этого дьякона и злого его коварства, которое он на меня умыслил, трутизною смертью предать научением злых человек, но как меня сохранила десница Всевышнего, то я дьякону не истец, ибо зло на меня умыслили Крутицкий Митрополит да Чудовский архимандрит, а с дьяконом, что великий Государь ни укажет – его государева воля». По возвращении из путешествия в Воскресенский монастырь на Никона

обрушиваются враги, в лице Ивана Сытина и стольника Романа Боборыкина, соседей Никона по земельным владениям Воскресенского монастыря. Поселив раздор между Никоном и Царем и покончив с титулом Великого Государя, затенившего боярство, бояре продолжали раздражаться особенно на две вещи: на оппозицию Никона Уложению и суду Монастырского приказа над духовенством и его имениями и крестьянами, и во вторых, на царское разрешение на основание Никоном трех монастырей и на снабжение их крупной земельной собственностью, частью через собственную покупку Никоном, вопреки духу Уложения. (В подражание расположению Иверского монастыря на Афоне Никон устроил на Валдайском озере Иверский монастырь в честь Пресвятой Богородицы в 1653—1657 г.; Крестный монастырь устроен в 1656—1661 г. в память спасения Никона от бури, когда он был еще простым монахом, и Воскресенский монастырь, воспроизводящий Иерусалим, начатый в 1657 г. с Церковью Воскресения Христова, точно воспроизводящей Иерусалимский храм, конченный уже при Царе Феодоре.)

Когда не удалась попытка сделать Никона пленником, а потом отравить его, и, когда Царь не согласился рассматривать Никона, как уголовного преступника, или низвергнуть его через утверждение Собора 1660 г., несмотря на признание этим собором кафедры вакантной, для Никона все же оставалась некоторая независимость во владении тремя монастырями с их духовенством, имениями и крестьянами, и здесь Никон продолжал отвергать Уложение и не признавать юрисдикцию монастырского и других царских приказов. Сами бояре считали недостаточным просто избрать Патриарха на место, признанное вакантным, считая, что, пока Никон способен действовать епископски, будет опасность от двупатриаршества, при котором оба Патриарха могут вступиться за права Церкви, да не исключалась возможность при характере Царя, что Никон восстановит свое влияние. В руках бояр были приказы, и они не оставили Никона в покое а повели нападение на

собственность и иммунитетные права монастырей, вынуждая, если не самого Никона, то его духовенство, монахов и крестьян признавать их юрисдикцию, установленную Уложением. Собственники земель, граничащих с Никоновскими монастырями, были удобным средством для производства вторжений в Никоновские владения через их приказчиков и крестьян, а при сопротивлении можно было создавать в приказах следствия, на которых их собственные крестьяне будут как бы в положении обиженных от властей и крестьян Никоновских, или даже от самого Патриарха. Бояре через это достигли запутывания Никона в дела с приказами, а через них и с самим Царем, а через это приводили и Царя и Патриарха к еще большему их отчуждению друг от друга. Ставя Никона под юрисдикцию приказа, они вызывали его на отмалчивание в виду признания им своей неподчиненности, а вследствие его молчания, могли приводить дело в исполнение сами и, когда бы Никон жаловался Царю, они могли бы объяснить, что он сам виноват, отклоняя юрисдикцию приказа, и указывать, что он восстает против общего государственного законоуложения и в сущности игнорирует не только приказы Царя, но и его самого. Дело запутывалось еще более от того, что Патриарх с своей собственностью, духовенством, монахами и крестьянами изъят из действий Уложения, и все эти лица должны были судиться в его приказах. Когда Никон на это сошлется, то они возразят, что Никон больше не Патриарх; кроме того, независимо от исключительных прав Патриарха, не было необычно, чтобы Царь из особой милости к жалующимся взял бы на свое рассмотрение какое-либо дело по своему усмотрению или сначала или уже в процессе его рассмотрения в приказах. При жалобах Никона Царь мог посылать своих комиссаров для урегулирования дела или для вынуждения компромиссного соглашения сторон, но в общем Царь, действующий через приказы, превалировал над царем, действующим лично (IV, 388). И даже, когда Никон в каком-либо частном пункте выигрывал, он терял лично для

себя перед Царем больше, чем выигрывал для своих монастырей, не только через свои возражения и порицания, которые раздражали Царя, но и через постоянную докуку, причиняемую этими постоянными апелляциями к его личному авторитету против его публичного авторитета, приводившие его так или иначе к столкновению с боярами и людьми его приказов, влиянию которых он отдавался. Стремление же приписать ему какое-либо уголовное преступление имело своим стимулом создать невозможность Никону вернуться к Царю, т. е. это был тот же стимул, который впоследствии на суде побуждал их добиваться низвержения из сана; потому и не были в 1665 г. приняты условия Никона об уходе с кафедры, ибо он уходил бы неопороченным и мог бы вернуться.

Конечно Никон восстанавливал против себя своей бескомпромисностью, прямолинейностью и суровостью. Он это сам понимал и 12 дек. 1666 г. после низложения говорил, по словам Шушерина (стр. 128), садясь в сани: «О, Никоне, все сие тебе бысть сего ради, не говори правды, не теряй дружбу, аще бы еси уготовал трапезы драгоценные, и с ними свечерял, не бы ти сключишася: и тако сяде и пойде паки во двор». Заглянем несколько в те сравнительно мелкие досаждения Никону от бояр, когда они еще не могли его погубить.

Докуки Никону 1660-1663 г. от соседей Сытина и Боборыкина.

Трудно себе представить, как изощренно непрерывно травили Никона в Воскресенском монастыре, начиная с 1660 г., отравляя его обыденное существование разными наветами, по которым производилось следствие. Сытин клеветал на Никона в декабре 1660 г. в увозе его скошенного сена, а когда клевета, несмотря на недоказанность ее в следствии, оказалась безнаказанной, то представил через два года обвинение в укрывательстве его беглых крестьян Никоном, в убийстве его крестьянина крестьянами Никона; в угрозе этим убийством чуть ли не от самого Никона; а потом

захватил рыбные ловли Воскресенского монастыря, и все безнаказанно. По этому делу было у Никона следствие 26 февраля 1663 г. окольничего Осипа Сукина и дьяка Брехова, которое сводилось к придиркам относительно показаний Никона и упрекам, причины которых Никон так объяснял лично Сукину: «неправды великие ко мне во всем: выискивают, научают и подкупают многих людей, чтобы на меня говорили и писали велия неправды; меня поносят и бесчестят всячески и ко псу применяют, а великий государь меня от тех людей оборонить не велит. А клеветники – те, которые приносят на меня великому государю ложные жалобы, это – Иван Сытин и Роман Боборыкин». Боборыкин доносил о том, что Никон подговаривает его убить, завладел землей монастыря, сенными покосами. Никон жаловался Царю. Царь велел по писцовым книгам отдать землю в Левкиин монастырь, но этого не исполнили, и Боборыкин продолжал владеть землей. Власти монастыря подали Царю челобитную о расследовании дела по писцовым книгам, но на это решения не последовало. Когда пришло время жатвы и покосов, то Никон велел своим монастырским крестьянам скосить сено и сжать рожь. На это жаловался Боборыкин, и когда к Никону явилось следствие в лице думного дворянина Баклановского и дьяка Брехова об этом по жалобе Боборыкина, то Никон, не желая вести спора, отдал всю наличность монастыря, бывшую в данный момент и составлявшую цену в 10 раз высшую против сжатых 67 четвертей ржи. Это было в марте 1663 г. Но еще ранее того, в 1661 г. Никон писал Царю о Боборыкине, которого называл «сосудом злоначального змия, который его преследует и не дает ему покоя, смущает Царя ложными на него жалобами». Дело было в том, что Никон, еще будучи на престоле, купил у Боборыкина его вотчину село Воскресенское для строения монастыря, а хлеб в поле Боборыкин пожертвовал монастырю на строения, также сельцо Бобырево, с покосами и землями, но, когда Никон потерял свое значение, Боборыкин затеял спор о пожертвованных землях и завладел ими. Так как ответа на жалобу монастырских властей не

было, то Никон велел сжать свою рожь и скосить сено. Никон не мог уступать Боборыкину в его неправых требованиях о земле, ибо тогда явились бы и другие лица с подобными требованиями, и монастырь был бы разорен. Это то и нужно было врагам Никона отнять у него средства на постройку Воскресенского монастыря. Несколько раз беспокоили Никона этим делом: в декабре 1661 г. приезжал для следствия над Воскресенскими властями Верделевский, который описывал сено; в марте 1663 г. приезжал думный дворянин Баклановский и дьяк Брехов, чтобы учинилась сделка между Боборыкиным и Никоном, в результате которой Никон отдал всю наличность; наконец 25 июля 1663 г. эти же лица приехали отводить Боборыкину оспариваемую им неправильно землю. Боборыкину это удалось, но не удалось только оклеветать Никона в наездах его крестьян с целью смертного убийства его самого; однако клевета его осталась безнаказанной. 25 и 26 июня Никон служил молебен с заклинанием на обидящих; Боборыкин оклеветал Никона в том, что его заклинания относились не к нему – Боборыкину, а к самому Царю. Он исказил и перетолковал слышанное на молитве, будто Никон износил проклятие на Царя и читал на молебне соответствующие псалмы, а под крестом лежала жалованная грамота от Царя. В действительности дело было не так; Никон пишет, что «за великого государя и его семью он Бога молил в ектениях, клятву же износил на обидящего Романа Боборыкина, а жалованная грамота была принесена в церковь, ибо в ней по государеву указу в Поместном Приказе записаны все земли Воскресенского монастыря и Романова вотчина.»

Царь поверил и этой клевете и созвал высшие духовные чины и бояр, которые и поручили произвести следствие боярину кн. Никите Ивановичу Одоевскому, окольничему Родиону Стрешневу, дьяку Алмазу Иванову, а из духовных Лигариду, Астраханскому архиерею Иосифу и архимандриту Богоявленского монастыря Феодосию. Когда, несмотря на недоказанность обвинений, Одоевский, согласно инструкции из Москвы, объявил 23 июля Никону

арест с постановлением ходить только в келью и церковь, то Никон сказал: «Никаких непристойных слов про великого государя я не говорил и клятвы не износил, и, хотя бы в мысли моей было износить клятву на великого государя – пусть будет та клятва на мне сугубо и трегубо. По государеву указу хотя бы в темницу я готов, только ты послушай, что говорит 3 пр. Константинопольского Собора: «Аще который мирской человек епископа в темницу ввержет, или биет без вины, да будет проклят». А про Собор, который поручил Паисию говорить Никону об его неправой клятве, Никон сказал: это иудейское сонмище беснуется и против Божественных правил запрещает, – мне того слушать непристойно; а чтобы умереть в монастыре, и никуда не ходить – на этой великого государя милости челом бью. В монастыре жить готов и никуда не пойду». Это следствие Одоевского, продолжавшееся 5 дней (18—23 июля), сопровождалось уже физическим воздействием. Во время литургии 19 июля стрельцы хватали в Церкви монахов, после обедни забрали патриарших детей боярских по тюрьмам, к патриаршей келье приставили стрельцов. 22 июля 1663 г. Никон хотел идти по обычаю на работу, когда ему доложили, что печь с кирпичами готова, но к нему были присланы архиепископ Феодосий и дьяк сказать, чтобы он из кельи не выходил. Еще в декабре 1661 г. Никон писал Царю: «Я много от твоих синклитчиков поруган», но еще все худшее было впереди.

Приготовление к суду над Никоном

Независимо от всего этого, с приездом Лигарида был задуман Собор, чтобы решить вопрос о Никоне и о замещении патриаршего престола, с участием Восточных Патриархов, как советовал сделать Лигарид, чтобы дело могло быть решено окончательно. Вопрос о созыве Собора был решен Царем 21 декабря 1662 г. Было указано созывать Собор на май или июнь 1663 и подготавливать материал к Собору по обвинениям на Никона.

Назначение комиссии 23 декабря 1662 года. Собирание вин на Никона к Собору.

Особая комиссия должна была собирать эти «вины» к Собору в поисках вин характера материального; должны были немедленно Салтыков, Думный дьяк Алмаз Иванов и дьяк Голосов собирать «заручные расписки и сказки 1) у сборных ключарей – что Патриарх Никон, будучи на патриаршестве, из соборной Церкви взял образов и всякой церковной утвари с распиской и без расписки. 2) у патриарших приказных людей при отъезде из Москвы по оставлении патриаршего престола денег, золотых и ефимок всякой домовой казны, хлеба, лошадей и прочего и что при нем домовых патриарших вотчин кому променено и у кого в то место выменено или взято у кого в цену или без цены, в которых городах и в каких годах и те вымененные, купленные и взятые вотчины все ли ныне в домовых патриарших вотчинах или куда отданы; 3) книжного печатного двора у справщиков отобрать сведения, сколько при Патриархе Никоне было выходов каких печатных книг и выход с выходом сходен ли; статьи печатные и писанные книги и с греческих присыльных книг переводы, с которых те книги печатаны, все ли на печатном дворе и, если которых нет – то где они. 4) У старца Арсения Суханова – какие он в Палестине купил книги, и что за них денег заплачено, и кому те книги отданы. 5) Послать государевы грамоты во все монастыри и архимандритам, игумнам и смотрителям за братьей, чтобы они прислали сказки и расписки с своими руками – сколько Патриарх Никон из монастырей брал для себя каких церковных потреб или монастырской какой казны, хлеба, лошадей и другого чего, и монастырских вотчин на мену и в цену и без цены и в которых городах и годах.»

Были представлены и жалобы Сытина и Боборыкина; Крутицкий Митрополит принес жалобу на анафему Никона, произнесенную будто бы за то, что он свидетельствовал на Соборе 1660 г. об отречении Никона от престола (отлучение было, как мы видели, за самовольное восхищение власти и

другие известные нам дела). Жаловались Новгородские дворяне и дети боярские на обиды от крестьян Иверского монастыря; помещики соседи жаловались на тягость, что с вотчин Иверского монастыря да точных людей не берут, а Никон хлопотал об освобождении от этой повинности этих крестьян, ибо уже было поставлено с начала 500, а потом 300 человек. В это время отовсюду, от всех монастырей и церквей хотели собрать вины и обличения против Никона и принималось все, что кто бы ни представил против него.

Однако, замечает Ундольский («Мнение Никона об Уложении» Русск. Арх. 1886 стр. 13): «Несмотря на запросы о притязаниях Никона, уже удаленного от дел, ничего не сыскано в его обвинение».

Этот указ о собирании вин вручен 23 декабря 1662 г. боярину Салтыкову, и в тот же день приказано заготовить царские грамоты к Патриархам на предмет их приглашения, а грамоты должен был вести иеродиакон Мелетий – друг Лигарида.

Лигарид. Его вопросы-ответы.

Лигарид занимался постановкой всего дела обвинения и имел в виду придать борьбе против Никона идейный характер, – защиты царской власти от покушения на нее со стороны Патриарха. Для бояр это было настоящим приобретением: – и Лигарид стал их кумиром с тех пор, как еще в августе 1662 года стали расходиться по боярским рукам его вопросы якобы от имени Стрешнева, заданные ему, и его ответы Никон впоследствии писал, что «Царь и бояре слушают Лигарида, как пророка Божия». Никон писал Константинопольскому Патриарху: «Я писал царскому величеству что недопустимо принимать таких лиц без удостоверений, согласно Божественному праву, говорящему «входящий в овчий двор не через дверь, есть вор и разбойник...» Но на это не было обращено внимание, и Царь следовал ему во всем; все, что бы тот ни сказал, он принимал это, как из уст Божиих; он слушает его, как пророка Божиего, о котором знающие его говорят, что он раскольник.

Посвящен в дьяконы и священники папским авторитетом. Здесь ничего не делает подобающего епископам, ест мясо и пьет перед литургией и совершает содомию. Но всех лиц, так свидетельствующих о Паисии, Царь сослал в разные места» (III, 391-392). В этих вопросах-ответах Никон обвинялся в неканонических деяниях: принятии второй хиротонии, запрещении причащать преступников, присужденных к казни. Лигарид признавал наличность состоявшегося отречения Никона, заявлял, что архиереи не имеют греха за попущение Никону, если только не были спрошены; что надо созвать теперь Собор, и что это может сделать и Царь без Патриарха. Собор 1660 г. вполне де действителен; архиереи могут судить своего Патриарха. Лигарид считает Никона гордым за то, что он будто не почитает архиереев братьями, обвиняет в принятии титула великого государя, за выдумывание III Иерусалима, помимо существующего на небе и на земле. Лигарид обвинял Никона в вожделении чужих епископских угодий, именно епископа Коломенского, в том, что он строил обозы и города, что подобает только царям и вельможам. Лигарид обвиняет Никона в том, что он не объяснил тайны своего ухода и совершил его без совета с архиереями и без доклада Царю. Лигарид защищает местоблюстительство патриаршего престола по указу Царя, заявляя, что первое дело Царя пещись о Церкви, и архиереи и бояре грешат тем, что не побуждают Царя учинить окончательное решение о замещении патриаршего престола. Проклятия Никона, по Лигариду, недействительны, ибо они не по достоинству. Все церковные права Никона, по Лигариду, имеют источник в Царе: он их поручил Никону; но тот возгордился подобно Нарциссу, и их лучше у него отобрать в виду дурного их употребления Никоном по неблагодарности. Самое учреждение Монастырского Приказа Лигарид находит правильным, ибо в воле де Царя лежало улучшить порядок; ставить архимандритов и другие власти – привилегия Царя. Называть Царя обидчиком, значит позорить Царя, а за это лицо духовного сана подлежит низвержению. Лигарид обвиняет Никона даже за

то, что он сам не явился на Собор, созванный в его отсутствие. Архиереи не нарушали де своего обета в послушании Патриарху, ибо он убежал, отметаясь от всех. Лигарид не одобряет отлучения Никоном Стрешнева за научение пса благословлять, ибо отлучение полагается только за смертный грех. Согласно этим ответам Никон подлежал низвержению и отлучению не только, как устроитель новых порядков в церковных делах, но и как разрушитель мира царства и противник царской власти (Ответы эти составлены до 15 августа 1662 г.)

Вот, краткий обзор вопросов и ответов, поднятых Лигаридом. Совершенно очевидно, что он хотел создать боярству опору для суждения по всем вопросам злобы в отношении Никона и выставить его виновным во всем, а бояр и Царя представить виновными разве только в том, что они терпят такого гордого омирщившегося человека в патриархах и не спешат судить его и заменить другим. Так обстояло дело относительно обвинения Никона. Мы видим, что Лигарид значительно раздвинул рамки обвинения перед церковным судом, ранее не шедшим дальше обвинения Никона в оставлении кафедры, как показывает дело на Соборе 1660 года.

Вопрос о том, как составить правила, по силе которых обвинить Никона. Составление вопросов для отправки на Восток.

Но оставалось теперь составить правила, по которым обвинять Никона. Каноны могут не предусматривать многого и не определять точно, поэтому надо их конкретизировать в применении к данному случаю или вернее комплексу определившихся в деле отношений. Лигарид придумывает такую комбинацию: чтобы не вышло неясностей, он рекомендует Царю, чтобы Патриархам был заранее предложен ряд вопросов применительно к нуждам случая, и притом сделано это на языке, им понятном, и лицом знающим греческий язык. Когда на это он получил согласие, то все поручение и было возложено на его друга

диакона Мелетия грека, который должен был ехать в Константинополь для выработки ответов. Через это одно все дело по составлению правил попадало в руки Лигарида. Что касается тех конкретных случаев, в которым надо было принять правила, то они также определялись Лигаридом и Мелетием, при чем имя Никона не упоминалось, так что и Патриархи, дававшие отвлеченные ответы на вопросы отвлеченные, могли бы не чувствовать за собой ответственности за применение правил к определенному лицу. Впоследствии Лигарид выступил и переводчиком ответов с греческого языка на латинский, а с латинского на русский были другие переводчики, так что и Лигарид слагал впоследствии ответственность за намеренно ошибочно сделанный им перевод самого ответственного места, касавшегося сферы компетенции Царя. Павел, Митрополит Крутицкий, и Иларион архиепископ Рязанский, уже после осуждения Никона отказались подписаться под патриаршими ответами в январе 1667 года, ссылаясь на то, что в переводе опущено одно слово «политические», изменившее весь смысл положения, именно, что «Царь есть верховный начальник во всех политических делах». Сам Лигарид в своей истории рассказал, как он был введен боярином Стрешневым великим постом 1663 года к Царю и давал консультацию Царю и боярам, как он советовал отправить тайно вопросы Патриархам, им самим составленные по-гречески, вместе с милостыней, как он 7 июля 1663 г. писал Царю совет поспешить с решением и как осенью того же года были составлены вопросы и посланы с другом Лигарида Мелетием.

Бояре побуждают старообрядцев составить петицию против Никона.

Однако, еще прежде, чем были составлены 25 вопросов Лигарида Вселенским Патриархам, и прежде чем было решено послать их, до июля 1663 г., когда Царь поручил Лигариду составить эти вопросы, бояре хотели использовать вражду старообрядцев к Никону и побудили их лидеров

составить обвинения и представить петицию против Никона. Это было в первые 5 месяцев 1663 г.; петиция поражает странностью сочетания сотрудничества Лигарида со старообрядцами, для которых первый выступает таким же глашатаем, как и для бояр. Она анонимна, но говорит как бы от лица всех русских епископов, и написана по-видимому одним из них, сочувствующим старообрядчеству, Александром Вятским, но подчинившимся Церкви в 1666 г. на Соборе (по предположению Пальмера: IV, 459). Исходный мотив ее тот, что Лигарид уже показал в своих вопросах-ответах, что Епископы грешат тем, что не побуждали Царя положить конец затруднениям созывом Собора, который окончательно бы низложил Никона и избрал нового Патриарха. Петиция исходит из того, что Никон не только отрекся от престола, но отрекся с клятвой, не окончив литургии, в Церкви, и потому не может называть себя Патриархом; он простой монах и не может давать благословения действующему епископу и совершать епископские акты. Он унижает Царя, вопреки 84 апостольского правила, обвиняя в захвате церковных дел Боярин Хитрово правильно сделал, что побил представителя Патриарха, а Царь прав, что воздержался от посещения службы, чтобы смирить Никона. Сказав о Никоновском отвержении Собора 1660 г., о якобы самопревозношении Никона, благодаря архиерейской присяге о послушании Патриарху, петиция заявляет, что забота Царя о Церкви совершенно канонична, и продолжения вдовства ее нельзя допускать, во избежание нареканий от приезжих епископов. Она просит держать Никона под стражей и изъять его из среды епископов. Он не в праве упрекать Царя во вмешательстве в церковные дела, ибо он уже не епископ. Он придумал название монастыря Новый Иерусалим в противоположность старому; его правильно де называет Лигарид Neicopolis т. е. городом распри, вражды, что там должны быть скверные женщины, которых могут считать матерью Антихриста. Петиция говорит о недостоинстве жизни Никона в духе раскольничьих сказаний, опровергнутых профессором Субботиным. Питирим стал

местоблюстителем во воле Царя и епископов. Он посвятил Мефодия не без приказа Царя, поэтому не подлежит проклятию. Петиция умоляет Царя озаботиться об избрании другого Патриарха. Какая нужда для этого в Соборе? Великий князь Василий Васильевич своей одной властью низложил Исидора и арестовал его в Чудовом монастыре, и шесть русских епископов с архимандритами и игуменами низложили Зосиму и поставили Симона игумена Троицкого, без канонического числа 12, которых трудно собрать в России. Петиция порицает исправление богослужебных книг при Никоне и упрекает его за ссылки на Паисия Патриарха Константинопольского, как будто наши пять патриархов предшественников и Цари ошибались. Так петиция обвиняла Никона, избегая указывать отдельные нововведения, глухо, в общих выражениях, обвиняя Никона в обрядовых нововведениях, в недолжном почитании Константинопольского Патриарха и в неуважении к русским святым и пастырям. Вопросы, посланные Патриархам, содержат подобные же обвинения на Никона, как если бы он сделал нововведения не только в отношениях духовной и светской власти, но и в обрядовых обычаях. «Ясно, пишет Пальмер (IV, 460), что Паисий в союзе с кем-либо из бояр, вероятно с Симеоном Стрешневым, внушил содержание этой петиции одному из русских епископов, сочувствовавших старообрядцам, но не полному раскольнику, который так ее составил, что, представляя дух старообрядцев, он мог бы выставить и Лигаридовские аргументы без явного противоречия и представить ее не только от имени одного, но всех русских епископов; но в то же время, ведь, ни один из лидеров старообрядцев не выставил бы такого довода, что оставление кафедры вакантной не только неканонично, но и вызывает критику иностранцев, т. е. греческих епископов и монахов, приезжающих за милостыней в Москву».

Неестественный союз бояр, принявших реформы Никона, с расколоучителями против Никона.

Этот союз бояр со старообрядцами довольно неестествен, ибо цели их были совершенно различны: бояре принимали

церковную реформу Никона и только его самого хотели поставить в положение, исключающее возможность ему сделаться советником государя, а старообрядцы боролись не только против Никона, но и против церковной реформы, проведенной уже Никоном в 1656 г., которую им надо было искоренить. Сам Никон конечно был им одиозен, ибо не без его содействия пострадали главари старообрядства: Юрьевский протопоп Аввакум был сослан, хотя и без растрижения, за заступничество за Неронова, в Сибирь в 1653 г., где оставался до 1664 г.; протопоп Казанского Собора Неронов был сослан в Спасокаменный монастырь, за стремление подорвать авторитет Патриарха, Муромский протопоп Логгин лишен сана, протопоп Даниил Костромский растрижен и сослан в Астрахань (Каптерев, Патриарх Никон и Царь Алексей Михайлович I, 123). Вся реформа Никона противоречила их убеждениям, хотя, как доказано Каптеревым, Никон не был ее инициатором, а только выполнителем намерения Царя Алексея Михайловича и духовника его Стефана Вонифатьева, почему он и охладел совершенно к реформе после смерти Стефана, умершего в иночестве 11 ноября 1656 г., и после прекращения дружбы с Царем. 4 января 1657 г. Никон разрешил Неронову служить по любым служебникам, «обои де хороши». Старообрядцы, хотя и ошибочно, считали инициаторами реформы Никона (а Стефана своим сторонником) и потому создавали о Никоне самое нелестное представление, в его деятельности видели только дурное и в его поступки вкладывали разные низкие мотивы и охотно присоединялись ко всякой борьбе против Никона. В свою очередь всякий враг Никона становился другом бояр, стремившихся поддержать настроение Царя против Никона. На греков одних они боялись положиться из-за их неустойчивости и искали врагов непримиримых и нашли их в старобрядцах. Аввакума вернули из ссылки, поселили в Кремле, на подворье Новодевичьего монастыря, и он развил свою пропаганду. Аввакум преследовал чисто религиозный интерес, а бояре только свой политический боясь, опять быть

затененными Никоном: они, конечно, Аввакума не переубедили, но Аввакум создал себе много сторонников и в боярской среде и этим усилил настроение против Никона.

Сторонники старообрядцев из боярства.

Судя по автобиографии Аввакума (Пальмер IV, 452-454) за Аввакумом шли боярыня Феодосия Прокофьевна Морозова, Евдокия Прокофьевна Урусова, ее сестра, Анна Петровна Милославская, князь Иван Воротынский, приходивший к нему в тюрьму, кн. Иван Хованский. Сама царица Мария Ильинишна благоволила к нему и еще в 1653 г. настояла перед Царем на том, чтобы Аввакума не растригали, и последний сообщает о сценах у нее с Царем из-за него.

«Как стригли, писал Аввакум, в то время нестроение вверху бысть у Царя с царицей; она за нас стояла в то время, миленькая, и от казни отпросила меня».

Сам Царь принимал ласково Аввакума после ссылки в 1664 г. Аввакум так пишет о царской встрече: «здорово ли живешь, протопоп? Вот, еще Бог велел видеться.» – Аввакум: «Жив Господь, жива душа, Царь государь, а впредь, что изволит Бог». Он же, миленький, вздохнул, да и пошел куды надобно ему. И иное кое что было, да что много говорить.» А в другом месте: «Мимо двора моего ходя кланялся часто со мною низенько так, а сам говорит: благослови де меня и помолися о мне. И шапку в ину пору мурманку снимаючи с головы, уронил, едучи верхом. И из кареты бывало высунется ко мне» (Бороздин, Протопоп Аввакум, 119 стр.).

Развитие раскола от пропаганды возвращенного Аввакума.

Враги Никона, обвинявшие его в том, что оставление им кафедры в течение долгого времени усиливало раскол, должны бы обвинять себя в его распространении, ибо сами бояре добились от Царя в 1661 г. возвращения Аввакума и других лидеров старообрядчества для увеличения обвинений против Никона. В Москве действительно их побуждали обвинять Никона перед Царем, как

неправославного нововводителя, и просить об его наказании и об избрании более благочестивого Патриарха. Никон сам упоминает в «Раззорении»: «что может обнаружить большую злобу, как не то, в чем некоторые наши враги (лидеры раскола) признавались мне: «поистине, ты попался; видишь: не старые времена! даже нас отыскивают жаловаться на тебя, и, если кто медлит жаловаться против тебя, а после великий государь услышит какое-либо обвинение против этого же раскольника, тот может быть уверен в тяжелых для себя последствиях». Я сам теперь принужден едва встав с одра болезни идти сюда в Воскресенск по царскому приказу» (IV, 448).

Врагам Никона Аввакум представился драгоценным союзником, ибо, допуская его до публичной проповеди, они давали ему возможность агитировать против Никона в сфере церковной, и дело дворцовой интриги превратить в дело всенародное. Не так легко было поколебать авторитет Патриарха Никона: он – благотворитель, он – ходатай за обиженных, он и муж совета; чтобы обессилить его, надо представить его еретиком. Над этим делом работал Аввакум, которому при возвращении из ссылки все бояре били челом и предлагали любое место в Москве и стать духовником Царя. Союз этот создал настроение против Никона в некоторых боярских семьях, но он не был прочен, так как Аввакум был непримирим и, если и заботился, чтобы валить Никона, то главной задачей имел уничтожение его реформ, на что не могло идти большинство бояр, державшихся авторитета Патриархов.

Предупреждения в 1663 г. о личности Лигарида, полученные Никоном.

Все враги Никона, враждебные между собой, соединились, чтобы валить Никона, и объединителем их всех явился Паисий Лигарид; эластичность последнего в отношении убеждений, необходимость в его канонических познаниях для того, чтобы расправиться с Никоном, и тем избежать двупатриаршества, боязнь появления Никона вновь

на патриаршем престоле советником Царя, создало для бояр нужду в Лигариде, которого держались, несмотря на то, что и от Никона, а потом и с востока получили подтвердительные сообщения, что он и не православный, и из православных митрополитов низвержен, и что он подвержен содомскому греху. Никон писал Царю в июле 1663 г., что Лигарид не имеет доказательств о посвящении и свидетельства от восточных Патриархов о том, что он действительно епископ, что таких лиц нельзя принимать по правилам, без удостоверения, согласно Божественных законов. «Невходящий через дверь в двор овчий, подобен вору и разбойнику», (IV, 496); «молящиеся с еретиком подвергаются отлучению» (45 Ап. пр.), и принимающий таковых, как клириков, сам низвергается по 33 и 37 Лаод. и 9 Карф. правилам. «И Царь подлежит такому же наказанию», писал Никон в «Раззорении» (1, 551, 552). Никон писал в «Раззорении» (1, 586), что Лигарид принадлежит католичеству, что он посвящен в диаконы и священники в Риме, и книга его «Комментарии на величание» свидетельствуют о том же; что он из Молдавии уехал в Польшу, где два года (1660-1662) служил в костеле; в Молдавии он настаивал, чтоб вдовым священникам разрешить второй брак, а молодым монахам и монахиням сочетаться браком и есть мясо, что Митрополит Молдавский об этом писал восточным Патриархам, и они его анафематствовали и низвергли его из сана, что в Москве он не соблюдает никаких монашеских правил. О неправославии Лигарида Никон объявил Лигариду самому лично, когда он приезжал в качестве уполномоченного от Собора для следствия о проклятии в Воскресенский монастырь в июле 1663 г. (1, 595). В декабре 1665 года Никон писал Константинопольскому Патриарху о Лигариде: «Он живет в Москве, ничего не совершает епископского, ест мясо и пьет без отношения ко времени; ест и пьет перед совершением литургии и совершает содомский грех. Написал де письмо об этом Царю с указанием свидетелей, но всех лиц,

свидетельствовавших так о Паисии, Царь сослал в разные места» (III, 392).

Показания Никона подтвердились, когда Царь отправил, уже в 1666 г., тайно на восток русского клирика Савву в Константинополь узнать относительно подлинности грамоты, привезенной Мелетием и Стефаном греком, о назначении Патриархом Константинопольским Лигарида экзархом Константинопольского Патриарха и его Собора, чтобы быть его представителем в деле Никона и руководителем Собора и толкователем патриарших свитков. Константинопольский Патриарх сообщил, что это письмо подложное а Лигарид и не лоза Константинопольского престола. (IV, 503). Но письмо это вызвало со стороны Царя не удаление Лигарида, а хлопоты о возсстановлении его в звании Митрополита, ибо слишком компрометирующим для Московского правительства было сообщничество и руководство Лигарида, который почитался одно время в Москве даже первым Митрополитом и председателем Собора русских архиереев и вдохновителем всего дела Никона.

Деятельность Лигарида в высшем управлении Русской Церкви.

Весной 1664 г., до получения патриарших свитков, Царь его назначил вместо Питирима местоблюстителем и председателем Собора и около 10 мая того же года с его благословения перевел Митрополита Питирима в Новгород и посвятил новых епископов, сделав Иону Митрополита Ростовского местоблюстителем, Павла архиерея Чудовского Митрополитом Сарским и Подонским т. е. Крутицким (22 авг.), Корнилия сделал архиереем Тобольским; Иоаким, один из Иверских Никоновских монахов, сделан в сентябре из келаря архимандритом Чудовского монастыря, а 23 октября Симон посвящен в архиепископы Вологодские. «Вся иерархия была реконструирована, замечает Пальмер, и ее поставления опорочены благоговением и наложением рук

Паисия Лигарида, так как эти поставления получили начало от него» (IV, 506).

Остается факт, несравненный в церковной истории, пишет он (IV, 499), что самодержец обширной империи, непосредственно сделавшись главой своей национальной Церкви, поставил себя и свою заново устроенную Церковь и иерархию, вместе со всем своим двором и царством со всей своей мирской гордостью и властью под благословение не только неизвестного беглеца из Рима, отлученного и греческой Церковью, человека способного написать (в «Истории») что, когда он был послан, в качестве царского комиссара, для следствия над преследуемым Патриархом, то он прошептал на ухо Никону эпитет, которого заслуживал полностью он сам, человека, который посвятил Царю и боярам, как воспоминание об их победе и своих услугах, «Историю», содержащую такой рассказ (V, 674). Пальмер имеет в виду сообщение Лигаридом в «Истории» вовсе не существовавшего факта, будто Лигарид, будучи на следствии в июле 1663 г. в Воскресенском монастыре, назвал Никона Содомитом в конце своей речи, которую он держал в качестве главного представителя Царя и Собора. Официальным боярский доклад о следствии сообщает, что Никон совершенно отказался вести переговоры с Лигаридом без предварительного канонического удостоверения его положения. Лигарид же придумал нарочно этот рассказ, как он вообще придумывал все речи, чтобы представить Никона в глазах читателя, читающего Никоновское письмо к Царю с обвинением Лигарида в безнравственности, лишь вымещающим свою злобу на Лигариде якобы в ответ на торжественное обвинение его самого Лигаридом (IV, 498). После официального подтверждения в 1668 г. относительно самого Лигарида Царю, последовало от Иерусалимского Патриарха Нектария в 1668 г. и более пространное сообщение от его преемника Патриарха Дионисия в 1670 г. Известно, что сначала, внимая просьбе Царя, Патриарх Досифей снял было отлучение, но потом окончательно восстановил это отлучение, и Лигарид умер в нем в 1678 г. в

Киеве, куда был удален из Москвы за ненадобностью, в виду окончания дела Никона и вследствие компрометирующей Московское правительство близости к нему.

Преследование правительством Никоновских доброжелателей.

Никон же узнал об отлучении и анафематствовании Лигарида, совершенном Иерусалимским Патриархом Нектарием в 1660 г., от диакона Агафангела, бывшего при Лигариде и поссорившегося с последним, а тот был посажен в тюрьму после того, как лично это подтвердил Царю, будучи прислан для показания к нему Никоном (IV, 580). Преследование Никоновских доброжелателей, которые так или иначе были полезны для освещения дела в Никоновскую пользу, было системой правительства. Мы упоминали уже о ссылке эконома Воскресенского монастыря старца Аарона, убеждавшего Царя, что на Никона напрасно клевещут и ссорят с ним Царя. Митрополит Афанасий Иконийский, высказывавший сомнение о патриарших свитках, привезенных дьяконом Мелетием 29 мая 1664 г., и уверявший, что Митрополит Газский враг Божий и сын погибели, был заточен в Симоновском монастыре. Афонский архимандрит Феофан, сообщивший Никону сведения о Лигариде, был сослан в Кириллобелозерский монастырь. Севаст Дмитриев, который привез грамоту от Иерусалимского Патриарха Нектария, говорившего о необходимости призвать Никона обратно на престол, ибо не было никакого отречения от кафедры, а только от непокорного народа, – был заточен в тюрьму (IV, 552). Письмо Нектария к Царю обнаруживало, что восточные Патриархи знали, что положение Никона обязано ненависти могущественных врагов, не осмеливавшихся открыто выражать свои мысли, и было крайне им неприятно, но собственное письмо Патриарха Нектария к Патриарху Никону было просто уничтожено и ему не доставлено (IV, 502, прим.). Грек Димитрий, живший в Воскресенском монастыре, который переводил на греческий язык письмо

Никона к Константинопольскому Патриарху, был схвачен в декабре 1666 г. и заточен в тюрьму, где от страха покончил с собой (V, 694). Участники по Зюзинскому делу священник Сысой, привозивший письмо от Зюзина Никону, был сослан со всей семьей неизвестно куда, а другой доставитель письма от Зюзина, хотя и не знавший его содержания, закован в тюрьме в железо и умер (IV, 562). Шушерин, сопровождавший Никона на суд и ехавший впереди с крестом, был арестован ночью 30 ноября 1666 г. и оставался в заточении больше 3 лет, а потом сослан в Новгород Великий, где оставался до начала 1680 года (V, 674).

Под руководством такого человека, как Лигарид, составилось мнение о деятельности Никона, которая получила его освещение в вопросах-ответах Стрешнева-Лигарида, в анонимной петиции от имени русских архиереев, составленной под его же вдохновением, и наконец, ему было поручено осветить эту деятельность перед восточными Патриархами и получить от них такой ответ, который дал бы возможность низвергнуть Никона.

Попытка отделаться от Никона посредством пострижения его в схиму.

Скажем еще, что на ряду с двинутым делом перед восточными Патриархами, которые авторитетом своим придали бы делу Никона совершенно бесповоротно законченный вид, делались на Москве и самостоятельные попытки отделаться от Никона. Пальмер сообщает о проекте бояр и Царя в декабре 1664 г. постричь Никона в великую схиму (IV, 508-513), как раз перед тем, как боярин Зюзин сделал неудачную попытку примирить Царя с Никоном и как раз тогда, когда своим необыкновенно любезным приемом архимандрита Герасима из Воскресенского монастыря, Царь дал основание думать друзьям Никона о возможности восстановления между ними любви и дружбы. Боярам не удалось добиться от Царя решения, к которому пришел Собор 1660 г., – рассматривать Никона, в силу одного факта его ухода из Москвы, низвергнутым из

патриаршества и из священства; они же не хотели иметь нового Патриарха, пока Никон мог совершать священнические действия, боясь его возвращения. Вспомнили о каноне одного из греческих позднейших Соборов, запрещающем епископу после принятия великой схимы совершать епископские действия, и хотели его использовать. Никон, ведь, соглашался сам на избрание нового Патриарха, если его самого не будут считать за преступника, но этим не желали ограничиться. Бояре, не рассчитывая на то, что Царь согласится пойти им навстречу и разрешит вынудить силой Никона принять схиму, думали однако, что он позволит им убедить Никона, в уважение к трудному положению Царя, ради мира Церкви и государства, принять великую схиму добровольно, как акт величайшего смирения с его стороны. Под миром Церкви они разумели беспрепятственно светское господство, против которого восставал Никон.

Они думали, что человек такого аскетического духа пойдет на это, раз ему будет дана возможность правильно передать канонические права по защите Церкви лицу, канонически способному по избранию епископов и Царя. По внушению бояр Царь в начале 1664 г. разослал Митрополитам и архиепископам запросы, не вызывает ли великая схима по канонам абсолютную неспособность совершать епископские акты; Царь делал вопросы в замаскированной форме, не говоря о Никоне, спрашивая, может ли иеромонах, принявший потом схиму, стать епископом без нарушения канона. Митрополит Новгородский Питирим ответил, что не может. Митрополит Казанский Лаврентий, Филарет архиепископ Смоленский ответили в том же смысле, но Иосаф Тверской и Илларион Рязанский допускали возможность епископства и для иеромонахов схимников. Проект этот не был осуществлен, по недостатку ли единодушия в ответах, или вследствие того, что появление Никона в Успенском Соборе 19 декабря 1664 года устраняло мысль о том, что он согласится на такое предложение.

Чего добивались бояре посылкой вопросов восточным Патриархам? Их обвинения затрагивают не только Никона, но и Царя.

Посылая вопросы восточным Патриархам, бояре косвенно обвиняли Никона в нововведениях в церковных делах, имея в виду новый и чрезвычайный титул, свойственный только светской власти, и власть, данную Никону Царем, и ее употребление им в светских делах государства; через это они хотели добиться признания Никона заслуживающим низложения; они обвиняли его в непринятии постановлений Уложения и в стремлении сделать их бездейственными, в испрашивании обета у Царя, обета 22 июля 1652 г. повиноваться законам Бога и Церкви и позволить ему управлять Церковью в соответствии с ними, и во введении таким образом дуализма власти. С 1657 года Царь перешел на сторону бояр. Бояре обвиняли Никона в гордости, в желании сравняться и даже превзойти Царя, во вмешательстве в светские дела, в ограблении и насилии для получения земельных владений для его монастыря из тщеславия и честолюбия. Они вызывали ответы, задевающие порицанием самого Царя, как если бы Царь наносил обиду боярству, давая необычный титул, честь и власть Патриарху, как если бы он обижал боярство, давая обещание в послушании Церкви, или приостанавливая действия некоторых статей Уложения, или делая Никона государственным регентом и советником в государственных делах, или делая земельные пожертвования и предоставляя привилегии Никоновским монастырям.

Неистовствующая злоба бояр, доказательства ее.

Размер боярских обвинений все возрастал. Их злоба обнаружилась явно с самого начала ухода Никона, ибо еще 25/VII 1658 г. Никон писал Царю письмо, из коего видно, что сам Царь посылал к нему сказать незадолго перед этим, что только он де да князь Юрий Долгорукий хорош к нему, т. е. Царь сознавался, что все ближайшее окружение, составлявшее двор, интриговало против Никона. Они поспешили убедить Царя, будто Никон опустошил

патриаршую казну и взял из нее многое себе, и побудили Царя обыскать частную собственность Патриарха и даже его тайные бумаги, которых, кроме него, как духовного отца, никто не должен был читать. «Потом, пишет Субботин, через все течение этого дела мы наблюдаем Царя под влиянием партии враждебной Никону, влияние, от которого временами он, по-видимому, хотел освободиться, но не имел на это решимости, к которому, наконец он так привык, что не знал, как можно обойтись без него, особенно, когда дело с Никоном ушло слишком далеко. Он сам спустя несколько лет говорил по тому или иному случаю, сравнивая свое положением с положением Никона, касаясь их различия и находя, что гораздо легче для Никона, чем для него, предпринять шаги к примирению. Если бы только он хотел смириться, сказал Царь, он свободен делать что угодно, а я окружен духовными властями, и боярами. Они все побуждают меня к гневу, но он, будучи один, может сделать лучше меня то, что он сам хочет по своей собственной мысли, никто не применит к нему никакого принуждения». (IV, 157). Злоба особенно усилилась после анафем 16/II 1662. Хотя Каллист епископ Полоцкий представил доклад о бессилии анафем Никона на Питирима, это не успокоило Стрешнева и других бояр и лидеров раскола, равно как и Питирима и его сотоварищей среди епископов и духовенства, которые неистовствовали против Никона. «Чувствуя в глубине своей совести удар, нанесенный им Никоном, его враги начали распространять против него перед Царем и народом новые клеветы, одна чернее и страшнее другой, чтобы представить его, как чудовище страшное и ненавистное, невежественному и суеверному народу. Прискорбно слышать крики страстей, приближающиеся близко к рычанию безумия (Пальмер IV. 376)».

Обвинение Никона в названии Воскресенского монастыря Новым Иерусалимом.

Поводом для клеветы послужило даже название Воскресенского монастыря Новым Иерусалимом, при полном игнорировании того, что название это дано по

внушению Царя. Название это задевало за живое их представление. Они хотели видеть в этом не взор Никона, устремленный к будущей жизни, не идею восстановления копии священных мест, не ожидание града небесного, населяемого святыми после воскресения, а указание на то, что живущий в этом ложном Иерусалиме есть Предтеча Антихриста. Никон противопоставляет свою Церковь канонов и свой Новый Иерусалим Церкви Царя, епископов и бояр – видимой Русской Церкви. Он не называет себя Патриархом Москвы и Всероссийским и однако называется Патриархом, следовательно Патриархом Нового Иерусалима, в котором живет. Далее они выводили отсюда, что он называет себя так в осуждение им и всему остальному миру; стало быть, претендует представлять более верно Церковь, которая есть истинный Новый Иерусалим, чем наша видимая Церковь, но в таком Новом Иерусалиме мы видим не Христа, а Антихриста. Сторонники государственного верховенства сошлись в этом со старообрядцами, которые возвели мнение о Никоне, как о предшественнике Антихриста или о самом Антихристе (у некоторых), в свою традицию. Пальмер замечает, что «Никоновские доказательства, что признаки Антихриста и его предшественников относятся к тому началу апостасии, которое представляют собой его противники и преследователи, останется неуслышанным, пока не придет время обнаружиться этой апостасии в ее крайнем развитии, чтобы дать свидетельство о самой себе. Крик, поднятый старообрядцами против Никона, как если бы он был Антихрист, отвлек внимание от действительно нехристианской тирании, против которой восставали и старообрядцы не меньше Никона, хотя, к несчастию не во имя правды, ибо они оспаривали государственное всемогущество только во имя узкого частного суждения, а Никон оспаривал ради защиты вселенских канонов и во имя Церкви вселенской, а не национальной» (IV, 378).

Как ни детско и ни невероятно такое представление, замечает Пальмер, однако это было так (IV, 379): это

обвинение выставляли против Никона бояре синклита, и в этом они соединились с суеверными раскольниками. Эта мысль об Антихристе фигурирует среди обвинений, посланных восточным Патриархам от царского синклита, и на Соборе 1666 года, сделавшегося органом глубоко закоренелой злобы боярского синклита, повторявшего это обвинение». Объяснение этому Пальмер дает в том, что Никон был не только строитель церквей и монастырей, не только христианин, преследуемый за правду, надеющийся на воскресение и на Новый Иерусалим, но представлял в России и пытался защитить видимое царство Божие, отличное от мирского царства, тождественное с горним Новым Иерусалимом, свободное от тирании Царя и бояр, отвергающее гордость и насилие, безнравственность и алчность во всех одинаково – царях и знатных подданных, и это реальное свидетельство мучило бояр. Перед ними налицо человек – их Патриарх открыто их всех обличающий, утверждающий закон Писания и каноны против их Уложения и лжесоборов, наблюдающий и обличающий их из своего монастыря, отлучающий и анафематствующий их орудие – Митрополита Питирима по имени, но косвенно все церковное и гражданское правительство России. Его Воскресенский монастырь был вещественным осуждением их сборища, а Никон – их самих. Поэтому Воскресенский монастырь, Новый Иерусалим возбуждал в них неукротимую злобу.

Основная причина боярской злобы – не в Никоне, а в самих боярах.

Эта неукротимая злоба задевала и самого Царя, поскольку он был соучастником Никоновских дел, поскольку он давал ему титул великого государя, ненавистный боярству, поскольку он приостанавливал Уложение, поскольку он одарял Никоновские монастыри земельными угодиями, поскольку сам Царь шел с Никоном против духа века. Бояре пренебрежительно относились к Царю в его юности и прозвали его в насмешку молодым монахом, по

свидетельству Павла Алеппского (II, 136), а, когда он являл собою образец благочестия во всем, все бояре должны были подражать ему. Если им не в моготу и не по духу было следовать в личной и государственной жизни на устроением Святой Руси, если их понятия о родовой чести создавали представления о том, что только они – советники государю, что таковым советником не может быть какой то мужик – монах, то естественно, что они по злобе человеческой не щадили средств свалить того, кто мешал их безраздельному господству. Отсюда все обвинения на Никона: корень их не в Никоне, а в боярах, которым тяжелы были Никоновские идеалы, требовавшие героического подвижничества в жизни, и тогда, когда он, как Патриарх – архипастырь, требовал соблюдения церковных уставов полностью, давая сам пример во всем, и стоял на страже прав Церкви, и тогда, когда он как советник государя, требовал самопожертвования для польской войны, за интересы православия в Малороссии, и прекращения излюбленных боярских местнических счетов. Все это претило и боярскому самолюбию. Их собственная греховность лежала в основе вражды к Никону.

Составление вопросов Патриархам и способы получения ответов. Посылка Иеродиакона Мелетия на Восток.

Все нападение на Никона сконцентрировалось в обвинениях, представленных на так называемый суд вселенских патриархов 1666 года. А предварительно было оно подготовлено в ответах восточных Патриархов, которые заказано было привести иеродиакону Мелетию. Мелетий повез с собой грамоты Царя к Константинопольскому Патриарху и через него к другим Патриархам, а кроме того письма, написанные по-гречески Лигаридом; среди них была бумага с инструкциями о том, что он должен говорить устно, как бы от Царя, т. е. проект вопросов, с делом связанных, и ответов наиболее соответствующих намеченной цели. Мелетий нашел в Константинополе двух Патриархов, Константинопольского Дионисия и Иерусалимского

Нектария. Там и были составлены ответы, которые затем были переправлены для подписи – один экземпляр Александрийскому Патриарху Паисию Константинопольским Патриархом, а другой – копия Антиохийскому Патриарху Макарию Патриархом Нектарием Иерусалимским. Константинопольский Патриарх не хотел принимать царской грамоты из боязни турок, но Нектарий Иерусалимский уговорил его принять. Дело устроилось с Мелетием, и Нектарий, постоянно ездивший в Молдавию, мог безопасно доставить сам туда эти грамоты Мелетию. Патриархи хотели удовлетворить Царя, который прислал им милости с Мелетием, но не хотели принимать на себя какой-либо несправедливости к Никону. Они решились высказать осуждение условное тому, кто оказался бы виновным в том, что ставилось в вину Никону, не касаясь самого Никона. Тогда Царь и бояре, а не они оказывались бы ответственными за применение их положений к Никону. Самые же вопросы были поставлены Лигаридом относительно тех вин, которые ставились Никону боярами и Лигаридом. Вопросы исходили из того, что Никон будто бы покушался на нововововведение в церковных делах вопреки старым обычаям (глава I ответов), на установление дуализма власти, на истребование обязательства от Царя (гл. III), на осуществление в своей Епархии власти светской (гл. XII), на непризнание установленных законов царства (гл. V), на принятие титула, означающего светское господство (гл. X) и на вмешательство в дела государственные (гл. XIII).

Письмо Иерусалимского Патриарха Нектария к Царю от 20-III 1664 г.

Постановка таких вопросов уже выдает авторство Лигарида и Мелетия. Они показались обоим Патриархам мало обоснованными, и Патриарх Нектарий писал 20/III 1664 г. Царю, что, «вероятно, Никон защищал только свою власть в делах духовных и своим уходом обличал непослушание». Сначала Мелетий, видно, хотел получить ответы прямо на то, что он устно говорил, ибо Патриарх Нектарий писал Царю, что «высказать окончательное

суждение, основанное на словах Мелетия, было просто недопустимо, ибо противно канонам основывать суждение на одном свидетельском показании, да еще исходящем от человека низшего чина, против Патриарха. Но мы написали свиток, содержащий указания канонов и законов, в виде кратких ответов на вопросы Мелетия, основанные на его утверждениях. Что он сказал о Никоне, мы не пишем особо, но это вам ясно из соборных свитков, ибо все, что написано в них, состоит из ответов на слышанное нами от Мелетия и сказанное им о кир Никоне». (III, 352 из письма Нектария к Царю). Патриарх Нектарий на свитке написал еще от себя в Молдавии, что Патриарха могут судить одни епископы в своей Церкви, но, вопреки желанию Лигарида, было прибавлено, что Никон должен быть потребован лично и выслушан. Было еще неприятное Лигариду постановление о том, что, если суждение своего Собора отвергается подсудимым, то суд вселенского престола и других патриарших престолов окончателен; свиток не указывал, что решение, в нем данное, преграждает путь к апелляции, а Нектарий даже приписал, что, в случае непринятия суда подсудимым, суд должен быть дан Константинопольским престолом и другими вселенскими Патриархами.

Мнение Константинопольского Патриарха Дионисия по Никоновскому делу.

Впоследствии весной 1666 г. Дионисий Царьградский, уже будучи экс-Патриархом, высказывал такое мнение, юридически не имевшее уже значения: «я благословил Царя простить Никона, или назначить другого Патриарха на его место кроткого и смиренного; если Царь боится назначить другого, то мы возьмем грех на себя; Царь – самодержец: все ему возможно» (II, XVII).

Мнение Иерусалимского Патриарха Нектария по делу Никона.

О лишении Никона священного сана Патриарх Дионисий ничего не говорил, как видно идея же эта еще дальше была от Патриарха Нектария, который писал Царю,

что Никона надо звать обратно, ибо даже со слов его врагов нельзя усмотреть причины для наказания Патриарха, ушедшего от непокорного народа, как Нектарий и писал в особом письме Царю от 20/III 1664 из Ясс. Он полагал, что «надо позвать Никона обратно и показать ему патриарший свиток, чтобы он в будущем сообразовался с ним. Если он скажет, что он не отрекался от кафедры, а от непокорных, то ясно что он отвергает некоторых за непослушание. Покажи ему свое послушание, как носителю Божественной благодати, послушание не такое, которое необычно для Церкви, которое действительно было бы нововведением, и требование которого со стороны епископа едва ли простительно, но то, которое установлено священными законами. Такой ход дела был бы наилучшим и в том случае, если бы Никон сделал письменное отречение, а тем более в данном случае, когда, может быть, он вовсе не отрекался да, если бы и отрекался, отречение не было принято ни Царем, ни народом.» Так отнеслись в действительности Константинопольский Патриарх Дионисий и Иерусалимский Нектарий, подписавшие свитки.

Как подписали свитки Александрийский и Антиохийский Патриархи.

А как были увлечены к подписи другие два Патриарха, рассказывает Лигарид (III, 85): «Мелетий, увидев Патриарха Паисия в Египте, после многих разговоров и убедительных доказательств, достиг своей цели; проехав затем на гору Синайскую, он ловко убедил архиепископа Синайского Анания своими медовыми речами. Кир Макарий был в Грузии, куда поехал за милостынею; он и его привлек своими златострунными потоками слов».

О неканоничности суда над Никоном с точки зрения его составления.

На Собор приехали два Патриарха Паисий и Макарий, но, – не говоря пока о существе судопроизводства и о том, что суд и не разбирал вовсе и не исследовал, и не допрашивал

Никона по существу тех обвинений, о которых высказывался патриарший свиток, и таким образом никто и не доказывал, что он именно совершил все то, о чем отвлеченно рассуждал свиток, – суд этот сам по себе был незаконен. Собор для законности должен быть законно созван, и, если по обстоятельствам все судьи не могут прибыть или даже не могут быть приглашены, и некоторые действуют за других, все же необходимо, как предпосылка, их согласие на этот Собор, и все постановления Собора должны исходить из предположения их присоединения к ним. В данном же случае отдельные Патриархи были отысканы, уговорены и куплены и потому никого кроме себя не представляли. «Хотя бы все епископы продались за милостыню, пишет Пальмер, что невозможно при наличности обетования Христа (II, XXXI), природа вещей не меняется, и продажное рабское собрание не может превратиться в канонический Собор».

Мало того, два Патриарха не имели права, согласно их правил и обычаев, председательствовать на русском Соборе и судить Московского Патриарха иначе, как в согласии двух других и по соглашению с ними, особенно с Константинопольским Патриархом. Но они не имели ни согласия, ни соглашения и солгали на суде Никону, что имели это согласие, хотя и отнеслись к Никону как к непокорному за то именно, что он требовал доказательств этого согласия, сомневаясь в их компетенции. Но они верили, что Царь, которому надо угодить, сумеет добиться согласия других Патриархов впоследствии. Судя по свиткам, поместный Собор, не только под председательством двух Патриархов, но и без них мог судить Никона, но свитки не давали права судить безапелляционно, ибо оставляли оговорку в пользу права обращения к Константинопольскому Патриарху с его братьями; в данном же случае было на лицо не общее мнение Патриархов, а разные мнения Патриархов. Фактически Никон никогда не смог бы апеллировать после низложения, раз и до суда было перехвачено в декабре 1665 г. Посланное им письмо к Константинопольскому Патриарху, и для него была

прекращена возможность свободного общения с внешним миром.

Патриархи Александрийский и Антиохийский не могли представлять Константинопольского Патриарха Парфения и Иерусалимского Патриарха Нектария.

Но, помимо всего, в момент суда над Никоном (уже с конца 1665 г. или января 1666 г.) Константинопольским Патриархом был Парфений IV, который никак не может почитаться представленным Патриархами Макарием и Паисием, ибо он счел их кафедры вакантными именно за их отъезд в Москву и участвовал в назначении на их место других Патриархов, а Нектарий не мог быть доволен дерзостью Лигарида, им отлученного в 1660 г., а теперь руководящего церковными делами в России.

Стремление оправдаться Патриархов Александрийского и Антиохийского перед двумя другими за суд над Никоном.

И Паисию, и Макарию пришлось писать после суда над Никоном оправдательные письма Парфению IV и Нектарию. Они писали Парфению IV, что они были уверены, что Константинопольский Патриарх пошлет своего представителя, что Нектарий уже уехал в Москву; что «они поехали, повинуясь Царю, ради поддержания нашей отеческой веры и истинной правды. Они де приехали в Москву, не нашли Патриарха Константинопольского, но уже что сделано, то сделано, и они приступили к делу, уже рассмотренному раньше поместным Собором совершенно правильно и по канонам и совершенному уже по патриаршим свиткам» (весной 1666 г.) Они пишут теперь о низложении Никона, чтобы будущий Патриарх мог поминаться ими в Св. диптихах. Далее указывается существенный мотив, который должен был воздействовать и на Константинопольского Патриарха. Они пишут, что «обычные милостыни вселенской Церкви и другим бедным Патриархатам будут теперь повторены и будут даже

увеличены и более удовлетворительны.» И за это мы ручаемся и об этом стараемся изо всех сил.»

Иерусалимскому Патриарху они тоже писали, что уверены были видеть его в Москве, что видели его приписку к свитку, сделанную как бы в виду осуждения Никона и, «опираясь на это, мы низложили Никона». Они освободили из заточения посланного Патриарха Нектария Савватия; «исследовав истину (через Лигарида, которого испросили у Царя в помощники), мы, согласно канонов и наших патриарших свитков, лишили Никона права священнослужения. Царь достиг восстановления на кафедрах Паисия и Макария уже через преемника Парфения IV Патриарха Мефодия, но и Парфений уже получил царскую милостыню и занес в диптихи нового Патриарха Иоасафа II, тем признав низвержение Никона; Нектарий также покорился в деле Никона, но не в деле Лигарида. Еще не успели уехать Паисий и Макарий из Москвы, как Нектарий нанес удар Лигариду.

Патриарх Нектарий Иерусалимский возбуждает дело о Лигариде.

Он привлек внимание Парфения IV, как Константинопольского Патриарха, на сочинение Лигарида «История Иерусалимских Патриархов написанное еще много лет назад в католическом духе, и оба Патриарха анафематствовали и сочинение, и автора. Нектарий написал целое письмо, объявляя Лигарида латинским еретиком и рекомендуя его держать взаперти, чтобы он не ушел к своему старому господину, к папе, и не выдал государственных тайн. Царь стал хлопотать за Лигарида, как если бы Лигарид был низложен Нектарием только за латинство и за неканоническое отсутствие из своей Газской Митрополии, и написал в его защиту Нектарию весной 1669 г. и Патриарху Мефодию послания с просьбой его простить и восстановить на его кафедре. В июле эти письма были в Константинополе, и Досифей, ставший Патриархом после отречения Нектария, ответил, что восстановить его на кафедре – дело не

Константинопольского Патриарха, что Лигарид был низвергнут и анафематствован Нектарием не за латинство, а за преступления, которые он по скромности не смеет и назвать, что он далек от покаяния, но из уважения к царской просьбе, так как Царь пишет, что Лигарид принес много пользы ему и довел царство до доброго конца, Досифей готов вменить ему преступление в добродетель и дать ему разрешительную грамоту; при чем прибавил, что ждет милостыни от Царя – единственной надежды. Разрешительная грамота датирована октябрем 1669 г. из Филиппополя, причем Досифей добавил, что он рекомендовал Нектарию и всему Собору также разрешить Лигарида, «как он разрешен нами за преданность самодержавнейшему Царю». 24 января 1670 г. Царь получил и показал Лигариду эту грамоту, чтобы он реабилитировал себя перед русским духовенством, но Патриарх Иоасаф II не удовлетворился этим документом, как неполным и двусмысленным, а через два месяца Лигарид снова был запрещен, и уже на этот раз, несмотря ни на какие усилия Царя, Досифей не согласился снять запрещение с Лигарида, который так и умер в 1678 г. (Каптерев II, 511 и 516) под запрещением в Киеве.

Кто был орудием против Никона, и кто действительно его врагом. Смысл этой вражды.

Лигарид действовал, как платный адвокат. Его нравственная физиономия и способы действий не требуют комментариев. Он был платный наемник, а не действительный противник. Греческие Патриархи, как показывает рассказ об их действиях в деле Никона, не являют какой-либо идейной противоположности Никону: они выслуживали милостыню от Царя и бояр и стали только платными орудиями в их руках. Действительным врагом Никона был и не Царь. Царь спрашивал много раз у него благословения уже после низвержения из сана, как бы не признавая последнего, посылал ему подарки, просил многократно прощения и даже на смертном одре испрашивал его, как у отца и блаженного пастыря, но не

получил формального прощения, которое Никон обещал дать под епитрахилью, но только в случае возвращения его в Воскресенский монастырь. Противником этим были бояре, не щадившие в обвинениях на Никона самого Царя. Между ними шла борьба, быть ли государству русскому Святою Русью, возглавляемой Царем, как представителем верховного политического принципа, и Патриархом, как представителем высших руководящих нравственных и церковных норм, обязательных для самого государства, или же ему быть возглавляемым только мирским светским началом, которое может всегда меняться в зависимости от господствующих в каждый данный момент философских течений. Этот вопрос встал на Руси не тогда, когда Петр занес последний удар над Церковью, после своего законодательства о монастырях и о церковной собственности, уничтожением патриаршества, а тогда, когда стояли лицом к лицу две силы: боярство и Никон; боярство достигло того, что из патриаршества, как учреждения, была вынута живая душа. В каких бы нелепостях ни обвиняли Никона, он в конце концов пострадал только за свой уход с кафедры, бывший в основе протестом против секуляризации государственной жизни. После него оставались титулы, формы временно без изменения, но действительной обновляющей силы они не имели, и Церковь постепенно переходила на положение государственного учреждения из самодовлеющего самостоятельного, хотя бы и поддерживаемого государством, союза, каким хотел ее сделать Никон. Бояре искали подтверждения своим взглядам у продажных Патриархов с тем, чтобы авторитету Никона противопоставить авторитет такого же сана, а самого его не только низложить, но и низвергнуть из сана, чтобы он не мог быть восстановлен Царем, который мог покаяться и вернуть Никона.

Подробное рассмотрение вопросов, посланных Патриархам на восток, и ответов.

Бояре с Лигаридом разработали вопросы Патриархам: первые пять вопросов, а также 10, 11, 12, 13, связанны с взаимоотношением органов власти государственной и

церковной; 6-й и 7-ой говорят об отлучении от Церкви. Вопросы 14-й—20-й посвящены вопросам, связанным с уходом Никона с кафедры, 8, 9, 21-й, 22-й, 23-й говорят о суде над Патриархом и 24-й об изменении в богослужебных обрядах. Подробное их рассмотрение вызывается необходимостью наглядно видеть, представляли ли ответы беспристрастное отвлеченное определение канонических норм, или же были приспособленным ad hoc решением представленных казусов; причем надо обратить внимание, что факты, подлежащие подведению под нормы, не были установлены и не были выяснены каким-либо беспристрастным судом, а представлены в освещении одной обвиняющей стороны. Если налицо – второе явление, то ответы по существу неприменимы к делу, фактическая сторона которого не подходит под нормы, указанные в ответах, наконец является вопрос, беспристрастно ли и достаточно ли ясно без двусмыслиц указаны или составлены самые нормы для суда. Подробное разъяснение вопросов—ответов сделано по Пальмеру, имевшему перед собой и греческий их подлинник и подлинный славянский перевод и имевшему через это возможность установить все фальсификации перевода, сделанные явно сознательно.

Глава I ответов патриарших свитков.

Глава I на вопрос: «что есть Царь?» отвечает: «по Номоканону, глава V § 2, Царь есть правительство, управляющее по законам, общее благо для всех подданных, делающее благо кому-либо не из пристрастия и наказывающее не из антипатии, но по заслугам управляемых, подобно посреднику в играх, распределяющему награды беспристрастно, и не дающее новых благодеяний одним в ущерб другим». Уже самое толкование этого места, дышит недоверием бояр в виду симпатии Царя к Никону, ради которой нарушается обязательный, по их мнению, обычай давать власть только боярам, а теперь Царь позволил себе оказать необычные

милости предоставлением власти и титула Никону, к унижению знати.

Именно, к ответу приложено такое толкование: «Царь, как глава и вершина всех, должен творить благо всем подчиненным ему и не давать благ из пристрастия и преданности не по заслугам и отталкивать заслуживающих почести, из пристрастия по нерасположению; но, как делатель правды, оставляя в стороне всякое пристрастие, он должен распределить их награды по заслугам и не оказывать благосклонности отдельным лицам и не давать им каких-либо новых или необычных милостей, пользуясь которыми те, будучи недолжно почитаемы ко вреду других, могут употребить их к учинению смешения и безспорядка и противопоставить своему благодетелю (по-славянски сказано: …необычных милостей, не по достоинству получив которые, люди употребляют их к ущербу других и для бесчестия и противодействия своему благодетелю). Поэтому Цари не должны давать свою собственную власть другому или чего-либо необычного путем предоставления милостей». Здесь упрек Царю, что он поставил Никона выше бояр, как советника Царя и как правителя государства, и что им пришлось чувствовать себя в положении, подчиненном ему. Закон: «Цель Царя есть благодетельствование своим подданным, поэтому, он получает титул благодетеля (benefactor) в специальном смысле; и, если он не выполнит этого назначения, то искажает, по мнению древних, характер царства, Царь поэтому должен особо отличаться и быть известен своим угождением к Богу.» (По-славянски сказано: должен быть поставлен высоко, т. е. выше всех, не затенен кем-либо из подданных; а правильный смысл греческого текста означает, что Царь должен превосходить всех своими добродетелями). Заметим, что ответы были написаны по-гречески а с греческого на латинский их перевел для пользования в деле Никона Лигарид, а с латинского переводили их другие. Но славянский перевод, оказывается, всегда искажает греческий текст так, чтобы выявить боярскую точку зрения. Искажение перевода касается, когда

надо, не только толкования правил, но и самых правил, как видим из приведенного примера. Затем следует толкование: «Отсюда вытекает, что Царь есть господин всем своим подданным, так как все повинующиеся ему получают от него благодеяния, и каким-либо образом противляющиеся получают наказание, хотя бы человек, сопротивляющийся ему был высший предстоятель поместной Церкви, ибо он не напрасно меч носит, но для награды делающих благое (а по-славянски переведено: для награды служащих ему хорошо, т. е. прежде всего бояр) и для наказания делающих злое. Посему и написано «Бойтесь Бога, Царя чтите» и «Молитесь за Царя».

II-я глава ответов патриарших свитков.

Любопытно отметить, что ответы, вместо того, чтобы указать, что может делать Патриарх, о сфере духовных дел ничего не говорят, а говорят только о сфере гражданской и так формулируют права Царя, что трудно что-либо оттуда изъять; получается впечатление неограниченной компетенции Царя. Однако ответы написали лица духовные, и не могли же они говорить так, как будто никаких полномочий духовной власти нет, и потому во второй главе Вопросов говорится только о делах гражданских, а именно «все ли, и особенно местный епископ или Патриарх, обязаны подчиняться и повиноваться Царю во всех гражданских делах так, чтобы мог быть только один господин, или не должны? Первая фальсификация славянского перевода была очень груба и состояла в простом опущении слова «гражданских», которое было в греческом тексте. Это вызвало протест некоторых русских епископов уже после осуждения Никона и потом в славянском переводе было написано «в вещах благоугодных». (В славянском переводе особенно оттенено противопоставление двух властей: «Таким образом должен ли быть один принцип власти или нет?»)

Славянский перевод хочет вызвать мысль о конкуренции двух властей, как будто они не имеют разных сфер действия, и как следствие такой постановки – ответ в цезарепапистском

смысле. Ответ такой. «В 64 гл. Великого Номоканона напечатано из послания Патриарха Михаила к императору Мануилу: «Подобает почитать прежде всего Бога, а потом чтить Царя (в славянском переводе сказано: не «потом Царя», а «также Царя), быть верным обоим: это закон, который издревле поставлен для всех людей, чтущих Бога». И так как эти две вещи – высший объект для всякого человеческого почитания, в тех вещах, к которым по существу относится заповедь верности к ним (ибо что Бог – на небе и во всех вещах и творениях, то на земле после Бога царское величество и достоинство в землях, делах и лицах под его господством), мы считаем, что как отрицающий веру в Бога изгоняется из собрания православных, так нарушающий верность царской власти и настроенный к ней изменнически и нелояльно (по-славянски переведено: обнаруживает себя злобно и лживо), недостоин называться христианином, ибо носящий корону, власть и диадему есть также Христос или Божий помазанник.

В виду этого мы непреложно обязаны соблюдать навсегда благочестивую верность (а по-славянски переведено: «истинную») к нашему властителю Царю». Исключение слова «благочестивую» из славянского перевода имеет в виду не обусловливать верности к Царю его христианским образом действий, ибо «благочестивая» верность налагает на Царя обязательства Царя православного, которых цезарепапизм не хочет поддерживать. В послании Вселенского Патриарха Михаила далее сказано: мы соборне приказываем и определяем, чтобы на будущее время все подымающиеся до высоты (по-славянски «достоинства») первосвященства, то есть до патриаршества, давали то же обязательство, как обеспечение их верности к властителю Царю, как они дают относительно их чувств к Богу». Приводя далее присягу Патриарха в верности и лояльности Царю, ответ утверждает, что Царь – один господин и судья во всех политических делах, и что Патриарх подчинен ему, как поставленному в высшем достоинстве и отмстителю Божию. В славянском переводе это именно место сначала было

искажено опущением слова «политический», а потом было переведено так: «от сих познавается единого Царя Государя быти и владычествующа всея вещи благоугодные ». Русский перевод сделан недобросовестно. В греческом подлиннике сказано: «Βασιλέα κύριον εἶναι καὶ ἐξουσιαστὴν πολιτικοῦ πράγματος μόνον», т. е. во всяком деле государственно мирском, а «не всея вещи благоугодные », что и неясно. Такая же неточность в переводе другого места. В подлиннике стоит: «ὑπείκειν καὶ ὑποτάσσεσθαι τῷ ἡγεμονεύοντι Βασιλεῖ, κατὰ πάσας τὰς πολιτικὰς ὑποθέσεις καὶ κρίσεις», а не «по разуму и вещи благодостойной». Последнее относится к вопросу: «что есть Царь? Должны ли суть вси весьма, паче же местный епископ, или Патриарх, повиноватися и послушати царствующего Царя по разуму и вещи благодостойной, так быти ли единому началу или ни?» Ответ говорит далее более подробно, что незаконно Патриарху хотеть или делать что-либо в политических делах вопреки решению Царя; не подобает Патриарху переделывать и старые чины и обычаи и вводить новые службы в Церковь или ставить под вопрос, или отменять формы Св. литургии, установленные канонами литургии Св. Иоанна Златоуста, Василия Великого и Преждеосвященной. Но он должен соблюдать к Царю верность и должен иметь неизменное суждение о церковных преданиях и обычаях и не вводить туда новостей. Если он делает иначе и выявляется непочтительным к Царю или церковным постановлениям, то мы объявляем, что он теряет свое достоинство, так что далее не только не может называться епископом, но и называться христианином, ибо это показывает, что не должен называться от Христа, что он беспокоит (по слав. «отвергает и гневает») помазанника Божия – Царя. Так по смыслу свитков всякое неповиновение Царю влечет потерю сана, не различая дел церковных и гражданских, и только в начале цитируемой грамоты Патриарха Михаила глухо говорится как будто о двух различных сферах: повиновения Богу и повиновения Царю без каких-либо, однако, практических выводов из этого и соответственных указаний. Не только ничего не говорится о

делах чисто церковных, требующих других даров благодати, но в дальнейших главах как бы устраняется для церковной власти самая возможность отстаивать свои права.

III глава ответов патриарших свитков.

В виду взятого Никоном перед поставлением на патриаршество обещания слушаться в делах духовных и позже отмены некоторых частей Уложения, в III главе поставлен вопрос: правильно ли, чтобы подобно тому, как Патриарх дает письменное обещание верности Царю, так и Патриарх испрашивал бы письменное обещание Царя? Ответ усматривает в этом установление двух соперничающих принципов, между тем как в монархии монарх – основа всему. «Ибо, где два принципа власти не в подчинении один другому, а взаимно независимые, там – спор (по-славянски вражда и скандал) и разрушение. Потому и приведены слова Спасителя, гласящие: «Всякое царство, разделившееся в себе самом, должно погибнуть». Так что просить об этом (подразумевается, как сделал Никон перед вступлением на патриаршество) есть знамение измены и не лояльности (по-славянски сказано: просить такой вещи от Царя есть знак коварства или плутовства и акт бесстыдства) и акт тайного заговора против мира. Такой должен быть низвергнут и сослан, как восставший против царской власти (по-славянски сказано: такой должен быть низвергнут, как воюющий против престола царского). Славянский текст придает такому деянию оттенок иной: не заботы о направлении деятельности Царя, а борьбы против основ его власти; поэтому первосвятитель не может брать обещаний от Царя.

IV-ая глава свитков и V-ая.

В IV главе говорится, что, если епископ просит Царя разрешения осуществить гражданскую власть в своей епархии, то это – святотатство, разве что сам Царь его ставит там управителем, согласно Атталиону; V глава говорит о связующей силе царского закона, имея в виду Уложение

особенно с его светским судом над духовенством. Никто не смеет противиться царскому приказу, ибо это – закон, не может противиться даже церковный глава, хотя и Патриарх. Всякий противодействующий приказу Царя должен быть наказан, как действующий вопреки закона. Первенство канона над законом, установленное в лучшие времена Византии, здесь похоронено, и как в языческой империи, возглашается, quod principi placuit legis habet vigorem.

X, XI и XII главы ответов патриарших свитков.

Другие вопросы, касающиеся соприкосновения двух властей, возбуждаются в X, XI и XII гл. Вопрос в X главе спрашивает: позволено ли кому-либо, будет ли то Патриарх, Митрополит или Епископ, давать самому себе письменно какие-либо титулы, которые угождают его гордости, и повреждать титул, данный ему канонически, или называть себя государем, раз этот титул принадлежит светским правителям? Вопрос относительно Никона, который имелся в виду, поставлен ошибочно, ибо Никон не присвоил себе этот титул, а получил от Царя. Но по этому поводу ведется рассуждение о гордости, благодаря которой папа отделился от общения остальных патриархов, обогатился привилегиями; говорится, что те епископы, которые ищут или желают присвоить себе необычные титулы и называться государями, как ищущие мирской славы и упитанные гордостью, за присвоение привилегий, не данных им святыми Соборами или Царями подлежат лишению епископского достоинства, как не подражающие кроткому Спасителю Христу, но ищущие почитания и титулов, как носители сатанинской гордости, подражающие гордости сатаны, обещавшего Спасителю царства земные, в то время, как они должны называться слугами и смиренными». Что иное для них, как не низвержение с епископской кафедры?» Ответ не может относиться к Никону, ибо не он присвоил себе титул, да и титул этот означает лишь положение Патриарха в государстве, а не какие-либо права светской власти. Также неправильно иметь в виду Никона, обвиняя

его намеком на присвоение титула Патриарха Великой, Малой и Белой России, который предписан был Царем, а не Никоном, для многолетий и других случаев, а между тем это имеет в виду вопрос в главе XI. Никон не осуществлял прав, как Патриарх Малой России, а ответ говорил, что, если епископ совершит посвящение вне границ своей епархии, то низвергается вместе с посвященным и теряет кафедру, как нарушитель отеческих установлений. Обе эти главы поражали косвенно только Царя, а не Никона, ибо вмешательство в церковное управление Малороссии посредством назначения туда епископа Мефодия местоблюстителем митрополии Киевской было совершено в 1661 г., уже после ухода Никона, Царем и его орудием – митрополитом Питиримом, – вопреки запрета Никона. Что касается титула Великого Государя, то он дан самим Царем, а не присвоен Никоном самовольно. Также, как и только что рассмотренные главы, глава XII поражает косвенно Царя. Царь жаловал его Воскресенский и Иверский монастырь вотчинами, и он же пожаловал владения Коломенской епархии Воскресенскому монастырю, после того, как эти владения были отобраны в казну при перенесении этой епископии в Вятку в 1657 году, что было сделано в результате соборного постановления. Никон с разрешения Царя предпринял постройку своих монастырей.

Если Никона обвиняли в постройке монастырей без согласия Собора, то это исходило из неправильного толкования 34 апостольского правила. Оно оканчивается так: «но и первый епископ равно не может ничего предпринять без согласия прочих». Под словом «ничего» надо разуметь «ничего чрезвычайного», как это имеет место и в отношении епископов; глосса прямо и говорит: «ничего такого же (чрезвычайного)». А для законного основания монастырей требуется только согласие и благословение Епископа (IV Вс. Соб., 25, 24; VI Вс. Соб. 49; I—II Соб., I. Пальмер I, 94). Но теперь поставили вопрос: может ли епископ расходовать церковные доходы на что он хочет и основывать на них монастыри, или колонизировать земли. Привлекли каноны

38 ап. пр. и 25 Ант., что епископ может властно распоряжаться церковной собственностью, но ничего брать себе или родственникам; что собственность епископа и Церкви различны. Ответ решает, что епископ не может основывать монастыри и колонизировать страны, независящие от Церкви, но ему самому принадлежащие. Поэтому де незаконно (I—II Соб. 7 пр.) Епископу основывать свой монастырь или делать какую-нибудь перемену к ущербу своей кафедры. Это был намек на перенесение Никоном домов и земельных владений в зависимость от Иверского, Крестного и Воскресенского монастырей Никонова основания. За это ответ требовал наказаний и требовал новые собственности или зависимости, созданные Никоном, присоединить к епархии в собственность, как если бы не было никакого монастыря. Если монастырь в пределах епархии, все просто, а если за ее пределами, то монастырь со всем его достоянием должен быть подчинен той кафедре, в которой находится, и местный епископ должен иметь над ним обычные права епископа. Все мены имущества, пожалования Царя, покупки Никона для своих монастырей делались именно для монастырей, а не лично для него и были завещаны им не родственникам, а Московской епархии, а потому каноны эти не подходят к случаю с Никоном. Но эти приобретения были вопреки духу Уложения и, как свидетельства и память влияния Никона, были ненавистны боярам и подлежали с их точки зрения уничтожению. Это был действительный протест бояр против царских распоряжений, ибо все это сделано с разрешения Царя, и самые богатые пожалования исходили именно от него. Держась теории симфонии властей, Никон всегда прибегал к содействию царской власти, коль скоро вопрос выходил за недра Церкви. Он принципиально отстаивал свое преимущественное право назначать на духовные должности и ставил выше авторитет Патриарха в делах чисто церковных, хотя и в них не избегал содействия светской власти (участие Царя в церковных соборах Никон даже подчеркивал в своих вступительных речах на Соборах), но в

вопросах смешанных он определенно искал этого содействия и в защите церковных имуществ опирался на царские грамоты и на заклятия, в них самими Царями помещенные.

Мы можем припомнить, что свое участие в государственных делах он именовал службой своей Царю, за которую и получал пожалования в виде земельных пожалований его монастырям.

XIII глава свитков.

Он был призван к тому Царем, и потому глава XIII, где спрашивалось, может ли Епископ или Патриарх безнаказанно становиться в положение пекущегося о светских делах и руководить делами политическими, – также направлена была против Царя в целях ограничения его при выборе в советники и регента. Забыты традиции, ставившие Патриарха в положение опекуна царских детей и заместителя государя в его отсутствие, забыто значение Патриархов в смутное время по объединению и пробуждению национального самосознания, пренебреженного боярами при выборе королевича Владислава на Московский престол – и всему этому противопоставлен ряд канонов, запрещающих епископу, как и всякому клирику, брать на себя мирские попечения, и налагающих низвержение за принятие на себя таковых. Как вывод из них, устанавливается, что епископ ищущий вмешательства в политические дела (а по-славянски переведено даже: брать руководство светскими делами и возвеличиваться при руководстве ими) и возносящийся светскими правами, подлежит низвержению из епископства как презритель церковного управления (а по-славянски: как не заботящийся о величии Церкви). Что каноны запрещают клиру всякое занятие светскими делами ради корысти – это верно, но чтобы признать, что они исключали помощь государству со стороны Церкви в виде временного служения, государством испрошенного, да еще в чрезвычайных обстоятельствах, этого запрета там не видно: за это Церковь не осудила память святителей Петра, Алексия, Ионы и

Филиппа, а причислила их к лику святых, хотя их вмешательство, может, было глубже Никоновского в государственных делах; но Никона надо было во что бы то ни стало низвергнуть из сана, чтобы он опять не оказался советником Царя, а потому надо собрать все, за что можно зацепиться, чтобы подвести его под какой-либо карающий канон, хотя бы с искажением действительных фактов.

Он совершил много покушений на нововведения в Церкви в смысле нарушения установившихся с половины XV века церковно-государственных отношений, и ему ставится в вину критическое отношение к ним, проверка их с точки зрения канонической нормы, действительно ли так и подобает быть, как сложилось. У него надо отыскать вины, и ему инкриминируется и вторичная хиротония и отречение от кафедры, которого не было и истребование обещания от Царя предоставить Никону канонически управлять Церковью и наложения на себя самоограничения, вытекающего из положения, как православного Царя (I, 583); инкриминируется Никону требование известной самостоятельности в церковных делах при назначении и поставлении архимандритов, игуменов (II, 110, 169). Истолковывается по своему участие Никона в государственных делах и его мнимая гордость и честолюбие, которыми страдал не он, а его обвинители бояре, обвинявшие его по закону духовной жизни в своем грехе, – они доказывали через Лигарида и Патриарха, что он подлежит низвержению с престола и из сана.

Лигарид и бояре не разграничивали в вопросах Патриархам сферы церковной от сферы светской и о сфере церковной ничего не сказали; ограничение светской власти делами политическими было только беглое указание без развития принципа, а на ряду с этим требование Патриарха дать обязательство повиноваться закону Бога и святым канонам рассматривалось, как введение двух начал, и потому, как возмущение, достойное низложения. Истинный двигатель всех этих обвинений была боярская спесь. «Царь обидел нас своим пристрастием, показывая недолжные

милости своей дружбы отдельному лицу, крестьянскому сыну, давая ему необычные почести, отдавая ему свою славу, позволяя ему затенить себя, давая обещание, вопреки обычая и Уложения, признавая как бы дуализм начал, позволяя ему приостанавливать Уложение, принятое высшей властью, давая титул, присвоенный только светским правителям, помогая ему основывать монастыри, одаряя их землями, вовлекая его в политические дела». Все это боярам нестерпимо и, не вникая во внутреннюю духовную суть Никоновской работы по оцерковлению государства, они его преследуют, как своего врага, исповедующего отвратные для них идеалы, могущие только мешать их власти; в Никоне для них неприемлемо было также и то, что он своей личностью восполнял волевую слабость Царя, и потому, удаляя Никона, они удаляли от Царя того, кто помог бы ему справиться с боярством, справиться с тем, что Белов в своей цитированной книге назвал столетней боярской реакцией царствованию Грозного.

Глава XIV—XX патриарших свитков. Гл. XIV.

Но как бы чувствуя хрупкость нагроможденных и натянутых обвинений, ему предъявляют обвинение в отречении от кафедры в том виде, как оно установлено уже лживыми показаниями митрополита Питирима и князя Трубецкого, без допроса не только самого обвиняемого, но и его сторонников. Вопросы в главах XIV—XX спрашивают, что делать за то, чего в действительности Никон не сделал, но что враги его ему приписали, и стремятся представить его не только достойным низвержения из сана, но и заслуживающим наказания от светской власти. В главе XIV спрашивается, может ли епископ, ушедший в разряд кающихся, претендовать на осуществление епископского достоинства. Канон 2-й Собора Св. Софии говорит, что пусть в этом случае он не ищет епископской чести. «Отсюда вытекает, что епископ, ушедший после оставления престола для того, чтобы быть на покое и жить в покаянии, не может больше возвращаться на свой престол и искать епископской

чести и лизать блевотину вследствие перемены настроения (в славянском переводе особо подчеркнуто: никоим образом не может претендовать на свою прежнюю кафедру, ни возвращаться в свою епархию, ни искать своего епископского достоинства, ибо это было бы похоже на пса, лижущего то, что раз изблевал по своей воле). В этой главе природа ухода Никона искажена. Ответ приурочен к его словам 10/VII 1658 в Соборе о пастыре, обвиняющем во всем себя, некоторыми свидетелями приуроченным к его собственному уходу, но не самим Никоном, который уходил, как епископ, захватив с собой епископские одежды, и отрекался «в особом смысле» (V, 683), подобно Мартирию Антиохийскому, который отказался оставаться пастырем из-за непослушания людей (IV, 133).

Глава XV свитков.

Глава XV ставит вопрос: «если епископ или Патриарх, оставив свою кафедру без принуждения и публично сняв священнические одежды говоря, что не хочет быть больше епископом или Патриархом и уйдя с своей кафедры без ведома светской власти, уйдет, чтобы быть на покое, сознавая себя недостойным действовать, как епископ, то может ли он вернуться после к тому, что он презрел и от чего ушел»? По-славянски сказано в ответ: вышесказано, что епископ, ушедший сам в место кающихся без насилия или принуждения гражданских правителей, не может претендовать на обратное занятие кафедры и не может требовать епископской чести. Ибо никто по Божественному слову, прилагающий руку к плугу, не отнимает ее обратно. Ибо плуг есть покаяние, через которое мы пожинаем плоды спасения». Ответ останавливается на том, что снимать одежды перед многими и при снятии каждой говорить: «Я не достоин» – не оставляет больше места для вторичного облачения в них после такого снимания». Почему такой и не может быть принят обратно и искать епископского достоинства». По поводу этого вопроса необходимо вспомнить, что сказал сам Никон Симеону Стрешневу (I, 21)

на его вопрос, достаточно ли отречение устное или должно быть письменное: Ты был ли в Соборе? И слышал ли сам отречение? или другие сказали тебе об этом?» А на суде Никон сказал, что его отречение выдумано, и отрекался он в своем особом смысле, т. е. не от престола, а только от непокорного народа. А Лигарида (I, 23) он спрашивал: «разве, когда вы служите, то окончив литургию, не снимаете священные одежды?... Ты говоришь, что я говорил, что я не достоин быть Патриархом и более не Патриарх; откуда ты это достал? Уходя из Москвы, я этого не говорил а свидетельствовал напрасный царский гнев на меня перед небом и землей». А в другом месте Никон (I, 104), утверждает, что «он свидетельствовал при уходе об обете Царя, о неисполнении этого обета, об его напрасном гневе, и потому ушел не без ведома Царя, но Царь принуждает называть этот акт свидетельства причины моего ухода отречением. Никон посылал Царю объяснительное письмо об уходе, но Царь его принял (I, 673) и отослал обратно. Совершенно очевидно, что ответ дается не о действительном факте, а на боярскую версию об уходе Никона, зафиксированную Собором 1660 г. под давлением правительства.

Глава XVI свитков.

Глава XVI заключает вопрос что делать, если после фактического оставления епископ приглашается через известных людей или через письмо правителя, может быть, даже лично им (последнее предположение выкинуто в славянском переводе), а он, поднявшись против правителя, не вернется? Ответ ссылается на – правило «епископ, который, будучи призван на Собор, пренебрежет призывом, разве что имеются чрезвычайные препятствия, подлежит наказанию, но, если далее, находясь среди множества своего народа, он презирает братскую любовь, то пусть будет наказан светской властью». Отсюда ясно, что такой упорный человек не подлежит призыву, ибо 1) он пренебрег врученным ему христианским обществом, 2) он оказал пренебрежение кафедре, 3) он ушел на покаяние и сознал

себя недостойным епископского служения без (слав.: какого-либо) принуждения, 4) он упорствует в неповиновении (слав. в нераскаянности и неповинности) и упорствует, отказываясь уступить просьбам, приглашающим его обратно, хотя бы это был сам государь». Однако цитируемые каноны говорят об обратном приглашении епископа со стороны Собора, а такого приглашения Никону и не было. О приглашении же со стороны государя каноны ничего не говорят, и это – произвольный вывод из канонов. Между тем ответ продолжает, что такой не подлежит обратному принятию на епископское служение, а должен быть наказан светской властью, как частное лицо (слав. перевод: как простой монах). Вот это – конечная цель ответов – наказание Никона светской властью для полного его обезвреження, но совершенно ясно, что цитированное правило нисколько к нему не относится, ибо Собор Никона не приглашал возвращаться, а приглашение власти светской не может быть сравниваемо с приглашением со стороны Собора; кроме того, приглашение князя Трубецкого Никону 10/VII 1658 не уходить не может считаться за серьезное приглашение вернуться, и Никон объяснил причину ухода, о ликвидации которой не было никакого намека, несмотря на то, что он ждал еще двое суток на подворье в Москве.

Глава XVII свитков.

Глава XVII говорит о совершении епископских действий и совершении посвящений епископом, ушедшим с кафедры. Ответ назначает за это отлучение и опять наказание от светской власти, ибо де, если низвергается посвятивший вне своей епархии, то тем более тот, кто, совершив отречение и от священных одежд, и от служения, продолжает простирать свои руки для передачи благодати Св. Духа, от служения Которому он самовольно отказался. Опять решается вопрос, неприменимый к Никону в виду другой природы его ухода, которая не исследовалась беспристрастно а устанавливалась с преднамеренной целью установить беспричинность его добровольного оставления и отречения от кафедры.

Глава XVIII свитков.

Глава XVIII задает вопрос, законно ли епископу оставить свою епархию и идти куда захочет безнаказанно. Ответ цитирует – правило «пускай епископ не уходит, разве, что с согласия первого престола страны, к которой принадлежит епископ, ищущий уйти, т. е., если не получит от самого первосвятителя специальную отпускную грамоту». Ответ говорит, что под специальной грамотой надо понимать или грамоту от высшего церковного начальства, если есть двойное подчинение, или от того, кто первый начальник в политическом отношении. Пальмер замечает, что если бы Никон прочел это, то назвал бы это бессмыслицей или вздором, и сам он в другом месте (IV, 610) называет требование от Никона спрашивать согласие Царя на уход абсурдом. Приводя различные глоссы и прибавляя к ним свои толкования, в которых проводится мысль, что для ухода необходимо согласие или первого в церковном отношении, или первого в гражданском, славянский перевод старается определить понятие ухода возможно уже: уход с кафедры на лицо уже тогда де, когда епископ оставил свою соборную церковь, даже если он продолжает находиться в пределах своей епархии, Сами же глоссы, цитируемые в свитках, не говорят этого и уход не определяют так решительно. Цитируемое правило говорит: «Святому Собору угодно, чтобы почиталось незаконным для епископа, оставляя свою кафедру, уходить в какую-либо церковь в диэцезе». Славянский же перевод говорит не о диэцезе, а «внутри своей епархии», что не соответствует греческому слову «диэцез» – термину цитируемых глосс, но зато позволяет применить канон к Никону, живущему в Воскресенском монастыре внутри своей епархии, тогда как канон разумел под уходом уход за пределы епархии, но в одном округе (диэцезе). Также глосса Зонары говорит: «Епископ по справедливости и по точности божественных канонов должен жить в своей собственной епархии и учить народ и управлять им, и не оставлять своей собственной кафедры, т. е. предполагаю я, свой первоначальный престол».

Славянский перевод говорит о начальнейших престолах, имея в виду применить это понятие к епископской кафедре в его главном Соборе Успенском, как отличном от тех кафедр, которые он имеет в каждом Соборе и Церкви своей епархии. Славянский или латинский исказитель перевода просто выпустил «я предполагаю, свой первоначальный престол» и заменил решительно словами «свою соборную церковь. Такое же искажение допускает славянский перевод при определении наказаний. Так перевод в послании Св. Кирилла к Домну слова: «если кто отрекся от престола и оставил стадо врученное ему, тому несправедливо претендовать после этого на служение» сделан так: «тому непозволительно после совершать литургию», т. е. перевод не только лишает ушедшего кафедры, но и священнослужения, потому что считалось опасным оставить Никона только без кафедры, но в сане.

Ответ считает, что на основании 16 пр. Двукрат. Собора безумно думать, что епископ может отрекаться от епископства и удерживать священство, ибо это правило устанавливает, что «кто отсутствует больше 6 месяцев из своей епархии, не будучи удержан благодостойным препятствием, теряет епископство и священство». Насколько же больше совершает преступление тот, кто отрекся от епископства и презрел заботу о стаде, оставив его волкам; как же ему давать право на священство?» Но дело в том, что этот канон дает возможность епископу отсутствовать из епархии до 6 месяцев по всякой причине, хотя бы для отдыха, но больше он может оставаться в отсутствии, только если есть на это уважительные причины, например болезнь, приказ Царя или Патриарха. Затем из канона слова: «Если епископ, не заботится о пастырстве над своим стадом,» выпушены в цитате, а между тем в них все дело, ибо именно истинная забота о стаде и недопущение светского правительства до дел, принадлежащих архипастырству, и вынудила Никона уйти. Вторая часть канона так и говорит: «Если какой-либо епископ, не заботится о пастырстве над своим стадом, но уходит и остается вне своей епархии больше 6 месяцев, не

будучи удержан болезнью или приказом Царя и Патриарха, то пусть будет лишен епископского ранга и чести». Первая часть канонов совсем не подходила для целей ответов и потому не цитировалась вовсе, а она гласила: «Ни под каким видом нельзя замещать епископскую кафедру, епископ которой жив; ибо необходимо чтобы было обвинение в каком-либо достаточном преступлении, которое было бы доказано против того, кого хотят удалить с кафедры, и только тогда, когда он низложен, можно ставить другого». (IV, 611 прим.). «Имя епископа, говорит ответ, есть выражение действия и энергии. И кто сбросил с себя энергию, тот потерял и Церковь. Не будучи способным называться епископом, как может он претендовать на священство? Как он будет называться иерархом, если не имеет под собой духовенства и не является правителем священников? И, если имя иерарха ему не принадлежит, то еще меньше может принадлежать активное выражение этой иерархии. (Славянский перевод говорит решительно: «вследствие этого еще менее он может быть компетентным на осуществление священства). Наконец ответ хочет ослабить прецедент, бывший на III Вселенском Соборе, когда епископ Памфилийский Евстафий, из-за трудности епископского служения, оставил престол, но получил разрешение от Собора по своей просьбе удержать имя епископа и честь и приобщение по епископскому чину внутри алтаря. Правило утверждает, что Собор поступил не канонически, а по экономии из необычного снисхождения, и что все же Евстафий не мог, будто бы, ни служить сам, ни посвящать, и поэтому ответ заключал; «отрекшийся от своей епархии лишается и чести и осуществления епископского служения в соответствии с канонами.» А славянский перевод говорит: «заслуженно и канонически.»

Глава XIX свитков.

Глава XIX спрашивает, что делать, если епископ, оставляя свою кафедральную Церковь, остается в своей епархии дольше 6 месяцев. Ответ почитает это даже большим

преступлением и заслуживающим лишения епископской чести, даже большого наказания, чем оставление епархии, ибо здесь больше жестокости и затаивания гнева против своего стада. Здесь то же игнорирование природы Никоновского ухода, как ухода от зла, по 17 пр. Сардик. Собора, который можно рассматривать, как средство архипастырского воздействия на пробуждение совести в виду данной клятвы.

Глава XX свитков.

Глава XX устанавливает, что в таких обстоятельствах местный собор епископов может выбрать другого Патриарха, что IV Вс. Собор не допускает вдовства Церкви больше 3 месяцев, и игнорирующий это Поместный Собор сам подлежит наказанию от большого Собора и от Бога. Этот ответ не давал разрешения трудности вовсе, ибо Собор поместный может быть созван только первым иерархом, раз он жив, — во всяком случае, не без его содействия. Никон при том отношении к нему, которое установилось с 1658 г., уже не был в состоянии созвать такого Собора. Мало того, этот вопрос исходит из того, что разрешен главный вопрос об уходе Никона, который был квалифицирован, как отречение, а сам Никон никогда не изменил взгляда на него, как на уход, совершившийся в силу нарушения Царем клятвы и последовавшего затем неправедного царского гнева.

Глава VII, VIII, IX, XXI, XXII, XXIII свитков.

Шесть глав — VII, VIII, IX, XXI, XXII, XXIII, говорят о суде над Никоном.

Уполномочен ли Константинопольский Патриарх судить дела других Церквей? От него ли окончательный суд? По 4 Сард. правилу, если какой епископ низвергается судом епископов, то он может быть восстановлен только Папой Римским.[1] А эта привилегия перешла к

[1] (Сардиксие правила определяли судебные права Папы, как Патриарха, на Западе.)

Константинопольскому престолу после отпадения Папы, который и решает дело, если с ним согласны другие патриархи, окончательно. (Здесь не разработан вопрос о том, все ли епископы могут обращаться с такой апелляцией к Константинопольскому Патриарху, или только епископы епархий его патриархата). Затем устанавливается в главе 9, что епископы патриархатов, находящихся под игом неверных, не теряют права судить в церковных делах. Глава 21 удостоверяет право епископов судить своего Патриарха, хоть он им и отец, ибо отец он им в отношении посвящения, но в отношении тожества служения и величия духовного достоинства и духовной власти собрат и соепископ служитель одного Бога. Отцовство и сыновство не причем, когда вопрос о правеЪ и справедливости, по крайней мере во всех церковных вопросах, когда на лицо духовная опасность согласно со словом: Тот кто мягок в других случаях, когда он знает, что Бог обижен, он становится по истине воином.

Глава VII говорит о возможности для обвиняемого апеллировать к Константинопольскому Патриарху, суд которого, при согласии решения его с решениями других патриархов, является окончательным. Казалось бы, об этом больше нет надобности и говорить, но помещается двусмысленная глава XXII, допускающая мысль, что суд уже совершен самими свитками, подписанными патриархами.

Глава XXII содержит вопрос о последствиях, если Патриарх отвергает суд своих епископов. Ответ говорит: «суд, (по-славянски вставлено слово «уже») высказанный письменно Вселенской кафедрой и другими патриархами, согласно канонам должен иметь силу против него без всякого предлога к дальнейшему спору в деле. Вставленное слово «уже» как бы намекает, что этот документ при надобности может быть использован как окончательное решение, составленное заранее, как и было сделано на Соборе 1666 г. Однако греческий текст ясно предполагает, что в случае апелляции, патриархи обязаны разбирать дело прежде окончательного решения, т. е. вызвать и в апелляционную инстанцию обвиняемого и допросить его лично. Так как суда

Константинопольского Патриарха над Никоном не было еще, то и приговор его не имел окончательного характера и не мог быть приводим в исполнение. К тому же Никон никогда и не читал и не слушал патриарших свитков, ибо они были прочитаны на суде в том заседании, в котором его не было, именно 30/XI, а потому не мог ответить на них сам, (Каптерев II, 336) и подлинного допроса его на суде произведено не было по всем обстоятельствам, в которых он обвинялся в этих свитках. Между тем суд этот почитался окончательным. Глава XXIII о числе судящих епископов допускает их в числе меньшем, чем 12, если обе стороны выбирают третейского судью, и тогда исключается апелляция. Таким образом допускалось, в случае ссылок Никона на недействительность суда, возразить ему, что он сам согласился на суд Восточных Патриархов, относительно же участия Константинопольского Патриарха, он был обманут патриархами во время суда указанием на свитки, как будто свитки произносили суд над самим Никоном, а не были только отвлеченным рассуждением о некоем епископе, совершившим то, что рассказывали бояре и Лигарид, а не то, что было бы доказано судебным разбирательством.

Глава VI свитков.

Глава VI старается опорочить отлучение на Питирима, Стрешнева, Сытина и Боборыкина, спрашивая, конечно, в общей форме, может ли духовное лицо какого бы то ни было чина отлучать кого захочет в личных делах, и связаны ли отлученные таким образом перед Богом? И подвергается ли неразумно отлучающий церковному наказанию? (Славянский перевод говорит: отлучающий без истинного канонического суда). Ответ приводит каноны, налагающие наказание за неразумное, поспешное и необдуманное отлучение. Говорится, что власть связывать и разрешать дана священникам не для того, чтобы это делать по собственному усмотрению, а только так, чтобы это угодно было Богу, что можно налагать наказания за причины, установленные канонами. Епископ, совершающий неразумное отлучение,

сам навлекает тем самым на себя обратное отлучение. А далее обнаруживается истинная движущая боярская пружина, создавшая ответы, совершенно не церковного характера. «Если не дано разрешения на неразумное проклятие или отлучение обыкновенного лица, то тем более запрещено оно по отношению к правителю, и к тем, которым вручена от Бога власть правления». В славянском же переводе просто сказано, «к высокопоставленным лицам», т. е. боярам и епископам. По поводу этих отлучений можно сказать, что для них Никон должен был по силе 34 ап. пр. собирать Собор, но на это он не имел никакой возможности, как потому, что сам он был насильственно разобщен от архиереев, так и потому, что все архиереи пошли по человекоугодничеству за поставленным Царем, независимо от Патриарха, местоблюстителем Митрополитом Питиримом, подчинились последнему, выйдя из канонического строя. Никон жаловался Константинопольскому Патриарху, что Царь вмешивается в церковные дела: «он анафематствует за кощунство Стрешнева, а Царь приказал не считаться с этим отлучением и почитать его по прежнему». (IV, 411).

XXIV Глава свитков.

Глава XXIV спрашивает, может ли епископ или Патриарх делать нововведения и вводить в свою Церковь необычные службы или обрядовые обычаи и переделывать установленные литургии. Ответ говорит, что тот, кто делает такие вещи одной своей властью, особенно, если он портит установленное святыми людьми и признанное святыми отцами и утвержденное давностью, вводит свое, тот подлежит низложению, (Славянский перевод добавляет и низвержению из сана), как делатель смуты, и подлежит анафеме вместе со своими нововведениями. Это положение подтверждается ссылкой на Апостола Павла:

«Если кто будет проповедовать вам иначе, то, хотя бы это был ангел с неба, анафема да будет». Вероятно, этот ответ призван был к применению на тот случай, если бы

обвинения, раньше приведенные, не привели бы к желанной цели; тогда можно было бы подвергнуть разбору все церковные обрядовые реформы Никона и в них найти что-либо, не утвержденное Собором. Собор 1666 г. из всех нововведений Никона в церковных делах не утвердил лишь его указание совершать обряды водоосвящения по случаю крещения Господня лишь один раз 5 января, а также осудил его меру, состоявшую в запрещении причащать разбойников, пойманных на месте преступления. Меру эту Никон объявил как средство борьбы с разбоем, еще в начале патриаршества, надеясь воздействовать на совесть.

Глава XXV свитков.

Глава XXV имеет в виду случай побития окольничим Хитрово 4 июля 1658 г. посланного Никоном во дворец своего человека князя Мещерского и, в виду обиды Никона на отсутствие наказания Хитрово за эту обиду, спрашивает: если кто побьет слугу епископа, или митрополита, или Патриарха, то оскорбление переходит ли на его господина? (По-славянски прибавлено: «или нет», как бы наталкивая на второй ответ) и может ли он сам судить обиду или предоставить это светскому суду. Ответ говорит, что не всякая обида переходит на господина, а только та, которая ясно имела в виду его. Но, если слуга учиняет беспорядок и получил оскорбление или побитие для приведения его к порядку (а в славянском переводе оказано «побит и выруган бесчестящими словами главными боярами Царя») теми, которые поставлены для исполнения царских приказов, то это оскорбление остается на учинившем беспорядок и не переходит на его господина. Если последний недоволен, то может обратиться к гражданскому суду. Но, если он сам вынесет решение, то, как презритель высшего суда, за попытку беспорядком исправить беспорядок, подлежит наказанию без извинения». Так сам Никон, не получивший удовлетворения за побитие его посланного за делом, оказывается еще и виновным, хотя он предупреждал, что, если Царь не даст удовлетворения его человеку в светском

суде, то он накажет по церковному побившего. В заключение ответы говорят, что таково общее соборное решение, что епископа, к которому относятся эти вопросы, согласно ответам на них, должно наказать без всякого опасения совершить этим неправду.

Но свитки патриаршие совершенно ничего не говорят, виновно или невиновно во всех перечисленных деяниях лицо которое имелось в виду при составлении вопросов; о наличии самой вины свитки ничего не говорили. Наличность вины решил суд до появления Никона.

Вопрос о наличности вины Никона решается 30/XI 1666 г. в его отсутствие.

Именно 30/XI, пока посланные за Никоном ездили в Воскресенский монастырь, собравшиеся у государя, как описывает и Каптерев (II, 336), в столовой избе Патриархи и другие стали слушать чтение свитка, заключавшего в себе ответы четырех Патриархов на царские вопросы, ранее (29/V, 1664 г.) привезенные с востока греком иеродиаконом Мелетием. По прочтении свитка Патриархи признали заключающиеся в нем ответы Патриархов подлинными и в то же время обратились ко всем присутствовавшим с вопросом: «на основании прочитанного свитка, виновен ли Никон в беспричинном и произвольном оставлении им патриаршей кафедры?» На этот вопрос все присутствовавшие на Соборе архиереи и духовные лица, а также бояре, окольничьи и думные люди отмечали, что по патриаршим свиткам «бывший Никон Патриарх повинен во всем и от патриаршества имеет быть отлучен. Никто не обратил внимания и на то обстоятельство, что известие о неверном переводе свитка достигали Востока. От 21 января 1665 г. архидиакон Досифей (будущий Патриарх и помощник русского правительства на востоке) писал Лигариду по поручению Патриарха Нектария, что Патриарх узнал, что в Москве патриаршие свитки переводятся неверно, и, если он – Нектарий приедет в Москву, то строго взыщет за то, и потому Досифей советовал Лигариду быть

осторожнее и стоять за умиротворение Церкви, «зане возвестися нам, яко твоя святыня могий соблазном вредити, не глаголеши о мире» (Гюб. II, гл. VIII).

Так еще до соборного суда над Никоном, дело его уже решено было окончательно на предсоборных собраниях, на которых Патриархи, архиереи и весь освященный Собор, т. е. все остальное духовенство, а также бояре, окольничие и думные люди, признали Никона во всем виновным и отлученным от патриаршестве. После этого самый Соборный суд над Никоном по существу дела был только простой формальностью и не мог иметь влияния на исход предрешенного суда.

О троекратном приглашении Никона на суд.

Любопытно отметить, как выполнено было требуемое каноном троекратное приглашение Никона на суд, без которого нет на лицо канонического суда. Этот момент очень характерен и подробно выяснен Гюббенетом.

В заседании 28 ноября патриархи заявляют, что надо позвать Никона, чтобы он дал отчет о самовольном отшествии из Москвы и о других церковных винах. Немедленно послали к Никону Псковского архиепископа Арсения, архимандрита Спасского монастыря Сергия и архимандрита Спасского Евфимиевского монастыря Павла. Они донесли 29 числа, что Никон ответил им: «Я де поставления святительства и престол патриарший имею не от Александрийского, не от Антиохийского, но от Константинопольского, а если де Александрийский и Антиохийский Патриархи по соглашении с Константинопольским и Иерусалимским пришли в царствующий град Москву для духовных вещей, и как де он соберется и в царствующий град Москву придет для духовных вещей известий ради, а собранию своему и поездке к Москве времени не объявил». Согласия правящего в данное время Константинопольского Патриарха Парфения не могло быть уже потому, что он принимал участие с султаном в низвержении обоих патриархов за их поездку в Москву (V,

712 пр.) Никон тотчас начал собираться в путь, служил всенощную, на другой день служил свою последнюю литургию, исповедовался причащался и маслом освящался, как бы перед смертью, говорил прощальную проповедь братии монастыря и днем 30 ноября тронулся в путь. Но ответ его в Москве решили истолковать, как отказ явиться немедленно на Собор, и в заседании 30 ноября решили еще два раза послать за ним, как требуется каноном, но, не дождавшись его приезда, в тот же день прочли свиток и решили без его допроса применить его к нему. Эти вторичные посольства Никон встречал уже на половине дороги в Москву на протяжении какого-нибудь часа или получаса времени между ними; причем одно из них задержало его в виду того, что имелась инструкция доставить его к 3 декабря. Нарочно посланный в Москву вернулся и разрешил ехать тотчас, так что Никон приехал в Москву в 12 часу ночи 30 ноября: Но очевидно в Москве не интересовались его скорейшим приездом, если давали распоряжения доставить его к 3 декабря, а сами уже 30/XI прочли основной свиток, который был одновременно и обвинительным актом и окончательным вердиктом; на следующих заседаниях уже не возвращались к нему и указывали на него Никону только, как на доказательство существующего будто бы согласия с Константинопольским Патриархом.

Ложное заявление Патриархов о наличии у них согласия Константинопольского и Иерусалимского Патриархов.

У Гюббенета написано: «И святейшие вселенские кир Паисий Папа и Патриарх Александрийский и кир Макарий Патриарх Антиохийский бывшему Патриарху Никону говорили, что у них совет и согласие рук святейших вселенских Патриарх Константинопольского и Иерусалимского с ними есть и указали на свитки». К этому они были вынуждены вопросом Никона: «Есть ли де у вас, Святейших Патриархов, совет и согласие с вселенскими Патриархами,

что его Патриарха Никона судить; а без их де совета он, бывший Патриарх, им отвечать не будет, потому что де хиротонисан он на патриарший престол от святейшего Константинопольского, а будет де у них, Святых Патриархов, совет и согласие есть с Константинопольским и Иерусалимским, что его судить, и он де ответ перед ними давать готов. Но Патриархи солгали: свитки не были суждением о Никоновском деле, а отвлеченным, независимо от конкретного лица обвиняемого, рассуждением о деяниях, описанных и освещенных Никоновскими врагами. В виду самого наличия, кроме свитков, особого послания Патриарха Нектария к Царю, где он просто рекомендует Царю позвать Никона обратно, возникает вопрос, почему здесь высказаны разные мнения.

Чем руководствовались Патриархи в суждении о деле Никона.

Пальмер замечает (IV, 502): «Письмо Нектария показывает, что Патриархи в глубине своей совести понимали, что положение Никона – плод ненависти могущественных его врагов, но они не решались высказать свои думы. Их собственные несчастные условия принуждали их быть на стороже. Царю они доверяли, и желали сказать ему правду, но бояр они боялись (им нужен был доступ к Царю ради милостей), и дали им неясные ответы, которые уже в латинском и славянском переводе были еще больше заострены против Никона.

Искусственные меры, принятые правительством о деле Никона по правительственным источникам.

Было все это проведено через того Лигарида, которому бояре за его консультацию и работу в деле против Никона прощали самые бессовестные дела, а не только курение табака, которое едва было прощено Никоном Мирскому митрополиту и то только лично ему, а не лицам его сопровождавшим (II, 528 прим.). Этот же Лигарид был призван осветить дело Никона приехавшим двум

Патриархам, от которых были отдалены всякие другие влияния. Пока они ехали от Астрахани, их сопровождали из Москвы присланные лица, и они не допускали никого к ним без разрешения Московского правительства, чтобы к ним не проникли сторонники Никона и сами эти особо присланные лица, а также митрополит Астраханский Иосиф (грамота напечатана среди документов у Пальмера III, 402) имели запрещение говорить с ними по этому делу. Беседа с Царем, богатые от него подарки должны были доделать остальное. С Никоном же первая встреча состоялась в заседании 1 декабря, когда накануне дело было по существу уже решено. Чтобы патриархи решили дело, как надо было правительству, для этого был поставлен Лигарид, который стремился воздействовать на их иерархическое самолюбие. В докладной записке Лигарида Патриархам, Никон обвинялся в том, что «он дерзнул поставить свой трон выше других Патриархов, стал поражать благодетелей своих и терзать, подобно ехидне, родную мать свою Церковь. Но Тот, Кто смиряет надменных, развеял, как паутину, замысел его именоваться Патриархом и Папою, (?) нарушая должное почтение к истинному Папе и Патриарху Александрийскому, которому принадлежит этот титул искони и поныне канонически... И Иерусалимского Патриарха оскорбил он, наименовав себя Патриархом Нового Иерусалима, ибо он бесстыдно и невежественно назвал новую обитель свою Новым Иерусалимом, забывая, что Софроний разделяет Иерусалим на древний христоубийственный и новый – порождающий благочестие. Никон хотел подчинить себе и Антиохийский престол (?), где впервые послышалось название христиан, стараясь обманчивой подписью (?) стать третьепрестольным. Он обидел вселенский трон захватом престола Киевского сего первопрестольного града равноапостольного Владимира, желая, чтобы его торжественно поминали так: Божией милостью Никон архиепископ Московский и Всея Великие и Малые и Белые России Патриарх. Он придумал, что, так как Александрия вследствие обстоятельств опустела и не служит более жилищем Патриархам, и Антиохия тоже распалась, то

Патриархи Александрийский и Антиохийский незаконно именуются Патриархами. Таким образом он по-иудейски прикрепляет власть к месту, но благодать Духа не ограничивается местом, но всюду свободно расширяется. «Затем Лигарид изобразил его» церковным новатором, поколебавшим и древнее церковное предание, что Никон был рукоположен дважды и потому и не есть законный Патриарх». Даже Каптерев, вообще настроенный против Никона и воспринявший его личную характеристику от Лигарида и Соловьева, говорит, что докладная записка Лигарида, имевшая в виду предварительно ознакомить Патриархов с делом Никона, составлена была крайне тенденциозно, и рассчитана на то, чтобы заранее настроить и вооружить Патриархов против Никона, показать в нем их личного врага, покушавшегося отнять у них их достоинство и честь, при чем Лигарид не поскупился относительно Никона и на разные выдумки и очевидные несправедливости. Для того, – кто читал наши цитаты из Никоновского «Раззорения» о власти и сравнительной чести Патриархов, совершенно ясно, что все эти обвинения — сплошная клевета, но клевета, сделавшая свое дело и восстановившая Патриархов против Никона.

В чем обвиняли Никона на суде?

На суде не было вовсе речи о тех обвинениях в отношении действий Никона к гражданской власти, как будто они не имели никакого значения; очевидно их считали слабым пунктом обвинений и обвиняли Никона сначала в уходе с кафедры, не принимая во внимание заявлений самого Никона, а потом читалось перехваченное письмо его к Константинопольскому Патриарху Дионисию, написанное в декабре 1665 г., в котором описывалась история Никоновского возвышения и падения; чтение его прерывалось обсуждениями отдельных мест, и таким образом перед нами не было систематического обвинения по тем пунктам, которые ставили вопросы восточным Патриархам; вовсе не подумали о том, чтобы наказание, предусмотренное там и заключающееся в низложении с

престола, низвержении из сана и ссылке, оказалось примененным к самому Никону. Этого и не нужно было, ибо еще 30 ноября все архиереи и бояре огульно заявили, что Никон повинен во всем.

Как раз в этот день Никон, по словам иподиакона Шушерина, повез с собой в Москву свое «Раззорение», которое было написано им в 1664 г. Мнение о времени писания «Раззорения» определяется тем, что в нем упомянуто об издании Библии на фронтисписе, вышедшем только 12 декабря 1663 г.; а в январе 1665 г. произошли переговоры Никона с Собором об условиях отречения его от патриаршества, из которых видно, что Собор почитал его не отрекшимся от патриаршего престола; если бы Никон писал «Раззорения» в 1665 г., он об этом конечно упомянул бы, и ему не зачем было бы подробно доказывать, что он не отрекался от престола. Самое это «Раззорение» не было представлено Никоном на суде, и ясно, что не было предметом суждений, ибо в противном случае многие резкости Никона были бы поставлены ему в вину, а с другой стороны были бы в деле следы спора с ним по существу о принципах царской власти. Говорили же на суде только об уходе Никона с престола, но, если остановиться на этом одном пункте, который только и разбирали на суде хоть сколько-нибудь, то и тогда ясно будет необоснованность суда; что касается обвинений во введении новых обычаев в церковно-государственных отношениях, о которых говорили главы I—V и X—XIII вопросов Патриархам, то в этом отношении никаких обвинений Никону не было поставлено. Любопытно посмотреть, достаточно ли объективно постановили Патриархи наказания за уход в виде низвержения с престола, лишения сана и наказания еще от светской власти.

Практика Константинопольской Церкви в отношении Иерархов, покинувших кафедру.

Посмотрим, какова была практика Константинопольской Церкви и наиболее известные в истории случаи оставления кафедр. В Константинополе после убийства Парфения II в

1650 г. был некоторое время Патриархом Иоаникий, затем Кирилл Коза, но его не приняли, и, так как он не смог собрать денег визирю и свите его, то был низложен и на его место поставлен Афанасий Пателяр, приезжавший в Россию в 1653 г., ранее бывший Салоникским митрополитом, а потом Патриархом по низвержении Кирилла Лукариса; он был опять низложен и получил от Молдавского бея Церковь и монастырь в Яссах. Потом он без позволения бея пришел в Константинополь и сделался Патриархом на место Кирилла Козы; он оставался Патриархом 15 дней и был низложен; вернувшись в Молдавию, он нашел Церковь свою переданной другим и уехал в начале 1653 г. в Москву и умер в Лубнах на Пасхе 1654 г. После Афанасия духовенство и епископы избрали Паисия, заставив его продать Ларисскую кафедру (этот Паисий в конце 1654 г. посылал ответы Никону в Москву о церковных обрядах); после него в 1655 г. был Парфений III, повешенный 25 марта 1657 г., затем был Дионисий до зимы 1665 г., Парфений IV до 1668 г., затем Мефодий и затем Парфений IV и Мефодий сменяют друг друга несколько раз.

Так и в Иерусалиме после смерти Паисия в 1660 году вступил Нектарий, который в 1668 г. отрекся, и его заменил Досифей. Из этой смены Патриархов и их обратного возвращения видно, что сам по себе факт оставления патриаршества не считался каким-либо преступлением и, если в Константинополе он вызывался условиями турецкой неволи, то в Москве мог вызываться другими условиями.

Обсуждение Никоновского ухода на Соборе между 16 февр. и 23 апр. 1666 г.

Сам по себе он вовсе не заслуживал кары, как то видно из исторических примеров Собор русских епископов, обсуждавший вопрос об уходе Никона между 16 февр. и 23 апр. 1666 года, т. е. до того времени, когда начался суд над старообрядцами, не исходил даже из того положения, что Никон отрекся, и обсуждал вопрос и на тот случай, если допустить, что Никон не отрекался, но ушел без

необходимости, не испросив согласия Собора, имея в виду 14, 34, 37 ап. пр. На случай отречения с клятвой он применил низложение с престола по 23 ап. пр. Он считал возможным применить и 16 пр. I-II Собора, независимо от того, было ли отречение или нет, за одно отсутствие с кафедры более 6 месяцев, не вникая в мотивы ухода (что неправильно, как показано выше, ибо все дело в мотивах). Он считал, что после отречения от кафедры нельзя своевольно возвращаться, но право выбрать дальнейший образ действия принадлежит Царю, Собору и синклиту. Если им кажется нужным и удобным пригласить Никона вернуться, то они компетентны это сделать, как явствует из исторических прецедентов. Если же нет, то сам Никон может требовать от своей кафедры только себе на содержание (П. IV, 609— 612). Здесь видна прежде всего неустойчивость в определении природы Никоновского ухода, что и понятно после переговоров с ним в начале 1665 г. об условиях будущего отречения; кроме того, вовсе нет речи о гражданском наказании в роде ссылки; о возможности лишения сана говорится очень глухо простым приведением 16 пр. III Собора и в заключение вовсе об этом не говорится, а говорится о возможности приглашения Никона обратно на кафедру.

Историческая справка о разного вида уходах Патриархов и епископов со своих престолов. Выводы.

К вышеназванному мнению приобщены были исторические примеры 5 разрядов: 1) Патриархов, добровольно оставивших свои кафедры без возврата на них, 2) Патриархов добровольно оставивших свои кафедры и вернувшихся на них, 3) епископов, отрекшихся от епископства и получивших разрешение снова действовать в качестве епископов, 4) случаи, когда Патриарх оставлял свою Церковь и был назначен на его место другой, 5) случаи, когда епископ оставлял свою кафедру, и назначался другой на его место.

1. К первой категории относится ряд случаев. Св. Григорий Богослов, выбранный II Вселенским Собором на

Константинопольский престол, оставил его, увидев, что один египетский епископ завистлив к этому; сказал речь на Соборе и ушел, оставаясь еще 12 лет епископом. Константинопольский Патриарх Григорий Мамма пророчествовал по вдохновению о падении Константинополя и добровольно покинул кафедру. Св. Патриарх Иона оставил кафедру, сказав императору Андронику Палеологу: «я, видя себя главой грешников, сделал все, чтобы избежать греха». Свят. Патриарх Трифон согласился, по рассказу Арменопула, быть Патриархом только на время, пока подрастет Феофилакт – сын императора. Свят. Патриарх Константинопольский Геннадий Схоларий, несмотря на мольбы епископов и народа остаться, написал свое отречение в книгу Великой Церкви и удалился в монастырь Св. Предтечи, где и умер. То же сделал свят. Патриарх Константинопольский Митрофан, отрекшийся письменно не только от патриаршества, но и от епископства. Эти примеры показывают, что отречение от патриаршества вовсе не влекло за собой отречения от епископства.

2. Ко второй категории относятся – Свят. Патриарх Константинопольский Пирр, который отрекся от патриаршего престола и после того, как пробыл на престоле его преемник Патриарх Павел 12 лет, он был восстановлен и был на престоле 4 месяца. Патриарх Константинопольский Дионисий, будучи оклеветан дурными клириками, что будто он обрезан турками, дал проверить свою клятву на Соборе и отрекся несмотря на то, что весь Собор, целуя его ноги, просил прощение и умолял остаться. Лишь, после смерти его преемника и изгнания следующего Нифонта, он согласился опять стать Патриархом. Эти факты показывают, что и отречение от престола вовсе не является таким одиозным фактом, чтобы нельзя было просить отрекшегося вернуться.

3. К третьей категории относится Николай Музалон Кипрский архиепископ. Он добровольно отрекся от епископской кафедры, но продолжал быть епископом и через 37 лет после отречения был поставлен в Патриархи Константинопольские и был там 3 года и 4 месяца. Феодул епископ Макарский добровольно оставил свою кафедру, но

ему снова было разрешено действовать епископски. Переменив свое настроение, он пришел к Патриарху Константинопольскому Михаилу Анхиалу и просил его об этом. Узнав, что это отречение последовало не вследствие какого-либо порока, а от смирения, Патриарх решил, что такое отречение не должно было принимать, ибо епископ, достойный этого сана, в случае отречения от епископства, поступает не канонически по второму правилу Александрийского: «если он достоин служить, пусть служит, если нет, да не отрекается, но да осудится». Евстафий епископ Памфилийский добровольно и письменно отрекся от епископской кафедры и снова был допущен к чести епископства, ибо, когда он обратился с просьбой о восстановлении епископской чести, то это ему было разрешено: было постановлено, что он должен иметь епископскую честь и именоваться епископом, что с согласия местного епископа он может совершать в Церкви епископские действия, посвящать священников и дьяконов, а что Собор Памфилийский может поставить его на вакантную кафедру (III Вс. Соб. 9 пр.). Так даже отречение от епископской кафедры не препятствовало снова назначать на кафедру отрекшегося: очевидно и отречение не лишало отрекшегося права и внимание к мотивам его отречения, на вторичное представление ему епископских полномочий, как это явствует и из рассмотрения четвертой категории случаев, где речь идет уже о Патриархах.

4-я категория случаев: после отречения Григория Богослова при его жизни был назначен Вторым Вселенским Собором Нектарий. После письменного отречения Патриарха Геннадия Схолария был поставлен кир Исидор; вместо отрекавшегося Патриарха Константинопольского Пирра, был поставлен Павел, а после него опять Патриарх Пирр. После отречения Патриарха Дионисия были на престоле Симеон Трапезундский, Рафаил Сергей, Максим Лага, Нифонт при жизни Дионисия, который при них опять стал Патриархом.

5. К пятой категории относится случай назначения епископа Феодора на место отрекшегося Евстафия

Памфилийского. В заключение всего сказанного: пока епископ жив и на кафедре пользуется епископской честью, другой не может быть назначен в силу 16 пр. Двукрат. Собора. Если епископ или Патриарх оставит кафедру и клянется не возвращаться, то он и не может вернуться, ибо станет виновным в нарушении клятвы, и тогда подлежит низложению по 24 ап. пр. (Вот почему надо было боярам доказывать, что Никон отрекся с клятвой). Но, если епископ или Патриарх добровольно отрекся от кафедры без клятвы не возвращаться, то он может вернуться двояким способом: 1) Если Собор видит его смирение, что он действует не по своим прихотям (в данном случае не обличая Царя и бояр), но как добрый пастырь, то он может просить его вернуться с честью, 2) во вторых, сам епископ, переменив свое настроение, может обратиться к Собору и просить его разрешить пользоваться прежней честью, раз нет преступления, этому препятствующего, через возвращение на свою кафедру. Патриарх, который добровольно отрекся только от своей кафедры, но не от епископства, может совершать епископские акты, как Григорий Богослов, после оставления Константинопольской кафедры ушел в Назианц, где и действовал епископски, посвятив в священники некоего Евлалия. Но, если епископ добровольно оставил свою кафедру и принял схиму, то уже не может совершать епископских актов в силу 2 пр. Собора в Св. Софии: «Епископ, который избрал свое место среди кающихся (т. е. принял схиму) не должен претендовать на епископскую честь, ибо монашеский обет – обет послушания и ученичества, а не учительства и власти, обет питаться, а не питать.

В результате исторической справки для бояр, чтобы окончательно отделаться от Никона нельзя было ограничиться одним обвинением в оставлении патриаршества.

Вот это каноническое разъяснение раскрывает, почему бояре для окончательного удаления Никона от Царя не могли ограничиться его уходом без лишения сана и

гражданской ссылки. Всегда была бы опасность его возвращения. Его надо было представить преступником, или надеть на него схиму. Если этого невозможно было достигнуть, надо было составить таким образом суд, чтобы он кончился не простым удалением Никона, а его низвержением из сана по меньшей мере. Так как этого нельзя было достигнуть путем суда правильного, который бы исследовал действительную деятельность Никона, то прибегли к Лигариду, который сумел составить суд безапелляционный из Патриархов, причем недостаток в согласии между Патриархами был затушеван подписями на ответах, которые им были представлены Патриархам, как отвлеченное рассуждение без отношения к лицу, а в Москве были представлены, как их суждение о Патриархе Никоне; сам же Никон был обманут ими о наличии несуществующего согласия Константинопольского Патриарха на суд над Никоном, причем Лигарид действовал на основании подложных полномочий на представительство Константинопольского Патриарха.

Необходимость для бояр, поддерживать версию о Никоне, как о человеке полупреступном.

Без этого бояре не могли быть застрахованными от восстановления Никона. В их интересах было поддерживать и версию о Никоне как о человеке почти преступном, или просто преступном, ибо самый его уход не был вовсе преступлением, а деянием архипастыря, воздействовшего на непокорное в церковных делах стадо. Без очернения же Никона бояре оказывались в незавидном положении гонителей выдающегося гениального человека и одного из лучших архипастырей русской Церкви, по признанию даже иностранцев его времени, посещавших Москву, иностранных и светских и церковных историков позднейшего времени, независимо от вероисповедания. Лишь марая его приписыванием ему всяких пороков, они реабилитировали себя от пятна, лежащего на них за гонение невинного и великого человека. С Никоном можно связывать целое

направление культуры. Если в светской сфере, как регент, он подготавливал деяния Петра, то в церковной охранял веками сложившееся церковное устройство, соответствующее канонам, от разрушения бояр и того же Петра, не понявшего значения Церкви самой по себе и нигилистически постепенно на протяжении 24 лет аннулировавшего, как мы увидим, ее общественное значение в государстве, устранившего ту симфонию Церкви и государства, которая лежала в основе Московского государственного строя, и заменившего ее утилитарными теориями современной ему философии. Но не он начал эту работу. Ее начали бояре при Алексее Михайловиче, которые через «Уложение» дали ход секуляризационным идеям века, а потом низвергли Никона за противодействие этому Уложению, за то, что он – крестьянский сын, монах, своим гением возвысился до положения властителя, советника Государя и затенил их, вельможных бояр. Творческому гению Никона была противопоставлена сплоченная интрига целого класса, окружающего Царя и в своих руках держащего управление государством, интрига, которая втянула в себя Царя и заразила его. Лигарид служил этим интересам и написал «Историю суда над Никоном», где высказал о нем ложные пристрастные взгляды, которые много содействовали затемнению истинного образа Никона.

Паисий Лигарид выступал в качестве боярского адвоката. С самого своего прибытия в Москву 28 апр. 1662 г. никем не званный, никем не посланный, Лигарид явился к председателю Литовского Приказа Симеону Лукьяновичу Стрешневу, незадолго до того отлученному Никоном, и через него представлен был синклиту и Царю, и они приняли его сразу, как «Ангела Божия» и сделали его своим советником и руководителем всего дела против Патриарха, против которого, по их мнению, еще ничего не было сделано, раз он не лишен священства.

Пальмер сопоставляет появление Лигарида в Москве 28 апр. и его выступление в устройстве дел Русской Церкви через 2 месяца после анафем, произнесенных Никоном

16 февраля, с проказой на челе Царя Осии после того, как он, несмотря на протест священника Азария, взялся за каждение в алтаре. Подготовив все дело, на процессе против Никона Лигарид совершенно не выступал, хотя неоднократно был задет Никоном, разоблачившим в его присутствии его неправославие и факт его отлучения Иерусалимским Патриархом, но тогда поверили Патриарху Макарию, ложно засвидетельствовавшему в суде 1 декабря, что Лигарид поставлен в дьяконы и попы в Иерусалиме. Отношение бояр к Лигариду и Никону очень характерно. Один ненавистен, ибо не потакает в страстях и отстаивает Церковь, другой потакает страстям – властолюбию, честолюбию, и потому приемлем, как Ангел Божий. За то на первого клевещут и возводят небылицы, а другого превозносят, несмотря на явные преступления, полную продажность. Этим страстям принесена в жертву и каноническая правда. Пальмер пишет: (V, 745—746) «Лигарид был принят, хотя был неизвестен и не имел грамот о своем положении, а Никон был отвергнут, хотя все клялись ему повиноваться. Лигарид был посылаем судить Никона в 1663 г. в Воскресенский монастырь за проклятие, будто бы изнесенное на Царя, ибо Лигарид служил боярам и Царю, а Никон за отказ служить боярам и Царю был объявлен низложенным и осудившим самого себя. Царь посвящал Епископов и переводил их через благословение Лигарида и возложение им рук. Но благословение Никона отвергалось, и его анафема игнорировалась. Чем больше появлялось известий о Лигариде, чем серьезней они становились, тем более настойчиво и бесстыдно он поддерживался даже при полном знании фактов; а с Никоном обходились, как с преступником, прежде даже обвинения, и осудили его в 1660 г., не призывая не суд; а когда позвали на суд, то позвали не для исследования дела, но как уже осужденного для того, чтобы прибавить новые обвинения во время самого процесса. Лигарид, бывший под анафемой и виновный в самых нечистых грехах, не был отпущен, когда перед приездом восточных Патриархов захотел уехать, чтобы с

ними не встречаться, как человек им известный, а был приставлен их осведомить и приготовить обвинение для суда над Никоном. Он переводил на латинский и контролировал переводы на русский язык патриарших свитков, в большей мере им самим составленных или внушенных; он присутствовал на соборном суде, подписывал его деяния вместе с актом о низложении Никона, затем после Собора стремился успокоить совесть некоторых Епископов и установить принцип абсолютной неограниченности царской власти. Он участвовал в избрании и поставлении и нового Патриарха, участвовал с Патриархом и епископами в мироварении, сослужил и приобщался с ними на пасхальной неделе 1667 г., а Никон в это время был низвергнут из священного сана и заточен под стражей в отдаленном монастыре. Это красочное сопоставление отношений боярства к Никону и Лигариду, сделанное Пальмером, иллюстрирует, что Московскому правительству нужна была не правда, а беспринципное служение иерархов его страстям. Толчок, данный Никоновским низложением, привел к дальнейшим церковным реформам Петра 1700-1724 г., несмотря на непродолжительную реакцию 1667-1700, а Никоновским идеям Руси оцерковленной и святой, поскольку они должны отражаться и в церковном устройстве и управлении, приходится до сей поры ждать своего осуществления. О предотвращении несчастия от нечестивого суда и гибели царства писал Никон Царю после своего прихода в Москву в декабре 1664 г.: «мы не уклоняемся от Собора, скорее приветствуем твое намерение, как благочестивое, если Патриархи сами намерены прибыть сюда и судить обо всем по Божественным заповедям Евангелия и по канонам Апостолов и Святых Отцов. Да, мы не противимся. Но мы умоляем твое благородие выслушать эти наши немногие слова увещания с кротостью и терпением. Твое благородие нашло правильным созвать после нашего ухода митрополитов, епископов и архимандритов, чтобы поставить суд, противный Божественным заповедям, ибо никакой канон не уполномочивает

Епископов судить своего Патриарха, особенно, когда они посвящены им, да еще судить заглазно.» Приведя Евангельские слова о суде против Христа, Никон продолжает: «видишь, христианнейший Царь, даже среди дикой злобы евреев ничего не было сделано без установленной законной формы или без свидетелей или в отсутствие обвиняемого, хотя они сделали всенечестиво. Поэтому Он сказал: «тот, кто предал Меня тебе, совершил больший грех». Так и тот, кто побудил против меня твое благородие (бояре), имеют больший грех. Если Собор осудил меня только за мой уход, то он должен равно осудить и Самого Христа, ибо Он часто уходил от злобы евреев... Я пишу тебе не из стремления на патриарший престол; мое желание – чтобы Святая Церковь была без смуты и чтобы ты не навлек на себя грех в очах Божиих. Я пишу не из боязни великого Собора за себя, но не желая навлечь несчастье на твое священное царство». Никон между прочим предупреждает Царя против поручения дела иеродиакону Мелетию ибо он известен ему, как подделыватель чужих подписей и печатей. Слова Никона о несчастии для царства можно почитать пророческими. Падение Никона надо считать несчастьем для царства, если сопоставить то, что он защищал, с тем, что было поколеблено в результате его падения, а именно прежнее общественное значение Церкви в Русском Государстве. Прежде мы остановимся еще на самом суде.

Глава III. Суд. Ссылка. Прочие меры преследования от бояр

Источники наших сведений о суде над Никоном. – Дни судебных заседаний по делу Никона. – Нарочитое умолчание официальных протоколов об обличении бояр Никоном и о его разговоре с Царем. – Как составлялись официальные протоколы соборных заседаний. – Что происходило в зале заседания 3 или 4 декабря, на котором не было Никона? – Отношение Лигарида к католичеству во время дела Никона. – Никон, отсутствуя при обвинениях его в опозорении Царя и своего стада, лишен был возможности точно определить свое обличение их в приобщении к Лигариду. – Незаписанный в протоколах инцидент обращения Царя к боярам и ответ Никона. – Сцена между Никоном и Царем. – Основная идея боярства в борьбе против Никона. – В чем обвиняли на суде Никона? Отсутствие обвинения его на суде в восхищении светской власти. – Собор неоднократно возвращается к вопросу об уходе Никона 1658 г., но не исследует этого вопроса. – Состав участников суда над Никоном. – Обстановка суда. – Речь Царя и вопрос Никона о полномочиях Константинопольского Патриарха. Обман Патриархов по отношению к Никону. – Допрос Никона об его уходе в 1658 г. – Заочное обвинение Никона во лжи и в оскорблении Царя за обличение в приобщении к католическому учению. – Обращение Патриарха Паисия к Царю о причинах своего прихода и его самопротиворечия. – Возобновление допроса об уходе Никона в заседании 5 декабря, опять без уяснения его основных причин. – Никон заявляет, что судящие его Патриархи теперь не Патриархи. Отказ Никона отвечать. – Намеренное искажение действий Никона его врагами. – Чтение в заседании 5-го декабря патриарших свитков (14-24 главы.). – Никон заявляет, что глава XV свитков содержит искаженный канон. – Никон вновь отрицает факт отречения от кафедры и говорит о гонении против него. В чем выразился гнев Царя? – Заявление Патриархов о своем апостольском преемстве и титулах. – Рассуждения о суде над Патриархом. – Возражение Никона против искажения и применения 12 Антиохийского правила. – Патриархи задают вопрос о наказании Никона греческим и русским епископам. – Приговор над Никоном, прочитанный 5 декабря, и ответ Никона. – Неосновательность обвинений, объявленных в протоколе 5 дек. – Тенденциозность суда над Никоном. – Окончательное судебное решение по делу Никона, читанное 12 декабря в Чудовом

монастыре. – Обряд низвержения из сана, проделанный над Никоном 12 дек. – Мотивы действий Патриархов в суде над Никоном. – Отношение Константинопольского Патриарха к совершившемуся приговору над Никоном. Письмо Парфения IV Царю. – Положение финансовое Лигарида в Москве. – Никон возлагал ответственность за приговор на Царя, но более виновными считает бояр. – Судьба Никона в ссылке. Два течения в Москве в отношении к Никону. – Никон не прощает Царя как Патриарх Царя, но прощает как человек человека. – Отношение Царя к Никону в ссылке. – Никон сам также просил прощения у Царя за личные обиды. Его сообщение Царю о своей жизни в ссылке. – Никон и в ссылке не признавал суда 1666 г. над собой каноническим. – Царь делает послабления Никону, когда с его вторым браком обессиливаются Милославские. – Никон считает суд 1666 г. несчастьем для русского государства и Церкви. – Никон отказывает в формальном прощении умершему Царю. – Выявление боярской злобы после смерти Царя Алексея Михайловича, до тех пор сдерживаемое. – Неурегулированность положения Никона в ссылке. – Надпись на кресте в Ферапонтовом монастыре. – Донос (ложный) на Никона в государственной измене (с Донскими казаками Стеньки Разина). – Сношения Никона с митрополитом Афанасием Иконийским, сообщающим ему об отношениях к его делу Константинопольского Патриарха. – Сообщение Никона о Донских казаках. – Возобновление преследований Никона в 1676 г. после смерти Царя. Собирание всех клевет. – Почва, на которой явились клеветники на Никона в гнусных поступках и измене – усиление врагов Никона и желание приставов выслужиться перед ними. – Заочный суд над Никоном 15 мая 1676 г., без предварительного допроса свидетелей и его по одним доносам. – Умолчание Соловьева о характере свидетельских показаний и свидетелей на суде 1676 года. – Опровержение Никона на обвинения в 1676 г. – Показания свидетелей (1676 г.) оправдывают Никона от клевет, но эти показания уже после суда. – Отношения Никона к боярству. – Бояре враждебные Никону вышли из лиц близких ко двору или занимавших высшие посты. – Участие Никона в государственной политике его времени. – Боярство, добившись осуждения Никона, обессилило положение Патриарха в государственном строе – Сравнение Никона с Крижаничем и Петром I в политических идеях.

Источники наших сведений о суде над Никоном.

О времени и деятельности суда нам повествуют официальные протоколы, мемуары Шушерина, написанные со слов свидетелей через несколько лет после суда, и Паисия Лигарида «История», написанная в 1666 г., а также работы Соловьева (на основании официальных материалов), Каптерева, Гюббенета, митрополита Макария и Пальмера. Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что официальные протоколы, использованные Соловьевым и напечатанные во втором томе Гюббенета не отличаются полнотой, вследствие отсутствия стенографической записи, что они существуют в нескольких редакциях краткой и сокращенной, из которых одни упоминают об одних происшествиях, а другие о других; мало того, в официальные протоколы включено только то, что разрешило правительство, потому базироваться на одних официальных протоколах было бы односторонне. Это обстоятельство вынудило исследователей дополнить их сообщения показаниями других лиц и делать самостоятельные выводы из того, что вошло в официальные отчеты и из того, что не вошло. Через это получились и разногласия. Для нас эти разногласия особенно важны, ибо освещают проявленную правительством тенденциозность в Никоновском деле во всех его стадиях.

Дни судебных заседаний по делу Никона.

Все сочинения одинаково признают, что днем формального низвержения из сана Никона было 12 декабря 1666 г. и все, кроме Шушерина (арестованного 30 ноября и могшего при записи через несколько лет спутать числа) утверждают, что последнее заседание по делу Никона, в котором происходило окончательное констатирование его вин и применение к ним правил, было 5 декабря. Но затем идут разногласия. Лигарид упоминает еще только об одном заседании 1 декабря, где и происходит все предшествующее окончательному решению в присутствии Никона; официальные же протоколы (некоторые) дробят предшествующее (5-му декабря) рассмотрение дела на 2 заседания – 1 и 3 декабря, или соединяют все в одно

заседание. На основании этого и Соловьев, и Каптерев, и Гюббенет, и Митрополит Макарий размещают все дело в эти же числа, с той, однако, разницей, что Соловьев умалчивает об отсутствии на втором из них самого Никона, а Каптерев отмечает его отсутствие, так же Гюббенет и митрополит Макарий,[2] что очень важно, ибо на заседание, относимое ими на это число, падает, по их же утверждению, предъявление важнейших доказательств в обличении Никоном Царя и всего синклита и всего народа в еретичестве из за следования за Лигаридом, а равно и представление писем Никона с подписью «бывший Патриарх» (для доказывания наличности отречения, Никон в другое время объяснил, что это не было отречение, а признание, что для Царя он не Патриарх, то есть «что Царь не почитает его Патриархом). Напротив, Пальмер это деяние выделяет в особое заседание, на которое Никон не был приглашен, и которое происходило, по его мнению, 4 декабря, а все предшествующее было поделено между заседанием 2 и 3 декабря, – когда и произошло предъявление Никону обвинения в отречении и уходе, и читалась грамота Никона к Константинопольскому Патриарху в качестве нового обвинения, предъявленного впервые ему на заседании в оскорблении Царя и всего синклита в приобщении к костелу.

Разногласие о том, было ли первое заседание с участием Никона 1 или 2 декабря, для характеристики дела не имеет значения; не имеет особого значения и то, было ли заседание без Никона 3 или 4 декабря, ибо разногласие об этом не приводит к разногласию о том, что происходило в отсутствии Никона. Каптерев, Соловьев Гюббенет, Пальмер, Митрополит Макарий – все согласны в том, что именно происходило в его отсутствие, и разногласие относится к распределению предшествующего разбирательства на

[2] М. Макарий (Ист. Рус. Церкви, т. XII, 724 стр. примеч.) доказывает отсутствие Никона в заседании 3 дек. ссылкой на запись в Патриарших выходах, где сказано, что 3 декабря были в верху у Государя Вселенские Патриархи и Московския власти, а Никона не было.

разные числа дней, что не так важно. Но существенное значение имеет указание на отсутствие Никона при обвинениях на него и объявлении в этом заседании со стороны Патриарха Паисия, что Никону верить больше не будут, ибо он лжет. Характерно, что Соловьев, во всем пристрастно старающийся обвинить Никона, и не оттеняет этого величайшего судопроизводственного нарушения, даже стушевывает самый этот факт, впадая в противоречие с самим собой, что и отметил Гюббенет, описывающий в XIV главе заседание 3 декабря: «Соловьев пишет: 3 декабря было второе заседание без Никона», а четырьмя строками ниже пишет: «когда подсудимый вошел, Царь, опять сойдя с своего места, говорил Патриархам речь. Но Никона не было на этом заседании и Соловьев сам об его участии больше не упоминает. Совершенно ясно, что в действительности Никона не было на этом заседании».

Нарочитое умолчание официальных протоколов об обличении бояр Никоном и его разговоре с Царем.

Что официально протоколы умолчали об отсутствии Никона в заседании, где ему были прибавлены обвинения, рассчитанные на самое строгое отношение к нему, что из них были выпущены иные обличительные слова Никона о боярах и его разговор с Царем, из которого видно, что Царь чувствовал движение своей совести при великой несправедливости к Никону и заглушал его противоположными чувствами, – ничего в этом нет удивительного. Стоит только вспомнить, что говорит изучавший деятельность Московских Соборов Каптерев об этих протоколах вообще и в частности о протоколах Собора 1666 г. в своем сочинении: «Царь и Московские церковные Соборы XVI и XVII столетий» (в Бог. Вест. 1906, III).

Как составлялись официальные протоколы соборных заседаний.

Его суждения об этом имеют особую силу именно в отношении постановлений Соборов, бывших после ухода Никона, когда Царь стал фактически во главе управления

Церковью. Мы полагаем, что суждение проф. Каптерева о значении Государя на церковных Соборах, бывших до этого времени, было преувеличенным, в виду его особого намерения доказать, что Царь был верховной властью в церковных делах; работы Соборов 1660 г. и 1667 г. не могут служить для обобщения и применения выводов относительно них ко времени предшествующему, ибо они происходили после совершенного Царем, но неотмечаемого ни в одном из сочинений Каптерева, канонического переворота после ухода Никона: захвата Царем церковного управления. Его соображения об этих именно Соборах 1660 и 1666 г. заслуживают принятия, ибо в это время действительно встал во главе церковного управления Царь. Вот что он пишет: (Ib. стр. 644). «Все соборные заседания происходили под постоянным наблюдением Государя; когда он сам не присутствовал на соборных заседаниях, то посылал на Собор своих доверенных бояр, думных дворян и дьяков; Государю докладывалось о всяком решении и заключении, к какому приходил Собор по тому или другому вопросу; Собор среди своих заседаний требовал от Царя дальнейших указаний и распоряжений для ведения соборных дел и, как скоро получал их, сейчас же приводил в исполнение». В другом месте он пишет: (стр. 654). «Весь процесс выработки соборных решений и постановлений находился в прямой или косвенной зависимости от Государя и в большинстве случаев служил выражением царских намерений и желаний в сфере церковных дел. То же нужно сказать и об окончательных постановлениях Соборов, получивших потом силу закона. Все соборные обсуждения, мнения и речи записывались на Соборах частными лицами, и на основании этих записей, составлялись по том так называемые «соборные деяния». Неронов заявил на Соборе: «аз же говорил Андреяну протопопу: что ты брат Андреане, мои речи пишешь не все, а что вы говорите с Патриархом всякие неподобные вещи и тех ни единой речи не пишешь?»... На соборном суде над Никоном в 1666 г. было несколько человек, которые записывали каждый все, что делалось и

говорилось на Соборе; несколько таких записей в черновом виде дошли до нас. Обработка соборных материалов, извлечение из них нужных постановлений требовало иногда много времени, а иногда и прямо творчества со стороны тех лиц, которым Царь поручал составить соборные деяния. Возьмем например Собор 1666—1667 гг. составить деяния которого Царь поручил известному Симеону Полоцкому. Последний перед официальными деяниями Собора сначала помещает сочиненное, очень витиеватое и довольно бессодержательное, оказание о святом Соборе повелением благочестивейшего великого государя Царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великие и Малые и Белые России самодержца в царствующем преименитом и богоспасаемом граде Москве на новоявлейшие раскольники и мятежники святые православные, кафолические церкви, совокупленном в лето 7174. Поместив сочиненное им сказание, Полоцкий переходит затем к изложению самих соборных деяний. Так как соборные заседания были открыты речью Царя к Собору, то он прежде всего помещает: «Слово великого Царя к освященному Собору». Но здесь же делает такую любопытную заметку: «Зде написати речь великого Государя», или, «доложив его, великого Государя, сию последующую» т. е. Полоцкий попросту сам сочиняет речь от лица государя и, с доклада государю, помещает ее, как царскую речь, в соборные деяния. В ответ на обращение Царя к Собору от лица последнего говорил Новгородский митрополит Питирим... И опять Полоцкий вносит свое сочинение в текст соборных деяний, выдавая его за ответ государю Питирима. Иногда некоторые деяния Соборов Царь считал неудобным предавать оглашению и тогда он совсем их вычеркивал из официальных соборных деяний, как не бывшие. Так например, на Соборе 1667 г. в течение нескольких заседаний горячо обсуждался вопрос о власти царской и патриаршей, причем русские архиереи очень единодушно и настойчиво проводили ту мысль, что священство выше царства (наученные, добавим, ученьем и жизнью Никона, которого они предали ради мирских благ),

тогда как греческие архиереи (Лигарид) усиливались доказать, что царство выше священства. В официальных соборных деяниях 1667 г. об этих заседаниях нет и намека – они были вычеркнуты государем, как очень неприятные для него, и Каптерев принужден был восстановить историю соборных заседаний 14-17 января лишь по сочинению Лигарида, что он и сделал в своей статье, помещенной в Богов. Вест. за 1892 год под заглавием: «Суждения Большого Московского Собора о власти царской и патриаршей». Иногда государь даже собственноручно вносил поправки в состоявшиеся соборные постановления. Так на постановлении Собора 1660 г. о низложении Патриарха Никона с патриаршего престола, встречается пометка: «правлено рукою Государя». Эти обстоятельства, указанные профессором Каптеревым, лишают официальные протоколы такого авторитета, чтобы считать, что все незаписанное на них и не происходило. В деле Никона, напротив, полученные из других источников сведения о происходившем дают основания думать, что именно пропущенное и было неприятно упоминать правительству и потому не попало в Соборные деяния. Так случилось относительно заседания, в котором были возведены на Никона новые вины во лжи и в том, что он назвал всех (а не одного Лигарида) еретиками, примкнувшими к католическому учению, и вместе со старыми винами голословно были утверждены, и была прочитано без него его письмо с подписью «бывший Патриарх». Обсуждение вопроса о приобщении к еретичеству началось еще в присутствии Никона.

Что происходило в зале заседания 3-го или 4-го Декабря, на котором не было Никона?

В предшествующем заседании была прочитана выдержка из перехваченного письма Никона к Патриарху Дионисию: «царское величество поставил свое повеление над священным чином, чтобы не принимали от Никона благословения, велел быть Собору, и на том Соборе

благословением Газского митрополита Паисия назначили Крутицкого митрополита Питирима в Новгород митрополитом, поправши Божий закон, а на его место поставили митрополитом Чудовского архиепископа Павла и других епископов к иным епархиям и далее: от сего беззаконного Собора престало на Руси соединение с Святой восточной Церковью и от благословения вашего отлучились, но от Римских костелов начаток приняли свой».

(Гюб. II XIV глава).

Царь сказал тогда: «Такие великие укоризны и неправды бывший Патриарх Никон затеял, забыв страх Божий, и писал ложно, будто в Московском государстве престало соединение с восточной Церковью, и тем письмом своим Никон соборную Церковь обесчестил, меня и весь освященный Собор и всех православных христиан от благочестивой веры и от благословения святых вселенских Патриархов отчел и причел к римским костелам и католической вере; укорял Газского митрополита, назвал всех еретиками. Если бы это затейливое и ложное Никоновское письмо дошло до Царьградского Патриарха, тогда бы всем православным христианам пришлось быть под клятвой; оно пронеслось бы по многим местам, и многих людей привело бы к сомнению, и за то должно всем стоять и умирать и от того очиститься так, как и в прежнее время за благочестивую веру умирали.» К царскому голосу присоединились митрополиты и патриархи, весь освященный Собор, бояре и думные люди, и били челом патриархам, чтобы допросить Никона – для чего он так писал и всех называл еретиками. Никон ответил патриархам, что об отлучении от вселенских патриархов написал потому, что Газский митрополит нашего Питирима из его митрополии перевел в другую, а на его место поставил другого митрополита и других архиереев из одного места в другое, а Паисию этого делать не довелось; он Иерусалимским Патриархом отлучен и проклят, а хотя бы Газский митрополит и не еретик был, ему на Москве долго оставаться не для чего, я его за митрополита не почитаю, у

него и ставленной грамоты нет, и мужик наденет на себя мантию, и он такой же митрополит; а писал я все то про Газского митрополита, а не о православных христианах. Я писал все это, говорит Никон, в отношении Лигарида, (т. е. относительно начатка полученного от него, а не о православном народе, который мало что ведал или просто ничего о том, что делалось в царском совете или царских соборах). В силу апостольских правил 10, 11 одна молитва с отлученным и низверженным повергает тому же наказанию. «Аще кто с отлученным от общей Церкви помолится, хотя бы то было в доме, такой да будет отлучен». 11 Апостольское правило: «Аще кто принадлежа к клиру с изверженным от клира молиться будет, да будет извержен и сам».

Но враги Никона ухватились за слова Никона и со всех сторон кричали: «Он всех нас назвал еретиками, должно об этом сделать решение по канонам. «И Никон, повернувшись к Царю, сказал: «Если бы ты Бога боялся, ты бы так со мной не поступил. Никон, замечает Пальмер, по-видимому, в этот момент понял вполне, зачем читалось его письмо к Патриарху Дионисию; побуждением к этому служило сорвать успех от ловкого, но бесчестного пользования им, внушенного Лигаридом. Еще в самом начале чтения письма Никон заявил Царю, что оно было написано частным образом в духовном порядке Константинопольскому Патриарху, как будущему судье, от которого он искал справедливого и беспристрастного суждения на свободном Соборе, а приказать читать его публично со стороны Царя значило Царю на самого себя навлекать публичные обвинения, чего Никон не делал. Никон сказал Царю:

«Не аз, о Царю... зазор тебе таковой нанесох, но ты сам вящще вся сия на себе нанес еси, аз бо писах к брату своему Господину Дионисию духовне и тайне, ты же вся твоя деяния обличил еси, не токмо твоя державы сущим всем, но и от конец земли собранным тобою, многим сие все явил еси: сего ради твое на тя обличение вящще быть неже от мене, единому токмо ему же и достоит се ведати возвещенное» (Шушерин стр. 118. Изд. 1817 года).

Следующее заседание без Никона началось прямо с речи государя, где он опять сказал, что «бывший Патриарх Никон в своем письме меня, весь освященный Собор и всего моего царства людей назвал еретиками, будто мы обратились к Римскому костелу, а Святая Церковь наша имеет в себе Спасителя нашего и Бога многоценную ризу и Святые мощи святителей Московских чудотворцев, и мы веруем истинно по преданию Святых Апостол и Святых отец, и потому должны за православную веру и за Святые Божии Церкви умирать. И вы бы, Святые патриархи, на эту жалобу учинили суд, как прежние патриархи рассуждали и суд творили прежним благочестивым греческим царям, и меня и освященный Собор, синклит и всех православных христиан нашего Российского царства от того Никонова названия очистили бы». Сказав речь, Царь поклонился патриархам, а освященный Собор, синклит и все присутствующие поклонились до земли. Патриархи заявили, что Никон в письме своем написал – то дело великое, и за него надобно стоять крепко; когда он тебя великого Государя, весь освященный Собор и всех православных христиан назвал еретиками, тогда он и нас назвал еретиками, как будто мы пришли еретиков рассуждать». Когда 5 декабря в числе вин было прочитано Никону и то, что он назвал всех еретиками, он заявил: «О названии еретиками сказана ложь, того я не говорил».

Прочтение этого отрывка письма было совершено, чтобы возбудить всех против Никона, но в суть его сообщения Константинопольскому Патриарху никто на суде не вникал. Нужно было выставить Никона, как архипастыря позорящего и поносящего свое стадо, к которому ни примирение, ни снисхождение не допустимы. И патриархи по сообщению Лигарида (III, 176) сказали: «Никон, который несправедливо и абсурдно клевещет на свое стадо и пишет ложно, что все от мала до велика обратились к учению Папы Римского, не есть истинный пастырь, входящий через дверь, но показал себя наемником и разбойником, вкрадывающимся для разрушения стада. Поэтому он подлежит

низвержению». (В скобках у Лигарида среди этой фразы значится, что Никон сам искал суда Римского Папы, а не нас вселенских патриархов). Но Никон обвинял Царя, бояр и духовенство вовсе не в прикосновении к латинскому учению, а совершенно ясно только в латинизации, поскольку они прибегали к благословению и инициативе Лигарида, т. е. к его миссии, посланничеству и юрисдикции, следовательно не абсолютно, а постольку, поскольку это соответствовало их действиям. Но его слова нарочно были перетолкованы так, как если бы он действительно обвинял и Царя, и синклит, и всю русскую Церковь в приобщении к католическому учению. А то, что Никон написал в отношении принятия юрисдикции Лигарида, было верно.

Отношение Лигарида к католичеству во время дела Никона.

Независимо от известного нам прошлого Лигарида и его «Истории Иерусалимских патриархов», анафематствованной в 1668 г., Лигарид находился в оживленных сношениях с католическим церковным миром; независимо от его католического образования, ведь, он приехал из Польши, где только что сам совершал католические мессы. Вскоре после суда над Никоном он получал письма из Польши не только от Доминиканцев по внушению Папского Нунция, но и от самого короля Иоанна Казимира, поощрявшего Лигарида в работе по соединению Церквей, как будто он призван был служить Римской Церкви в Москве; и сам он писал одному Доминиканскому отцу с просьбой через Нунция воздействовать чтобы ему «Пропаганда веры», высылала его ежегодную пенсию в 200 дукатов.

Пальмер приводит (V, 741 и 742) письмо Папского Нунция в Польше от Июля 1668 г. к кардиналу Роспильози о том, что он намерен сделать что-либо для поощрения митрополита Газского, который все более и более почитается ими всеми за делание столь Святого дела, и которому он заставил написать доминиканца о. Ширецкого, хорошо знавшего Лигарида. Копия письма о. Ширецкого при сем

была приложена для посылки кардиналу Роспильози. О. Ширецкий сообщал Лигариду, как он говорил Нунцию об усердии Лигарида в работе за истинную веру в Москве, за святое соединение греческой Церкви с католической. А Лигарид от 25 сентября 1668 г. писал ему в ответ, что желаемое дело (уния) неосуществимо: «никто здесь не слушает на такие темы. Я сам, единственное лицо, которое мог бы проводить это дело, и который воспламенен самым горячим усердием видеть успех его... подавлен несчастьями, преследуем заговорами, окружен клеветами. Патриарх Иерусалимский Нектарий прислал плохое сообщение обо мне, что я поклонник Папы, как продавшийся ему и имеющий ежегодную пенсию в 200 золотых дукатов, как клирик римской Церкви, чем я и не был бы огорчен, если бы действительно их получал, но я не имею ни одного пенса и имею только титул без содержания. Пусть святая Пропаганда рассмотрит внимательно этот пункт и определит, что вдохновит ее Святой Дух через милость и благодать Нунция, которого я прошу повлиять в этом деле, помня что Патриарх Московский Иоасаф II сделает все, что может, чтобы лишить меня всякого места в рангах духовенства, выталкивая меня и отсекая всякую нить моей надежды быть выбранным в патриархи. Прошу тебя, как отца, не оставить ни одного камня не перевернутым, чтобы сделать что-либо для меня». При этом посылаются приветствия Польскому примасу архиепископу Николаю. (Пал. V, 741). Это письмо как бы вскрывает намерение Лигарида стать Московским Патриархом и проводить унию, подобно митрополиту Исидору в XV веке. Это письмо Лигарида было опубликовано Theiner'ом в Ватиканской прессе в 1859 году в Риме в сборнике, озаглавленном «Monuments historiques relatifs au régne d'Alexis Michailovitch» и взятом из отдела Nunziatura de Polonia. Оно чрезвычайно важно, ибо проливает свет на истинные побуждения Лигарида в деле Никона. Помимо тех его обогащений, на которые указал Каптерев, как на истинную цель Лигарида, объясняющую его позицию в деле Никона, оказывается, что он стремился

сам занять его место, а после осуждения Никона составлением истории его осуждения сделать в этих же видах невозможным и его возвращение. Эта история – есть источник, которым питалась о Никоне русская историческая наука вместе с Каптеревым; именно Лигарид, как современник, описавший дело Никона, и почитался главным источником для характеристики и Никоновских идей и его личности.

Никон, отсутствуя при обвинениях его в опозорении Царя и своего стада, лишен был возможности точно определить свое обличение за приобщение к Лигариду.

Если бы Никон присутствовал при этих обвинениях, он не оставил бы их без ответа. Побудившие Царя публично читать письмо Никона хотели создать такое положение (как если бы не они и царь предали гласности его письмо), чтобы Никон подпал в глазах судей под канон, осуждающий всех, кто несправедливо оскорбляет Царя или кто, найдя пасквиль на Царя, вместо его уничтожения, его читает, и под канон, осуждающий епископа, позорящего свое стадо. Никон таким образом предстал бы перед судом, как преступник, и судьи пришли бы к тому заключению, что такие лица подлежат низвержению и даже смерти. Лигарид напоминал, что Никон сравнивал Царя с Иероваамом и Озией и называл делателем нечестия, нарушителем прав Церкви, ее разрушителем, а всех бояр называл отпавшими к учению Папы ради Газского митрополита паписта, которого он называл великим еретиком. Официальный протокол говорит про Никона: «Он был пристыжен его письмом, тайно присланным Святым Патриархам, которое было наполнено многими несправедливостями и клеветами против благочестивейшего Самодержца и всего православного царства».

Это была совершенная неправда. Никон не отступил от своей точки зрения на Лигарида, а напротив смело отстаивал факт нечестивого общения со скрытым католиком,

расстриженным православным митрополитом и содомитом, обличенным своим Патриархом.

Незаписанный в протоколах инцидент обращения Царя к боярам и ответ Никона.

Не найдем мы в официальных протоколах и заявлений Никона Царю и боярах, о котором сообщает и Шушерин (113-115 стр.) и Пальмер (V, 689-691). Инцидент произошел во время одной из остановок при чтении грамоты Никона Дионисию, проходивших в обсуждении прочитанного места. Шушерин пишет: «Прочитаху же оную грамоту не всю порядно, но иже угодно им, то назнаменовавше прежде и читаху». Прочли о жалобе Никона на заточение его доброжелателей, один из которых, по-видимому, перешел на сторону Царя (митрополит Афанасий Иконийский) и оказался среди судей; его показал Никону Царь. Шушерин передает, что обвинителями Никона выступили митрополиты Павел, Иларион и Мефодий, которые «яко зверие дивии обскачуще блаженного Никона, рыкающе, и вопиюще нелепыми гласы и бесчинно всячески кричаху лающе, протчии же от архиереев и от освященного чина никтоже ничто глаголюще, но вси стояху на своих местах по степеням своим, такожде и царский синклит. Бояре и вси сановници на друзей стране стояху по чину ничтоже вещающе. Видев же сие Царь яко кроме оных трех мужей никто ему не вспомоществует, возопи гласом велием и рече сице: «Бояре, бояре, что вы молчите и ничего не вещаете, и меня выдаете, или аз вам ненадобен». Никто не решался выступить, «только один боярин князь Юрий Долгорукий, той убо угождал Царю некая мала словеса поборствующа по Царе испусти, Святейшего же Никона Патриарха всячески уничижи. Видев же сие Царь яко ото всех во всем мало себе помощи обретает, вельми скорбен бысть. Рече же ему Святейший Патриарх: «о Царю. Сих всех предстоящих тебе и собранных на сию сонмищу, 9 лет всячески вразумлял еси и учил и на день сей уготовлял, яко да на нас возглаголят, но се что бысть не токмо что глаголати умеяху, но ниже уст

отверзити можаху, не вскую ли поучашеся тщетным: но аз, о Царю! Совет ти даю, аще повелиши сим на нас вергнути камение, то сие они абие вскоре сотворят, а ежели оглаголати нас, аще и еще 9 лет имати учиши, и тогда едва обрящеши что». Царь обратился к Епископу Лазарю Барановичу и сказал: «Лазаре, что ты молчиши и ничего не глаголеши и почто ты мене выдаеши в сем деле? Аз бо на тебе во всем надеялся.» Лазарь выступил из среды и сказал; «О, благочестивый Царю! Как имам праву оглаголовати или противитися», и сия изрек паки ста на место свое. (116 стр. у Шушерина, – у Пальмера V, 690). Перед заседанием он обещал Царю, что, если найдет какое преступление за Никоном, то молчать не будет.

Сцена между Никоном и Царем.

Вслед за сим разговором произошла сцена трогательной беседы у Царя с Никоном, также не попавшая в официальные протоколы. Она описана и у Шушерина, и у Пальмера «Мало же часу минувшу, в размышление пришед Царь, и став у престола своего и положи руку свою на устех своих молча один час, таже по сем прииде близ ко Святейшему Патриарху Никону и приял у него держимую лествицу пребирая, рече ему тихими глаголы, яко никому же слышати, токмо близ сущим монахом сице: «о святейший Патриарше, что яко сотворил еси сию вещь, полагая ми зазор великий и бесчествуя мя». Никон же рече: «како». Царь же рече: «внегда ты поехал еси из обители своея семо, тогда ты первое постился и исповедался и елеосвящением освятися такожде и святую литургию служил, аки бы к смерти готовился и сие ми быть великий зазор». Св. Патриарх рече: «истинно и, о Царю, яко все сотворих ожидая от тебе на ся не токмо скорбных и томительных наведений, но и самые смерти». Царь же клятвами утверждался рече: «о святче Божий! не токмо мне мнимое тобою се и глаголемое сотворити, но и мыслити не можно за твоя многая и неисчетная к дому моему и к Царице и к чадам моим благодеяния во время смертоносные язвы, в лета 162 и

163 годах, и внегда сущу ми во отшествии на брани к Смоленску и во иных сопротивных градех, тогда ты елико потщася и потрудился, якоже кокош со птенцы, с ними преводя от места на место, ища покоя и благорастворенного воздуха, от безгодные смерти, всемилостивейший Бог молитв ради твоих и таких дела трудов дом весь сохранил, яко зеницу ока, и за сия ли твоя бывшая благодеяния воздати ми злая, ни, не буде ми сего ниже помыслити», и некими клятвами страшнейшими себя заклял. Святейший же Патриарх Никон, удерживая его рукою, тихо рече: «Благочестивый Царь, не возлагай на себя таких клятв, веру же ми ими, яко имашь нанести на мя вся злая, и беды и скорби от тебе готовятся на мя зело люты», приречe к сему и от Божественных Писаний». Это был последний их интимный разговор в жизни, который закончился словами Никона в ответ на мирные заверения Царя: «Добро и блаженно избрал еси аще совершити (мир), но ведай буди, – яко не имать от тебе сие совершитися, зане гнев твой, начатый на нас, хощет конец прияти». После чего продолжалось чтение грамоты.

Основная идея боярства в борьбе против Никона.

Разговор этот показателен в том отношении, что подтверждает, как и все последующее отношение Царя к Никону с постоянными посылками подарков и испрашиванием прощения вплоть до смертного одра, что не в Царе был корень злобы против Никона, но что, окруженный боярами, стоящими во главе правления, враждебными Никону, и не прощавшими Царю и Никону влияния последнего, Царь был бессилен по своей слабохарактерности выступить за Никона; чтобы ему выступить с силой Грозного Царя, надо было нераздельное содействие Никона, восполнявшего его недостатки, как правителя, но этого то, то есть воссоединения Царя с Никоном и нельзя было допустить боярам: в этом была вся их идея борьбы против Никона, если только можно назвать идеей тупое стремление поддержать во что бы то ни стало

свое аспирируемое положение прирожденных советников Царя; свое падение им удалось впрочем отстрочить не надолго, ибо падение Боярской Думы или ее незаметная смерть и замена Сенатом из людей заслуги, а не породы, была политической смертью боярства.

В чем обвиняли на суде Никона? Отсутствие обвинения его на суде в вохищении светской власти.

Упомянув о важных пропусках в официальных протоколах, которые пропущены и писателями, нерасположенными к Никону и продолжающими отношение к нему боярства и Лигарида (Соловьев и Каптерев), мы должны обратиться к тому, в чем обвиняли Никона и за что еще его судили, если исходить из того, что произошло на суде. Мы видели, что значительная и первая по порядку часть вопросов в свитках была посвящена вопросам о соотношениях гражданской и церковной власти. Но не только не было произнесено ни одного слова обвинения в этом на Никона, но даже при Никоне и не читались эти главы, благоприятствовавшие утверждению государственного верховенства и косвенно обвинявшие Никона в его оспаривании. Дело на суде происходило так, как будто этих обвинений вовсе не существовало. Сделано это было, может, и потому, что действительно Никон касался государственных дел только лишь постольку, поскольку сам Царь привлекал его к положению советника, а в его отсутствие и к положению государственного регента; в силу же патриаршего положения, он выступал в качестве печаловника за несправедливо обиженных и притесняемых, что было обычаем государственной жизни Московской эпохи.

Собор неоднократно возвращается к вопросу об уходе Никона 1658 г. но не исследует этого вопроса.

С самого начала суда говорилось об отшествии Никона, и в каждом заседании к этому возвращались; кроме того, читалась в выдержках, интересных для правительства,

грамота Никона к Константинопольскому Патриарху и попутно происходили вопросы Никону, на которые он отвечал с своей обычной прямолинейностью, но характерно то, что ни один вопрос, даже главный вопрос об оставлении кафедры, не был углублен до возможности осветить его всесторонне на суде. Когда Никона спросили с самого начала по предложению Царя, отчего он ушел, он заявил, что от царского гнева. Но Собор не исследовал его ухода, не пересматривал свидетельских показаний, данных в 1660 г., не рассматривал всего того, что было сделано для исследования этого на Соборах 1660 г. и 1666 г., ни соборных постановлений 1660 г., ни проекта Никоновских предложений об отречении, сделанных в начале 1665 г., ни соборных контр-проектов, сделанных в ответ на них весной 1666 г.; не рассматривался и главный вопрос, который требовал разъяснения при действительно правдивом отношении к делу, – причина царского гнева, и суть разногласия между Никоном и Царем, приведшего к его уходу; всякий намек на это избегался, судя по протоколам. Пальмер предполагает только, что Никон больше сказал об этом, чем врагам его угодно было занести в протокол, ибо Шушерин говорит, что Никон смело и ясно пояснил, как и почему он ушел из Москвы и за что он наложил анафемы. (Стр. 109).

Состав участников суда над Никоном.

На суде над Никоном присутствовала вся Русская Церковь в лице своих высших представителей. Официальный протокол упоминает 28 епископов, из них было 2 Патриарха, 11 иностранных во главе с Паисием Лигаридом, пришедших по своему делу для милостыни, а не в силу канонического призыва на Собор, правильно переданного через местных Патриархов; иные из них были привлечены не каноническим призывом, а медоточивыми речами Мелетия для своей цели в угоду Царю и боярам; было затем 6 епископов русских, получивших свое посвящение (кроме Питирима) и поставление через Паисия

Лигарида после ухода Никона, 8 епископов Никоновского посвящения и Лазарь Баранович, перешедший сам из подчинения Константинопольскому Патриарху в Киевской митрополии в подчинение Московскому Патриарху. Из епископов Никоновского поставления 4 были явно враждебны Никону (Иоасаф Астраханский, участвовавший в следствии 1663 г. Иосаф Тверской, равнявший свои показания в 1660 г. по Питириму, Илларион Рязанский, недовольный тем, что в 1652 г. его отец, – митрополит Антоний, б. старец Анания, к которому пришел 12 летний Никон в Желтоводский монастырь, – отказался от патриаршества для Никона, и Александр Вятский недовольный за перевод с Коломенской Епархии). Лишь два Епископа были благосклонны к Никону: Симон Вологодский и Лазарь Черниговский. Суд происходил якобы с согласия правящего Константинопольского Патриарха, т. е. Парфения, но это была ложь, ибо он участвовал в низложении обоих Патриархов именно за их поездку в Москву. Эта ложь была совершена патриархами с самого начала, когда Никон спросил, имеют ли они полномочия его судить, а патриархи показали на свитки, как на свои полномочия, не имевшие, как мы знаем, никакого отношения к полномочиям патриархов; даже подписи Патриарха Парфения не было под каноническим рассуждением свитков. Состав суда, в котором было 11 иностранных Епископов, обязанных Московскому правительству, и включал в себя митрополита Новгородского Питирима, митрополита Крутицкого Павла, которых Никон, хотя безрезультатно, отводил, как причастных к делу об его отравлении – кроме упомянутых четырех врагов, обеспечивал обвинительный приговор. Из духовных присутствовали еще 29 архимандритов, 10 монахов и протопопов. Из главных бояр, присутствовавших на суде Лигарид упоминает Никиту Ивановича Одоевского, Григория Черкасского, Юрия А. Долгорукого, Ивана Прозоровского (начальника Малороссийского Приказа П. V пр. 216), боярина Петра Салтыкова, окольничього Родиона

Стрешнева (Семен Лукьянович Стрешнев уже умер в 1666 г., кн. А. Н. Трубецкой – в 1663 г., Б. И. Морозов в 1661 г. (П. II, 402).

Обстановка суда.

Суд был обставлен очень торжественно; около царского трона, стоящего на высоком месте, стояло два кресла для патриархов и перед ними стол, на котором лежали свитки; по бокам с одной стороны сидели духовные власти, с другой – бояре. За Никоном отправилась депутация в лице Епископа Мефодия и двух архимандритов с приказом идти скромно без креста и Евангелия. Решено было, чтобы Никон сначала сидел, а потом стоял, а сидеть по правую сторону от Царя; при его входе не должны были вставать. Посланный архимандрит Иосиф вернулся и сказал что Никон категорически отказывается идти без креста, и ему разрешили идти с преднесением креста. Когда он вошел, все встали; Никон, встав у царского места, читал входную молитву о здравии государя и его семейства, о Св. Патриархах и всех христианах. В это время Царь и все стояли. Потом Никон трижды в землю поклонился Царю и дважды Патриархам, а затем по обе стороны архиереям и боярам. Он вошел, как Патриарх, и все с этим примирились. Ему предложили сесть. Но он сказал: «места, где бы мне сидеть, я здесь для себя не вижу, а с собой не принес. Я пришел узнать, для чего меня звали».

Речь Царя и вопрос Никона о полномочиях от Константинопольского Патриарха. Обман Патриархов по отношению к Никону.

Тогда Царь сошел с своего места и стал у края стола. Так же, как и икон, он все время стоял. Царь изложил свою точку зрения, сказав: «От начала Московского государства ни от кого не было такого бесчестия, какое учинил бывший Патриарх Никон; для своей прихоти, самовольно без нашего повеления и без Соборного совета, Соборную Церковь оставил и патриаршества отрекся без всякой причины, никем

не гоним, и от того учинились многие смуты и мятежи, а Соборная Церковь вдовствует без Патриарха 9-й год. Допросите его, святые Патриархи, для чего он престол свой оставил и ушел в Воскресенский монастырь»... Но Никон на вопрос Патриархов сказал: «Я хиротонисан от Константинопольского Патриарха; есть ли у вас совет и согласие с вселенскими Патриархами Константинопольским и Иерусалимским, «чтобы меня судить? Если есть, я готов дать вам ответ», и Патриархи сказали: «да, есть» и указали на свитки.

Допрос Никона об его уходе в 1658 г.

После этого начался допрос. Сначала Никон сообщил, что уход в 1658 г. был побит его домовый человек, и не было дано ему обороны Царем, потом Царь перестал в Церковь ходить на его богослужения, рассказал о присылке боярина Ромодановского с повелением не писаться великим Государем, что он делал раньше по повелению Царя.

Что Никон не имел пристрастия к этому титулу показывает и то, что он далеко не всегда именовал себя им, а иногда просто Государем. Так в грамоте 27 марта 1658 г. игумену Полоцкого Богоявленского монастыря Игнатию о непосредственной зависимости его от Москвы, Патриарх Никон величает себя: «Божией милостью архиепископ Царствующего града Москвы великий господин и Государь». А в другом месте: «Мы, великий господин и Государь Святейший Никон Архиепископ царствующего града Москвы и всея Великие и Малые и Белые России и всея северные страны и помория и многих государств Патриарх». (Белорусский Архив стр. 110).

На это Царь сказал, что не ходил в Церковь за недосугом, что бесчестие домовому человеку на Никона не переходит, что называл он великим Государем Никона ради почитания, о гневе не поручал говорить. Родион Стрешнев сообщил, что, когда он с Трубецким был в Воскресенском монастыре, то Никон сказал, что он впредь не хочет быть Патриархом, что, когда его избрали Патриархом, то он положил клятву

быть Патриархом только три года. Никон: «Я так не говорил», и затем произошел диалог, выяснивший всю клевету об уходе Никона, которая утверждалась боярами и которая была составлена ими на основании произвольного сочетания и сопоставления разновременных слов и действий Никона в Успенском Соборе 10 июля 1658 года, сказанным им в другом смысле. Патриархи: «какие обиды тебе были от великого Государя?» Никон: «Обид никаких не было, но как великий государь стал гневен и перестал ходить в Церковь, поэтому я и патриаршество оставил». Патриархи спрашивают архиереев, и они отвечают, что Патриарху Никону от великого государя никаких обид не было. Никон: «Я об обиде не говорю, а говорю о государевом гневе; не я один, а и прежние Патриархи, как Афанасий Александрийский и Григорий Богослов – также бегали от царского гнева». Патриархи: «Другие Патриархи оставляли престол, да не так как ты: ты отрекся и сказал, что впредь не будешь Патриархом, а если будешь Патриархом, анафема будешь.»

Никон: «Я так не говорил, а говорил, что за недостоинство свое иду, а если бы я отрекся от Патриаршества с клятвой, то не взял бы с собой и святительской одежды».

Патриархи: «Когда посвящают, говорят: «достоин», а ты, Никон, как снимал с себя святительские одежды, говорил: «не достоин».

Никон: «Это на меня затеяли». Затем стали читать Никоновскую грамоту к Константинопольскому Патриарху Дионисию, перехваченную с пути, и попутно предлагать Никону вопросы.

Когда читали в грамоте то место, где он объяснял свой уход, ему опять повторили обвинение в уходе, но Никон опять повторил, что великий государь перестал ходить в Церковь на патриаршие служения, и это он принял за немилость к себе; с патриаршества он сошел собою, а не по царскому приказу, патриаршества не отрекался; о государевом гневе объявил небу и земле и, уходя с Москвы, кроме саккоса и митры ничего не взял с собой. Когда

Патриархи сказали: «если бы был на тебе государев гнев, то об этом тебе бы следовало посоветоваться с архиереями и к великому Государю посылать ходатаев бить челом о прощении, а не сердиться», «Никон ответил: «Я для того и не советовался с архиереями, чтобы государя на гнев не привести». Но архиереи и бояре на вопрос об обидах Царя Никону говорили: «От великого государя Никону никакой обиды не было», «пошел он с престола не с обиды, а с сердца и отрицался с клятвой: снимая панагию говорил: если и помыслю быть Патриархом, да буду анафема». Об уходе Никона опять говорили в заседании в его отсутствие, причем Царь показал Патриархам письма Никона; из них в одном он назвался бывшим Патриархом (мы знаем в каком смысле Никон так писал, именно, что Царь его не почитает, как надо почитать Патриарха, к которому обязан послушанием в церковных делах), а в другом, где Никон протестовал против действий митрополита Питирима в неделю Ваий, он подписался Патриархом. Патриархи объявили, что по царским книгам, кто трижды объявился во лжи (это было в отсутствие Никона), тому верить нельзя; потому не будут верить Никону ни в чем.

Когда Никону поставили, в ответ на его обвинение в поставлении Мефодия в области Константинопольского Патриарха, на вид неканоничность назначения им епископа в Полоцк, который не входил в Московский Патриархат, то Никон ответил, что там не было вовсе епископа, ибо епархия была униатская. Поэтому митрополит Макарий напрасно повторил упрек Никону в своем XII томе, что он ставил епископа в чужой епархии. Никон указывал на отсутствие православной епархии.

Заочное обвинение Никона в лжи и в оскорблении Царя через обличение в приобщении к католическому учению.

Затем, соединив обвинение в отречении с обвинением в оскорблении Никоном всего стада, они тут же прибавили: «По правилам Святых Апостол и Святых отец, кто кого

оклеветует в каком-либо злом деле и того дела не доведет и какое наказание определено виновному в таком деле, учинить тому, кто оклеветал; а кто на кого возведет еретичество и не докажет, тот клеветник достоин, если духовного священнического чина, низвержения, а если мирянин – проклятия. А Никон тебя, великий Государь, весь Собор, синклит, и всех православных христиан назвал еретиками; то мы и будем на основании тех правил судить Никона, и это дело станем обсуждать прежде, потому что это дело великое». В заседании 5 декабря опять несколько раз спрашивали об отречении не с целью углубить дело, и уяснить в чем был гнев Царя, в чем было разногласие Царя с Никоном, кто из них был неправ, и кто претендовал на недолжное, а просто для того, чтобы показать, что Никону ни в чем не верят.

Обращение Патриарха Паисия к Царю о причинах своего прихода и его самопротиворечие.

В этом заседании Патриарх Паисий обратился к Царю с речью (совершенно противоречащей с письмом этих Патриархов к Константинопольскому Патриарху Парфению, где приход в Москву объяснялся нуждой в дальнейшей милостыни и покровительстве всем Восточным патриархатам и надеждой на пользу для греческих интересов): «Благочестивый Государь. Бог весть, что мы пришли в царствующий град Москву не для какой-либо милостыни или нужды, а по твоей царской грамоте, что Патриарх Никон оставил соборную Церковь и свой патриарший престол, и потому Русская Церковь вдовствует 9 год».

Возобновление допроса об уходе Никона в заседании 5 декабря, опять без уяснения его основных причин.

А обращаясь к Никону Патриарх Паисий сказал: «Ты, Патриарх Никон, отрекся от патриаршего престола с клятвою и ушел без законной причины. Для чего ты это сделал?» Никон: «патриаршего престола я не отрекался, клятвы не произносил, а засвидетельствовал небу и земле и

ушел от государева гнева. Я и теперь не отрекаюсь исполнить волю царского величества, куда великий Государь изволит, я туда и пойду – благое по нужде не бывает». Патриархи: «мы слышали мнение, что ты отрекся от патриаршества с клятвой». Никон: «Это на меня затеяли. Если я не годен, то я и теперь не желаю патриаршего престола, а куда царское величество изволит, туда я и пойду».

Никон вовсе не утверждал, что хочет патриаршей кафедры да никогда и не стремился занимать патриаршую кафедру при сложившихся условиях вражды против него, и раньше он писал Царю, что он не противится избранию другого Патриарха, но без его содействия всякий, ставший Патриархом, подлежит анафеме. Казалось бы, при отказе Никона возвращаться на кафедру, когда таким образом не было никакой нужды спорить о том, что именно он сделал, в каком смысле ушел с престола, освободил ли он кафедру совсем, или мог возвратиться на нее сам, – ибо он теперь-то во всяком случае ее освобождал, – то, казалось, надо было вспомнить о начатых в 1665 г. переговорах с Никоном об условиях этого освобождения; но это не входило в планы врагов: им надо было отнестись к Никону, как к преступнику, чтобы освободиться от него навсегда; для этого надо им было выставить непременно самый его уход, как преступление, и присоединить к нему новое обвинение в оскорблении им всей паствы причислением ее к еретичеству. Где же обвинение к покушении на царскую власть? Если бы оно было, неужели было бы умолчано об этом, когда в течение 8-ми лет непрерывно отыскивались и собирались обвинения, когда всякий малейший акт Никона извращался, с целью представить его криминальным, когда на самом суде пришлось для обвинений прибегать к величайшим натяжкам? Утверждения Никона об его уходе было обессилены ссылкой на книгу Атталиота, указывающую верить показаниям 2 или 3 свидетелей и его заявление о том, что показывают его личные враги, не было уважено;

благожелательные же Никону свидетели на суд не вызывались.

Никон заявляет, что судящие его Патриархи теперь не Патриархи. Отказ Никона отвечать.

Когда митрополит Илларион заявил, что «ты и про святейших Патриархов Паисия и Макария говорил, что они не истинные Патриархи», Никон сказал: «мне о том достоверно известно, что на их место поставлены другие патриархи; говорили мне об этом греки; нужно, чтобы великий Государь указал о том исследовать, – допросить греков, да допросить и вселенских Патриархов по Евангелию»: Патриархи, сердясь, стали говорить: «мы престолов своих не покинули, мы не изверженные (Патриарх Парфений низвергнул их) и патриаршества не отрекались, – разве турки без нас что учинили; если же кто и дерзнул наши престолы занять против правил или принуждением турок, то те не Патриархи, а прелюбодеи. Св. Евангелию тут быть не для чего, архиерею не подобает на Евангелии клясться. А ты Никон вовсе отрекся; на тебя есть много свидетелей, что ты патриарший престол оставил с клятвой (свидетельства эти были в 1660 г., но в сущности утверждали это только митрополит Питирим и князь Трубецкой), да от тебя и вся Москва смутилась».

Никон: «свидетельствуюсь Богом, что от сего часа я отвечать перед вами, Патриархами, не буду, пока вы не предоставите грамоты от Константинопольского и Иерусалимского Патриархов.» Никон очевидно почувствовал обман его относительно полномочий, не говоря по существу о той несправедливости, которая совершалась над ним. Его протесты против захвата Царем Церкви, обусловленные его обязанностью Патриарха, были приняты, как оскорбление, влекущее низвержение.

Намеренное искажение действий Никона его врагами.

Его уход, предпринятый в архипастырской заботливости показать, что отношение к Церкви со стороны бояр и Царя

недопустимо, был принят, как оставление обязанностей своего служения, влекущее неспособность возвратиться на престол по 2 кан. Соф. Собора 879 г. Его отсутствие из Москвы, хотя стражи у городских ворот имели приказ не впускать его в Москву, и он въехал в декабре 1664 г. лишь по особому указанию Зюзина, – почиталось как нерадение наемника, а самый приезд как 1664 г. почитался, как насильственный захват престола, при одновременном обвинении в нерадении о стаде. Полное непонимание или, вернее, старание не понять истинное намерение Никона, вследствие нежелания допустить его в Москву на патриаршество, а через и к Царю, отличают все действия его врагов.

Чтение в заседании 5-го декабря патриарших свитков (14-24 главы).

Далее мы несколько подробнее воспроизведем заседание 5 декабря по Пальмеру, так как в русских сочинениях оно везде в укороченном виде, а между тем, оно характеризует способ применения канонов к делу Никона. Проф. Каптерев, говоря (II, 347, 348) о заседании 5 декабря, говорит о протесте Никона против цитируемых против него правил, но не объясняет причины этого протеста со стороны Никона, не уясняет, что Никон протестовал и против смешения правил произвольным их толкованием в свитках, и против применения их к нему в виду иной природы его ухода, чем та, которая имелась в виду цитированными правилами. Последнее происходит потому, что природа Никоновского ухода не выяснена проф. Каптеревым; он также не выслушал Никоновских объяснений, данных в его «Раззорении»; между тем они объясняют все поведение Никона за период 1658—1664 г. в отношении его к правам на Московский патриарший престол.

Приняв, как исходный пункт дальнейшего, свои утверждения о винах Никона, судьи перешли к чтению 14-24 глав свитков, пропустив все те главы, которые касались соотношений власти светской и церковной. Сначала прочли

14 главу, в которой установлено, что епископ, отрекшийся от своей кафедры и ушедший в число кающихся (кто принял великую схиму), не может на нее вернуться, в подтверждение чего цитировано в 14 гл. свитков 13 пр. I—II Собора (в действительности 12 пр. Собора 879 г.). Пальмер (V, 713) замечает, что Соловьев отожествляет текст патриарших свитков, читанных на Соборе, с канонами, смешивая в одно цитаты из канонов по свиткам с самими канонами Кормчей и греческого Педалиона, лежавших на столе перед патриархами; он пишет: «патриархи приказали Амасийскому митрополиту по-гречески читать каноны (имея в виду свитки и каноны в том виде, как они приведены там), а по-русски митрополиту Иллариону».

Никон заявляет, что глава XV свитков содержит искаженный канон.

Они читали первое решение главы XV:[3] всякий, кто оставил кафедру по своей воле без преследования, тому не должно позволять на нее возвращаться» и далее о покаянии-плуге, от которого руки не отнимаются. (Как если бы это было сказано в 2 пр. Собора 879 г. только что цитированном). Тогда Никон, увидев, что читаются не каноны, а произвольно составленные выводы из них, сказал: «это не каноны Святых Апостолов, или Вселенских, или поместных соборов. Таких

[3] Выдавая его за 2 прав. Собора 879 года, тогда как это правило говорило не об уходе, а о принятии монашеского сана епископом, каковой рассматривается этим правилом, как отречение, что видно из самого его текста в Кормчей: «аще который епископ или пресвитер, или дьякон восхищен снити во мнишеский чин и стати на месте покаяния рекши постригшися, епископ оттоле уже да не имать архиерейского сана. Мнишестии во обете покорения имеют словеса и ученичества, а не учительства, ни первопрестольства, ни паствити, но пасомому быти обещаваются; сего ради якоже прежде речено есть, повелеваем архиерейского чина и пастырем сущим к тому уже не начальствовати, но в пасомых и кающихся страну себя свободити. Аще же кто се сотворити дерзнет по изъяснению и по разуме ныне изреченного суда, иже сам себе святительского сана лишил, к тому на первый степень не возвратися его же самеми делесы отвержеся».

канонов я не принимаю и не слушаю». Патриархи: «так ты не принимаешь как канонический, этот наш Собор (скорее этот свиток), который утвержден против тебя четырьмя патриархами?» Это была ложь, ибо свиток не поминал Никона. Никон сказал: «эти писания не лучше старых бабьих сказок, ибо приводятся поддельные каноны, неправильно истолкованные и комментированные. Поэтому я не принимаю их. Ибо кто же говорил, что покаяние есть плуг и кто применял евангельский текст о плуге к покаянию?» Когда Митрополит Павел сказал, что Церковь приняла эти каноны (разумея каноны Собора 879 г.), то Никон сказал: «их нет в русской Кормчей (т. е. нет правила или толкования, теперь приписываемого Кормчей); греческие каноны (если там такой текст есть) неправильны, или Патриархи написали свое толкование; и она (т. е. книга, о которой говорится, что она их содержит) напечатана еретиками (как показывает обложка) в Венеции».

Никон вновь отрицает факт отречения от кафедры и говорит о гонении против него. В чем выразился гнев Царя?

«Кроме того я не отрекался от кафедры (т. е. безоговорочно в смысле этого канона, еще меньше принимал великую схиму, которую теперь изволили называть плугом покаяния); это на меня затеяли». Патриархи сказали: «наши греческие каноны правильные». Когда Тверской архиепископ Иосаф сказал об отречении с клятвой, Никон назвал это ложью и в четвертый раз сказал, что не ищет возвращения на кафедру. И опять Никон повторил, что «если бы отрекся, не взял бы риз с собой». Никон прибавил: «не только его одного гнали несправедливо; это сделали и с Златоустом.» Затем, повернувшись к Царю, сказал: «Как на Москве была смута (1648 и 1662 гг.), ты в то время страха ради и сам неправду (боярскую) свидетельствовал среди бояр, и я устрашась (твоего пленения этой боярской неправдой) ушел от твоего гнева». Так Никон свидетельствовал, в чем состоял гнев Царя: не только в нехождении в Церковь и неудовлетворении за

обиду его человека, но в выдаче его боярам, в предоставлении им совершать свои неправды, о которых Царь и сам знает по бунтам 1648 г. и 1662 г. Царь сказал: «Ты говоришь неподобные слова и оскорбляешь меня», и тут поднялось на Никона негодование.

После читалась глава о епископе, который, оставив кафедру, отказывается на нее вернуться, 17-ая о епископе, совершающем епископские акты после отречения, 18-ая о незаконном отсутствии епископа и 19-ая о епископе, который по страсти или по нерадению уходит и игнорирует пастырство над своим стадом, оставаясь в своем диэцезе. Правила составлены так, чтобы предусмотреть все комбинации, кроме той единственной, которая отвечала наличной действительности с Никоном, природе его ухода ради архипастырского воздействия и одновременно ухода от злобы людей по 17 Сардикскому правилу, разрешающему и вернуться по окончании гонения. Читались правила 20, 21 и 22 о суде над Патриархом и апелляции к Константинопольскому Патриарху.

Заявление Патриархов о своем апостольском преемстве и титулах.

По-видимому в связи с чтением 22 правила об апелляции к Константинопольскому Патриарху, Патриархи заявили: «мы все четыре Патриарха – преемники Св. Апостолов. Я, прибавил Антиохийский Патриарх, преемник князя Апостолов Петра, этот брат мой Александрийский – Марка, Константинопольский – Андрея и Иерусалимский – Иакова, брата Господня. Поэтому, если мы что говорим, то от уст Апостолов и Евангелистов.» По Соловьеву, Александрийский Патриарх спросил: «знаешь ли ты, что Александрийский Патриарх – вселенский судья?» Очевидно, патриархи хотели импонировать Никону своим собственным авторитетом и без Константинопольского, ссылаясь на широкие титулы, хотя бы они и не включали в себя особых прав юрисдикции. Но Никон ответил: «Тогда суди себя по тому же правилу, как и нас. В Александрии и Антиохии, как в Москве, нет теперь

патриархов. Александрийский живет в Каире, Антиохийский в Дамаске, (подразумевается, а Московский – в Воскресенском)». Когда читалась 23 глава о количестве епископов, судящих Патриархов, в которой есть ссылка на Матфея Властыря, и Патриархи сказали: «слушай св. каноны», то Никон сказал (уже по опыту с 14 и 15 главой): «греческие каноны (разумеется в виде цитированном в свитках) неправильны (если они таковы в вашем Педалионе); они напечатаны еретиками.» Патриархи предложили Никону расписаться, что Греческий Номоканон еретичен.

Рассуждения о суде над Патриархом.

Никон, разумеется, отказался сделать это, ибо он высказывался о правилах в том виде, как ему цитировали, и упрек его относился бы к самому Номоканону только в том случае, если бы оспариваемые им цитаты Патриархов, ему читанные , соответствовали Номоканону в точности. Когда его спросили по существу вопроса, сколько епископов может судить епископа и сколько Патриарха? Никон ответил, что «Епископа II, а Патриарха вся вселенная (т. е. все Патриархи)». Патриархи тогда спросили Никона: «как же ты один низложил неканонически еп. Павла Коломенского (в 1654 г.) и сослал его?» Никон: «Я не моим собственным авторитетом низложил его.» Видя бесконечный словесный спор, Патриархи сказали: «мы пришли сюда не спорить с тобой, но дать патриаршее решение. Так как ты спрашивал нас, имеем ли мы полномочие других двух Патриархов, то смотри, мы показываем тебе их подписи на этих двух свитках, посланных в Москву раньше нашего прихода». Никон посмотрел на подписи и сказал: «я не знаю их рук.» Патриарх Макарий: «Это подлинные подписи патриархов.» Никон: «Широк де ты здесь, а как ответ дашь перед Патриархом Константинопольским (Парфением)?» Поднялись голоса: «Как ты не боишься Бога, что бесчестишь великого Государя и вселенских Патриархов и называешь истину ложью?» Затем прочли 24 главу свитков о нововведениях, и в связи с этим надо сопоставить приказ

Патриархов отнять у Никона крест, несенный перед ним, на том основании, что Патриархи такого обычая не знают, ибо Никон перенял его у латинян. В действительности это был малороссийский обычай, которому следовал в Москве и Патриарх Макарий в 1654-1656 г. Он был заимствован от униатов и поляков в Малороссии и оттуда перешел в Великороссию. По словам Шушерина, когда отбирал архидиакон Анастасий этот крест у монаха Марка, тот сказал Никону: «Св. Патриарх, у нас отбирают наше оружие.» На это Никон сказал: «Да будет воля Господня. Если дадут приказ отобрать нашу последнюю одежду или сделать еще более неприятное, мы не подлежим за это порицанию, но пострадаем с радостью, страдая за имя Господне». За тем архидиакон поставил этот посох между другими патриаршими посохами.

Возражение Никона против искажения и применения 12 Антиох. Правила.

После Патриарх Александрийский сказал: «хотя я вселенский судия, я желаю судить по Номоканону, и велел читать 12 Антиох. правило: «Всякий, кто беспокоит Царя и смущает его царство, не подлежит защите.» Никон возразил, что эта книга (из которой цитируется канон) напечатана еретиками. И он мог возразить, говорит Пальмер, что этот канон имеет совершенно другой смысл, будучи направлен против тех, которые беспокоят Царя, привлекая его вмешаться посредством его светской власти в церковные дела.» Указывалось и на то Никону, что такой канон есть и в Русской Кормчей. Но Никон сказал, что и при покойном Патриархе Иосифе неточно печатали[4].

[4] Текст 12 Ант. Правила в Славянской книге Правил показывает, что цитата его в свитках его искажает. Оно говорит о порядке апелляции в церковном суде и запрещает клирикам, недовольным судом первой инстанции, обращаться к царскому суду, и приказывает обращаться к большему Собору епископов. «Аще же сих пренебрегши, гласит правило, Царю стужати будем, таковый да не удостаивается никакого прощения, да не будет места его защищению и да не имеет он надежды восстановления».

Патриархи задают вопрос о наказании Никона греческим и русским епископам.

Патриархи спросили греческих епископов: «какому наказанию подлежит Никон, который попрал Божественные каноны и презрел предания отцов, против которого столько обвинений, который обвинялся в стольких убийствах (это может намекать на дело Ив. Сытина, еп. Павла), и который совершил бесчисленные акты грабежа и несправедливости в течение своего патриаршества?»

Они сказали: «он должен быть канонически низвергнут и лишен права совершать священнодействие.» – «Вы сказали хорошо» сказали Патриархи, и русские епископы на тот же вопрос ответили: «Пусть он будет низвергнут самым полным образом, ибо он виновен во многих винах». И Патриархи сказали Никону: «Отныне ты не Патриарх, и не должен совершать священнодействий и должен быть как простой монах.»

Приговор над Никоном прочитанный 5 Декабря, и ответ Никона.

У Лигарида помещен такой приговор, произнесенный в этом заседании: «Благословен Бог. Нам и Святому Духу и божественно коронованному Царю благоугодно:... и мы постановляем согласно решению Св. патриархов наших братьев во Святом Духе и сослужителей, что Никон более не Патриарх Московский и не должен больше так называться, вследствие деяний, теперь исследованных, и вследствие беззаконий, совершенных им, запрещенных канонами и подлежащих наказаниям. Из них главные следующие: 1. Он представлял славнейшего православного Царя в своих письмах к четырем вселенским Патриархам отступником и тираном 2. Он объявил, что весь яснейший синклит латинизирован и обратился к еретическому учению, без

Так, это правило охраняет суд церковный от светской власти, тогда как свитки сделали из него ограждение царства от покушений на его спокойствие.

всякого доказательства, только по страсти клевеща на свое стадо. 3. Он упорствовал, презирая патриаршие свитки и греческие книги, напечатанные в Венеции, отвергая иные поместные соборы и понося Патриархов Александрийского и Антиохийского, как не живущих в тех городах и не обладающих своими престолами (так и было). 4. Он виновен в смертной жестокости, особенно к епископу Павлу Коломенскому. 5. Он сорвал с себя беспорядочно в Соборе патриаршие одежды, объявляя себя недостойным и, наконец, суммируя все: 6. За его акты грабежа, несправедливости и беззакония и за его фантастические идеи мы лишаем его епископской чести и власти, так что в будущем он уже не должен больше называться Патриархом или Епископом, но просто монахом. Так пусть он и именуется на все будущее время раз навсегда».

Никон, посмотрев на патриархов, сказал: «Вы не осмелились бы так говорить и действовать, если бы не получили разрешения от Царя.» В этих словах заключалось непризнание Никоном канонического суда над Патриархом, который может исходить только от всех Патриархов, как от духовной власти равных по сану. Никон ушел на подворье, не благословив народ и без креста, который до сих пор предносился перед ним. Установленное против Никона обвинение не выдерживает критики.

Необоснованность обвинений объявленных в протоколе 5 декабря.

В письме к Константинопольскому Патриарху Никон описывает только действительность, как он сделался Патриархом, на каких условиях, как Царь нарушил клятву, что делал Царь в церковном управлении, как он ушел и проч. Если он говорил об апостасии, то в смысле религиозно-философском, а не в смысле ругани. Об обращении всего синклита к еретическому учению Никон не говорил, а только о приобщении к посланничеству и юрисдикции католика Лигарида который не только просто был католиком, но, как оказывается из его писем и образа

действий, стремился, сделавшись Патриархом на Руси, ввести в ней унию и, может, в этих видах главным образом и старался, так над низвержением Никона. Недоверие Никона к патриаршим свиткам, обнаружившееся, как только стали читать свитки, в которых перемешаны тексты канонов с самовольными толкованиями их, вполне оправдано, ибо Никон увидел, что не только исказили природу его ухода, но и самовольное толкование правил стали выдавать за сами правила. Он говорит, что, если так читаются правила, то значит их исказили и неверно напечатали в Венеции; он, ведь, не был посвящен в ту работу, которую проделали над свитками Лигарид с Мелетием, и не знал причины искажения их. Обвинение в смертной жестокости к Павлу Алеппскому не было доказано. Павел умер в ссылке от неизвестной причины, а Никон старообрядцев ссылал только ради прекращения их пропаганды, а к казням приговаривали их уже после собора 1667 г., когда Никон не имел уже никакого значения. По отношению к Павлу Коломенскому Никон имел одобрение Константинопольского Патриарха и Царя, и Патриарх Макарий его за это не порицал в бытность в Москве в 1654—1656 г., хотя об этом знал и даже жил в доме Коломенского Епископа в Коломне, пока была чума; если бы он находил неправильность в этом, то сказал бы Никону, который, по свидетельству сына Патриарха Макария Павла Алеппского, просил говорить обо всех недостатках в уставе церковном и весьма почитал его авторитет. Но Павел Алеппский хвалил Никона за ссылку Епископа Павла Коломенского (II, 78), очевидно со слов отца своего, к которому относился с почтением. Обвинение в срывании с себя священной одежды с объявлением себя недостойным не было доказано на суде, а только голословно утверждалось, несмотря на протесты самого Никона, которые подтверждаются позднейшими изысканиями по восстановлению речи Никона 10. VII 1657 года и сличению текста читаной Никоном 10. VII 1658 г. проповеди Златоуста с собственными пояснениями Никона. Никон говорил о своем недостоинстве, как пастыря, обвиняя себя, что его стадо

недостаточно просвещено, как обвиняли себя великие Архипастыри древности, но его слова об этом недостоинстве его враги приурочили к сниманию одежды, которая всегда снимается после службы, и охарактеризовали, как отречение. Огульное, бездоказательное обвинение в грабежах, несправедливостях и фантастических идеях было голословно, и не разработано. Перемены в имущественных отношениях епархий и монастырей, отчисление одних монастырей от епархий и причисление их к другим монастырям, закрытие Коломенской епархии и открытие Вятской делалось с ведома Царя, с участием Царя, но ничего Никон не делал в пользу личного обогащения, тратя все только не Церковь и церковные нужды. Что касается фантастических идей, то они названы очень неопределенно; если это выражение имеет в виду борьбу Никона против цезарепапизма, то его идеи не фантастичны, а являются восстановлением традиции Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Феодора Студита и вообще святоотеческого учения об отношении государства к Церкви.

Тенденциозность суда над Никоном.

Суд, не изучивший дела и преднамеренно закрывавший глаза на причины Никоновского ухода, останавливавшийся только на внешних поводах к нему, не принявший его объяснений и не допросивший свидетелей с его стороны, заблаговременно всех сосланных, не может почитаться судом каноническим, не говоря уже о способах составления самого соборного суда, о способах составления правил для суда и о просто мошеннической подтасовке инкриминируемых Никону фактов прежде их судебного выяснения под искусственно составленные правила, смешанные с толкованием на них.

Окончательное судебное решение по делу Никона, читанное 12 декабря в Чудовском монастыре.

Но окончательное судебное решение было составлено после и было прочтено во время самого низвержения Никона

из сана в церкви Чудова монастыря. Оно было более полно не в смысле углубленного разъяснения установленных на суде обвинений, а в смысле прибавлений новых обвинений, которых не было Никону предъявлено на суде, которые фигурируют иногда просто в придаточных предложениях, предшествующих тексту самого обвинения и приговора. Так было с самым главным обвинением, предъявленным Никону уже не на суде, а исторической наукой, основывавшейся на этом документе, и потомством; я разумею обвинение в восхищении царской власти. Вот как начиналось это постановление: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Извещение или объявление совершенного низложения Никона. Понеже Никон, бывший Патриарх Московский, смути достойнейшего многолетнего царствования благоверного православного великого государя нашего Царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великие и Малые и Белые России самодержца и все его православное царство смяте, влагался в дела неприличные патриаршему достоинству и власти, их же главизны боговенчанный Царь наш, прислав нам, возвести нам, четырем Патриархам, вопрошая, лепо ли есть и достойно Патриарху в сицевая врыватися дела, паче же вопрос творя о бесчинном оном деле, егда посреди Великие Соборные Церкви обнажися из всего архиерейского одеяния, Никон вопия велегласно; не к тому есмь Патриарх Московский, ниже ктому пастырь вменяюси, но пасомый, яко грешник и недостойный». Таким образом Патриархи сообщают, что Царь послал спросить их, подобает ли вмешиваться Патриарху в такие дела, исследовать о бесчинном снятии Никоном одежды и оставления стада уходом в место кающихся в основанный им монастырь; также далее сообщалось о совершении им епископских актов после отречения, о профанировании святых мест перенесением названия Нового Иерусалима на свой монастырь, об ограблении в пользу Церкви земель, о препятствовании ставить другого Патриарха. Вследствие этого Царь де просил лично прибыть Вселенских Патриархов, но два Патриарха не смогли придти из-за страха

перед турками, а два пришли с согласия двух других (это была явная ложь). Так указание на вмешательство Никона в государственные дела помещено даже не в самом обвинении Никона, а в истории, рассказывающей о приглашении Патриархов в Москву в качестве мотива, будто бы пробудившего Царя призвать Патриархов. Насколько это лживо, видно из того, что уже в 1657 г. царь сам свидетельствовал, что Никон не вмешивается в государственные дела, очевидно в виду прекращения регентства, с возвращением Царя с войны, а после этого Никон через год оставил и церковные дела. Мы подчеркиваем только, что это вмешательство не фигурирует в числе обвинений Никона самими Патриархами, как особое деяние, ими изученное, тогда как другие перечислены среди обвинений. Трудно себе представить, чтобы, если таковые были в действительности, то были бы умолчаны, среди такого старания придумать и создать другие обвинения, искусственно натянутые.

Сказав, почему их позвали, Патриархи продолжали: «Се мы, Божией благодатию и многолетствия достойнейшего Царя нашего счастием приидохом два Патриархи, си речь, Паисий Папа и Патриарх Александрийский и судия вселенский и Макарий Божия града Антиохии и всего Востока Патриарх, во еже бы нам судити и утвердити патриаршие наши томы, уже прежде самими подписанми утвержденные и укрепленные апостольскими и вселенскими и поместными различных соборов правили всякое церковное тога места прилучившееся дело. Тем же убо пришедши в царствующий град Москву и сотвориша прелестное взыскание, обретохом винна, во всех главах и должно всем появлениям, о них же глаголяше оба томы пререченного Никона (это они нашли во время заседания 30-XI без опроса Никона огульным общим вопросом) во всем о нем же глаголаше свидетели о отречении Никоновы патриаршего престола. К тому и иная многая преступления си речь, яко проклинаше Архиереи российские в Неделю Православия всякого истязания и суда кроме; еще же ругался обычаем

глумителей двум Архиереям, единого именуя Анну и Каиафу (Астр. Иосифа и Паисия Лигарида) такожде двух от синклита царских боляров и посланников именова Иродом и Пилатом (Одоевского и Родиона Стрешнева во время следствия 19 июля 1663 г.). Тем же убо Никон призвася по обычаю церковному да приидет и даст правильный ответ о них же оглаголан быше. Но Никон не точию не смиренным прииде образом, яко же мы ему братолюбиво прописахом, во же бы пристяжати вящую милость, паче же нас оглаголовати не преста, поведуя не имети нас древних престолов наших, вне же наших епархий скитающеся пребывати, единого во Египте, другого же в Дамаске беспрестольно (это было верно). Еще же и томы наши именова басни и бяди, того ради яко приводихом за его преступления правила, прямо его преступлениям противящеся, яже он нарицаше лживая». (Никон признал, что толкования томов не соответствуют канонам.) Еще же второй закон (второе правило) сотворен на Соборе, бывшем в Св. Софии, повелевающий сице яко Архиерей нисшедший на место кающихся, не может архиерейская действовати. Сей он канон весьма отрече (в действительности канон к нему неприложимый, ибо он великой схимы не принимал) и вся правила Поместных Соборов, бывших по седьмом Вселенском Соборе, всячески отверже (в том виде, в котором они выдавались будто бы за напечатанные в греческом Номоканоне), обаче же в свитце архиерейском обретохом бывати исповедание от священника, хотящего хиротонисатися, яко приемлет всякое церковное предание и неписанное, Вселенские и Поместные Соборы, наипаче же в Царьграде бывшие, в Преславном Храме Премудрости Бога Слова: Такоже в Богом хранимой палате на Варлаама рожденного в Калаврии и на Анкидина и их подражателей иже верно седьмый вселенский Собор утверди. Паче же сих толкования и сказания яже обще мы яко Архиереи и учители Церкве Христовы сотворили, самые суеты рече быти. Во утверждение убо вящее глаголов наших и пространнейше удовление тогда присутствовавшим предложихом же и книгу Номоканона, но сию книгу с

великим бесстыдством назва еретическою (ибо судьи, приводя неверно каноны, утверждали, что так написано в греческом Номоканоне) того ради, что инде напечатася, си речь, в странах западных. К тому во епистолиях к нам, четырем Патриархам (в действительности одному Константинопольскому) посланных, извествова православнейшего нашего Царя латинствовати, нарицая его мучителя неправедна и уподобляя его Иеровоаму и Озии; подобно же синклит и всю Российскую Церковь к латинским догматам и отступству бедне падшую быти, порицал и яже стадо себе врученное, не пастырь, но наемник правильно вознепщуется и яве наречется, зане же не полагает души своея за овцы своя. (Никон как раз оберегал Царя и всех от Лигарида, но безрезультатно). Еще же и Архиерея сам един низверже кроме всякого Поместного Собора, на нем же должен бяше явити его погрешения. (Павел Коломенский, меры к которому Никон применил по совету Константинопольского Патриарха Паисия)... По низложении Павла Коломенского, его же из мантии обнажи жестоце и на дальняя заточения предаде, не помянув оного словесе, яко дважды никако же казнить подобает за то же и едино преступление (здесь было одно наказание от духовной власти и от светской выполненное). Тем же прилучися архиерееви тому изумитися и погибнуть бедному кроме вести: от зверей ли снеден, или в воде утопе. Еще же и отца своего духовного повеле без милости бити, даже обезвечену ему на ноги быти, якоже сами язвы его видехом». (Об этом в суде не было и речи). Все новые обвинения на Никона понадобились потому, что в 1660 г. собор и Царь не решились низвергнуть Никона из сана, ибо обвинение тогда базировалось только на его уходе, который враги называли отречением.

Далее грамота говорит о наказании, положенном на Никона. «Познавши убо Никон не архиерейская употребляше кротость, но мучительски неправдам приложися, хищениям предадеся и мучительствы обвязали, по св. и божественным правилам Вселенских и Поместных Соборов, сотворихом его всякого священнодейства чюжда, во

еще бе ему ктому не действовати архиерейских, ибо его совершенно низложихом мы, Патриархи с омофори и с епитрахили перед всем священным собором, изъявляюще от ныне вменитися и именоватися простым монахом Никону, а не ктому патриархом Московским. Сия вся правильно сотворихом, кроме всякого лицеприятия и кроме страстного суждения, боящеся немогуща преложитися ока Божия имать бо Бог око отмстительно (оба Патриарха было повешены султаном) и страшашеся будущего оного судилища, воздающего казнь втайне, рассуждающе же в уме и в мысли нашей в сем и в будущем веце вечного огня, вечное мучение праведней и по Бозе суд изнесохом и сотворихом место паки его пребыванию до кончины жития его назнаменовахом в монастыре, во еже бы ему бестрепетно и безмолвно плакатися о гресех своих. Повелехом же при нем быти благоискусну некоему мужу архимандриту опасений ради, да не дерзнет кто от бесчинных ругатися ему и обиду творити; и он же сам впредь да не дерзнет коварств каких составляти. Еще же завещаном при нем быти честному мужу дворянину с малым числом людей служилых всякого опаства ради, дабы к нему и от него мятежным писаниям не исходити».

Обряд низвержения из сана, проделанный с Никоном 12 декабря.

Самый обряд низвержения из сана происходил в маленькой церкви Чудова монастыря в отсутствии народа, в присутствии всех тех же Архиереев, а среди бояр названы Шушериным кн. Одоевский, князь Черкасский и кн. Юрий Долгорукий. Не пришел лишь Царь. Из Архиереев не хотел прибыть Симон Вологодский, страдая за неповинное обвинение Никона, сказавшись больным, но его принесли в церковь на носилках. Приговор был прочитан Никону, стоявшему посреди церкви, по-гречески, а потом по-русски Митрополитом Илларионом Рязанским. Шушерин говорит (стр. 125), что «слышав тое их неправедное извержение, Святейший Никон, яко быша вся вины написаны, вся ложь и

клевета, возбрани некую речь неправедно писано... Егда же притено быть извержение оно, тогда Вселенстии Патриарси снидоша со своих месть, и приидоша пред царские двери суще в омофорах и прочетше некия молитвы краткие, по сем обращшеся, приступиша ко Св. Никону, показующе рукою своею и глаголюще чрез толмача, повелевающе ему сняти с себя клобук, бе же на главе Св. Никона Патриарха клобук черный, на нем же изображен беше честный и животворящий крест дражайшим жемчугом. Вопроси же Св. Патриарх чего ради повелевают ему сняти клобук? Они же рекоша: «понеже Собор сей осуди тя, и дела твоя обличише тя, – сего ради отсель не подобает ти нарицатися Патриархом; зане ты сам собою и гордостью своею оставил свою паству твою самовольно с клятвою». Никон же отвещав рече: «Аще и Собор сей осуди нас неправедно, аще и дела наша небывшая обличиша нас или паству свою оставих, но сего не сотворю, еже бы мне самому сняти с себе утвердих в восприятии священного и монашеского образа, яко сохранити ми се даже до исхода души моея, а еже вы хощете, то и творите, видех бо вас, яко вы зде пришельцы есте, приидосте бо от дальних стран и от конец земли, не яко ино что благосодеяти, или мир сотворити, но яко пребывающе в турецком порабощении и скитающеся по всей земли, яко сущии просителие, да не токмо что себе потребная, но и обладающему вами дань воздадите; «приложи же Св. Патриарх Никон и се: «вопрошаю вы и о сем, откуда вы сии законы взяли есте яко тако дерзновенно творити? аще бо аз и повинен бы бех и осуждения достоин, чего ради сие тайно творите яко же татие, приведосте бо мя в сию церковницу в монастыре сущую, в ней же не обретается Царское Величество и весь его царский синклит, такожде и всенародное множество Российской земли? Или аз по благодати Св. Духа паству свою или пастырский жезл в сей церковнице восприях?... Мы же избранием Пресвятого Духа, желанием и тщанием и прилежным слезным прошением и молением Благочестивейшего Царя и его страшных и нестерпимых клятв, засвидетельствованных самим Богом,

восприяхом патриаршество в святой Соборной и Апостольской Церкви перед всенародным множеством, ни желанием, ни тщанием, ни снисканием коего-либо образа, и аще ныне желание вам бысть, еже не праведно нас осудити и изврещи, да идем во Св. Божию Церковь в ней же восприяхом пастырский жезл, и аще обрещуся достоин вашего намерения, то буди вам яко же годе, и еже хощете, то тамо и творите». Но Никону не вняли, и нечестивый суд закончился среди врагов его вдали от людей.

Мотивы действий Патриархов в суде над Никоном.

Этот приговор наделал хлопот двум Патриархам, осудившим Никона. Каптерев сообщает (II, 481), что они были низложены Вселенским Патриархом вместе с собором именно за то, что поехали в Москву для суда над Никоном. Чтобы оправдать себя в глазах Патриархов, они, желая привлечь их на свою сторону, послали им письма, в которых жертвовали исторической достоверностью, что будто они поехали в Москву, полагая, что Константинопольский Патриарх послал своего экзарха, а что Патриарх Нектарий туда уехал уже, писали, что вся их деятельность была направлена, чтобы «восстановить и возвысить рода нашего преизящную святость, чести ради общие и лепоты рода нашего». Говоря о мотивах двух патриархов, побудивших их ехать в Москву вопреки двум другим Патриархам, Каптерев пишет (II, 489), что, «решаясь на такой рискованный шаг – самовольную поездку в Москву, они руководились особыми и очень важными соображениями – получить возможно богатую и обильную милостыню, которую, вероятно, обещал им грек Мелетий, уговаривавший ехать их в Москву. И они действительно получили ее в огромных цифрах в разное время: подробное исчисление Каптеревым подарков, полученных в разное время, дает сумму по 200.000 золотых рублей на каждого Патриарха (II, 490).

Кроме того, Патриархи получили огромные деньги на содержание всей своей огромной свиты, значительно превышавшие самые широкие потребности. Они наживались

сами еще от этой свиты, привозившей разные священные предметы, за которые брались огромные деньги. Кроме этого беспошлинно привозились товары и вывозились; часть барыша получали Патриархи. Вся огромная мирская свита из «племянников» и родственников Патриархов, занимавшаяся торговлей, жила также на счет Московского правительства, получала подарки от правительства, возила товары на казенных подводах, и во всем этом Патриархи состояли пайщиками. Поэтому Патриархи, когда по пути из Астрахани в Москву, перешли с барок на сушу, то потребовали для себя 400 подвод (II, 494).

Отношение Константинопольского Патриарха к совершившемуся приговору над Никоном. Письмо Парфения IV царю.

Московское правительство очень было обеспокоено, когда узнало о низложении Патриархов, последовавшем еще до времени самого суда над Никоном; подарками и грамотами оно добилось у Константинопольского Патриарха Мефодия восстановления их на своих престолах, но оно хлопотало еще об утверждении постановления Московского Собора по делу Никона перед Константинопольским Патриархом, ибо постановления Собора могли вызвать протест. «Судя по тому, пишет Каптерев (II, 488), что подобного документа и ссылок на него никогда и нигде не встречается, можно думать, что Константинопольский Патриарх вовсе не собирал у себя Собора для рассмотрения и утверждения деяний Московского Собора, как этого хотело и добивалось наше правительство. Но, если со стороны Греческой Церкви и не было формального соборного одобрения деяний Московского Собора, то не было оттуда и протеста: осуждение Никона, как совершившийся факт, молча было принято всеми на Востоке, что между прочим, видно из позднейших разрешительных грамот Никона. Но Константинопольский Патриарх Парфений, вновь вступивший на престол, писал 15 янв. 1668 г. царю: «Будь Царем совершеннейшим, справедливым, тебя зовут

милостивым, окажи эту милость требующим, из них есть и один много пренебрегаемый Никон; довольно, довольно для него такого изгнания, молим тебя, возврати его в монастырь свой, для наказаний ему достаточно одной ссылки, не обременяй его большим, оставляя такого достойного человека в таком великом пренебрежении, возврати из ссылки крестившего твою благословенную отрасль, не медли Царь молю тебя, но как можно скорей дай освобождение Никону, чтобы возвратился в монастырь свой, да радуется и вся вселенная скорбящая о нем».

Положение финансовое Лигарида в Москве.

Что касается Лигарида, то, помимо надежды на высокое положение в Русской Церкви, он получал также огромные деньги от Царя, которые вымогал у него под разными лживыми предлогами, то на выкуп не существующей его Епархии от турок, то на содержание слуг и лошадей, то на архиерейские одежды, то на покупку карет и лошадей, то якобы на подати своему Патриарху и на уплату долгов епархии, причем Царь давал от себя богатейшие подарки; вдобавок Лигарид занимался торговлей и хлопотами по представительству за греков-купцов, с которых также вымогал деньги (Каптерев II, 271-274). Он пользовался огромным влиянием: так Афонский архимандрит Феофан в июне 1663 г. за посещение Никона без дозволения Царя (когда он и рассказал Никону все прошлое Лигарида), был выдан Лигариду и сослан в Кирилловский монастырь. Вот способы и люди, через которых Московское правительство добилось с виду как будто канонического удаления Никона в ссылку. Дальнейшая судьба Никона в ссылке еще более подтверждает, что она была больше делом бояр, чем Царя, принужденного в значительной мере уже только нести последствия созданного положения. Со стороны Царя были постоянные присылки к Никону подарков, испрашивания молитв, благословений (как будто Никон не лишен был сана) и прощения, но, когда не стало Царя Алексея Михайловича, и на престол вступил юный Царь, сначала совершенно не

понимавший всего проделанного с Никоном, то бояре, среди которых опять взяли верх Милославские с Патриархом Иоакимом, подвергли его еще более нелепому суду в 1676 г., по которому его перевели из Ферапонтова монастыря в Кириллов на гораздо более тяжелое заключение, а перед этим, за короткое время второго брака Алексея Михайловича 1672—1676 гг., участь Никона была настолько облегчена, что он свободно ездил из монастыря, и принимал множество народа, который лечил.

Никон возлагал ответственность за приговор на Царя: это на Царя, но более виновными считает бояр.

Никон возлагал ответственность за приговор видно из приведенных уже нами Последних слов его Патриархам в заседании 5 декабря, а в другом заседании, когда на него понеслось со всех сторон негодование за то, что он всех сопричислил к костелу, он прямо сказал Царю: «Моя кровь и грех всех на твоей голове, Царь». Оставляя ответственность на Царе, который не оценил того, чем был Никон для царской власти, Никон, мы видели, большими виновниками в своем гонении считал бояр: так он писал в «Раззорении»: «больше виновен тот, кто побудил к гонению»; так он говорил и на суде, напоминая Царю, что сам он в 1648 и 1662 гг. свидетельствовал неправду бояр. Рассмотрение дела суда показывает, что процесс над Никоном нельзя назвать судом в юридическом смысле, ибо это был суд политический в смысле определенного преследования для достижения предустановленной цели, но облеченного в судебные формы.

Судьба Никона в ссылке. Два течения в Москве в отношении к Никону.

После ссылки Никона отношение к нему со стороны Московского правительства двойственное: Царь хочет смягчить ему участь, бояре – отяготить. Эти два течения все время пересекают друг друга; но точка зрения Никона всегда осталась одна. Делая ответственным за приговор Царя, он на

другой день после низложения 13 декабря 1666 г. в ответ на просьбу Царя о благословении через боярина Родиона Стрешнева, категорически в этом отказал, заявив: «Если бы благоверный Царь желал от нас благословения, то не оказал бы нам такой немилости». Никон был человек принципа и отказался принять от Царя богатые подарки и шубу на дорогу, несмотря на все уговоры Стрешнева и Морозова, и на то, что у него не было с собой шубы, которую уже в пути ему дал сопровождавший архимандрит Иосиф.

Никон не прощает Царя как Патриарх Царя, но прощает как человек человека.

Точка зрения Никона ясна; когда Царь просил прощения и благословения, присылая с подарками в Ферапонтов монастырь, Никон прощал его, но одновременно говорил, что полное прощение может дать тогда, когда Царь его вернет из ссылки в Воскресенский монастырь; тогда он даст прощение полное под епитрахилью; до тех пор полного прощения быть не может, ибо не будет на лицо реального раскаяния в совершенном над Никоном нечестии. Когда приехал к Никону новый пристав Наумов 19 января 1667 г., то Никон отвечал через него Царю: «Ты боишься греха, просишь у меня благословения, примирения, но я даром тебя не благословлю, не помирюсь; возврати из заточения, тогда прощу... Когда перед моим выездом из Москвы ты присылал Родиона Стрешнева с милостыней и просьбой о прощении и благословении, я сказал ему – ждать суда Божия. Наумов говорит те же слова, и я ему тоже отвечал, что мне нельзя дать просто благословение и прощение. Ты меня осудил и заточил, и я трикратно тебя проклял по Божественным заповедям паче Содома и Гоморры; в первый раз, как уходил (в 1658) с патриаршества, ради гнева твоего, выходя из церкви отряс прах от ног своих, и во второй раз, как приходил пред Рождеством (1664), был изгнан, во всех воротах городских отрясал прах, в третий раз как был у тебя в столовой в другой раз, выходя, стал посреди столовой и обратясь к тебе, отрясая прах ног, говорил: кровь моя и грех

тех буди на твоей голове». И Никон был непреклонен, несмотря на то, что режим его делали более суровым именно за его непреклонность, и смягчали, когда Никон проявлял меньше непреклонности. После многократных просьб Царя Никон послал ему благословение и прощение личное за себя, предупредив, что это прощение не есть полное, которое возможно только, если Царь аннулирует приговор суда.

7. IX 1667 года Никон писал Царю: «Ныне 7 сентября приходил ко мне Степан Наумов и говорил мне великим Государевым словом, что повелено ему по вашему государеву указу с великим прошением молить и просить о умирении, чтобы я, богомолец ваш, тебе великому Государю подал благословение и прощение, а ты, Государь, меня, богомольца своего по своему разумению пожалуешь. И я тебя, великого Государя и все твое царское семейство благословляю и прощаю. А когда я богомолец ваш ваши государские очи увижу и тогда вам, Государям со святым молитвословием наипаче прощу и разрешу, как Св. Евангелие показует о Господе нашем Иисусе Христе и Деяние Святых Апостол, (которые) всюду с возложением рук прощение и цельбы творили Смиренный Никон милостью Божией Патриарх, засвидетельствую страхом Божиим и подписанием своей руки». Никон не признавал канонической действительности низложения и считал себя Патриархом. Так молились за него, как за Патриарха, и его близкие монахи, добровольно разделившие с ним ссылку.

Отношение Царя к Никону в ссылке.

Посланные, приезжавшие к Никону от Царя величали его от имени Царя великим и святым отцом. Царь неоднократно присылал Никону подарки и дары богатые, которые Никон иногда отказывался принимать (например по случаю смерти царицы Марии Ильинишны, сказав, что и даром молиться будет), иногда принимал, когда предполагал в отношении Царя преддверие своего освобождения; в зависимости от этих личных отношений к нему Царя, отражавшегося в поведении приставов, Никон иногда снова угрожал, что не

будет посылать благословение, и опять не будет ничего принимать от Царя, и перед Богом плакать будет и говорить снова, что прежде говорил с клятвой. Но в одном он остался верен – прощения полного он Царю не дал, ибо Царь не исправил своего греха перед Церковью и не освободил от невинного заточения Патриарха. По-видимому, Царь очень тяготился своей виной в участи Никона, ибо в его духовной читалось над его гробом: «При сем же аз прощения прошу и разрешения от Церкви Божией и от слуг ее, от отца моего великого Господина Св. Никона Иерарха и блаженного пастыря, аще и не суть ныне на престоле сем Богу тако изволившу, такожде разрешения прошу от Св. Иоакима Патриарха Московского и всея Руси и Преосвященных Митрополитов, Архиепископов и Епископов и у отца моего духовного протопопа Андрея Савиновича и у всего Освященного Собора и монашеского чина» (приведено из Николаевского, взявшего эту запись из Рукописи библиотеки СПБ духовной академии).

Никон сам также просил прощения у Царя за личные обиды. Его сообщения Царю о своей жизни в ссылке.

Никон с своей стороны сам просил у Царя прощения за свои ему личные обиды; свидетельством его осталось его письмо от 25 декабря 1671 г., посланное иеродиаконом Мардарием (добровольно разделившим заточение), в котором Никон просил у Царя ради Праздника Рождества Христова полного прощения во всех оскорблениях, нанесенных ему в прежнее время. Затем Никон описывает жизнь свою в Ферапонтовом монастыре при приставе Наумове, и в конце письма умоляет Царя об облегчении своей участи. «Ради вин моих отвержен я в Ферапонтов монастырь. Теперь я болен, наг и бос, креста на мне нет третий год; стыдно и в другую келью выйти, где хлеб пекут и кушанья готовят, потому что многие части зазорные непокрыты; со всякой нужды келейной и недостатков оцынжал, руки больны, левая не подымается, на глазах бельма от чада и дыма, из зубов кровь идет смердящая, и они

не терпят ни горячего ни холодного, ни кислого, ноги пухнут и потому не могу церковного правила править, а поп у меня один и тот слеп, говорить по книгам не видит: приставы ничего ни продать, ни купить не дадут, никто ко мне не ходит и милостыню просить не у кого. А все это Степан Наумов навел на меня за то, что я ему в глаза и за глаза говорил о неправдах его, что многих старцев, слуг и крестьян бил, мучил и посулы брал. До тебя это дошло и ты прислал Ивана Образцова с милостивым указом; он поосвободил нас, но Степану никакого указания не учинил; как было велено, только в хлебной избе часа на два посадил. А Степан немного спустя начал мучить меня пуще прежнего: служка мой ходит к нему раз десять для одного дела, все времени нет! А, если выглянет в окошко, с шумом говорит: я в монастыри писал, чтобы прислали запасное (в Кириллов монастырь и другие, которые присылали на содержание Никона по приказу Царя), но они не слушают, а у меня приказа нет, чтобы на них править; они говорят: «пора прихоти оставить, ешь, что дадут». Когда к Степану весть пришла, что твоего царевича Алексея не стало, то девка его пришла в другую избу и говорила: «Ныне на Москве кручина, а у нашего боярина радость, говорит: теперь нашего колодника надежда вся погибла; на кого надеялся, и того не стало, кроток будет. А теперь кн. Самойло Шайсупов (новый пристав) делает все по Степанову. Прошу тебя: ослаби ми мало, да почию прежде даже отыйду, прошу еже жити ми в дому Господни во вся дни живота моего». После вскоре наступила лучшая пора в жизни Никона в ссылке до лета 1674 г.. когда на Патриарший престол взошел Иоаким, а лично Царь до смерти своей в 1676 г. исполнял нередко самые прихотливые желания Никона.

Никон в ссылке не признавал суда 1666 г. над собой каноническим.

Никон всегда подписывался Патриархом и писал Царю в январе 1672 г.: «Собор судивших меня Патриархов Паисия и Макария я ставлю ни во что, потому что Патриархи ушли с

своих престолов, и на их места поставлены другие. Я повинуюсь Константинопольским Патриархам и прочим Вселенским Патриархам, занимающим свои престолы». Далее Никон просил прощения за то, что об этом говорил и писал Царю в досадительной форме, просил прощения и милости, приписывая, что от Бога Царь получит награду, что не мстил ему за это.

Царь делает послабления Никону, когда с его вторым браком обессиливаются Милославские.

После 1672 г., когда Царь только что вступил в брак с Наталией Кирилловной Нарышкиной, в Москве значительно обезврежена была партия врагов Никона, и Царь имел возможность делать Никону всевозможные послабления; предоставил ему свободу передвижения, так что Никон ездил по соседним монастырям, развил хозяйство, принимал массу народа, до 40 человек в день, для лечения лекарствами, которые выписывал из Москвы или составлял сам. За это время враги Никона составили много клевет, и, когда со смертью Алексея Михайловича, они вошли в силу, то выместили ему тяжелым заключением в Кирилловом монастыре, последовавшим по доносам самых низкопробных людей без всякого следствия и суда.

Никон считает суд 1666 г. несчастьем для русского государства и Церкви.

Никон почитал величайшим грехом деяния восточных Патриархов, и, как всякий грех, он в его глазах должен был дать тяжелые последствия. «Если неразумная запретительная клятва восточных Патриархов осуждением Русского Первосвятителя, наложенная на весь русский народ не снимется, добра ждать нечего», говорил Никон Стрешневу, сообщавшему ему в марте 1669 г. о смерти царицы Марии Ильинишны. С своей точки зрения Никон видел в этом суде несчастье не только для себя, но для всей Русской Церкви и Русского государства, и он изменил бы себе, если бы он дал Царю прощение за его действия в отношении к Русской

Церкви, в каких бы личных отношениях к нему он ни состоял в последние годы жизни Царя, присылавшего посланных узнать о нуждах Никона, посылавшего ему поклоны, величавшего его св. великим отцом, исполнявшего почти все его желания по обиходу жизни, и присылавшего такие ценные подарки, что Никон давал деньги взаймы монастырям и даже занялся опять своей любимой деятельностью – благотворительностью.

Никон отказывает в формальном прощении даже умершему Царю.

И когда пришла весть о смерти Царя, ему с нарочным, посланным из дворца, Никон расплакался, но отказал в формальном письменном прощении умершему Царю и с болью в сердце, со слезами на глазах сказал: «Воля Господня да будет, если Государь здесь на земле перед смертью не успел получить прощения с нами, то мы будем судиться с ним во второе пришествие Господне; по заповеди Христовой я его прощаю и Бог его простит, а на письме прощения не дам, потому что при жизни своей не освободил нас от заточения».

Выявление боярской злобы после смерти Царя Алексея Михайловича, до тех пор сдерживаемой.

На ряду с таким отношением Царя к Никону, против него продолжается в Москве неугасимая боярская злоба, степень проявления которой зависит только от возможности ее проявить в зависимости от политического веса врагов Никона в то или другое время. Между прочим историк Татищев, доказывая преимущества самодержавия для России, пишет: «Вышеобъявленный (т. е. боярское правление) беспутный и государству вредный порядок правления неколико Царь Алексей Михайлович исправил и власти своей прибавил, коему властолюбивый Патриарх Никон столько в том воспрепятствовал, что он не мог совершенно самовластия получить, а по свержению оного, болезнь и другие препятствия не допустили» (1, 545).

Татищев считает, что борьба из-за притязаний Никона помешала Алексею Михайловичу довести борьбу с боярством до конца, ибо он для борьбы с Никоном нуждался в поддержке бояр. Но дело-то в том, что с Никоном то Царю нечего было и бороться: бояре и натравили Царя на Никона, чтобы разбить их союз против боярства. Мы можем видеть боярскую злобу во многих случаях за время заточения Никона, пока ей не удалось заточить Никона в Кирилловский монастырь на безысходное жительство в келье без чернил и бумаги, почти без книг (все было отнято, кроме псалтыря и Библии) и с удалением его слуг, добровольно пришедших разделить с ним заточение. Так как сам Царь постоянно поддерживал с Никоном отношения и даже как будто подогревал своими дарами, испрашиваньем благословения и заботой о нем, надежду на возвращение, то враждебная Никону партия зорко следила, чтобы этого не допустить. Враги его старались истолковать в худую сторону все действия Никона и составляли на него даже ложные доносы. Вред этих доносов до времени ограничивался тем, что Царь стеснялся в своих отношениях к Никону и не исполнял тех перемен к лучшему, которые сулил, отправлял послов с словесными поручениями, сменял приставов, досадивших Никону, но в руки им не давал в руководство письменных инструкций.

Неурегулированность положения Никона в ссылке.

От этого эти лица в отношениях к Никону руководились взглядами разных сильных при дворе лиц, и участь Никона от этого постоянно колебалась: то его сажали за железную решетку и отводили в сторону дорогу, чтобы он был дальше от людей, то он получал свободу, ездил верхом, устраивал рыбные ловли, вел хозяйство, в котором было несколько лошадей, коров, немало вольнонаемных работников, строил кельи, получил в свое распоряжение церковь Богоявления над монастырскими воротами, куда Царь присылал утварь, книги, как было за период 1672-1674 гг. (с женитьбой Царя на Нарышкиной). Но неопределенность положения не могла не

мучить Никона. Так после приезда в июле 1667 г. пристава Образцова открыт был к Никону доступ для посторонних; немедленно увеличилось при нем количество келейных старцев, вернулись некоторые старцы, пришедшие добровольно из Воскресенского монастыря, но ушедшие, когда в марте этого года Наумов посадил Никона за железную решетку: по словам Никона, он днем с лучиной теперь должен был отправлять келейное правило и был разобщен с внешним миром. В Москве партия враждебная Никону узнала, что он даже посылает старцев с письмами, в августе 1667 г. арестовали и сослали иных лиц, Наумову сделали выговор; он стал следить за перепиской Никона и за протест посадил его под стражу.

Надпись на крестах в Ферапонтовом монастыре.

К этому времени и появились вырезанные по приказу Никона старцем Ионой надписи на крестах, поставленных вне монастыря на дороге: «Никон, Божией милостью Патриарх постави сей крест Господень, будучи в заточении за Слово Божие и за Святую Церковь, на Белоозере в Ферапонтовом монастыре в тюрьме. Эта надпись правильно выражала ту истину, что Никон пострадал за учение, основанное на Св. Отцах, и за обличение тьмы духа века сего.

9 апреля 1668 г. недовольные в Москве созвали Собор с неуехавшими еще Патриархами, который постановил перевести Никона в более дальний монастырь, переменить Спасского архимандрита Иосифа, бывшего при Никоне, и приказать другому, под угрозой церковной казнью, чтобы никого в тот монастырь ни с какими письмами и посылками к Никону не пропускал. И от него Никона никаких писем ни к кому и ни с кем бы не было. Это не было исполнено благодаря протесту Царя, но иллюстрировало наличность борющихся в Москве сторон, которая отражалась на участи Никона; облегчение участи его задерживалось; до самого удаления Наумова в половине 1671 г. Никону приходилось испытывать всякие муки. Всех приходивших к Никону привлекали к допросу: кто не давал показаний или путался в

них, тот отправлялся в Москву в Приказ Тайных Дел для допросов, наказаний и ссылки. Целых три года 1668-1671 было так, причем подвергались такой участи и монахи, и крестьяне более северных монастырей, приходившие к Никону. В ноябре 1668 г. приезжал допросить Никона стрелецкий глава Лутохин об извете его, поданном на основании доноса его старцев, ездивших в Москву, что Богдан Хитрово хочет занять первое место при Государе. Старцы перепутали фамилии лиц, назвали в Москве Ртищева вместо Хитрово и запутались в показаниях. Когда приехал Лутохин в Ферапонтов монастырь, то здесь на Никона последовал донос в государственной измене.

(ложный) на Никона в государственной измене (с Донскими казаками Стеньки Разина).

Впоследствии, в 1673 г. игумен Афанасий публично каялся в своих ложных показаниях на Никона Лутохину, но дело было сделано и причинило много тревог Никону. Теперь бывший при Никоне Новоспасский архимандрит Иосиф, раньше хорошо относившийся к Никону, узнал, что им в Москве недовольны и хотят переменить, просил в октябре 1668 г. об его замене, решил добиться перевода, но, не получая ответа, объявил государево дело, чтобы его взяли в Москву для допроса, а объявил он вот что: «Весной 1668 г. были у Никона воры, донские казаки; я сем видел у него двоих человек, и Никон мне говорил, что это донские казаки, и про других сказывал, что были у него в монашеском платье, говорили ему, нет ли ему какого утеснения, мы отсюда тебя опростим». Никон говорил мне также: «И в Воскресенском монастыре бывали у меня также донские казаки и говорили, если захочешь, то мы тебя по прежнему на патриаршество поставим, сберем вольницу, боярских детей». Никон сказывал также, что «будет о нем в Москве новый Собор по требованию Царьградского Патриарха, писал ему об этом Афанасий – Митрополит Иконийский». Начались розыски, пытки и ссылки. По этому поводу Проф. Николаевский, изучивший жизнь Никона за период 1667—

1681, пишет: «Нам неизвестны документы, в которых бы излагалась сущность этих розысков и ясно открывалась бы виновность Никона по первому из этих доносов. Но имеются другие документы, заставляющие признать совершенно страдательное участие Никона в начинавшемся общественном брожении, вскоре завершившемся Разинским бунтом. Донские казаки свободно гуляли по окраинам России и подготовляли смуту: их много было и на севере России, где они участвовали в Соловецком восстании. Так как с половины 1668 г. шли усиленные розыски по Никонову делу, стрельцы, приставленные к Никону, постоянно ездили в Москву с арестованными, то Наумов принужден был пополнять стражу монастырскими служками, в числе коих попадались и донские казаки. В Кирилловом монастыре также бывали бродячие монахи, побывавшие в шайке донских мятежников и зазывавшие местных монахов идти с собой на низ, на Волгу в казачий полк воровать. Такие агенты Разина были и в Ферапонтовом монастыре; им было интересно привлечь на свою сторону Никона и именем его поднять бунт на севере России; впоследствии на допросах сам Никон не отрицал того факта, что при Наумове со стрельцами к нему приходили три казака и говорили свои нужды и жалобы на правительство, а в обвинительном акте 1676 г. против Никона прямо говорится, что эти три казака звали его Никона с собой, чтобы он с ними шел к Кириллову монастырю, а их де пришло по него 200 человек, а есть де готово и 5 тысяч человек, и чтобы Степана Наумова убить до смерти и Кириллов монастырь разорить и с тою бы казною и с пушки и с запасом идти на Волгу». Казаки могли произвести и насилия и, может быть, пытались. Это казацкое движение на севере может объяснить и тот загадочный факт, что ночью 22 января 1669 г., когда были розыски по извету архимандрита Иосифа, Ферапонтовский келарь Макарий Злобин собрался нарядным делом с монастырскими служками да с приходящими ворами пьяным обычаем, разбил караул, стоящий у Никона, сотника и стрельцов побил на голову, так что Наумов просил Царя усилить

стражу присылкой из самой Москвы. Остается голый факт, что донские казаки хотели использовать обаяние Никона, приглашали его перейти на их сторону, от его имени после рассылали преступные прокламации (Сол. XI, 368, 369), но Никон не только не изменил государственному долгу, но вскоре предупреждал Царя о готовящейся смуте».

Сношения Никона с Митрополитом Афанасием Иконийским, сообщающим ему об отношении к его делу Константинопольского Патриарха.

Что касается Доноса архимандрита Иосифа против Никона об его сношениях с приверженцами на Москве и на Востоке в видах пересмотра и отмены соборного определения, то для этого есть основания. Афанасий Митрополит Иконийский, давший важные показании в пользу Никона против полномочий обоих Патриархов, судивших Никона, хотя и был подвержен заточению в Симоновом монастыре, но и здесь в 1665 г. не переставал тайно переписываться с Никоном. Во время суда над Никоном он был освобожден из заключения, отправлял церковную службу при Царе и поддерживал сношения с Никоном. Он мог передать Никону и о грамоте Патриарха Парфения к Царю с просьбой освободить Никона от наказания и предоставить ему жить в Воскресенском монастыре. Афанасий Иконийский был отправлен за сношения с Никоном 11 декабря 1668 г. в ссылку в Макариев Желтоводский монастырь, где и умер в 1670 г., а Никон оставлен под строгим караулом. Разговоры с Никоном о том, что приходили донские казаки, происходили вполне миролюбиво и неоднократно.

Когда в марте 1679 г. приезжал к Никону Родион Стрешнев с известием о кончине царицы Марии Ильинишни с подарками от царя, Никон оправдывался от нареканий в сношениях с донскими казаками и высказывал свои соображения о движении, указывая на близость великой смуты от казаков; причину этой смуты он видел в интригах и насилиях бояр, враждовавших против Царя и шедших

против его распоряжений: «эта боярская интрига грозит де спокойствию целой семьи и государства; она и без того уже произвела смуту в Русской Церкви несправедливым тяжелым заключением ее Патриарха; и впредь, если эта неразумная запретительная клятва Восточных Патриархов осуждением русского первосвятителя, наложенная на весь православный русский народ не снимется, добра ждать нечего». Замечание Никона оправдалось, и в 1670 г., т. е. в следующем году Царь рассылал грамоты о бунте Разина. Когда Разина схватили, то он дал вынужденные неопределенные показания, которые были подхвачены врагами Никона для обвинения его в государственной измене.

О казаках говорил Никон в разговорах с Шайсуновым вскоре после его приезда в Ферапонтов монастырь, куда последний поступил с 12 мая 1671 г., что «он на воровскую прелесть казаков не поддался, во всем им отказал и с клятвой им приказывал, чтобы они принесли государю свою повинную, и они пропали неизвестно куда».

Сообщения Никона о донских казаках.

18 января 1672 г. приезжал к Никону от Царя стрелецкий голова Лотухин и подъячий Приказа Тайных Дел Степанов с деньгами, шубой и рыбой. Они говорили, что Царь готов примириться во всем, просит прощения, что в Ферапонтов монастырь Никон сослан Вселенскими Патриархами с Собором, что пристав Наумов причинял Никону притеснения не по указу, а самовольно; они говорили Никону о том, что Стенька Разин в расспросе на пытках и с огня показал, что приезжал к нему под Симбирск от Никона старец и приглашал его идти вверх Волгой, а он де Никон к нему навстречу, ибо тебе тошно от бояр, что у тебя готово было пять тысяч человек. Старец тот из под Симбирска ушел. Никона спрашивали, отчего он не велел схватить тех трех казаков, которые к нему приходили. Никон сказал: «О смуте на Волге и о Разине я ничего не знаю; три казака, приходившие ко мне, передавали только о том, что они посланы в Невель, велено устроить их землянки, но они жить

так и пахать землю не привыкли, государева жалованья и корму им не было, и они теперь идут искать себе воли. Наумову о них я не донес, потому что они сказывали про свое многолюдство; я боялся, чтобы смуты не учинить, а обороняться от них было нечем, Государю же о них я тогда же писал и архимандриту Иосифу передавал».

Возобновление преследований Никона в 1676 г. после смерти Царя. Собирание всех клевет.

Казалось, на этом все и могло бы кончиться, но нет. Дело было записано врагами Никона в пассив, с тем, чтобы поднять тогда, когда они возьмут силу. Это наступило спустя много лет уже после смерти Царя Алексея Михайловича, когда против Никона выступили все враждебные силы, и собраны были все ложные доносы, вошедшие в один обширный обвинительный акт, по которому Никон и был осужден на тяжкое заключение. В частности это дело о донских казаках попало в донос поссорившегося с Никоном еще в 1674 году пристава князя Самойлы Шайсупова, где были выставлены и другие обвинения столь же нелепые, которыми воспользовались враги Никона, получившие исключительное влияние на молодого Царя после смерти Алексея Михайловича, именно Богдан Хитрово, Родион Стрешнев и Патриарх Иоаким. 29-30 января 1676 г. умер Алексей Михайлович, а через 40 дней начался суд над его духовником протоиереем Андреем Савиновым, сторонником Никона, через которого шли и письма Никона к Царю; 14. III 1676 г. он был лишен священства и сослан в Кожеезерский монастырь с запрещением стоять в церкви с верными, после чего и принялись за Никона. Еще со вступлением на Патриаршество в июле 1674 г. Иоакима, враги Никона стали проявлять влияние на его положение. Милости Царя стали сокращаться, а от Патриарха Иоакима следовали инструкции с замечаниями на счет жизни Никона с тенденцией восстановить строгости 1668 г. во исполнение приговора суда 1666 и 1668 г. Никон жаловался на неисправность Кирилловских властей в смысле доставки

содержания от монастыря на его людей. Челобитную Никона докладывал Б. Хитрово, и в январе 1675 г. вышел царский Указ: Царь указал и бояре приговорили: «Отписке этой ни в чем не верить, а к монаху Никону послать с выговором стольника Козьму Лопухина и про все разведать подлинно, что Никон великому Государю писал не делом. Одновременно Патриарх Иоаким поручил допросить игумена и братию Ферапонтова монастыря, зачем именуют они Никона Патриархом. Вместе с боярским выговором от самого Царя шли денежные дары, серебряные церковные сосуды с покровами, облачения для иеромонахов и круг богослужебных книг. Это было свидетельством продолжавшегося двойственного отношения в Москве к Никону: с одной стороны Царь и некоторые духовные и светские вельможи, с другой – известные нам враги Никона, двойственность прекратившаяся, когда враги Никона одолели вполне со смертью Царя Алексея Михайловича и разослали всех друзей Никона в ссылку вплоть до того времени, когда в 1678 г. установились хорошие отношения у Царя Феодора с его теткой Татьяной Михайловной, передавшей молодому Царю всю историю Никона. Во время присылки Иоакимовой грамоты, Никон резко отзывался о Патриархе Иакиме, который в свое время был ему всецело обязан принятием из Малороссии в число братии Иверского монастыря, где был строителем, а потом много раз выступал с боярами против Никона и по их проискам попал в Патриархи, как лицо враждебное Никону. Отзыв Никона стал известным Патриарху Иоакиму и остался без последствий временно только благодаря заступничеству Царя Алексея Михайловича, но был записан Никону в пассив до лучших времен. В марте 1675 г. была отправлена особая комиссия к Никону, чтобы выработать на месте, согласно просьбе Никона, вопрос о переводе натуральной повинности монастырей в его пользу на денежную, во избежание недоразумений. Жизнь же Никона протекала в хозяйственных заботах, в сооружении келий, в устройстве своей церкви, в лечении больных. Имея теперь средства от

Царя, Никон тратил деньги на благотворительность приходившим к нему бедным, давал на приданое. Но и здесь клевета не оставила его. Когда умер Царь, и враги Никона прислали ему на смену пристава Шайсупова другого – Одадурова, то тот сумел угодить своим патронам. Шайсупов был в ссоре с Никоном; последний по своей прямолинейности с ним годы не разговаривал, переговариваясь через служек; он отомстил Никону, когда представился случай, а случай этот не заставил себя долго ждать.

Почва, на которой явились клеветники на Никона в гнусных поступках и измене – усиление врагов Никона и желание приставов выслужиться перед ними.

Одадуров явился 29-III 1676 г. с своими правилами обереганья Никона, запретил ему и его службе свободный выход из келии, запретил ходить посторонним к нему, прекратил ними лечение и окружил келью стрельцами. Был использован приезд в Москву одного служки и присланных туда Никоном для допроса в государевом деле. Они были использованы для доноса на Никона; враги Никона привлекли Шайсупова, обвиняя его в послаблении Никону, и тот в оправдание себя, чтобы не оказаться умолчавшим, и в отместку Никону свел в доклад все слухи и чужие пересуды со слов Никоновских келейников и слуг, имевших неудовольствие на Никона за строгое обхождение и наказание за пьянство, в том числе и гнусное обвинение вошло в доклад. Особенно отличался старец Иона, делавший надписи на крестах по поручению Никона. Он был пьяница, неоднократно был наказан Никоном, и его извет явился самым гнусным, не соответствовавшим ни семидесятилетнему возрасту Никона, ни его настроенности; он был послан в Москву Одадуровым для личных показаний против Никона, которые и произнес 29 апреля 1676 г. Шайсупов же обелявший себя и выслуживавшийся перед врагами Никона, которые могли за его послабление Никону, наказать его также, как и всех вообще сосланных ими сторонников Никона, показывал опять о донских казаках, показывал о том,

что «к Никону приходят женки и девки будто бы для лекарства, а он с ними сидит один на один и обнажает их до нага, будто бы для осмотра больных язв, а от его лекарства многие померли». Сообщал он, будто Никон выдавал замуж неволею и бил плетьми жениха, и женил в неволю, что после венчания к себе в келию их приглашал, что он устраивал игры и пьяных женок на слободы отправлял на монастырских подводах.

Заочный суд над Никоном 15 мая 1676 г., без предварительного допроса свидетелей и его самого одним доносам.

Когда приехали с готовым приговором суда, то и Никон своим правдивым рассказом, по и его старцы показали всю нелепость обвинений, но дело было уже сделано что только и нужно было врагам Никона. На суде исследование не производилось, показания доносчиков вовсе не проверялись показаниями других лиц, не вникали в то, что показания на Никона делались потерпевшими от него наказания недовольными лицами; напротив собирались все прежние доносы и передавались Патриарху Иоакиму с заключениями о виновности Никона. «Можно сказать без преувеличения», пишет Проф. Николаевский, что, с возбуждением теперь следствия по делу Патриарха Никона производилась оценка и жизни, и деятельности его за все время десятилетнего заключения в Ферапонтове; пересматривались вновь дела и бумаги по тем обвинениям и вопросам, которые были уже решены при прежнем Государе, или оставлены были без последствий, и которые выставлялись теперь пунктами новых обвинений против Никона и поводом к его осуждению». 15 мая 1676 г. было вынесено постановление Собора, на котором был Царь Феодор, Патриарх Иоаким, 5 Митрополитов, 6 Архиереев, низшие духовные власти и бояре, которое приговорило Никона на немедленное заключение в Кириллов монастырь, описать и отобрать все его имущество, удалить его старцев, к нему никого не пускать, никаких писем, никаких прошений ему не

приносить, не давать чернил и бумаги, отобрать книги, кроме тех, по которым отправлять церковное и келейное правило, поселив с ним двух верных, ему чужих старцев.

Умолчание Соловьева о характере свидетельских показаний и свидетелей на суде 1676 года.

Обвинения на Никона были явно нелепы по несоответствию с образом жизни и личностью, и очень жаль, что историк Соловьев поместил такое обвинение (XIII, пр. 190), не приведя данных, его парализующих, т. е. без объяснения, что они исходили от людей пристрастных и низкопробных, пьяницы Ионы, наказанного Никоном, и поссорившегося и жаловавшегося на Никона князя Самойла Шайсупова, испугавшегося обвинений на него в умолчании о Никоне со стороны свирепствовавших его врагов; он не сообщил как были составлены эти обвинения на суде, и какой ответ был со стороны Никона и неотлучных свидетелей его жизни, хотя и после постановления суда, на котором не допрашивался ни Никон, ни окружавшие его люди. Тогда выяснилась бы его историческая недостоверность и психологическая невероятность из характера личности и жизни Никона. Новый пристав Одадуров, присланный в марте 1676 г., дал тон новому отношению к Никону, разбудивший всех его врагов. Доклад Шайсупова лег в основу соборного определения без всякого разбирательства.

Опровержение Никона на обвинения в 1676 г.

А вот что Никон сказал совершенно просто со всей внутренней силой и убедительностью человека, исстрадавшегося, много испытавшего и не могущего уже дивиться никаким козням своих врагов, после того, как он выслушал состоявшийся приговор в церкви, куда и был позван для этого: «Которые казаки у него были, их прислал к нему Степан Наумов со стрельцами; а говорили ему те казаки: есть де у них в сборе человек с 200 и больше в Белозерском уезде, а какие люди и где они стояли, точно ему не сказали; а

изымать ему тех людей не кем; к Разину в Симбирск старца никакого не посылал и вверх Волгою Разина звать не велел. А что он, Никон, писал к Царю Алексею Михайловичу и прислал роспись людей кого лечил (в рукописях Воскресенского монастыря сохранились имена больных и время их исцеления и от какой болезни: числится за время от 1674 г. до 20 марта 1676 г. 68 мужчин, 53 женщины и 11 младенцев), и у тех людей он лечил больные места, помазывал маслом и говорил над ними молитвы, и от того его лекарства милость Божия и исцеление многим людям бывали, а про то он не слыхал, кто от его лекарства кто умер. За великого Государя и за всех Патриархов в церкви Божией и в келейном правиле он повсечасно Бога молит, а за Иоакима Патриарха Бога не молит, потому что писал Вологодский Архиерей в Кириллов монастырь и велел Бога молить за себя, а не за Патриарха, потому что от него, от Иоакима всякое зло учинилось, и ныне его губит, а попам де он за Патриарха Бога молить не заказывал... Патриархом Московским он себя называть не веливал и никого к такому делу не принуживал. Которые де присыльщики приезжали от великого Государя Царя Алексея Михайловича и его, Никона, называли великим святым отцем... Больных де женок и девок до стыдных мест не обнаживал, а давал им те больные места мазать самим и говорил де молитвы над ними. В Крестовой келье он, Никон, над болящими молитвы говаривал и маслом помазывал. В келье он женок и девок у себя замуж не сговаривал и после венчания в келье не имывал и до пьяна их не напаивал и до полуночи у него не сиживали, а де кам де и женкам бедным, сиротам и всяким скудным людям на пропитание и на платье деньги и хлеб давал при стрельцах. Женки де брюхатой сильно он замуж выдавать не веливал и жениха ее плетьми не бивал. На слободских женок никаких пиров не делывал и до пьяна их не паивал и на подводах в слободы не отсылал, а кармливал де он всяких чинов людей на Господние праздники вместо милостыни за работы их. Являлся де Христос к нему часто в церкви таким образом, как пишутся на иконах и подал ему

благодать чаши лекарственной, и оно де по тому явлению и по благодати неисчерпаемой чаши лекарственной исцеляет, и от того его лекарства Бог от болезней многих людей избавляет, а больше того его никто лекарству не учивал. Патриархом он писывался, потому что ему от великого Государя Иван Образцов и Козьма Лопухин и иные присыльщики его Никона называли святым отцом, да ему же из тех присыльщиков сказывали, что великий Государь не заповедывает его Патриархом называть».

Показания свидетелей (1676 года) оправдывают Никона от клевет, но эти показания уже после суда.

Иеромонах Варлаам, больной старец Козьма показывали, что никогда зазорных лиц в келиях не было, только больные. Диакон Мордарий показывал, что он ездил в Москву, письма Царю передавал через его духовника протоиерея Савинова, покупал там лекарства, но, как их составлял Никон и мазал, он не видал; мужчины, женщины и дети часто приходили к Никону за лечением, видел как Никон читал молитвы над ними по требнику, приносил кадило, свечи, а ничего худого никогда не замечал; кроме больных, никто из зазорных к нему не приходил. Варлаам и Мордарий были сосланы под надзор в Крестный монастырь, где и оставались до 1680 года. Суд 1676 г. окончательно прекратил земную деятельность Никона, и он был возвращен в августе 1681 года в Воскресенский монастырь, но восстановлен во всех правах Патриарха только после смерти 17 августа 1681 года) Грамотой Восточных Патриархов, привезенной 9 сентября 1682 года тогда, когда уже Никон никому поперек дороги встать не мог.

Отношение Никона к боярству.

Мы говорили, что Никона не любило боярство, и ему он обязан своей тяжелой судьбой и невозможностью установить каноническое управление Церковью. Но сам он был чужд какой-либо вражды к боярству, как таковому. Он защищал от его захватов Церковь, ибо почитал это архипастырским

долгом и бичевал только тот дух в части боярства, который приводил его к захвату Церкви, а, в качестве советника Государя, боролся с тем местничеством, которое губило государство, приостановив его на время войны (оно в полной силе возобладало до окончания войны, но после ухода Никона, что и обнаружилось в страшных поражениях 1659 и 1660 годах). Мы видели его борьбу с боярским либеральным антицерковным духом в «Раззорении», которое пересыпано обличительными обращениями к Стрешневу и Одоевскому. «Князь Никита Одоевский, человек чрезвычайно гордый, не имеющий страха Божия в сердце; он не читал и не понимает Божественного Писания и канонов Св. Апостолов и Св. Отец. Он вовсе не думает жить по ним, и тех, кто живет по ним, он ненавидит, как своих личных врагов, будучи сам врагом истины. Товарищи его – люди невежественные в Св. Писании, а дьяки – заведомые враги Божии и грабители, которые среди бела дня без страха губят людей Божиих» (I, 354).

А Стрешневу он писал: «Ты веруешь, что есть Бог, хорошо; дьявол тоже верует и дрожит; но хочешь ли видеть, пустой человек, что вера без дел мертва. Разве Авраам не оправдывал ее делами, когда предложил Исаака на алтарь? Делами и вера сделалась совершенней. Авраам возлюбил Бога, и ему это вменено в праведность, и он назван другом Божиим. Ты видишь, как делами, а не верой только оправдывается человек? Видишь, что согласно Писанию, ничего нет в вас христианского. Но вы отверглись от Бога и антихристами стали, т. е. богоборцами» (I, 167).

Считая Царя неограниченным властителем в светских делах, и считая свое осуждение возможным лишь при попустительстве Царя, захватившего и церковную и государственную власть, Никон возлагал ответственность на Царя, но больше винил бояр. Он писал в «Раззорении», что подстрекатели виновнее самого деятеля, говорил и Стрешневу в марте 1669 года о том, что боярское бесчинство он считает причиной и Разинской смуты, и бесчиния в Церкви и осуждения ее Первосвятителя. Говорил он и на

суде Царю, намекая на бунты 1648 и 1662 г., что он сам свидетельствовал тогда о неправдах боярских. Но у Никона не было вражды к боярскому сословию, как таковому. У него были среди него друзья, которым он сам покровительствовал и выхлопатывал им повышения, но он в этом не связывал себя установившимися рамками придворных положений. Он покровительствовал Зюзину, который был назначен воеводой в Путивль, и совершенно очевидно, что с новыми для Московского двора людьми Матвеевым (сын дьяка) и Аф. Лавр. Ордын-Нащокиным (Псковский дворянин) находился в таких отношениях, что Зюзин, желая заставить Никона приехать в Москву и тем повлиять на Царя в смысле примирения, ссылался именно на них, на их якобы разговор с Царем, чтобы заставить Никона поверить в истинность желания Царя видеть Никона в Москве. Пальмер сообщает (IV, 556), что Зюзин показывал письма Никона к нему думному дворянину Афанасию Лаврентьевичу Ордын-Нащокину, говорил и о своих письмах пригласительных к Никону, но скрывал от него, что он писал, ссылаясь на слова самого Нащокина, и Нащокин сказал: «это хорошо», т. е. он одобрил возвращение Никона, хотя лично не принимал никакого участия в предприятии Зюзина и даже не знал, что тот предпринимал со ссылкой на него.

Бояре враждебные Никону, вышли из лиц, близких ко двору или занимавших высшие посты.

По-видимому, круг враждебных Никону бояр ограничивался несколькими семьями, особенно близкими Царю по родству женских линий (Стрешневы, Милославские) и связанных с ними (мать Богдана Хитрово была у Морозовых кормилицей). Милославские и Хитрово были выдвинуты Морозовыми ко двору; все они занимали главные посты в государстве и тяготились влиянием Никона на Царя. И другие лица, встречающиеся в деле Никона – все представители власти. Илья Данилович Милославский († 1668) отец Царицы, он во главе Иноземного Приказа и Приказа Большой Казны. Окольничий Иван Андреевич

Милославский († 1663) во главе Ямского Приказа, Богдан Хитрово (умер не ранее 1677) во главе Земского Приказа и новой Чети (1654-1665). Он был креатурой Морозова и Милославских (об его безнравственной жизни сообщает доктор Коллинс (между 1664 и 1668): «его жена однажды была найдена мертвой в постели; так как его измены были общеизвестны, и ревность жены его тяготила, то были подозрения на него. Царь потребовал от него или прекратить порочную жизнь с польскими девками, или оставить дворец»). В 1663-1664 г. он ведал Приказом Большого Дворца; 1 сентября 1667 г. Он сделан боярином (V ар. 204). Дьяк Алмаз Иванов – секретарь Боярской Думы, главный секретарь Посольского Приказа и Председатель Новгородской Четверти. Также представители родовой власти – враги Никона – Никита Иванович Одоевский председатель Казанского и Сибирского Приказа от 1643-1646 г. и А. Н. Трубецкой († 1663 г.) в нем от 1646-1663 г. Одоевский (умер после 1676 г.) был председателем Монастырского приказа, созданного Уложением (II, 403-405); боярин Петр Михайлович Салтыков был председателем Малороссийского Приказа (V, ар. 216); Боборыкин – родственник Романовых и Шереметевых (ib. 218).

Участие Никона в государственной политике его времени.

Посвящая свой труд изучению воззрений Никона, мы не можем пройти молчанием его участия в государственной политике его времени, ибо он был советник Царя. В смысле неодобрения боярского местничества и существования и расценки людей по породе, Никон был, как государственный регент и советник Государя, прямым предшественником Петра I вместе с Ордын-Нащокиным; у него не было преклонения перед стариной только потому, что она старина; из этой старины он почитал только то, что проходило через испытание его критической оценки: так в отношении положения Церкви в государстве он был консерватор, но он почитал просвещение, знакомство с

иноземными усовершенствованиями технического рода и в этом отношении был из числа людей новых. В иностранной политике, как советник Государя, он стремился к объединению православного русского населения и к покровительству православных народов иноплеменных. Если польская война не закончилась Виленским договором 24 октября 1656 г. (который и Малороссию и Белоруссию отдавал России и предусматривал соединение России с Польшей), и потом в 1659 г. возобновилась война за Малороссию, вследствие измены Выговского, то Никон здесь не причем. Поражения 1659 и 1660 г. вследствие местничества бояр отдалили на 100 лет завершение поставленной задачи национального объединения, а война с Швецией указывала путь Петровским стремлениям к берегам Балтийского моря. Есть данные думать, что война за Малороссию началась в значительной степени под влиянием Никона, а бояре ею тяготились, как бременем, и историческая задача по объединению России у них отступала на задний план перед их нежеланием воевать.

Ведь, еще в 1651 г. в феврале Хмельницкий отправил посольство в Москву с просьбой о принятии подданства; собор духовенства и гражданских особ не решился это осуществить, и в 1653 г. Хмельницкий, зная силу Никона, писал ему: «Ведуще мы о ревности, еюже твое великое святительство по Господе Бозе Вседержителе, по Вере Православной, по Церкви Божией, и по всем народе восточного благочестия ревнуем, просим Твое великое святительство да уважешь быти о нас ходатай к Его царскому величеству, да подаст нам от великого государства свою руку помощи; мы же служити неверному Царю не хочем, но точию православному государю, и твое великое святительство, ходатая о нас к Богу и его царскому величеству, просим, дабы была едина вера и едино сочетание, а аще бо иноверцы и взывают нас к себе, но мы Бога молим, дабы отвратил очи наши не видети суеты и поставил нас на стезю праву заповедей Своих.» Бояре опять рассуждали так, как и в 1651 г., боясь войны с Польшей,

которая была бы неизбежным следствием присоединения Малороссии, но Никон убедил присоединить Малороссию, изобразив страдания там православных людей. С какой надеждой взирали на Никона малороссы, показывает письмо их к Никону.

Письмо к Никону от Гетмана Хмельницкого и всего Запорожского Войска 9 августа 1653 г. (Чт. О. И. и др. 1848, 8 последний Отдел 53 стр.) гласит:

«Божией милостью Великому Святителю Святейшему Никону Патриарху царствующего града Москвы и всея Великия России, господину и пастырю, Его Великому Святительству Богдан Хмельницкий гетман Войска Запорожского и все Войско Запорожское, низко и смиренно до лица земли челом бьем.

Ведуще мы о ревности, еюже твое Великое Святительство ревнует по Господе Вседержителе, по Вере Православной и по всем народе восточного благочестия, просим твое Великое Святительство да изволит быти о нас ходатай к Его Царскому Величеству, да подаст нам от великого государства свою руку помощи; и рать нам отпустит в помощь на ляхов, понеже Король приходит на нас со всей силой Ляцкою Веру Православную Церкви Божией и народ православно-христианский от земли потребити хотяй. Мы же служити неверному царю не хощем, но точию православному Государю, Его Царскому Величеству челом бьем; и да под крепкою его Великого Государя рукою и покровом пробудем, Господа Бога Молим, и твое Великое Святительство, ходатая о нас ко Богу и к Его Царскому Величеству, просим. О сем же и сугубо Великое твое Святительство прося, молим, да не возвратится посланец наш Герасим Яцкович от Его Царского Величества и от твоего Великого Святительства к нам тощь, но скоро с силою и помощию Великого Государя, Его Царского Величества, незадержан к нам да возвратится; и да обрадует нас, паки и паки Твоему Великому Святительству молимся и молитвам святым и благословению себя вручаем. В Глухове 9 дня августа 1653 г.

Вашему Великому Святительству во всем повинные слуги и подножники, Богдан Хмельницкий Гетман со всем Войском Запорожским».

От 12 августа опять грамота, что: «как прямых слуг своих Царское Величество ущедрити и пожаловати изволил», грамота за это приносит благодарность и обращается к Никону: «Твое же Великое Святительство молим, да изволился о нас к Богу и к Великому Государю, Его Царскому Величеству неусыпный ходатай быти, да помощи руку подаст нам на врагов наших скорейшую и прескорейшую ратию свою Великий Государь, да не безпомощным нам это зло сотворят».

Спустя лет 14-15 то же явление. Гюббенет приводит письмо одного архимандрита греческого, который писал в Константинополь о нем, называя Никона вторым Златоустом, что «Царь его любит и желает и приходит к нему для бесед по ночам; бояре же отстраняют Никона за то, что он настаивает, чтобы он шел на войну против татар, которые полонили множество москвичей и казаков, но это боярам не нравится, ибо они привыкли проводить более спокойную жизнь в Москве. Никон доброжелателен грекам, милостив к Патриархам и ревностный защитник догматов Восточной Церкви, что грамоты присланные с Мелетием к Патриархам, составил Паисий Лигарид, который, получив от бояр дары и почести, устроил козни против Никона, что Мелетию дано 8 тысяч золотых, которыми он подкуплен для действий против Никона». (Гюб. т. II, гл. 5).

Никон был им нелюб так же, как нелюб был Грозный Царь, ибо, как советник Государя, он дополнял в Царе Алексее то, чего ему не хватало в смысле внутренних дарований для проведения государственной политики в отношении к разложившемуся боярству. Это боярство Шакловитый называл немного спустя «зяблым деревом», с которым нечего считаться, но этого боярства едва не хватило на то, чтобы расчленить Россию на уделы в 1682 г., и хватило на то, чтобы ввергнуть Россию в половине 17 века на путь секуляризации государства и свалить того, кто был главным

его противником на этом пути – Патриарха Никона. Если Никон в государственной сфере, как советник Государя, был предшественником и предвестником лучших достижений Петра в иностранной политике, если он вносил дух реформы своим критицизмом, то боярство сумело вырвать от Никона ту основу, на которой строилось само государство, и подготовить путь к дальнейшей секуляризации государства Петром, вопреки заветам Никона, тем, что оно положило начало подрыву общественного положения Церкви, не столько даже Уложением, сколько низложением великого Первосвятителя через посредство человекоугоднических Архиереев и подкуп наймитов-Патриархов, обессилившим положение Патриарха в русском государственном строе.

Боярство, добившись осуждения Никона, обессилило положение Патриарха в государственном строе.

А это обессиление в свою очередь устранило препятствия к государственному законодательству по церковным делам в 1700-1720 годах, вполне подготовившему и полное уничтожение патриаршества и постепенное полное разрушение общественной деятельности Церкви.

Сравнение Никона с Крижаничем и Петром I в политических идеях.

Любопытно сравнение, которое делает Пальмер, между Петром, Никоном и Крижаничем. Никон и Крижанич требуют от правителя государства прежде всего благочестия к Богу, а затем уже силы и мощи (военной и морской) и мудрости для заботы об общем благе, но у Петра первая идея – подвиги и слава и остальные упомянутые свойства нужны лишь, поскольку они могут вести к подвигам и славе. Крижанич ставит мудрость правителя в соблюдении двух правил: «познай самого себя» и «не доверяй иностранцам». Петр сам ученик иностранцев, наводнил Россию иностранцами разных исповеданий. Здесь Никон едва ли бы одобрил второе правило Крижанича в его исключительном значении, но в принципе все же он больше с ним, чем с

Петром, но с условием принятия иностранцем православия, если он годный человек. Относительно сил государства. Крижанич не рекомендовал присоединять Балтийские провинции. Никон здесь с Петром, но только без допущения немцев и шведов к высшим государственным должностям, но допустил бы некоторую автономию для местных дел. Что касается мощи государства, то Крижанич и Никон хотят национального согласия и объединения; но Петр разделил Россию на два противоположных и враждебных лагеря с немецкой тенденцией и национальной, из коих одна материалистическая или неверующая, а другая религиозная или, по меньшей мере, супранатуралистическая. Что касается военного командования, то Крижанич не допускает иностранцев; Петр уничтожил наследственную знать и поставил Меньшикова над старыми фамилиями и свободно давал командование иностранцам. Никон, вероятно, не возражал бы против годных иностранцев, если бы они приняли православие, и свободно бы возводил до высшего ранга русского низшего происхождения, и в этом отношении похож на Петра. Все трое согласны в стремлении к освобождению от старого невежества, к изучению искусства и стремлению к лучшей форме общества, хотя и есть разница в направлении, поскольку у Никона и Крижанича стремления горния, а у Петра более материалистические. Крижанич и Никон приветствуют самодержавие, но оно у них не выливается в форму безграничного произвола и захвата священства, как у Петра I. У них власть Царя абсолютна в том отношении, что никакой подданный, никакое собрание подданных не может диктовать царю воли; в этом вся инициатива отдается Царю, но в высшей сфере Царь имеет над собой законы Бога и Церкви, и в отношении его отдельных распоряжений, если он приказывает что-либо нечестивое, подданные не обязаны ему повиноваться, но скорее должны отказать в повиновении и пострадать за правду и справедливость. Но такой Царь православный будет действовать согласно обычаю, по советам с своим синклитом и спрашивая совета и благословения Патриарха.

Он может делать все, что благочестиво и законно, может изменять старые и восстанавливать новые законы, поскольку он не затрагивает закон высший – Божеский или Церковный. По Никону Царь утверждает за духовенством его привилегии и изъятия от светской юрисдикции, от публичной службы налогов и право владеть своими землями без платежа налогов, а Петр уничтожил все эти привилегии духовенства (V, 107-109). Пальмер умолчал об одном огромном различии между Никоном и Крижаничем: панславист Крижанич не только идею племенную ставил много выше чем Никон, для которого идея религиозная была выше национальной, но и сама их религия была разная. Как католик, Крижанич был иной церковной культуры, чем Никон. Различие между Никоном и Петром в идее о государственном законодательстве о Церкви огромно, оно восходит до полного различия культуры; оно настолько велико, что затмевает те сходства между ними, которые относились к конкретным государственным задачам их времени. Они могли сходиться во мнениях о том, что нужно просвещение, что боярство своим местничеством губит государство, что России нужны берега Балтийского моря, что надо возвышать людей не по породе, а по заслугам для блага государства, Но то обстоятельство, что Никон ставит на первом плане для Царя православное благочестие в личном и общественном его понимании и проводил реально в жизнь понятие самостоятельной Церкви, а Петр ставил на первом плане подвиги и славу, а Церковь представлял только как полицейское орудие государства и к самому вероисповеданию относился безразлично, – кладет между ними пропасть такую же, какая существует в общественном отношении между Протестантизмом и Православием.

Глава IV. Народ и Никон

Любовь народа к патриаршему сану и к Никону. – Отзывы о Никоне его современников-иностранцев. – Челобитная монахов Воскресенского монастыря о возвращении Никона. Похороны Никона. – Объяснение любви народной к патриаршему сану и Никону. Патриарх – воплощение стремлений к правде. – Патриарх – выражение устремления к святости и оцерковлению жизни. – Объяснение любви народа к Никону. – Строгость Никона к духовенству объясняется стремлением поднять духовенство до целей высших. Нищелюбие Никона и участие к людскому горю, благотворительность. – Формы выражения Никоновского человеколюбия помимо благотворительности. – Внешнее выражение любви к Богу. Постройка монастырей. – Готовность и легкость Никона к полному прощению врагов при их покаянии. – Объяснение, почему Никон не мог простить Митрополита Питирима и Царя. – Почитание Никона народом вызывается не только перечисленными его чертами, но и невинным страданием за Церковь. – Любовь Никона к юродивым. – Стойкость Никона в своих убеждениях и неустрашимость. – У Никона чисто русский подход к православию. – Уход Никона в Воскресенский монастырь – выражение не бездеятельности, а деятельности высшего напряжения. – Идея греха – идея центральная в миросозерцании Никона. Он расценивает исторические события с религиозно-нравственной точки зрения. – Пальмер об осуществлении Никоновских предсказаний и проклятий. – Никон, охраняя церковную культуру в старой Руси, опережает ее в своем отношении к образованию с одной стороны и в восстановлении святоотеческих идей с другой. – Взгляды Аввакума на образование, на русские обряды, на греческое православие. Критерий истины у него в русских современных ему формах православия. – Отношение Никона к русским обрядам и чинам, до знакомства с приезжими греками и после. – Никон – сторонник вселенского православия не отожествляет Русскую Церковь со Вселенской. – В каком смысле Никон хотел сделать Москву III Римом. – Отношение Никона к науке. Его библиотека. – Любознательность Никона. Его деятельность по устройству монастырей и деятельного монашества. – Увлечение Никона всем греческим в начале патриаршества и нападки на него старообрядцев. – Разочарование Никона в греческих представителях. – Никон взял с Востока все, что ему не доставало. – Стремление Никона насаждать просвещение. –

Поощрение Никоном развития церковного искусства. – Заботы Никона об улучшении церковного пения. – Отличие Никона от Петра в отношении к западной культуре. – Любовь Никона к отечественной истории. Заветы Патриарха Никона. Его путь культуры. – Прообраз Никона и его дела в истории с соловьем.

Любовь народа к патриаршему сану и к Никону.

Мы рассмотрим потом разрушение в государственном законодательстве о Церкви, произведенное Петром, а сейчас обратим внимание на факт, который можно усмотреть во всех исследованиях о Никоне; это – любовь к нему народа. В любви этой надо различать две вещи: сан и личность. Поэтому мы рассмотрим по возможности отдельно оба элемента и отделим то общее, что дорого народу в сане Патриарха, и что дорого в личности самого Никона.

Что народ любил Никона, тому мы имеем много свидетельств. Так Павел Алеппский (II, 71) пишет еще по дороге в Москву: «Мы видели во всех воеводах и других вельможах, во всем духовенстве и во всех светских людях Московских постоянное выявление молитвы о благоденствии их Патриарха, похвалы за его добрые качества, большую благодарность за его щедроты и самое доверчивое упование на его отеческое отношение. Упоминание о нем всегда во всех устах, так что можно думать, что они его любят почти как Самого Христа». О любви народа к Никону говорит и то обстоятельство, что Стенька Разин для привлечения сторонников составил прокламацию от имени Никона, и на знаменах его были изображения Патриарха Никона; хотя это и была недобросовестная эксплуатация его имени, однако показательно средство, которым Разин думал привлечь народ. Когда Никон отошел в Воскресенский монастырь, то все его разговоры с посланными от Царя показывают, что в Москве было много духовных и светских лиц, сочувствовавших ему; но всякое сочувствие к Никону строго преследовалось. И все же его посещали постоянно люди всякого звания, влиятельные, именитые и простые и

сообщали о всем происходившем в Москве, иногда чрезвычайно быстро (Гюббенет 1, глава 2).

Так и в 1662 г. Никон сразу узнал, когда созван был Собор с Лигаридом во главе по его делу, что решено было послать Иеродиакона Мелетия на Восток; Никон сразу же сообщил Царю, что Мелетий подделыватель подписей; это было верно, хотя предупреждение Никона и оказалось безрезультатным. Так и в 1665 г. Никон узнал, что Лигарид в хороших отношениях с приезжающим Патриархом Макарием, и решил написать исповедь свою Константинопольскому Патриарху. «У Никона, говорит Гюббенет, были всюду преданные ему люди, и ему сообщалось о том, что делалось в Москве и других местах» (II, гл. XI). Ведь, дело Зюзина открылось случайно, но был не один Зюзин сторонник Никона. А о том, как преследовалось общение с Никоном помимо правительства, видели мы неоднократно. Свидетельств любви к Никону много у Шушерина. Так когда Никон, уезжая на суд Патриархов в последний раз из Воскресенского монастыря, велел остановиться у креста на горе Элеонской, чтобы последний раз взглянуть на Воскресенский монастырь и проститься со всей провожавшей его братией, то произошла трогательная сцена прощания. «У креста Святейший Патриарх сотворил молитву, рассказывает Шушерин, (Житие Святейшего Патриарха Никона 91 стр.) и, сотворив молитву, повелел диакону прочитать им ектению, и сотворше прошение за благочестивого Царя и за весь его государсткий дом т. е. за всю братию, и за всех христиан, и за мир, и благословение и прощение братии подав пойде в путь свой. Братия же и вси православнии жителие и трудники тоя обители, приемше благословение и прощение неутешно плачущеся и ненадеющеся видеть паки отца своего». Мы видели, что некоторые иноки из Воскресенского монастыря – 2 иеромонаха (Поллодии), 2 иеродиакона (Иоасаф и Мордарий) старец Флавиан, 2 бельца Клинского и Костромского уезда, ушли с Никоном в добровольную ссылку, а из самого монастыря многократно присылали к нему провизию для облегчения его тягот.

Когда Никона низвергли из сана, то сняли с него его клобук и панагию, но мантии архиерейской и посоха не взяли, «страха ради всенародного », добавляет Шушерин (стр. 128). А когда на другой день столпился народ в Кремле и вокруг Кремля, то во избежание эксцессов народу обманно сказали, что повезут Никона через Спасские ворота, где и столпился народ, а Никона повезли через другие ворота на Старокаменный мост и оттоле в Арбатские ворота и за самый земляной град, провождающе его из града царским повелением, полковников стрелецких четверица, имеюще с собой 200 стрельцов; сущии же со блаженным от священников и монахов иже восхотеша с ним идти, такоже и ини от мирских мнози провожающе его из града со слезами и воплем великим; тех убо всех оные воины окруживше окрест и уже в среду ту никому же даяху внити» (Стр. 135). А дальше рассказывается «егда же блаженному Никону пришедшу до Сущевы слободы и повезоше его из града по пути по Димитровской дороге, тогда и тии воины шедше внутри града отступиша, монаси же и мирские проводивши Св. Патриарха и даже за Сущеву слободу с великим воплем и рыданием, он же утешал их и рече им много от Писания, и тако благослови их, предав всех благодати Божией, и тако, приставници повезоша блаженного Никона с великою дерзостию, тии же вельми его умильно взирающе и жаляще сии яко лишишася своего пастыря возвратишася во град с великим плачем, уведавше же сие и во граде яко Блаженный Никон уже из града увезен быть, вельми бяху скорбяще по своем отце и пастыре». (Ib. 136 стр.). Выражением народной любви можно рассматривать и случай, происшедший по дороге в Ферапонтов монастырь около Мологи. По дороге стрельцы разгоняли народ, чтобы он не скоплялся около опального Патриарха, и из тех изб, где останавливался Никон на ночлег, удалялись его обитатели. Но в одном селении у Мологи к Никону вышла из-под пола спрятавшаяся престарелая женщина и, спросив среди сидевших с Никоном братий, где Никон, припала со слезами к его ногам и сказала: «Явися во сне муж некий благообразен,

и рече ми: жено, се раб Мой Никон Патриарх послан и идет в заточение в великом утеснении и скудости, ты же елико можеши в потребных ему помози; и сия оная жена изрече, заклиная себя клятвами яко в истину тако есть, и тако вручи Св. Патриарху Никону денег серебряных 20 рублев, к сему же и одеяний теплых». Никон принял с благодарностью и умилением эти подарки, отвергнув перед тем за несколько дней богатые царские дары. Никона искусственно оберегали от выражения народной любви и любви его учеников. Так пристав отгонял всех приходивших к нему по пути, и даже, когда он проезжал мимо Афанасьевской обители, откуда вышла вся братия вместе с учеником Никона, строителем Сергием Прокофьевым, то он «с великим прещением и яростию всех отгне».

Память о Никоне сохранилась и после его ухода и далеко за пределами его жительства. Гетман Брюховецкий в воззвании к казакам в апреле 1668 г. объяснил причину заточения Никона и давал свою ему характеристику. «Бояре бо Московские раззоренных вспомогаючи ляхов, 14 миллионов денег дали и дружбу, которую с ними вечно присягою установили не для чего иного, мне мнитца, токмо хотя выбитца из под царской руки, чтобы могли, аки в Польше ляцким побитом и городами владети: в Польше бо сенатори все королями, а одного за господина быти мало разумеют; того ради всех неповинных людей и начальника Богом данного к нищете и хлопотам приводят. Яко и сего времени те Московские царики на нас бедных невинных, которые ему были добровольно без насилия поддалися, не для чего иного, токмо ведаючи его, православного Царя, но бояр безбожная мучительная злоба усоветовала присвоити себе в вечную кабалу и неволю... верховнейшего пастыря своего св. Отца Патриарха, который их к доброму делу, яко пастырь провождал, они же не яко овцы пастыреви были, но его свершили, егда не хотя послушными заповеди его быти, который поучал, чтобы имети милость и любовь к ближним, к братии своей се есть к убогим и мирским людям (намек на бунты 1649 и 1662 г.), за таковое его глаголание в заточение

отдали, чтобы больше их к доброму делу не наставлял и к тому Св. Отец наставливал их, чтобы чином христианским, а не поганским учреждалися, наипаче дабы не присовокуплялися к латинской ереси, которая много Православию святому вредит». (Акты, относящиеся к Истории Южной и Западной России VII, 61). Память о незаслуженности расправы с Никоном сохранилась, и время от времени о себе напоминала. Так, во время Астраханского бунта, в 1670 г. 11 мая мятежная толпа позвала из Церкви Митрополита Иосифа во время проскомидии. Он облачился и велел звонить в колокола и вышел к толпе. Казак Мирон сказал, что они православные, и не могут наложить рук на такой священный сан, но его тотчас убили и велели священникам разоблачить Митрополита. Низвергая его, кричали: «он не затруднялся низвергнуть даже своего Патриарха Никона» (Р. V 797).

Когда Никон был в Ферапонтовом монастыре и открывалась возможность его посетить, то к нему массами стекались под благословение с подарками и деньгами, увеличивалось и число добровольно приходивших келейных старцев (так в 1669 г. их было уже 10); они употреблялись им для посылок, делили общую будничную жизнь, отправляли келейные правила.

«Громадная масса православного народа, пишет Николаевский, не посвященная в церковные споры и диалектические тонкости, с своей стороны давно составила и изрекла бесхитростно замечательный отзыв о Патриархе Никоне, как о святом и чудотворце. Записи о чудесных знамениях и исцелениях при гробе Никона начались тотчас же по его кончине. Записи чудес последующего и нынешнего времени вносятся в особую книгу происшествий. Чудеса при гробе Патриарха Никона смущают раскольников и влияют на переход их в Православие. Масса народу, как при жизни приходила к нему за благословением, милостыней и исцелением в болезнях, так и по смерти его доныне стекается к его могиле, служит по нем панихиды и просит через него у Бога помощи и исцеления в своих душевных и телесных скорбях и нуждах. В этом всенародном почитании лучшая

оценка его пастырских трудов и житии его на патриаршем престоле, также в ссылке и заточении». (Николаевский, «Жизнь Патриарха Никона в ссылке и заточении»).

Большие пожары в Москве в 1668 г. жители рассматривали, как следствие низложения Патриарха Никона и проклятий Никона. Польский посол писал в Варшаву: «В Москве опять был пожар, который уничтожил несколько тысяч домов и жители говорили, что частые пожары – следствие того, что великий князь низложил и сослал их Патриарха, и были вследствие проклятий Патриарха Никона, вследствие чего они негодовали на великого князя». (V, 906).

Отзывы о Никоне его современников-иностранцев.

Иностранцы, современники Никона, ставили его также очень высоко: архидиакон Сохе, сопровождавший лорда Герберта в путешествии в Россию, напечатанном в Лондоне в 1792 г., дает сообщения о Никоне по Мейербергу и по его современнику Мюллеру (Мейербер был в Москве в 1661 г.). Он выставляет Никона, как человека чрезвычайных дарований, просвещения и добродетелей, как смелого патриота и вернейшего советника и слугу короны, падение которого произошло по зависти и злобе придворных, не могших перенести его превосходства. Протестант диакон жалел только, что такой великий человек предался жизни узкого аскетизма, на что годится и всякий простой монах. Не входя в оценку церковных принципов Никона, а только за его политический облик, Сохе и, видимо, Мейербер, также не только оправдывали Никона против бояр и короны, но и удивлялись ему, как герою (V прил. 15).

На бывшего у нас в 1653 г. бывш. Патриарха Константинопольского Афанасия Пателяра Никон произвел самое глубокое и настолько сильное впечатление, что он заявил, что Никон предназначен занять кафедру древних Константинопольских святителей после взятия Россией Константинополя. Он писал Царю по поводу привоза главы Св. Григория Богослова в Москву в докладной записке, при отъезде: «Великий святильник и вселенский пастырь и

учитель Божественный Григорий Богослов рачитель возсия Вселенскому Константинопольскому престолу и прииде да призовет Святого премудрого Патриарха господина Никона воздвигнути его превысокий свой престол, исправляя время, понеже быти собору в Македонии; ныне же волею и самохотением дает престол свой Святейшему Патриарху, еже есть образ добродетели, и ко всем неусыпаемый хранитель словесных овец, и достоин есть украсити престол начальством и величеством своим, и обрече невеста Божия, Святая Церковь своего жениха, да возсияет в мире свет учения его, да изыдет вещание и в концы вселенные глаголы его, и поставити светильник на светильник и возсияет во всех домех муж, и яко быти первый Мельхиседек и дивный Аарон и яко Божественнии светильницы вселенские: Василий и Златоуст и Афанасий и Кирилл и Великий Григорий, иже прииде да поможет ему, и тогда возвеселится мир, и воспоют людие едиными усты; такову нам подобаше Архиерею: преподобну, незлобиву, нескверну, и отлучену от грешных и вышше небеси быти». (Из статьи Каптерева «Приезд бывш. Константинопольского Патриарха Афанасия в Москву в 1653 г.) А Епископ Лазарь Баранович, изложив деяния Собора по делу Никона, говорит: «зрелище было изумительно для глаз и ужасное для слуха. Я страдал и изнывал от ударов, переносил ужас, и упал духом, когда погасло великое светило». Сама грамота Константинопольских Патриархов, восстанавливавшая Никона в сане Патриарха, называла его: «Адамант благочестия непоколебимый, Божественных и священных канонов оберегатель преискусснейший, отеческих догмат, повелений и преданий неизреченный ревнитель и заступник достойнейший».

Челобитная монахов Воскресенского монастыря о возвращении Никона. Похороны Никона.

А челобитная, поданная Царю монахами Воскресенского монастыря, показывает, как ценили и любили Никона в его монастыре, и чем он был для своей братии.

Братия умоляет Царя вернуть Никона, как в свое время вернул Царь Феодосий Иоанна Златоуста от Коман, и говорит о Никоне, как «о отце нашем ибавльшу нас от глада неслышания Словес Божиих, и удовлившего нас насыщением Словес Божиих и удовлившего нас насыщением тучного тельца от Агнца, иже питающеся во веки не умирают, тем ныне молим, пишут иноки, твоего к нам благочестивейшего нашего Государя Царя и великого Феодора Алексеевича, благоподобное твое благоутробие, помилуй нас нищих своих богомольцев, подаждь Церкви исполнение, приведя Кормчия кораблю, посли пастыря к стаду, приставь главу к телу, христоподражательного нашего наставника, святого Никона, преведшего нас море мира, яко Моисея, повели да и землю обетования, юже наследствует своим прещедрым богатодатным подаянием обильно, також да наследствовати и нам разделить яко Иисус и Елеазар ведый всех, то по разсотрительному комуждо достойному приличеству, изведи из темницы душу его, яко и блаженного иногда Игнатия, Патриарха Царьградского из заточения, повели свободити из Кириллова монастыря в монастырь живоносного Воскресения Христова, растущий днесь в высоту повсегодного прославления, яко древо плодовито в происходящих твоего богатодаровитого и щедролюбезного излияния насажденный и упокоеваемый, да и он с нами купно твоих пребогатых щедрот насладится и в строгости возвеселится. Великий Государь, Царь смилуйся». Под челобитной 60 подписей братии во главе со строителем и казначеем.

О том же расположении народа говорят и похороны Никона, происходившие 27 августа 1681 года еще до разрешения его Восточными Патриархами, ибо сами просительные грамоты Патриархам от Царя подписаны только 26 июня 1681 года. Огромное стечение народа по пути следования тела Никона от Ярославля до Москвы тому доказательство. Его тело было одето в схиму и положено в дубовый гроб. Оно было встречаемо и провожаемо населением с честию и любовию; народ со слезами целовал

его гроб, духовенство всех церквей и монастырей выходило к нему навстречу с крестами и иконами и совершало панихиды. Тело Никона отпевали по патриаршему чину духовенством во главе с Новгородским Митрополитом Корнилием, которому Патриарх Иоаким поручил исполнить волю Царя, а сам он на это не соглашался. За одну версту до Воскресенского монастыря тело было переоблачено в белую греческую суконную одежду, ризу таусанного бархата и архиерейскую мантию с источниками и скрижалями, украшенную золотом и дорогими камнями; надета яшмовая панагия, омофор и клобук.

Объяснение любви народной к патриаршему сану и к Никону. Патриарх – воплощение стремлений к правде.

Объяснение любви к Никону надо искать в его сане и в тех личных его свойствах и качествах, которые давали его сану особенно рельефное воплощение. Ведь, Патриарх по народному воззрению был блюстителем и представителем Божественной правды. Это стремление к Божественной правде было всегда присуще русскому народу и выражалось еще в сказке о правде и кривде, в духовных стихах, знающих различие между правдой человеческой и Божией. Первая – это закон как норма человеческих отношений, принятых обычаем и верховной властью, правда, несовершенная, не могущая полностью осветить отдельный случай. Правда с земли ушла на небо, и там есть правда, которая «во век не изживется. Она выражается через заповеди Божии, закон Евангелия, уставы церковные и через того, кто призван быть по Эпанагоге живым образом Христа, живописующим правду и истину. Патриарх – искоренитель всякой неправды «сирых защитник, обидимых предстатель. Он защитник вдовых и сирот перед Царем по праву печалования, тому праву, которое более всего являлось средством дать восторжествовать правде высшей над правдой человеческой. Недаром народ не любил патриархов «недерзновенных к царю» «потаковников», не встававших на защиту правды высшей против правды формальной. И Патриарх Иосиф,

предшественник Никона, говорил Царю при перенесении мощей Патриарха Иова, указывая на массовое стечение народа: «смотри, государь, как должно за правду стоять». Святой Патриарх Гермоген также отстаивал неоднократно царскую власть, как в ее существовании при Шуйском, так и в ее восстановлении с соответствующей ей идеологией, когда противился избранию королевича польского Владислава, избранного боярской партией. Патриарх Филарет боролся с взяточничеством бояр и дьяков, и летопись поминает про него, что при нем сильников не было ни обидящего, ни обидимого. Патриарх Никон стал дорог народу еще тогда, когда в сане Новоспасского архимандрита он дал наиболее напряженное выражение идее печалования перед Царем за невинно обиженных и защите слабых от людей сильных, и позже перешел в память народа, как умученный неправедно за противодействие боярам, за обличение их в неправдах, вызвавших бунты 1648, 1662 и 1670 г. Право на это обличение было установлено Церковью и государством, и Патриарх Никон сам говорил: «нам же Христос законоположил обличати», «мы же Архиереи на то и поставлены Богом», «Аще кто по правде и царя обличит, несть муки достоин». Никон в «Раззорении» напоминал: «Патриарху подобает быть учительну, обличительну непокоряющихся, о истине же и соблюдении преданий правду глаголати перед Царем не стыдяся».

Внести эту высшую правду и осветить ею государственный быт было постоянной задачей Русской Церкви еще при Митрополитах, но их сан не стоял так высоко в представлении народа, как сан Патриарха, и не был так близок к сану царскому. Напротив, сан Патриарха был дополнением к сану царскому, как помощь Царю в проведении идеи правды в гражданское общежитие. Народ инстинктивно чувствовал, что Никон был не врагом царской власти, в чем клеветали его бояре, а ее защитником против боярства, толкавшего Царя в ту сферу, где высокие идеалы царской власти заслонялись властолюбием бояр и их ревностию о родовой чести, а государственные задачи по

защите единоплеменных, единоверных народов преломлялись через боярскую косность. Никон вместе с Царем составили бы ту незыблемую твердыню и воплощение идеала царской власти, который Грозный Царь в лучшие времена влияния на него Митрополита Макария ставил власти царской, ограждая Царя и народ от бояр с одной стороны, а с другой указывал на неразрывность идеи царской власти по осуществлению ее задач с властью церковной. «Если по нерадению вашему, говорит Грозный, обращаясь к отцам Стоглавного Собора, – окажется какое нарушение Божественных правил, я в том непричастен, и вы дадите ответ перед Богом. Если я вам буду сопротивен вопреки Божественных правил, вы о том не молчите; если буду преслушником, воспретите мне без всякого страха, да жива будет моя душа, да непорочен будет православный христианский закон и да славится Пресвятое Имя Отца и Сына и Святого Духа». (См.: Наша «Царская власть и закон о престолонаследии» 61 стр.) Вот эту-то идею правды и призваны проводить Царь и Патриарх, как священная Двоица, обращенная в разные стороны: Патриарх, напоминающий об идеалах, которые он почерпает на небе, и Царь, воплощающий их на земле.

Патриарх – выражение устремления к святости и оцерковлению жизни.

Ради этого задания воплощать правду и другое качество должно отличать Патриарха – святость; поскольку он является саном своим путеводной звездой в сфере правды для Царя, постольку он всему царству сообщает устремление к святости. Истинная правда и святость выражаются в православии; центр этого православия – Патриарх, и в нем, как в фокусе, сосредоточиваются русским народом взгляды на величие православия. Патриарх должен дать защиту всем пострадавшим от несовершенства гражданского закона и от насилия властей и дать торжество правде. Он Патриарх – видимое осуществление идеала правды и святости на земле. Он «столп веры», «Кормчий Христова Корабля», «Высший

Учитель», как именуется в официальных речах. Он и главный советник Государя в делах законодательства и в Боярской Думе, и в Земских Соборах, поскольку Государь сам призывается не забывать о высших интересах жизни. Насколько необходимым элементом жизни государства почитался Патриарх, и чем он был и для Царя, видно из письма Царя Алексея Михайловича к Никону, когда последний еще в сане Митрополита поехал на Соловки за мощами Митрополита Филиппа. Он писал, что, когда на службе в Великий Четверг он узнал о смерти Патриарха Иосифа, то сразу почувствовал себя осиротевшим вместе со всем своим двором, ибо лишились общего отца, и без опоры молитвенной Патриарха Иосифа, которого он лично вообще не особенно любил, Царь почувствовал себя стоящим над пропастью.

Вот как он писал об этом Никону: «В ту пору ударили в Царь-колокол трикраты, и на нас такой страх и ужас нашел, едва петь стали и то со слезами; а в соборе у певчих и властей со страха и ужаса ноги подломились, потому что кто преставился? Да, к таким дням великим кого мы грешные отбыли? Яко овцы без пастыря не ведают, где деться, так то, мы грешные, не знаем где главы преклонити... а мати наша Соборная Апостольская Церковь вдовствует, зело слезно и вельми сетует по женихе своем; и как в нее войти и посмотреть. Все переменилось, не токмо в церквах, но и во всем государстве; духовным делам зело рассуждения нет, и худо без пастыря детям жить».

Царь настолько почитал Патриарха Иосифа, как Патриарха, что раз даже поцеловал его, кланяясь до земли, в ногу. Здесь было преклонение не перед личностью, а перед высотою и святостью идеала, воплощаемого в сане.

Объяснение любви народа к Никону.

Эта любовь к сану, которую за весь народ возглавлял Царь, говорила не о чем другом, как о превознесении народом теократического идеала жизни, т. е. о присущей ему идее воцерковления жизни общественной и

государственной. Если дорог был народу этот идеал, то дорог был и Никон, как выразитель высшего напряжения в осуществлении этого идеала. Если народ выше всего ставил угождение Богу, и власть светская считала своим призванием содействовать своими путями к одной цели с властью церковной, – способствовать единению людей с Богом, то, естественно, и высший предстоятель Церкви пользовался высочайшим почитанием, нисколько не унижавшим Царя. Не удивительно, что и на дворцовых обедах, кубок вина подавался Патриарху – а до установления патриаршества Митрополиту – Царем из собственных рук, и Царь говорил: «Твой сын (имя) кланяется твоей святости и подносит тебе». Если в необыкновенно пышных облачениях Никона, когда он предстоял на службах в мантиях зеленого и красного цвета, изукрашенных сплошь драгоценными камнями и в митрах по греческому образцу, усыпанных бриллиантами и жемчугами, народ видел воплощение своей оценки воплощаемых саном идеалов, то в жизни самого Никона он видел воплощение идей христианской любви, праведности и святости. А после смерти Никона народ почитал его, как святого, и к молитве его обращался в своих несчастиях. Известно, что при гробе Никона совершались чудеса, запись которым ведется в особой книге происшествий. О чудесах Никона при жизни сообщает в своей статье «Дела Св. Никона Патриарха» известный ученый, специалист по истории XVII века в России Белокуров (он насчитывает 132 исцеления Ч.М.О.И. и Д.Р. 1887), Рукописи Импер. Публ. Библ. (№ 01, 413 по сообщению Митрополита Антония) насчитывают 194 исцеления; Колосов в Историческом Вестнике за 1880 г. извлек из сборника Имп. Публ. Библ. 4 сказания, относящихся к 1682, 1691[5], 1695 и 1705[6]). Списки Воскресенского монастыря идут после 1705 года. Проф. Иконников упоминает об исцелении иеромонаха

[5] Исцеление слепого сторожа 24 м 1691 г.

[6] Исцеление сестры жены М. Стрешнева Марии Васильевны 3 августа 1705 года.

Николаевского Единоверческого монастыря Павла 18 августа 1866 г. (Киев. Унив. Изв. 1888, № 6).

У нас случайно оказалось под рукой сообщение об одном чуде Никона 27 февраля 1915 г., занесенное в Апрельскую книжку за 1915 г. Журнала «Приходское Чтение»[7]. Считаю

---

[7] **Чудесное исцеление у гробницы Патриарха Никона в Ставропольском Воскресенском монастыре.**

Крестьянка Тульской губернии Веневского уезда, села и волости Серебрянны-Пруды, Наталия Ивановна Костылева, замужняя, 34 лет от роду, более 11 лет страдала тяжелыми припадками, которые случались с нею преимущественно в храме во время Богослужений, или же у чудотворных икон и св. мощей. Припадки сопровождались судорогами всего тела, биением об пол и течением крови и слюны изо рта, и сильнейшим сердцебиением. Больная посетила много монастырей, советовалась у докторов, которые не признавали у нее никакой болезни, а называли ее кликушею.

Прибыв в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь на богомолье 27-го февраля сего года, больная Костылева пожелала отслужить молебен у гроба Господня в соборном храме Воскресения Христова. Очередной иеромонах Роман начал служить пасхальный молебен. В это время с Костылевой сделался сильнейший припадок. Окружающие 3 женщины с большим трудом могли удерживать ее голову, чтобы не дать ей биться об пол. Больная хрипела, изо рта текла пена с кровию.

Окончив пасхальный молебен, больную Костылеву, по совету того же иеромонаха, перенесли к гробнице Святейшего Патриарха Никона, находящейся в том же храме под Голгофою. Иеромонах Роман начал служить панихиду; больная все время хрипела и изредка говорила: «Ох, жжет».

Во время пения: «Со духи праведных скончавшихся», больная сама поднялась и со слезами на глазах, обтерев рот от слюней и крови, сама поцеловала вериги, висящие над гробницей Патриарха и громко сказала: «Он меня исцелил, теперь я здорова, желаю причаститься Св. Тайн».

Присутствовавшие при совершении панихиды и видевшие Костылеву удивлены были такою быстрою переменою в состоянии ее здоровия. Многие плакали и вполне уверились в чудодейственной помощи еще не прославленного на земле Святейшего Патриарха, исцелившего сию жену, вследствие глубокой ее веры.

На следующий день, 28 февраля, получившая исцеление была удостоена Святого Причащения, и, как она заявила, ранее ее с большим трудом несколько человек подводили к Св. Чаше, а теперь она одна без

своим долгом упомянуть, что на чудотворения при гробнице Св. Патриарха Никона особое внимание автора привлек священной памяти Блаженнейший Митрополит Антоний, выражавший надежду, что по возстановлении России Русская Церковь канонизирует Св. Патриарха Никона.

Строгость Никона к духовенству объясняется стремлением поднять духовенство до целей высших.

Если мы припомним строгие наказания от Никона духовенству, то в этом можем видеть лишь проявление горячего его усердия по перевоспитанию нравов в духовенстве, почему он предъявлял к нему высокие требования, видя в нем соль земли. Оно должно быть образцом жизни и учения, и его снижения до уровня окружающей среды Никон строго карал теми же мерами, которые были мерами его эпохи: для архипастырского воздействия каждый епархиальный Архиерей имел тюрьмы, и мы видели, что и сам Царь приговаривал своих бояр к сечению кнутом на площади. Какие же иные меры мог для устрашения принять Никон в огрубелой среде низшего духовенства. Но цель его была всегда одна – исправление самого духовенства для целей высших. И когда его упрекали, что он сам в алтаре наказывал за неисправность, то он говорил: «Что ж наказывал и ругал по малу и впредь не избегаю того делать», напоминая при этом, что и Сам Христос кнутом выгонял торжников их Храма.

посторонней помощи причастилась. Причащавший ее иеромонах Дионисий свидетельствует о полном спокойствии и благоговении, с которыми она подходила к Св. Чаше.

Нижепоименованные лица могут удостоверить действительность этого чуда: Ярославской губ. Пошехонского уезда Холмовской волости, деревни Востротины Марфа Александрова, 58 лет, той же губернии и уезда, деревни Холм, Ирина Хранова, 35 лет: той же губернии и уезда, деревни Плещева, Матрена Коршунова, 49 лет; указанный (?) послушник Воскресенского монастыря Василий Шелаев, иеромонах Роман и иеромонах Дионисий. Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря поспешник, архимандрит Иона.

(Из журнала: «Приходское Чтение» № 14 апрель 1915 года, стр. 494)

Нищелюбие Никона и участие к людскому горю, благотворительность.

Мы не можем забыть любвеобилия Никона, когда он – Патриарх умывал ноги нищим после торжественных обедов во дворце, что его нищелюбие и участие к людскому горю выявилось в форме непрерывной и даже организованной благотворительности еще в бытность его Новгородским Митрополитом. А известно, что эти черты всегда особенно были любимы народом. Никон придавал главное значение в жизни праведности перед Богом. Вот его цитата из Златоуста (I, 530): «тот, кто делает волю Божию, более ценен, чем десять тысяч нарушителей. Потому-то все в беспорядке, все перевернуто вверх дном, ибо, как в театре, мы желаем иметь просто толпу, а не толпу хорошо тренированную. Какая польза от толпы? Хочешь ли узнать, что действительные люди суть святые, а не многие? Выведи на бой миллион людей и одного святого и посмотрим, кто сделает больше. Иисус Навин пошел на войну и один добился успеха; остальные были лишь прибавкой; как бы ни было велико множество, если оно не делает воли Божией, оно – ничто». Даже враги Никона должны были хоть и с горечью сознаваться, что народ любил Никона. Сам Аввакум говорил: «а мир то слепой хвалит». Никон был величествен в Богослужении, учителен, аскет, ревнитель правды. Благотворительность свою он вознес на степень обширного учреждения. Еще в Новгороде он прославился этим. Он всегда выходил с кошельком и нередко прямо из храма шел по домам убогих и по темницам со словом утешения. Во время голода он учредил постоянную ежедневную раздачу хлебом, а по воскресеньям и деньгами. В виду стечения народа он отделил в своем доме особую комнату и питал ежедневно 100—300 человек. Также в Москве он не забыл тех, кто страдал от бедности, беспомощной старости и сиротства. Шушерин говорит, что он в сане Патриарха не изменил своего благого нрава. Расходные книги Патриаршего Приказа свидетельствуют, что никто из Патриархов не делал столько пособия нуждающимся и милостыни нищим, как

Никон, говорит Михайловский, прибавляя: «Вот для чего нужны были Никону богатства». Для престарелых и увечных Никон еще Митрополитом устроил в Новгороде 4 богадельни, попросил у Царя содержания у них и имел их под своим покровительством. Также и в Москве Патриархом он устроил богадельни и смотрел за призрением нищих. В большие праздники и дни поминовения Государя обыкновенно на патриаршем дворе раздавали значительную милостыню нищим, и в день кафедрального праздника Успения при патриаршем доме питалось до 2.500 человек. На иждивении Патриаршего Казенного Приказа содержались богадельни в разных частях города и назывались домовыми богадельнями Патриарха. Никон устроил 2 новых богадельни при Знаменском монастыре и у Никитских ворот.

Его собственная домашняя жизнь в бытность уже митрополитом отличалась полной простотой, и в статье проф. Николаевского «о перенесении мощей святителя Филиппа из Соловецкого монастыря» (Хр. Чт. 1885 г.) цитируются пометки расходов на его обиход: «Дано на стол Митрополиту на грибы 6 денег, на хлеб, калачи и хрен 6 денег», или «на хлеб и хрен 4 деньги». Когда Никон был в пути, например, в Соловки за мощами Св. Филиппа, то за ним вместе следовала его строгость в собственном обиходе и большие расходы на благотворительность. «Непрерывные богослужения, келейные правила, пишет проф. Николаевский, строгие посты, благотворительная деятельность были неизменными его спутниками».

Формы выражения Никоновского человеколюбия помимо благотворительности.

Не только через благотворительность, но и через иные формы заботы о ближнем выражалось человеколюбие Никона. В V томе Исторической Библиотеки собрана переписка Никона с архимандритом Иверского монастыря касательно постройки храма и монастыря. На протяжении 1654-1666 года неизменная заботливость, чтобы при

постройках не притеснялись рабочие, чтобы им во время выдавалось жалование, чтобы их не прижимали при выдаче продуктов или орудий мастерства. Также имеется масса распоряжений Никона, чтобы приказчики в монастырских имениях делали льготы по случаю пожаров или недорода при взыскании повинностей и их отсрочивали до лучших времен или совсем слагали. Так грамота № 141 к архимандриту Филофею от 26 мая 1661 г. дает льготы в оброках по случаю наводнения и неурожая крестьянам Околорусских погостов. В грамоте № 228 от 21 января 1666 г. архимандриту Филофею распоряжение не высылать в Воскресенский монастырь погоревших каменщиков и выслать других вместо них. Их велено щадить ради пожарного времени, ради их скудости и дворового строения. Так в августе 1666 года Никон освобождает нескольких крестьян от работы в виду потери в семье двух братьев. Грамота за № 418 к казначею Иверского монастыря Гурию Хрипунову о соблюдении мирных отношений к архимандриту и прочей братии приказывает не корыстоваться при продаже работникам топоров, лаптей и других вещей (от 1 апр. 1654 г.). Таких грамот целая масса, мы привели только отдельные примеры. Иногда грамоты касаются отдельных лиц, иногда общих условий найма и отношения. Так в одной грамоте Никон пишет архимандриту Иакову Иверского монастыря: «Скорбят крестьяне и плотники: могарца мало даешь: и тебе бы отнюдь не оскорблять наймом никаких наймитов и даром бы немного нудить. Бога ради будь милостив к братии и крестьянам и ко всем, живущим в обители той». То же проявление любви к ближнему у Никона и тогда, когда он сам живет в невзгоде.

Никон не переставал заботиться о ближних и тогда, когда он сам переживал тягостные утеснения своей участи, в ссылке, от Наумова, и в 1672 г. благодарит Царя за освобождение его племянника и иных людей, заключенных за службу ему – Никону; он просит, чтобы Царь простил и всех сосланных из-за него по разным местам и при этом перечислил своих сторонников: «Буде Афанасий,

Митрополит Иконийский, священник Сысой и Никита Зюзин, да крестник его Дионисий Немчин, который послан в Казань, да певчий Савва, да повар его Савка, посланный в Сибирь, из ссылок не освобождены, то великий Государь указал бы им милость, как ему Бог известит». (Выписка из донесений Лопухина, представленная Царю 11 июня 1672 г. в государственном архиве, приведенная проф. Николаевским»).

Заботился Никон о других и тогда, когда он жил в Воскресенском монастыре. До нас дошли письма Никона к Зюзину, одно от 15-XII 1659 г., другое от 6-IX 1661 г.; в одном он просит за гостя Новгородского, освободить от неправильной конфискации его меди, происшедшей по недоразумению, и вспомнить об его заслугах по усмирению бунта, а в другом просит об освобождении от военной службы по болезни некоего Феодота Растопчина по телесной слабости. Возможности Никона в ходатайствах за других ослабели только в связи с его собственной опалой, но они никогда не прекращались.

Вот что пишет профессор Николаевский о том периоде 1671—1674 г. жизни в Ферапонтовом монастыре, когда Никону дали свободу: «С облегчением участи Никона к нему стали приезжать посторонние, даже издалека за благословением, советом, наставлением, или для того, чтобы его навестить и помочь, то за помощью в болезнях. Обширная его благотворительность во времена могущества сократилась в объеме, но не уничтожилась; он и теперь раздавал деньги бедным; он и теперь начинает лечить больных; помощь его больным делается известной, закрепляет за ним славу доброго целителя, привлекает больных с дальних мест; за один день к нему собирается более 40 человек».

Внешнее выражение любви к Богу. Постройка монастырей.

Никон привлекал сердца своей паствы не только выражением непосредственной заботливости о человеческих нуждах, но и выражением своей любви к Богу через

сооружение трех замечательных монастырей, из которых каждый выражал свою особую идею. Первый, начатый им, монастырь Иверский создан в честь чудотворной Иверской иконы Богоматери по образцу Иверского монастыря на Афоне, служившего центром православия, образцом монашеских подвигов. Там было положено основание ученому братству, которое занималось переводами св. книг и имело в распоряжении типографию. Монастырь Воскресенский имел в виду быть воспроизведением святых мест Иерусалимских и храма при гробе Господнем. Русская Церковь сама должна быть полной сокровищницей главных святых и давать удовлетворение не могущим посетить святые места в самом Иерусалиме. Крестный монастырь напоминал о всеспасительной силе Господнего креста, верой в который спасся и Никон во время бури. Патриарх Никон особенно почитал Св. Филиппа и в честь его построил церковь в Иверском Валдайском монастыре и в честь его Ангела Апостола Филиппа построил церковь на патриаршем дворе в Москве. Перенесение его мощей было внушено Царю Никоном, когда Никон присутствовал на открытии мощей Святого Саввы Сторожевского, ученика Преподобного Сергия Радонежского, причисленного к лику святых на Соборе 1549 г. Через месяц же на Соборе было решено и перенесение мощей в Успенский собор и Святого Митрополита Филиппа и Патриархов Иова и Гермогена. Все трое были защитниками Церкви и государственности, и в усилении их прославления можно было видеть желание подчеркнуть значение первосвятительского сана и Церкви в борьбе за государственность в лице Иова, усугубленной борьбой за национальность в лице Патриарха Гермогена, и за высшую правду, которую отстаивал Св. Филипп, против излишеств опричнины.

Готовность и легкость Никона к полному прощению врагов при их покаянии.

Никон был великодушен в прощении, когда обидчик сознавал свою вину. Мы знаем, что он со слезами простил

Неронова и объяснил ему свою горячность в деле Церкви. Когда тот говорил ему, что от него – Никона всем страх, а что его первосвятительское дело – Христу Спасителю подражать и Его святой кротости, то Никон сказал ему: «Не могу, батюшка, терпеть». Когда Неронов узнал, что Никон действовал по согласию с Вселенскими Патриархами, то он сказал ему: «Если ты по согласию с ними поступал, я тому не противен». Профессор Знаменский в своем сочинении «Иван Неронов» пишет: «Никон принял благосклонно это покаяние, как большая часть людей с сильной, непосредственной натурой, он резко проявлял свою силу над ослушниками и противниками, но тотчас удовлетворялся и забывал все, как скоро они приносили свои вины и изъявляли свою покорность. Он приблизил Неронова, поселил его на Троицком подворье для близости к патриаршему дому, дал ему особую келью жить на свободе. Никон посылал ему блюда с своего стола и каждый день беседовал с ним». Неронов сумел даже возбудить сожаление Никона, и тот терпеливо выслушивал его жалобы. А когда Неронов упрекнул Никона, зачем он принял святительский сан, если у него нет терпения, то Никон сказал: «на ка возьми, почитай ка» и передал Неронову целую груду челобитных против Неронова, которые он оставил без последствий, хотя за них Неронов мог весьма пострадать. Никон простил охотно боярина Морозова (IV, 318), испросившего через Царя у него перед смертью прощения, и даже предлагал его похоронить в Воскресенском монастыре. Хотя Никон и ответил, что он не знал никакой вины Морозова перед собой, но все же Морозов сознавал, что многие враги Никона были его ставленники – и Милославский, и Хитрово. Также охотно простил Никон весной 1665 г., сняв анафематствование со Стрешнева, против которого писал «Раззорение» и которого анафематствовал за научение собаки патриаршему благословению, так как последний испросил у него прощения за 1½ года до смерти своей.

Объяснение, почему Никон не мог простить Митрополита Питирима и Царя.

Но он никогда не снимал анафемы с Митрополита Питирима, ибо здесь был затронут целый ряд принципиальных канонических вопросов и, главное, совершено было облюбодействование патриаршей кафедры по приказу Царя через неупоминание имени Патриарха Никона и через самостоятельный, без его ведома, захват церковного управления в свои руки. К тому же Митрополит Питирим никогда не покаялся. Не дал Никон прощения полного и Царю Алексею Михайловичу, ибо Царь не ликвидировал нечестивого суда над Никоном и оставил нечестиво заточенного, по его собственной вине в значительной степени, Патриарха в заточении, не изменив того цезарепапистского курса своей политики, на который Царь встал под давлением бояр. Но многие обиды себе лично Никон простил Царю, и за свои обиды Царю просил у него прощения. Из обзора этих прощений видно, что Никон был великодушный и отзывчивый человек, вовсе не мстительный и незлопамятный, что самое прощение у него легко могло быть получено действительным покаянием на деле, но что он был неумолим в тех случаях, когда он выступал в защиту за права Церкви и не видел покаяния, как в случае с Митрополитом Питиримом, или, если считал, что покаяние не доказано делом, как например у Царя, лично просившего прощения у Никона, посылавшего ему дары, но не совершившего главного – отмены, хотя бы через Патриархов, несправедливого приговора над Никоном, как условия для получения прощения под епитрахилью. Нарушенная Царем и боярами клятва 22 июля 1652 г. оставалась нарушенной, и наказание Никона за то, что он реагировал уходом на клятвопреступление, было высшим нечестием, употреблением силы материальной против правды.

Почитание Никона народом вызывается не только перечисленными его чертами, но и невинным страданием за Церковь.

Поэтому Никон был вправе написать на крестах: «Никон Божией милостью патриарх, поставил сей крест Господень, будучи в заточении за слово Божие и за Святую Церковь, на Белоозере, в Ферапонтовом монастыре, в тюрьме». Его невинные страдания привлекали к нему еще большую любовь народа, и свидетельством ее явилось уже посмертное почитание его гробницы, сопровождаемое постоянными панихидами.

Любовь Никона к юродивым.

Известно, как велико в народе почитание юродивых, как несущих высший подвиг сораспятия Христу, и мы видим, как почитал их Никон. Павел Алепский рассказывает: (II, 301) «Патриарх Никон садил с собой за столом некоего Салоса, добродетельного человека, который совершенно голый (в одной рубашке) ходит постоянно по улицам и почитается народом сверх всякой меры, как выдающийся святой. Его имя – Киприан, но обычно его зовут человеком Божиим. Патриарх Никон никогда не переставал кормить его собственными руками и поить его из серебряных кубков, из которых после него он сам выпивал собственными губами последние капли, как делает это за литургией; мы не чувствовали ног от изумления».

Стойкость Никона в своих убеждениях и неустрашимость.

Еще одной чертой приобретал Никон сердце народа – необыкновенной стойкостью и неустрашимостью в исповедании своих убеждений. Таким мы его видим в сане Новгородского Митрополита, когда он во время бунта выходит к толпе и после избиения, едва ли не стоившего Никону жизни, он после кровотечения горлом, тут же отправляется в церковь и, призывая рядовых бунтовщиков к покаянию, анафематствует главарей. Таким он был всю

жизнь в борьбе против цезарепапизма, и он сам определил свое положение, сказав после низвержения из сана 12 декабря 1666 г., что с ним ничего этого не случилось бы, если бы он не говорил правды в глаза и пировал бы с боярами. И много раньше еще во время Новгородского бунта сами бунтовщики покаявшиеся назвали его исповедником, и царское письмо, присланное Никону в Новгород, совершенно так же характеризовало подвиг Никона по усмирению бунта (IV, 486).

У Никона чисто русский подход к православию.

Хотя Никон говорил про себя в эпоху проведения церковной обрядовой реформы 1654-1656 г. что он русский по рождению, но по вере грек, однако мы должны сказать, что Никон с чисто русской горячностью проводил реформы и воплощал наилучшим образом русский подход к христианству, воспринимая его по преимуществу не как совокупность известных догматических истин, а как систему религиозно нравственных правил жизни, как нравственно животворящую силу. Идея греха, за которой неминуемо следует рано или поздно расплата, идея – вошедшая в народное сознание, – проходит красной чертой через все Никоновское миросозерцание и окрашивает его воззрения на власть православного Царя и на ее осуществление. Такое воззрение зовет к практическому переустройству всей жизни, не только личной, но и общественной государственной на христианских началах. Борясь за возможность канонически управлять Церковью, Никон верил абсолютно, что, хотя гнев Царя подобен рычанию льва, приводящему в ужас, но для того, кто готов скорее умереть, чем допустить нарушение церковных канонов, он считал, что этот лев меньше самой малой собаки. «Ибо нет ничего безвластнее человека, нападающего на Божии законы, и нет ничего сильнее человека, борющегося за эти законы. Ибо совершающий грех есть раб греха, хотя бы он имел 1000 корон на своей голове, но борющийся за правду больше самого царя, хотя бы он был последний из всех». И, как пример борьбы для

священнослужителя, Никон выставлял священника Азарию, заявившего протест против каждения царем Озией. Этим протестом кончилась обязанность священника, и ему оставалось только сказать: «я сделал свое дело, больше я ничего не могу. Ты, Боже, защити священство, попранное ногами, ибо Твои законы нарушены, Твои приказы презрены». Такой же системы держался сам Никон, и его лояльность к Царю, когда он мог бы прибегнуть к услугам недовольных классов общества для своего освобождения, показывает, что от этой системы он никогда не отступал.

В 1663 г., когда приезжало следствие по делу о проклинании Никоном Царя, Никон выражал покорность принять без всякого протеста несправедливый, домашний арест и сказал в ответ на приказ князя Одоевского никуда не выходить из келии кроме церкви: «по Указу великого Государя Царя я готов идти в тюрьму, только послушай третье правило Константинопольского Собора в Св. Софии: Если светский человек бросает Епископа в тюрьму, да будет анафема». И когда ему объявили, что по царскому приказу отряд стрельцов будет его охранять, то он сказал: «да будет государева воля. Мы готовы страдать с благодарностью ради Господа» (IV, 489 и 491).

Уход Никона в Воскресенский монастырь – выражение не бездеятельности, а деятельности высшего напряжения.

Его уход от власти был уходом от зла цезарепапизма и является апогеем напряжения его деятельности. Этот кажущийся переход к бездеятельности был деятельностью высшего напряжения, делающей Никона великим человеком, исповедавшим в жизни своей идею самостоятельного церковного управления, не подавленного государственной властью, и ставит его по идее в один ряд с такими деятелями Церкви, как Св. Иоанн Златоуст, Св. Папа Григорий Двоеслов и Св. Феодор Студит.

Идея греха – идея центральная в миросозерцании Никона. Он расценивает исторические события с религиозно-нравственной точки зрения.

В соответствии с главной идеей освящения обязанности всеобщего устремления к святости, Никон во главу оценки и понимания исторических событий ставит идею греха. Мы видели при обзоре учения о царской власти, что эта идея является центральной. Никон постоянно ссылается на то, что неблагочестие Царей было причиной гибели царств, и в неблагочестии Царя и бояр, выражающемся в их подчинении себе Церкви, он видит угрозу для самого государства. Он ссылается на то, что чума и несчастия в войне есть следствие этого греха, и в будущем надо ждать того же. Возмездие за грех неизбежно, и с этой точки зрения должно наступить возмездие за принятие Царем на себя церковного верховенства и за самочинное предоставление им церковной власти Питириму. Но это возмездие не обязательно наступает немедленно. Бог отмстит за все в день суда по слову «Мне отмщение и Аз воздам». Слово Его непреложно, и, если в этом мире за проклятием тотчас не наступает возмездие, то тем еще хуже, ибо еще большее наказание ждет впереди. И Никон говорил о каре за клятвопреступление, когда он напоминает о том, что Царь и бояре нарушили данную ему клятву перед принятием им патриаршества, когда говорит, что и Епископы по человекоугодничеству подчинились, вопреки клятве при хиротонии, на церковных делах не Патриарху, а Царю и викарию Царя Митрополиту Питириму. На этом основном воззрении основаны и все предсказания Никона. Никон пишет Зюзину 29 июня 1662 года о своих предостережениях Царю за захват власти через монастырский приказ над его монастырями, о наказаниях, которые поражают гордецов, нарушающих Божии заветы в лице фараона, людей Содомских, Дафана, Авирона, Иероваама, Ахава, Навуходоноссора и др. и говорит, что над ним посмеялись, а слово его исполнилось в страшном пожаре, разрушившем царский дворец.

Пальмер об осуществлении Никоновских предсказаний и проклятий.

Пальмер с своей стороны развивает Никоновскую идею возмездия при проклятии и говорит, что все его предсказания сбылись. Так предсказание его 19 декабря 1664 г. при Матвееве и Долгоруком, что комета снесет Москву, исполнилось не только в том смысле, что сопровождавший его боярин Димитрий Алекс. Долгорукий и стрелецкий полковник Матвеев получили свое наказание (первый в лице убитого стрельцами на том же месте его брата Юлия с сыном, а второй лично был разорван в куски стрельцами в 1681 г.), но и в том, что наказание коснулось и Царя, и его дома, и Епископов и боярства, и самой Москвы. Эти наказания Пальмер видит в целом ряде событий и проводит интересную параллель. Он устанавливает этот ряд событий в параллелизме грехам Царя, бывшего несчастным в личной жизни и потерпевшим в государстве великие потрясения.

1) Окончание почитания Царем Никона в 1658 году, 8 мая 1659 г. умирает его 4 летняя дочь Анна, крестница Патриарха.

2) После принятия церковного верховенства Царем в 1658 г., Трубецкой потерпел страшнейшее поражение под Конотопом с потерей через татарский плен цвета Московской конницы.

3) После созыва лжесобора 1660 г. поражение в Литве князя Хованского, Юрия и Петра Долгоруких 18 июня и 10 октября того же года.

4) Сдача всей Московской армии под начальством Шереметева полякам и татарам под Чудновым на Волыни 23 октября 1660 г.

5) Разочарование Царя в честолюбивых надеждах 1656 г. на войну с Швецией, когда он хотел по мирному соглашению получить корону польскую и литовскую, а вместо того пришлось в Кардисе 21 июня 1661 г. вернуть все Швеции и продолжать неудачно войну с Польшей.

6) После посвящения Мефодия в пределах Константинопольского патриархата новое поражение Хованского при Кушликах осенью 1661 г., потеря Гродно, Могилева и Вильны, так что к концу 1661 г. эвакуирована вся Литва кроме Быкова.

7) После принятия царем Паисия Лигарида весной 1662 г. без канонической грамоты – бунт в июле 1662 г. из-за обесценения медных денег, вследствие жадности и лихоимства Ильи и Данилы Милославских и его племянника Ивана Михайловича.

8) После привоза двух Патриархов в Москву для низложения Никона разочарование в войне с необходимостью уступить всю казачью страну к западу от Днепра и всю Литву для получения мира с Польшей (Андрусов мир 20 января 1667).

9) Большие пожары в Москве 1668 г. жители ее считали наказанием за низложение Никона, как писал польский посол в Варшаву.

10) Вследствие мира с Польшей не только казаки правобережья уступлены Польше, но и левобережные отдались Турецкому султану. Вследствие измены в 1668 г. гетмана Брюховецкого русские потеряли огромные военные материалы и армию, так что по получении этих известий в Москве последовал трехдневный траур, как бывает при величайших несчастиях: Царь даже захворал и 8 дней не выходил.

11) Разочарование Царя в надеждах получить польскую корону для себя и для сына. В 1668 г. луч надежды блеснул вторично (первый раз в 1656 г.) вследствие отречения Польского Короля Иоанна Казимира, но южные неудачи похоронили эту идею. Еще раз блеснула надежда после смерти Цесаревича Алексея в 1673 г. до избрания Иоанна Собесского в 1674 г.

12) После примирения личного с Никоном, но без намерения переделать несправедливо сделанное с Никоном, смерть Царицы Марии Ильинишны третьего—четвертого

января 1669 г. вследствие родов дочери Евдокии, умершей через 4 дня после рождения.

13) Смерть третьеяго сына 4-х лет Симеона в июле 1669 г. Патриарх Иерусалимский Досифей соболезновал Царю в потере Царицы осенью 1669 г. в ответ на просьбу Царя о прощении Паисия Лигарида.

14) Потеря наследника престола Царевича Алексея в 1670 г. накануне его совершеннолетия, после чего у Царя осталось только два больных сына: Феодор 8-ми лет и Иоанн 4-х лет.

15) Восстание Стеньки Разина (1667—1671) с потерей 2-х воевод Ивана Прозоровского и Симеона Львова и Митрополита Иосифа и ста тысяч жителей на Волге.

16) Взятие Каменец Подольска в 1672 году турами у поляков и заключение с ними мира на основе платежа дани султану и помощи против России.

17) Широкий рост раскола и осада Соловецкого монастыря с 1667 до 1776 г.

18) Разочарование от казацких восстаний и измен (Выговского в 1658, Юрия Хмельницкого в 1660 и Брюховецкого в 1667 г.).

19) Даже Соловьев, неблагосклонный к Никону, говорит, что ничто не было так невыгодно для Царя Алексея, как то, что «разрыв его с Патриархом разделил его внимание как раз тогда, когда иностранные дела требовали всего его внимания и деятельности и сделал невозможным для него отъезд из Москвы». Если бы Царь сохранил свои обязательства к Никону в отношении дел церковных, то он имел бы в Никоне слугу-советника беспримерных способностей и в государственных делах, человека, говорит Пальмер, гения силы воли и характера, не менее одаренного по природе, чем тот богатырь, который был исполнителем проклятия в ближайшем поколении, человека одинаково способного бороться с невежеством своего века, одинаково расположенного к нововведениям, реформе и просвещению, только исходящему от принципов христианской веры, а не принципов материалистических и языческого патриотизма.

Достаточно видеть, что Царь мог быть на войне 1654—1656 гг. и парализовать неблагоприятные следствия боярского местничества благодаря Никону, который в тылу заведывал всем внутренним управлением, боролся с чумой и снабжал армию.

20) Если в течение последних 18 лет своей жизни Царь Алексей Михайлович должен был чувствовать, что он был своим собственным врагом, лишая себя услуг Никона для своего семейства, двора и управления, то особенно он должен был почувствовать, когда оказался на 47 году жизни на смертном одре.

Его наследнику было 15 лет и предстояла боярская опека; ему менее было бы беспокойства, если бы его друг, спасший семью его от чумы в свое время, был бы у власти.

21) Царь Алексей оставил вдовой молодую жену, младшую, чем его старшая дочь из всех его детей от первого брака, с тремя малолетними детьми. Но проклятие Никона, выраженное против Боборыкина, призывавшее беспомощное сиротство, невольно касалось и Царя и теперь пришло. Царь предвидел борьбу двух семей при физической слабости Феодора и явной неспособности Ивана. Если бы был Никон, все прошло бы иначе. И многие были бы на других местах: «Нащокин был бы на царской службе, и Матвеев не был бы в ссылке» (V, 904—911). В дополнение несчастий и династия Царя кончилась в 3-м мужском поколении в лице Петра II и можно было вспомнить слова Никона в конце одного заседания суда, сказанные Царю: «Кровь моя и общий грех на твоей голове, Царь».

Петр I назван Пальмером исполнителем проклятия, ибо он содействовал прекращению династии сыноубийством, он же лишил боярство государственного значения, и он свел епископат на подчиненное государству неканоническое положение, лишившее его самостоятельного церковного строительства и приведшее его к положению государственного чиновничества.

Никон, охраняя церковную культуру в старой Руси, опережает ее в своем отношении к образованию с одной стороны и в восстановлении святоотеческих идей с другой.

Никон стоял на почве старой России с унаследованной Церковной культурой, лежавшей в основе и государственного строительства в той форме, в которую облекала его теория симфонии властей. Церковный идеал жизни завершаемый аскетическим идеалом иночества, проникал все отношения, и в этом отношении Никон был продолжателем старой России, которую он стремился делать возможно более святой, развивая и углубляя лишь прежние отношения. Но в одном отношении он бесконечно опередил своих современников, и потому то содержание, которое он вливал в прежнее строительство, было иным. Это особенно видно не только на той борьбе, которую он вел против цезарепапизма, во имя святоотеческой постановки соотношения властей, но и на отношении его к образованию.

Взгляды Аввакума на образование, на русские обряды, на греческое православие. Критерий истины у него в русских современных ему формах православия.

В этом отношении Никон не имел того узкого взгляда, которым проникнут типичный представитель старой Руси – Аввакум. Последний просто отрицал науку. «Ты ищешь, говорит Аввакум Артамону Матвееву, высшей науки, а я прошу у Христа моего поклонами и слезами, и мне кое общение яко свету со тьмою, или Христу с Велиаром. Узкие представления о святости и недостаток научного образования привели Аввакума к убеждению, что только в русских книгах церковных все сказано богомудро и богодухновенно. Он не допускал ничтожнейших перемен в языке, в роде изменения «в имя» на «во имя». Потому, когда в пятидесятницу 1654 года Никон отменил 12 земных поклонов и установил трехкратное знамение, то это произвело тягостное впечатление на Аввакума, и он так передавал о впечатлении: «Мы (Аввакум, Неронов, Павел Коломенский, Даниил) сошедшися задумалися между собой; видим яко

зима хощет быти, сердце озябло и ноги задрожали». Резкая брань против Никоновских перемен гремела по Москве, когда бояре вернули Аввакума в 1664 г. из ссылки: «Видишь ли, Никонианин, что вы делаете над одной просфорой, кудесите, дыр 300 навертите. Ох, собаки. Переменили предание Св. Отец и 5 просфор вместо 7 возлюбили. Обряд приравнен к догмату, и потому исправление никакое недопустимо. Все русское, принятое на Стоглавом соборе, было на веки канонизировано, а греческие разности обрядовые признаны порчею от турок. Аввакум отвечал на допросе Восточным Патриархам: «у вас православие пестро от нашествия турского Магомета, немощни есте стали и впредь приезжайте к нам учиться; у нас благодати Божией самодержство, до Никона отступника в нашей России у благочестивых Князей и Царей было православие чисто и непорочно, и Церковь немятежная и первые наши пастыри, как двумя перстами крестились, так и другим повелевали. Патриархи задумались, рассказывает Аввакум, и наши что волченки завыли, облевать стали на отцов своих говоря: не смыслили наши святые; не ученые де люди были, чему им верить? Они де грамоты не умели. О, Боже Святый. Како претерпе святых Своих толикая досаждения? Мне бедному горько стало, а делать нечего: побранил их сколько мог и последнее слово рек: чист аз есмь и прах от ног своих отрясаю перед вами». Аввакум отверг авторитет самой Церкви во имя пристрастия к современным ему формам; такое умонастроение с признанием современной русской формы и обряда критерием для всякой другой формы и обряда, как единственно правильной, и создавали раскол с его нетерпимостью к малейшему изменению даже в правописании слов. Идея изменяемости и постепенного развития обряда ему была чужда, и для него непонятно было то явление, что обряд мог изменяться, лишь бы мысль, связываемая с обрядом, не была еретической. На этом основании первоначальное единоперстие при перстосложении было правильно, поскольку с ним связывалась мысль о единстве Бога, правильно было и

двоеперстие, поскольку с ним связывалась мысль о двух природах во Иисусе Христе, правильно и троеперстие, поскольку с ним связывается мысль о триипостасности Божества. Аввакуму непонятна перемена в обрядах: «Христос живет в Церкви и не дает ей погрешить не то, что в догматах, но и малейшей черте канонов и песней». Он отказывается повиноваться мудрейшим в письме к Плещееву, ибо «от них утаил Бог тайны благодати Своей и открыл их младенцам – неученым людям: спасается мир через верных, а не через мудрейших. Мудрейшие отступили, говорят, что блудили Отцы наши в церковных догматах и много времени Церковь была в погружении, а теперь они умудрились исправлять, следовательно, не верят слову Христову о непогрешимости Церкви и являются хулителями Бога и Церкви». Такая точка зрения грозила полным прекращением церковного развития и в корне противоречила тому учению о вещах существенных и несущественных, предоставленных на волю отдельных Церквей, которое развивал Патриарх Паисий в послании к Никону в 1654 году, когда тот обратился к нему с запросом. Аввакум восхваляет святую простоту, противополагая ее суетной мудрости внешней, так как вера потребна ко спасению, а не риторики и грамматики, «чистое сердце, а не философское кичение», под коим разумеются греки и малороссы, которых именует песьими сынами. Приведя примеры, как неученые люди благодаря смиренномудрию и стойкости в вере побеждали ученых, риторов и философов, Аввакум пишет Царю: «и мы, Михайлыч, станем поучатися, как нам умерети и ум вперим Богу всегда, да полезнее нам будет тамо, егда обрящемся со Христом, нежели в риторике славы ища, быти кроме Христа, молю Бога ввечери и утро и полудни еже бы тебе нежелати риторики кичения ради, но искати распятого Христа». (Раскольники таким образом отстаивали то же не русскую праведность, как таковую, а ее, как носительницу совершенного православия).

Отношение Никона к русским обрядам и чинам, до знакомства с приезжими греками и после.

Никон иначе относился к науке и иначе стал смотреть на обряды, еще будучи Патриархом; человек старообрядческой психологии, почитающий обряд как догмат, не разрешил бы служить да еще в Успенском Соборе по обоим служебникам, как разрешил Никон Неронову в январе 1657 года, сказав: «обои де хороши: по каким хочешь по тем и служи». Ведь, Никон сам вышел из одного кружка ревнителей благочестия, созданного царским духовником Стефаном для борьбы с разными церковными беспорядками, господствующими пороками и недостатками в жизни народа и духовенства, для наблюдения за правильным выполнением Богослужебного чина; тем самым перед ними всеми встал вопрос о книжном исправлении. По-видимому, и Никон сначала скептически относился к грекам, ибо до нас дошли слова Неронова к Никону: «Да ты же, святитель, иноземцев законоположения хвалишь и обычаи их приемлешь, благоверными и благочестивыми радетелями их нарицаешь, а мы прежде всего у тебя же слыхали, много раз говаривал ты нам, гречане де и малороссы потеряли веру и крепость, да и добрых нравов у них нет, покой де и честь их прельстили, и своим де грехам работают, а постоянства в них не объявилось и благочестия нимало. А ныне они у тебя и святые люди и законоучители?» (Знаменский. Иоанн Неронов Пр. Соб. 1869, 1). Так и Никон стоял сначала на одной почве в отношении к русским чинам и обрядам, но после, под влиянием приезжих греков – Патриарха Паисия, бывшего Патриарха Афанасия Пателяра, царского духовника Стефана Вонифатьева, он переменил отношение к греческим обрядам и решил проводить церковно-обрядовую реформу, в которой инициатива, как показано Каптеревым, была вовсе не его; согласившись ее проводить, он проводил ее с авторитетом Патриарха, с энергией ему свойственной во всяком деле. В официальной мотивировке в предисловии к служебнику 1655 г. однако говорится о том, что сам Никон, прочитав при занятиях в патриаршей библиотеке акты о введении патриаршества в России, прочел о необходимости

согласовать обряды с обрядами Церкви-Матери и воспылал ревностью в их проведении. Нас не занимает специальный вопрос об исправлении книг, сам по себе обширный и требующий особого внимания, но нас интересует он, лишь поскольку он является характеристикой отношений Никона к обряду и церковной науке. Интересно то, что Никон пошел охотно по тому пути проверки книг, который указывал, как на авторитет, на книги древние славянские и греческие, что он не посмотрел на свою русскую старину, как на авторитет, не требующий проверки, что он обратил взор на другие Церкви восточные , которые являются частями той же вселенской Церкви; он вышел таким образом за пределы чисто Московского православия и напомнил о том, что оно есть лишь часть единой Вселенской Церкви, а не вся Церковь.

В каком смысле Никон хотел сделать Москву III Римом?

Гордое заявление Суханова, что все благочестие перешло от греков к русским, и что действительный Патриарх в сущности один только Московский, было ему чуждо; напротив, свет учения он искал на Востоке и, если хотел сделать Москву центром православия, Третьим Римом в этом смысле, что подсказывалось историческим значением Москвы, как единственного в то время независимого православного царства, то видел в этом не осуществленный уже факт, а задачу, подлежащую достижению. Для этого надо было пересадить самое средоточие науки в Москву, чтобы здесь было все лучшее: не только святыни, перевозившиеся с востока еще ранее, но и школы, и монастыри, и библиотеки, и ученых, и иконопись и пение, и книги, и типографии (которых на востоке уже не было при турках, и книги печатались в Венеции[8]; таким образом по своему внутреннему содержанию Москва стала бы

[8] Со вступлением Никона на патриаршество, печатный двор перешел из ведения государственных учреждений в распоряжение Патриарха, и там была развита огромная деятельность по изданию исправленных книг.

соответствовать и своему внешнему положению столицы единственного православного царства, имеющего во главе и Царя, и Патриарха – опоры всего Православия. Мнение о трех Римах, ведь, перешло и в официальные документы; оно утверждалось и раскольничьими писателями со ссылками на старца Филофея XV века и связывалось даже с мыслью о близкой кончине мира (у диакона Феодора «Материалы по истории Раскола», VI). Мысль о том, что Москва призвана иметь значение Рима подготовлена уже всей предшествующей эпохой после Флорентийского Собора. О том, что русское патриаршество призвано встать на место патриаршества древнего Рима толкует и «Известие об учреждении Патриаршества в России», вошедшее в Кормчую, которое вместе с статьей «о Римском отпадении» и «Константиновой грамотой» включается Никоном в состав Кормчей, как официально признанная идея. Однако, если у раскольников эта мысль превращалась в идею о том, что Москва уже достигла этого, то у Никона она является идеей, подлежащей осуществлению. Мы видим, что у Никона церковная идея, как и у раскольников, является превалирующей и определяющей направление в развитии государства, но средства для этого у Никона более широкие.

Отношение Никона к науке. Его библиотека.

У Никона нет национального самопревознесения и Аввакумовского сознания, что русским нечему более учиться. Наука в этом призывается играть большую роль, и уважение к ней Никона, в противоположность Аввакуму, видно уже из его библиотеки, им составленной. В этой библиотеке первое место принадлежит святоотеческим творениям. Из этой библиотеки мы узнаем и те источники, которыми питался Никон, когда составлял «Раззорение». Его учение об отношении власти государственной и церковной так сильно пропитано учением Златоуста; его учение о защите Церковью своих прав, проведенное им в жизнь, так напоминает борьбу Феодора Студита со ссылками на папу Григория Двоеслова и Иоанна Дамаскина, а его учение о смирении вдохновлялось творениями Аввы Дорофея. Такое

заключение наше подтверждается и одной росписью книг, взятых Никоном из Иверского монастыря в Воскресенский, когда он там жил. Вот эта роспись, отмеченная в V т. Русской Исторической библиотеки за № 255: «Роспись Пречистой Богородицы Иверского монастыря образам Божиим и книгам и сосудам серебряным и иным вещам, что из Иверского монастыря бывший Патриарх Никон взял в прошлых годах к себе в Воскресенский и Крестный монастыри. Книги Феодора Студита в кожаном переплете, книги Григория Солунскаго, книги Сенадин письменный, книги Иоанна Дамаскина, книги Иоанна Златоуста о священстве, печать Киевская оболочена кожею красною. Книга Беседы и Толкований Иоанна Златоуста, 10 книг Аввы Дорофея, книги Апостол, Книга Октоих». Но еще в бытность Патриархом Никон составил личную библиотеку, в которую входило до 1300 томов. В нее входили и священные, и светские книги. Среди первых, кроме рукописных книг канонического содержания, были сочинения знаменитых Отцов Церкви, изданные в западных типографиях на греческом и латинском языках (Дионисий Ареопагит, Юстин Философ, Григорий Чудотворец. Климент Александрийский, Кирилл Иерусалимский, Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Григорий Нисский, Кирилл Александрийский и др.), церковно-исторические книги на греческом и латинском языках (Акты соборов Вселенских и Поместных, История Евсевия Кессарийского, Никифора Каллиста, История Флорентийского Собора и пр.). Среди книг светских были Плутарх, Демосфен, Геродот, Страбон, Аристотель, Византийские хроники; с востока привезено было 498 рукописей из разных монастырей. (Из перечней Домовой Казны перечислено у Иконникова «Новые Труды и материалы о Патриархе Никоне». Киевские Университетские Известия 1888 г. № 6). Вместе с этими книгами были книги по физике, географии, грамматике, логике, космографии, разные лексиконы, карты. Никон сознавал важность библиотеки. В имевшейся у него космографии объяснены системы Птоломея и Коперника, между тем как еще после

Петра многие считали последнего богохульником, – имелись описания Европейских государств, Азии, Африки и Америки, сказания иностранцев о России. Пекарский полагает, что до Никона соборное деяние 1593 об учреждении патриаршества в России не было переведено на славянский язык. Митрополит Макарий (XII, 280) говорит о Никоне: «Никон сам не зная в детстве другой школы, кроме первоначальной, не обучался другим языкам и наукам, кроме славянской грамоты и письма, но при своем светлом уме он понимал значение наук и научного образования и потребность знания для русских греческого языка».

Любознательность Никона. Его деятельность по устройству монастырей и деятельного монашества.

Арсений Грек, заведовавший Никоновской библиотекой, говорил, что Никон знал немного греческий язык, который изучал, по словам Павла Алеппского (II, 36), в бытность Патриархом, но что он всегда держал при себе людей, знающих греческий язык. Сам Никон изучал, будучи Патриархом, докторскую книгу – перевод, сделанный Епифанием Славенецким в мае 1657 г. за 10 руб., полученных им по Расходной книге Патриаршего Казенного Приказа, и по ней впоследствии Никон составлял лекарства и лечил в ссылке в Ферапонтовом монастыре. Припомним, что в Воскресенском монастыре, незадолго до суда он заказал в Иверском монастыре себе сделать перевод Польской Истории. Никон был очень любознателен, никогда не упорствовал в раз принятом им мнении, когда убеждался в его ошибочности. Так мы можем вспомнить, что он признал, что совершал действия Ваий в бытность Новгородским Митрополитом по ошибке, ибо это надлежит делать только Патриарху; он нисколько не возражал, когда ему указывали, что повторение хиротонии при поставлении в Патриархи недопустимо, что достаточно хиротесии, но только ссылался на обычай, не им заведенный. О себе самом он говорит в «Раззорении», что он всегда нетерпелив, что «он мало учен, невежествен, только всегда желал учиться и исправить то, что он сделал неправильно». Так он говорил о своей второй

епископской хиротонии, о своем участии в качестве Митрополита в церемонии в неделю Ваий. Про подпись свою под Уложением он не говорил, что сделал по неведению, а что был подавлен авторитетом Патриарха, что вполне естественно при централизации церковного управления, явившейся в результате исторических условий. Никон шел далеко впереди своих предшественников.

Еще Митрополитом он заводит в Хутынском монастыре типографию, в Москве он устраивает училище с древними языками, приближает к себе южнорусских ученых, греков; когда он строит Иверский монастырь, он переводит туда из Белоруссии Оршанского Кутеинского монастыря типографию вместе со старцами; одни из них напечатали несколько книг с гравюрами на дереве своей работы; некоторые переводили на русский язык литовско-польские хроники и другие книги (Историч. библ. V, № 205, 278, 279, 283, 284). Некоторые из них работали в переплетной мастерской (№ 274, 275, 289); здесь производилась и резьба по дереву (№ 162, 172), о чем свидетельствует кивот на перенесенную с Афона Чудотворную Икону Иверской Божией Матери и алтарик для отдельных и сборных икон на паперти Иверского монастыря; здесь процветало и изразцовое дело (8, 62, 82, 121 ст. 2, 331, 342, 356, 363, 364, 366, 431), приложенное Никоном в широких размерах к внешнему и внутреннему украшению новоустроенного в Воскресенском монастыре храма по Иерусалимскому образцу. Памятником усердия и вкуса Никона и русского зодчества XVII века является собор Иверского монастыря построенный подмастерьем каменных дел Аверкием Матвеевым при надзоре пристава Андрея Токмачева.

Увлечение Никона всем греческим в начале патриаршества и нападки на него старообрядцев.

Никон, правда, не ограничился исправлением русских церковных обрядов и чинов по греческим, но в увлечении всем греческим пошел дальше. Каптерев пишет: «Он переносит к нам греческие амвоны, архиерейские посохи, клобуки, мантии, греческие церковные напевы, принимает

греческих живописцев, мастеров серебряного дела, строит по образцу греческих монастырей. Слушает во всем греков, отдавая предпочтение греческому авторитету перед вековой русской стариной. Это его приводило к столкновению с почитателями русской старины, и идейное и личное. До патриаршества Никон, как мы говорили, принадлежал к числу членов кружка ревнителей благочестия, во главе которого был царский духовник Вонифатьев. Они имели большое влияние даже при размещении епископских кафедр; они же прочили в Патриархи Вонифатьева, но за его отказом остановились на Никоне». Когда Никон приступил к реформам по греческому образцу, то он отвернулся от них, перестал с ними советоваться и вызвал сетования и Аввакума, и Неронова. Первый говорил: «егда поставили Патриархом его, так друзей не стал и в Крестовую пускать. А Неронов: «доселе ты друг нам был». Сам Царь оказался в их глазах прельщенным от Никона-еретика и отступника. Для них неприемлемы были греческие симпатии. Они жили под обаянием «Повести о белом клобуке», где писалось, что все христианские Церкви сольются в одно русское православие и, что патриарший чин от Константинополя будет дан русской земле во времена свои и будут последние первыми, а первые последними (Мак. XI, 158). В глазах старообрядцев греки уже потеряли право на первенство вследствие уклонения от истинного благочестия, а русские уже достигли своей цели. Сюда, в Москву, стекались с востока духовные всех чинов и приветствовали Россию, как опору и покровительницу Вселенского православия. Сами представители греческой иерархии указывали на миссию Московского Патриарха в Константинополе, как мы видели из посланий к Царю при прощании от бывш. Патриарха Афанасия Пателяра. Это мнение поддерживалось и теми наблюдениями наших путешественников на востоке над обрядами и способами богопочитания, сводившимися к признанию религиозного, умственного и нравственного упадка греков, которых Крижанич ставил наряду с жидами, цыганами и армянами.

Разочарование Никона в греческих представителях.

По-видимому, и сам Никон несколько поздно убедился в нравственном падении греков на деле их суда над ним, когда он увидел фальсификацию в правилах и испытал нечестивый их подкупной суд над собой, и сам дал характеристику им, когда 12 декабря 1666 г. Александрийский Патриарх снял с него панагию и клобук сказал поучение как жить надо: «Знаю де я и без вашего поучения как жить, а что де клобук и панагию сняли, и они б с клобука жемчуг и панагию разделили по себе, а достанетца де жемчугу золотников по 5 и по 6 и больше и золотых по 10». Это был приговор о греках Патриархах самого Никона, некогда увлекавшегося всем греческим.

Никон взял с Востока все, что ему недоставало.

Нравственная сторона греков была осуждена бесповоротно в глазах всех, особенно, когда удостоверились, что греки Патриархи были низложенные, а Лигарид – руководитель дела, даже не православный. Никон взял с Востока все, чего ему не хватало. Не надо забывать, что православие у греков нисколько не было поколеблено ни Флорентийской Унией, ни Турецким господством. Флорентийская Уния не была принята греческим народом и осталась вожделением Императоров и Патриархов из политических соображений, чтобы иметь помощь Папы против турок. Турки же не вмешивались вовсе во внутреннюю сторону христианской веры, от них далекой, и предстоятелям ее Патриархам предоставляли даже гражданские права над населением. Никон посылал на Восток Суханова и за древними книгами, которых тот сотнями собрал на Афоне, посылал туда его же за изучением образцов зодчества, как перед тем посылал его Царь (1649 г.) за изучением чинов и обрядов церковных.

Стремление Никона насаждать просвещение.

Никон выписывал в Москву из Малороссии ученых монахов для обучения юношества наукам и переводов

душеспасительных книг с греческого языка. Под его влиянием богатый боярин Ф. М. Ртищев устроил на берегу Москвы реки у церкви Св. Апостола Андрея монастырь во Имя Преображения Господня. Соединяя воспоминание о первом начале Евангельской проповеди в России с мыслью о преображении ее Евангельским учением, он уговорил Царя выписать из Киева Арсения Сатановского и Дамаскина Птицкого «Божественного Писания ведующих и Эллинскому языку навычных и с Эллинского языка на Славянскую речь перевести умеющих и Латинскую речь достаточно знающих». Епифаний Славинецкий должен был исправить славянский перевод Библии по переводу LXX толковников, хотя этого не успел сделать (Епифаний умер 19 ноября 1676 года). Тогда же впервые увидела свет «Скрижаль», где находились объяснения на литургию и учения о таинствах, и этот перевод показывает, насколько Никон заботился о распространении углубленного понимания христианского учения и не ограничивался обрядовым механизмом; были переведены многие слова Григория Богослова, Афанасия Великого, Василия Великого, Иоанна Дамаскина, тексты полного собрания церковных правил и даже, в сокращении, Властыря и Арменопула. Составили службы Св. Иакову Боровицкому, Анне Кашинской. Под руководством киевских ученых образовались наши иноки Евфимий и Моисей. Сам Никон стремился к распространению образования через архипастырей на местах. В этом отношении он выполнял завет Собора 1593 г. об учреждении патриаршества. Никон требовал от них научения народа, «особенно отрочат Христовым заповедям, чтению, доброгласному и согласному пению по преданию Св. Церкви учити и наказывати, избирая на сие учителей в благих свидетельствованных и Богобоязненных и сея ради вины, якоже лепо училища поставляти и никому же от неискуемых и нелепотных наказателей в них даяти дерзновение». Задача была поставлена, но осуществлена много позднее: первое училище было устроено Св. Дмитрием Ростовским в 1703 г. Как далек был Никон от прежней выраженной Аввакумом

старообрядческой точки зрения: «Эллинских борзостей не текох ни риторских астрономов не читах, ни с мудрыми философами в беседе не бывах, – учусь я книгам благодатного закона; аз бо есмь умом груб и словом невежа, не бывавши ми в Афинах от юности; но еще и неучен словом, но не разумом; не учен диалектике, риторике и философии, а разум Христов в себе имам». Так говорил Аввакум.

Поощрение Никоном развития церковного искусства.

Никон покровительствовал церковному зодчеству и живописи. По словам Павла Алеппского, при его дворе были свои художники и ремесленники. В Воскресенский монастырь он призывал и иностранных мастеров; там он завел целые мастерские, откуда потом доставал ценных мастеров.

Никон обращал большое внимание на внешнее украшение храмов; он великолепно украсил храм Св. Софии в Новгороде и церковь Св. Никиты, Епископа Новгородского в Москве при Новгородском подворье. Сделавшись Патриархом, он украсил Успенский собор и устроил иконостас, в котором Деисус и иконы обложены были чеканным серебром с позолотой. Никон любил украшать вообще иконы драгоценными металлами и камнями, равно как и облачения, которыми блистал подобно Аарону. Ради улучшения иконописи, он вызывал в Москву лучших иконописцев для писания в стиле строго Византийском, бывшем да него очень жалким подражанием греческой живописи; многие из них содержались при патриаршем дворе. Никон следил за строгим выполнением стиля, в окружной грамоте требовал от всех иконописцев писать по древним преданиям Восточной Церкви и боролся с уклонением Строгановской школы иконописи к Фряжскому стилю. Он отбирал такие иконы, присовокупляя объявление, что за это будет строжайшее наказание. Однажды он собрал их и в церкви вместе с Антиохийским Патриархом Макарием объявил отлучение на тех, кто будет так писать. Писание на

иконах изображений в современных одеждах с приближением вообще иконы к картине не соответствовало древнему преданию.

Заботы Никона об улучшении церковного пения.

Никон ввел благолепие и в церковном Богослужении. Он еще Митрополитом ввел у себя единогласие, выписал из Киева знатоков греческого и Киевского напевов и партесного пения и поручил им обучать своих певчих. Шушерин пишет: «Преосвященный Митрополит Никон первее повеле в соборной Церкви греческое и киевское пение пети и правелие им прилежания до пения, и на славу прибрав клиросы предивными певчими и гласы преизбранными, пение одушевленное паче органа бездушного. И такового пения, яко же у Митрополита Никона, ни у кого не было» (Стр. 21). По слову Митрополита Никона Царь созвал в 1651 г. Собор для установления по всей России единогласного пения, чему воспротивился Собор 1649 г. Будучи Патриархом, Никон уже всюду требовал введения установленного им порядка пения и чтения, побуждая к тому епархиальных Архиереев. Никон запрашивал об этом Патриарха Константинопольского, и тот прислал одобрительную грамоту и иеродиакона Мелетия для обучения греческому пению московских дьяков и поддьяков. Исследователь церковного пения в России Мезенц пишет: «Трудами Патриарха Никона пение и знание распространились от Великого Новгорода во все грады и монастыри великороссийских епархий во все пределы их». (Михайловский). Никон любил не только церковную музыку. Об его любви к музыке свидетельствует книга: Michnewitsch. «Geschichte der Musik in Russland». St. Peterburg, 1879 и Abchandlungen von Brücken in der St. Peterburg Kalendar auf das Jahr 1880, о котором поминает Брюнкер в сочинении «Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Jahrhunderts» (I, 564): «Wenn schon der patriarch Nikon auf einen so heiklen Gebiete wie demjenigen des Kirchengesanges bei seinen Reformen Italienische Muster der Musik aufhelfen wollte, so mögen

manche Boyaren im Essen und Trinken in Wohnung und sonstiger Lebensweise sehr gern bei den Westeuropäern in die Schule gegangen sein».[9] Видно, Никон готов был все доброе брать из Европы в деле наук и искусств, но в делах веры отстаивал Православие от чуждых влияний.

Суммарное перечисление того, что сделал и стремился сделать Никон в деле просвещения и в искусстве, показывает, что стремление к истине и красоте у него было так же неослабно, как и стремление к добру. Никон ценил просвещение во всех его видах, одухотворяя его высшим идеалом Церкви, стараясь преобразить земную юдоль человечества в приобщении к бессмертным ценностям.

Отличие Никона от Петра в отношении к западной культуре.

То, что сделал Петр, толкая Россию на просветительный путь, делал и Никон, не прибегая для этого, однако, к привитию иных философских взглядов и иной культуры. Оставляя Россию в отношении к идеалам на церковном пути, Никон не уничтожил бы, а увеличил бы значение Церкви в русском строительстве, приобщая Россию одновременно к плодам Западной цивилизации. Он противился этой цивилизации только, поскольку она вредила чистоте православных взглядов: так не допускал введения органов и икон латинского письма. В этом отношении он был резок до грубости, и известно, что он сам лично в Церкви собрал эти иконы и бросал их ударяя об пол, приговаривая, у кого та или другая икона найдена.

Любовь Никона к отечественной истории.

Не желая отставать от века в просвещении, Никон любил историю родной земли и историческую традицию, и

---

[9] «Если уже Патриарх Никон хотел воспользоваться при своей реформе в столь деликатной области, как церковное пение, образцами не только Византийскими, но и итальянскими, то иные бояре готовы были в еде, питье, в жилище и иных житейских проявлениях быта, видеть в западной Европе школу для себя».

памятником этой любви помимо постоянных ссылок на заветы истории в «Раззорении» является летопись, внесенная им в сокровищницу Воскресенского монастыря 1661 г. До нас дошли обширные летописные сборники с собственноручными надписями Никона (Иконников Ib.); между прочим на летописи, внесенной им в Воскресенский монастырь, значилась надпись: «Лета 7169 (1660—1661 г.) сию книгу положил в доме Святого живоносного Воскресенья Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Нового Иерусалима, смиренный Никон Божией милостью Патриарх. А кто восхощет ю усвоити, якоже Ахар, сын Хармиев или утаить яко же Анания и Сапфира, да отымет от него Господь Бог Святую Свою Милость и да затворит двери святых щедрот Своих, и да приидет на него не благословение, а клятва и казнь Божия душевная и телесная в нынешнем веце и в будущем вечная мука. А кто сие писание каким злым умышлением испишет от книги сея, да испишет его имя Господь Бог от книги животные». Михайловский говорит, что Никон мог начать составление летописи еще в Новгороде. Источником для Никоновой летописи могла служить летопись Софийской Новгородской библиотеки; по дополнениям своим, языку в внутреннему направлению мыслей она сходна с «Раззорением» Никона.

Заветы Патриарха Никона. Его путь культуры.

Не забудем, что Никон был Патриархом только 6 лет, а правителем государства только 2½ года; он не мог сделать все, что хотел: но он указал на исторические задачи России по присоединению Малороссии и Белоруссии и к выходу на Балтийское море и к защите Православия в Ингрии и Карелии. В церковной же сфере он вывел Московскую Русь из изолированности среди Православных Церквей и своей обрядовой реформой приблизил ее к другим поместным Православным Церквам, напомнил об единстве Церкви при поместном разделении, подготовил каноническое объединение Великоруссии с Малороссией, оживил жизнь Церкви, сделав доступным народу творения ее отцов и, объяснив ее

чины, работал над изменением нравов духовенства, старался преобразить государственную жизнь, одухотворяя ее высшими целями оцерковления, делал то, чтобы симфония государства и Церкви была бы предметом осуществления в жизни, а не только теоретическим принципом, чтобы Русь была святою в смысле вечного стремления к идеалу недостижимому, самое стремление к которому однако приобщает человечество к высшим ценностям мира и ставит перед человечеством идеал истины, добра и красоты, как вечную путеводную звезду. Никону не суждено было сделать все, что он хотел в многотрудных условиях русского государственного быта. Но самые его несчастья и незаслуженные страдания в ссылке напоминают, что он жертвовал собой ради вечных идеалов. Его путь культуры был не тот, которым пошла после него Россия, отбросившая в лице Петра I высшие идеалы и понизившая их до уровня утилитаризма во всех сферах жизни, утилитаризма и языческого патриотизма, забывшего тот идеал святости и красоты, который потенционально живет в народе, как некий неистребимый идеал, осуществляемый в отдельных личностях, но уже не составлявший со времен Петра души государственного строительства. Выражаясь на государственном языке, на смену теории симфонии пришла теория просвещенного абсолютизма с его культом государства ради государства.

Прообраз судьбы Никона и его дела в истории с соловьем.

Такой быстрый расцвет в лице Никона идеи строительства жизни в духе теории симфонии властей и быстрое его искусственное прекращение посредством насильственного устранения Никона во имя боярского самолюбия и властолюбия, при внутреннем ничтожестве его врагов, имеет свой символический прообраз в жизни Никона.

Мы воспользуемся этим прообразом, ибо он иллюстрирует нашу мысль о судьбе Никоновского идеала с одной стороны, а с другой стороны показывает, что история

эта взволновала самого Никона, и он сам увидел в ней прообраз своей личной судьбы. Мы же хотим в нем отметить не только судьбу его личную, но и его дела на земле. Это – известная история с соловьем, влетевшим в храм Иверского монастыря, севшим на патриаршее место и пропевшим чудную песнь. Соловей однако был схвачен грубыми руками и оказался мертв. Это было 20 мая 1666 г. Когда Никон узнал об этом, он сильно обеспокоился и потребовал от архимандрита Иверского монастыря подробного объяснения о том, как все случилось. В актах Иверского монастыря осталась переписка между Никоном и архимандритом Филофеем, которая и объясняет подробности, которые могут быть аллегорическим изображением судьбы Никона. А после мы укажем на крушение остальных Никоновских идей в царствование Петра, и это будет иллюстрацией действительной судьбы его дела. Одновременно мы увидим на этом кратком обзоре идей, как бы противопоставленных Никону, как он своими идеалами предотвращал то идейное крушение, в результате которого из государственного строительства России в некотором смысле выбыла одна из самых мощных сил народа – Русская Православная Церковь. Вот эти грамоты, которыми обменялись Никон и архимандрит.

Соловей в Иверском монастыре.

Грамота Патриарха Никона архимандриту Филофею с требованием уведомления о соловье, залетевшем в монастырскую соборную церковь.

Случилось происшествие 20 мая 1666 г.

«Никон, Божиею милостию Патриарх нашего строения Пречистыя Богородицы Иверского монастыря архимандриту Филофею, наместнику иеромонаху Паисию, строителю Евфимию с братией. Ведомо нам, великому господину, учинилось: в нынешнем де во 174 году, мая в 20 день, в

нашем строении в Иверском монастыре в Соборную и Апостольскую Церковь влетел де соловей, и сел на нашем, великого господина месте и пел дивно, и то де многая братья слышала и тебе, архимандриту и наместнику о таком деле известили, и как де он пел, и то де слышали ты архимандрит и наместник и братья многая, и того де соловья, взяв с нашего места пономарь и отдал тебе архимандриту, и тот де соловей у тебя архимандрита умер в руках. И вы то дело поставили себе в оплошку и к нам великому господину о таком деле не писали; да и об всяких делах ничего николи не пишете. И как к вам сия наша, великого господина, грамота придет, и вам бы о том деле к нам, великому господину, отписать, не замолчав ни часу обо всем подробно: как той соловей появился в церкви, и в какое время и в коем часу, и как было и на нашем, великого господина, месте тот соловей пел, и сидел на коем месте, и кто преж его осмотрел и кто его преж отдал тебе архимандриту, и как ты его принял и долго ли у тебя он был в руках и пел на какой превод? Приказный Евстафий Глумилов.

Писано в нашем строении Нового Иерусалима Воскресенского монастыря, 174 г. июня в 7 день».

Отписка Архимандрита Филофея Патриарху Никону на вышеприведенную грамоту.

«Великому Господину, Святейшему Никону Патриарху. Твоего великого господина строения Пречистыя Богородицы твои архимандрит Филофей, наместник иеромонах Паисий, строитель Евфимий с братьей у тебя, милостивого отца, благословения просим, Бога молим и челом бьем. В нынешнем 174 году июня в 23 день в твоей, великого господина грамоте писал к нам, богомольцам твоим, ведомо тебе, великому господину учинилось: в нынешнем де во 174 году, мая в 20 день, в твоем, великого господина, строении в Иверском монастыре в Соборную и Апостольскую Церковь влетел де соловей, и сел на твоем, великого господина, месте, и пел дивно, и то де многая

братья и мы богомольцы слышали, и того де соловья взяв с твоего святительского места пономарь и отдал мне, архимандриту, и тот де соловей у меня, архимандрита умер в руках, и нам бы о том к тебе, великому господину, отписать, не замолчав, обо всем подробну. – И мая в 20 число, в шестую неделю по Пасце в соборной церкви на утрени, на втором чтении, пошел из церкви в притвор северными дверьми дьякон Варсонофий, и в северных де дверях летит ему встречу птица, и тот дьякон чаял, что нетопырь летит и учал на нее махать и в церковь не пускать, и та де птица мимо его пролетела и через братью, которые сидели подле дверей полетела вверх через деисусы в алтарь. И как начали петь степенную песнь, первый антифон, и в олтари на горнем месте на окне седя преж почал посвистывать по обычаю, и защокотал, и запел, и пропел трижды, и то пение мы, богомольцы твои архимандрит и наместник и строитель и братия слышали. И пришед пономарь возвестил мне архимандриту, и наместнику, что поет во олтари, и мы пошли в олтарь его смотреть, и тот соловей учал в окне летать и биться вон. И приставя лестницу послали малого и велели его бережно поимать, и клетку приготовили во что посадить, и той малый учал его хватать и поимал руками живого, и посадил в шапку и, сошед с лестницы принес ко мне архимандриту, и я его из шапки вынял мертвого. А естьли бы жив был и мы хотели послать его к тебе, великому господину, простой своей и не писали, что он умер, и послать некого. И о сем у тебя, милостивого отца, прощения просим, что о том соловье простотой своей к тебе, милостивому отцу не писали».

Патриарх взглянул на это происшествие, как на предвестие ожидавшей его судьбы, и церковные события конца того же 1666 г. не замедлили оправдать его предчувствия во всей силе: спустя шесть месяцев после происшествия, Патриарх Никон, подобно Иверскому соловью, пропев на Соборе 1666 г. трикраты свою лебединую песнь, впал в руки врагов своих, был сослан ими в заточенье, долго томился в нем и напоследок, хотя и достался в

дружелюбные руки своего царственного крестника, но прибыл к нему уже «мертвым» и возвеличен подобающей честью лишь в погребении и поминовении.

Акты эти найдены в архиве Иверского монастыря и напечатаны в V т. Исторической Библиотеки (Изд.: Археограф. Ком. 1878 года).

Глава V. Церковные реформы Петра I

Оценка Никоновских идей в свете Петровского разрушения церковного строя. – Уничтожение церковных обычаев Петром и государственного положения иерархии через удаление ее из высших государственных учреждений. – Прекращение права печалования Патриарха. – Вмешательство Петра в церковные дела при Патриархе Адриане. – Дискредитирование Петром сана Патриарха в бытовом отношении. – Изменение идеологии царской власти при Петре. – Дискредитирование патриаршества в теоретическом отношении. Феофан Прокопович возрождает в «Розыске» идею Царя-понтифекса максимуса. – Феофан стремится дискредитировать патриаршество и в политическом отношении, намеренно смешивая его с папством. – Переводы сочинений Пуффендорфа. – Основная идея Феофана – дать основу теоретическую для уничтожения патриаршества. – Феофан о прекращении возношения имени Восточных патриархов. – Лютеранское направление реформы (в общественном смысле). – Отзывы современных Петру немцев о церковной реформе Петра. – В чем проявился лютеранский характер церковной реформы Петра? – Сочинения Феофана для образования народа, по поручению Царя написанные. – Книга Феофана, написанная против аскетического идеала. – Отношение Феофана Прокоповича к христианским вероисповеданиям. – Меры Петра против Церкви, предшествующие формальной замене Патриарха коллегией. – Отношение Петра к Церкви. – Стефан Яворский о направлении Петровской церковной реформы. – Отмена патриаршества. – Влияние философии естественного права. – Принципиальное покушение на церковную собственность со стороны государства. – Значение отстаивания Никоном управления Церковью своей собственностью и вообще ее неприкосновенности. – Отсутствие юридических оснований для отнятия у Церкви собственности. – Монастырский Приказ при Петре 1701-1720 – орудие государства для подчинения всех чисто церковных дел государству. – Монастырский Приказ вмешивается в регулирование внутренней жизни монастырей. – Строй церковный у Петра I входит в компетенцию государственной власти. – Петр не только восхищает на себя церковную власть, но и осуществляет ее не в церковном направлении. – Проведение государственного утилитарного принципа в церковную сферу. – Борьба с древнерусским аскетическим идеалом. – Влияние протестантизма на взгляд Петра

на монашество. – Государство навязывает Церкви свое воззрение на монашеский чин. – Проникновение утилитарных стремлений Петра в регламентацию им монастырской жизни. – Церковь перестает при Петре быть определяющей стихией для государственного строительства. – Сочинение раскольника о Петре с протестом против превращения православного Царя в главу Церкви. – Протест народного чувства против попрания аскетического идеала. – Значение уничтожения патриаршества с канонической точки зрения. – Значение уничтожения патриаршества с культурной точки зрения. – Отличие положения Церкви в после Петровский период от периода до-Петровского. – Мысли о восстановлении патриаршества после смерти Петра и преследование за них. – Литературная борьба за возстановление патриаршества и аскетического уклада жизни. Маркелл Родышевский. – Сочинение Маркелла напоминает нам образ Никона. – Целесообразность Никоновских идей в свете Петровского разрушения Церкви. – Взгляды на реформу Петра с точки зрения Никоновских идей. – Пальмер о Петре, как исполнении Никоновских проклятий. – Пальмер об основном пороке русского государственного строя. Проникновение государственной идеи немецким духом и оторванность ее от идеи народной. Предсказание о гибели русской государственности. – Пальмер о значении падения Никона для русской истории. – Обязанность России в отношении к Никону. – Необходимость уничтожения греха, совершенного по отношению к Никону. – О восстановлении православного царства. Отправной пункт для построения церковно-государственного отношения. Постановление Собора 1667 г. о власти Царя и Патриарха. – Сопоставление 2-ой главы патриарших свитков с объяснительной запиской Патриархов об этой главе. – Постановление Собора 1667 г. о власти царской и патриаршей есть официальное учение Русской Церкви и выражение народной мысли о православном Царе. – В действительности Петр I боролся в России не с папским теократизмом, а с теорией симфонии властей. Петровская система территориализма. – Петровская система территориализма или Иозефинизма. Мартенс фон-Тиллинг. – Государственное еретичество Петра I. О церковной власти Императора по основным законам. – Об идеале утилитаризма. – Соотношение между учением Никона о православном Царе и понятием русского самодержавия в русском сознании XX века; протест его против абсолютизации власти Царя.

Оценка Никоновских идей в свете Петровского разрушения церковного строя жизни.

Чтобы оценить значение Никоновских идей о власти царской, патриаршей, о церковной собственности и суде надо сопоставить с никоновскими desiderata то, что сделалось с этими учреждениями после, при Петре; одновременно с этим надо разсмотреть и судьбу тех обычаев, которые выявляли собой наглядно идею воцерковления жизни государственной и общественной: отмена их последовала едва ли не ранее общих церковных реформ Петра, и мы их разсмотрим прежде, ибо это была первая угроза старому строю жизни, выдвигавшему на первое место значение Церкви. Пока жива была царица Наталия до 1694 г. Петр еще не касался обычаев старины, хотя сам их не соблюдал, однако его общее направление проскальзывалось в отдельных случаях. Так в присутствии Царицы Наталии в ответ на упрек Патриарха, что «Петр русский Царь, а у себя дома в иноземной одежде», сказал Патриарху: «Вместо того, чтобы заботиться о портных, пещись о делах Церкви».

Уничтожение церковных обычаев Петром и государственного положения иерархии через удаление ее из высших государственных учреждений.

Когда умерла царица Наталия, поддерживавшая Патриарха Адриана, сторонника древних устоев жизни, началась реформа обычаев, уже по наружному облику Царя показывавшая ее направление. Царь не вел образа жизни в соответствии с священным достоинством Царя и с этой высоты спустился до попойки в немецкой слободе и жизни простого мастерового. Церковь с ее стремлениями спасения и с ее неизбежным при ее почитании влиянием на гражданскую жизнь, отходит на второй план, и, как следствие этого, является целый ряд изменений в обычаях. Раньше Первосвятители и другие иерархи привлекались в совет Царя и по гражданским делам; они привлекались к участию в земских соборах и Боярской Думе; теперь Петр удаляет Церковных представителей от участия в делах

государственных; он еще при матери сказал об этом Патриарху и не призывает его к совету. Уничтожается церемония в Неделю Ваий, в которой Царь раньше участвовал лишь как первый сын Церкви, а не как главный ее распорядитель. Церемония эта с одной стороны возвышала перед народом сан Патриарха, а с другой стороны имела в виду упрочить и авторитет государственной власти Государя через участие его перед лицом всего народа в религиозной церемонии в качестве первого сына Церкви. До смерти матери и Петр участвовал в этой церемонии, держа за повод осла, на котором сидел Патриарх Адриан, но между 1694 и 1696 г. этот обряд был отменен, как якобы унизительный для царской власти. Народ не оказался безучастным к этому и в лице стрельцов, взбунтовавшихся в 1698 г., высказал свой протест. Ведь, мотивом бунта выставлялась отмена шествия в Неделю Ваий, а также и то, что прекратились крестные ходы на Богоявление и Цветную Неделю, и бунтовщики хотели немецкую слободу разорить и немцев побить за то, что «в них благочестие закоснело». В сущности этот протест был протестом против провозглашения примата за государством и земной культурой, приходившего на смену примата Церкви и религии. Чтобы провести этот взгляд в толщу народную, надо было принизить значение Первосвятителя Церкви – Патриарха. Ведь, он воплощал в своем лице земной образ Христа, и в его положении в государстве наглядно выражалась идея оцерковления государства, лежащая в основе симфонии властей. Конечно, Петру нужно было отменить все права Патриарха, которые ее выражали.

Прекращение права печалования Патриарха.

Мы видели, что Патриарх перестал быть официальным советником Царя и исключен из Царской Думы; но этого мало: было еще одно право Патриарха, которое служило проводником идеи правды в государственное строительство. Это – право печалования перед Царем за опальных и обиженных, которое было публично посрамлено Царем и в своем падении символизировало падение авторитета

Патриарха. У Соловьева описана эта сцена последнего печалования в связи с стрелецким бунтом. «Делались страшные приготовления к казням, ставились виселицы по Белому и Земляном городам, у ворот под Новодевичьим монастырем и у 4-х съезжих изб возмутившихся полков. Патриарх вспомнил, что его предшественники становились между Царем и жертвами его гнева, печаловались за опальных, умаляли кровь. Адриан поднял икону Богородицы, отправился к Петру в Преображенское. Но Царь, завидев Патриарха, закричал ему: «К чему эта икона? разве твое дело приходить сюда? Убирайся скорее и поставь икону на свое место. Быть может, я побольше тебя почитаю Бога и Пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и делаю богоугодное дело, когда защищаю народ и казню злодеев, против него умышлявших». Патриарха Адриана историки упрекают в том, что он не сказал того, что должен был сказать Первосвященник, а смиренно уступив Царю, отошел со стыдом с места казни, не пошел на геройское самопожертвование. Физической силе он не противопоставил силу нравственную и не отстоял право Церкви быть блюстителем высшей правды. Самое печалование оказалось не геройством Патриарха, идущего на мученичество, а пустым обрядом. Унижение Патриарха оттенялось Петром тем, что он внял заступничеству иноземца, искателя приключений Лефорта. «Лефорт, сообщает Голиков, с твердостью представил Петру, что Государь должен наказывать за злодеяния, но не приводить в отчаяние злодеев: первое есть следствие правосудия, а последнее есть действие жестокости». Государь в тот же самый час приказал остановить казнь, назначая ссылку или службу в разные города или поверку в новые полки.

Вмешательство Петра в церковные дела при Патриархе Адриане.

Не только Петр устранил участие Патриарха от вмешательства в государственные дела по его праву советника и по праву печаловника, но и сам вмешался в дела

церковные еще при Патриархе Адриане. В 1698 г. он критикует церковное управление Патриарха, говорит ему о необразованности священников, что никто не смотрит за школами, а в 1699-1700 г. уже все церковные назначения делаются Патриархом по указанию Царя. Патриарх в своих чисто церковных просьбах принужден искать опоры в Царе, а через то и в царских приближенных. Патриарх пишет временщикам (Стрешневу, Меньшикову) просьбы замолвить о назначении такого-то и такого-то иерарха на кафедру словечко перед Царем. Авторитет Патриарха исчезает, не только в государственных, но и церковных делах. За вторую половину патриаршества Адриана (1695-1700) уже прекратились его обращения, послания, окружные грамоты к народу, да и не бесполезно ли было это делать, когда властною рукою Царя вводилось то, с чем боролся Патриарх: иноземные обычаи, поругание русского платья и русского ношения бороды, насмешка над церковным укладом жизни. Патриарх должен был молчать и стать орудием Царя в церковном управлении. Так представитель независимой по своему источнику и особым дарам благодати власти церковной, в лице своего последнего на Руси ее носителя, фактически перестал являть собой таковую и подчинился носителю власти светской, снявшему фактически и с своей собственной власти ореол священный, ореол церковного чина, и подчинившему свой сан, как мы видим, идеям современного философского утилитаризма. Случилось то, о чем предупреждали Митрополит Павел и Митрополит Илларион, в январе 1667 г. во время прений на Соборе о власти царской и патриаршей. Они боялись, что, принимая то толкование объема власти царской и патриаршей, которое дано в патриарших свитках, они слишком недостаточно огораживают власть церковную, и потому, если нельзя де ждать захвата со стороны благочестивого Царя Алексея, то можно дождаться этого со стороны его сына который окажется не столь благочестив. Действительно, если царской власти не были поставлены определенные преграды, или поставлены слишком глухо, простым указанием II главы на

то, что Царь глава во всех политических делах без каких-либо конкретных выводов в этом смысле, при наличии чрезвычайной щепетильности свитков в защите царской власти, то дело могло повернуться к полному цезарепапизму, который не заставил долго ждать и нашел теоретического защитника в лице Феофана Прокоповича.

Дискредитирование Петром сана Патриарха в бытовом отношении.

Борясь с патриаршеством, которое по своему государственному положению было олицетворением тех церковных идеалов, которые призвано было иметь и само государство по теории симфонии, Петр принужден был озаботиться в этой борьбе с церковными идеалами жизни житейским и теоретическим дискредитированием того, кто своим саном и положением в государстве был носителем их для членов Церкви и для членов государства, то есть с Патриархом. Житейским дискредитированием сана было учреждение вакханального «всешутейшего, сумасброд-нейшего и всепьянейшего собора князя Иоаникиты, Патриарха Пресбургского, Яузского и всего Кукуя». При нем был, рассказывает Скворцов («Патриарх Адриан» Прав. Соб. 1912 г.), конклав из 12 кардиналов, отъявленных пьяниц и обжор со штатом Епископов и архимандритов и т. д., носивших прозвища, которые, по замечанию Ключевского, никогда не появятся в печати ни при каком цензурном уставе. Петр был здесь протодьяконом. Неизвестно когда была учреждена эта пародия на Папу и Патриарха, но только, что она была уже в 1695 году, ибо в это время на пирах главою компании был Всешутейший отец Иоаникита (Зотов Никита) Пресбургский, Кукуйский и Всеяузский Патриарх. А на рождестве в 1694 г. вся компания ездила с Царем Христа славить по боярам и палатным людям. Корб, секретарь Австрийского посольства, описывает, что театральный патриарх в сопровождении многих своих митрополитов и прочих лиц, числом всего 200 человек (в 1699 г.) прокатился в 80 санях через весь город в немецкую

слободу с посохом, в митре и с другими знаками присвоенного ему достоинства». Патриарху пришлось, по слабости его характера молчать и тогда, когда Царь отменил обычай в Неделю Ваий, и тогда, когда он стал высмеивать и самый его сан. Патриарх оставался молчаливым зрителем и надвигавшегося вторжения иноземных обычаев, с которыми он боролся сначала (брадобритие, немецкие одежды, курение табаку, легкое отношение к постам и преданиям старины). Однако Петр не делал из самого Патриарха вид жертвы, несправедливо притесняемой, которая могла бы объединить всех ему сочувствующих вокруг Патриарха, и оказывал ему внешние знаки почета: перед отправкой в поход в 1695 г., по возвращении из похода в 1697 г., перед поездкой заграницу в 1698 г., он делал Патриарху визиты и по нескольку часов и принимал от него благословение образом. Он не решился даже затронуть Патриарха в деле отказа его постричь неканонически его супругу Евдокию в его отсутствие в заграничной поездке и обрушил весь свой гнев на архимандрита и 4 попов, о которых Патриарх сказал, что они нашли этот постриг несправедливым. Патриарх мог действительно указывать, что и другие духовные лица, считая такой постриг неканоническим, не соглашались в нем участвовать. Но факт остается, что Патриарх не был затронут Царем, пострадали другие, но авторитет слабовольного Патриарха, не действовавшего открыто и смело, сильно пал. Так постепенно Петр вел к дискредитированию патриаршего сана в глазах всего общества.

До поры до времени Петр выставлял себя продолжателем старорусских традиций, направлявших внешнюю политику на юг, и в этом отношении имел общие точки соприкосновения с Патриархом, уверял даже его письмами из Голландии, что он работает для освобождения восточных христиан – идея, которую поддерживали и наши, и восточные Патриархи со времени приезда Патриарха Иеремии в конце XVI века. Лишь после возвращения Петра в 1699 г. из-за границы, когда он вошел в коалицию против Швеции, ясно стало, что он повертывает внешнюю политику

с юга на запад, а внутренне подчиняет Русь немецкому культурному влиянию вместо собственных православных начал.

Изменение идеологии царской власти при Петре.

Это влияние сказалось и в понимании царской власти. Царь снимает с себя тяжелые парчевые одеяния, роднящие его и по внешности с другими церковными иерархическими чинами, и является всегда в военном мундире. Сам костюм Царя отражает изменившуюся идеологию. Сначала, когда надо было доказать безграничность царской власти и то положение, что права церковного управления по существу своему принадлежат царской власти, Феофан Прокопович использовал Византийские источники с ссылками на Вальсамона и доказывал, что будто Царь может делать все архиерейское кроме богослужения, и сам есть высший Архиерей, а после, в «Правде Воли монаршей» подводил под царскую власть в стиле английского философа Гоббса совершенно иное основание – передачу всей власти народом, а идея Царя – священного чина совершенно стушевывалась, хотя и оставалась в обрядах при короновании; Царь не связан уже обязательными идеалами Церкви, как то было в теории симфонии, а сам их дает; сегодня один Царь может руководствоваться идеями утилитарной философии, завтра – другой идеями вольтерианства, потом третий идеями мистического общехристианства в стиле начала XIX века, и может в зависимости от духа времени и моды определять и свое отношение к Церкви. Всему этому произволу противостоит та идея православного Царя, связанного и в личной и в общественной жизни, которую высказывал и защищал ценой своей жизни Никон.

Внешняя политика, направленная на юг, симпатии к востоку, внутренний уклад церковно-гражданской жизни по Византийскому церковному образцу были звеньями одной цепи. Никон возвышал и расширял эти стремления под общим знаменем Православия. Ради защиты Православия он, как советник Государя, высказывается за войну с

Польшей; он на востоке ищет путей возвышения самого русского Православия и оставляет свою прежнюю точку зрения национального самомнения в этом вопросе, видевшую в русских проявлениях Православия высшее достижение; ради Православия он рисует идею православного Царя, связанного на деле своим вероисповеданием. Православие, как учение и жизненный путь – всегда его руководящий мотив. Когда Петр отдал примат идее государства, он оторвал от государства доселе освящавший его принцип и, паганизируя государство, уводил его на путь культуры материалистической и воскрешал в жизни идею понтифекса максимуса.

Дискредитирование патриаршества в теоретическом отношении. Феофан Прокопович возрождает в «Розыске» идею Царя понтифекса максимуса.

Глашатай его идей Феофан Прокопович сказал это ясно. Вместо того, чтобы определять права государя из природы власти государственной и права Первосвятителей из природы власти церковной, как то делал Никон, Феофан подобно Лигариду, идет путем историческим и исходит в своем «Розыске» из того, что Римский император носил имя Понтифекс максимус; «было это ради четырех причин: 1) что ни от кого не был судим в делах управления своего, 2) что понтифекс великий един только был, не имел другого себе равного, 3) что он должен был наблюдать начинания как сенатские, так и всенародные, не суть ли противны благочестию, 4) что он был в том чину непременно до кончины живота своего. Эти прерогативы были нужны для самовластительства императорского. В начале самодержавства Римских императоров могли бы начинания их быти от Сената и от народа, но великий понтифекс мог бы нетрудно приискать будто благословскую вину, намерению императорскому противную, и делу, от Императора намеченному, пресечение положить. И так власть императорская была бы аки связана. Того ради первии Римскии Кесари, желая весьма свободную монархию

возыметь, с насилием получить того не дерзая, изрядным умыслом присовокупили к себе сан понтифекса великого». Намек на отношение Царя к Патриарху ясен. Феофан старается доказать, что императоры Римские, и вслед за ними Византийские имели в своих руках и светскую и духовную власть, ссылаясь подобно Лигариду, на языческих писателей – Овидия, Цицерона, Тацита, Плиния, Тита Ливия и Плутарха. Затем Феофан указывает, что и христианские императоры продолжали называться понтифексами для упрочения своей власти. Императоры теперь могут называться не только епископами, но и епископами епископов, ибо Царь, как он доказывал в «Слове о власти и чести царской», есть власть высочайшая, «надсмотритель совершенный, крайний верховный и вседействительный т. е. имеющий силу и повеление и крайнего суда и наказаний над всеми подданными чинами и властями, как мирскими, так и духовными». «Государи могут называться и Архиереями, но только в том общем смысле, в каком Св. Писание называет великого христианина иереем. Но конечно их нельзя называть Архиереями в специально церковном смысле, потому что им не подобает отправлять самим церковную службу». Все эти разъяснения Феофан приводит для того, чтобы показать, что Царь все может и в церковных делах кроме совершения богослужения, таким образом заранее реформа Петра получает оправдание, как исходящая будто бы от власти компетентной.

Феофан стремится дискредитировать патриаршество и в политическом отношении, намеренно его смешивая с папством.

Церковь, как особый организм с присущей ему властью законодательной, правительственной и судебной, совершенно исчезает в системе Феофана, и вся эта сфера церковной деятельности оказывается присущей самому монарху. Для того, чтобы дискредитировать понятие о Церкви с ее собственными правами на законодательство, управление и суд, Феофан говорит о папстве, понося его за

захват власти в ущерб власти царской с одной стороны, а с другой, смешивая умышленно с папством патриаршество с целью возбудить к последнему недоверие.

Игнорируя всякое различие по существу между системой папства, которое составляется из целого комплекса идей, чуждых православию, и системой восточного соборного управления Церковью, совершенно чуждого идее захвата светской власти, Феофан муссирует отношение Пап и Императоров, обвиняя первых в любочестии и своекорыстии, а вторых в слабости и самоунижении перед представителями Церкви, как будто дело идет о Патриархе и Царе. Феофан говорит об обычаях Недели Ваий, о подаче угощения Императором Патриарху, как о явлении духа папежского. Петр не любил папства по политическим причинам, Феофан по более общим соображениям богословским, но в общей вражде к церковному строю жизни, они намерено отожествляли этот строй с папежским духом и поощряли всякое нападение на него, как будто это папство было наличной системой русской действительности.

Переводы сочинений Пуффендорфа.

По приказу Царя переводилось сочинение Пуффендорфа («Введение в историю Европейских государств») с резкими нападками на Пап, на все католическое и даже на иных Отцов Церкви. Там возбуждался вопрос, правильно ли светское господство Папы в своей монархии, от Христа ли оно, или от коварства и хитрости Пап. Русскому читателю самому предоставлялось делать выводы для русской жизни, причем внушалось, что как будто нечто подобное затевается и в России. Сочинение Пуффендорфа предназначено было быть руководством для Царевича Алексея.

Основная идея Феофана – дать основу теоретическую для уничтожения патриаршества.

Под видом борьбы с воображаемыми папистскими идеями шла борьба с церковной культурой прежнего

времени, и идея патриаршества была тем фокусом, который служил олицетворением прежнего значения и положения Церкви; Феофан в корне намеревался поразить это учреждение, оставляя совершенно в стороне его самостоятельное церковное происхождение и признание Вселенскими Соборами, и вводя теоретически все церковное управление в сферу действия власти царской, он давал принципиальную возможность Царю уничтожить Патриаршество, устроить церковное управление по своему вкусу и растворить его в управлении государством.

Феофан о прекращении возношения имени Восточных Патриархов.

Феофан написал, кроме «Розыска исторического» в котором он исследовал вопрос о наименовании Императоров понтифексами и архиереями, еще «О возношении имени патриаршего (т. е. имен греческих Восточных Патриархов) в церковных молитвах, чего ради оное ныне в Церквах Российских оставлено. Феофан отстаивал необходимость прекращения возношения, ибо это показывало бы «власть возносимого над возносящим, Российская же Церковь отлучена стала от власти патриаршей». Против этого решения протестовал Стефан Яворский в сочинении «Вопросы—ответы о значении Патриархов». Но Синод признал протест своего президента несправедливым и возмутительным, терзающим мир церковный, вредным для государственного спокойствия и возбуждающим народ. Этот протест был скрыт от публики, и самому Митрополиту Стефану под угрозой запрещалось его кому-либо показывать (12. VI 1721 г.). Возражение Стефана вменилось ему чуть не в государственное преступление.

Лютеранское направление реформы (в общественном смысле).

Между тем действительное отступничество от Православия было на стороне Феофана, отступничество не в религиозном, а в общественном смысле в пользу

«лютеранства», как писал Феофилакт Лопатинский. Его направление представляло непримиримую противоположность прежнему направлению учительного сословия, стоявшего во главе умственного движения русского общества, противоположность, более резкую, чем та, которая была в 17 веке между Москвичами и Киевлянами. Ведь, и те и другие были защитниками духовного авторитета; разница была в том, что одни, как Киевляне и Никон в Москве, считали необходимой для поддержки этого авторитета, науку, а другие отстаивали старинную «простыню» разума, отрицая науку, как дьявольское наваждение. Новое же «лютеранское» направление принципиально отвергало вовсе всякий авторитет духовенства, как учительного сословия, отрицало на практике теорию превосходства духовной власти над светской, как она вытекала из теории симфонии, и вообще значение духовенства среди других общественных классов. Прежнее влияние духовенства ассоциировалось для Феофана с католицизмом, и потому в старине он видел лишь папежский дух, который подлежал истреблению, и в этом он стал надежным советником и помощником Петра. Феофан доказал по-своему, что все церковное управление принадлежит царской власти; для него тот переворот, который произвело христианство в учении о границах государственной власти, как бы не существовал; царская власть в его глазах была соединением и царского и первосвятительского достоинства, становилась не просто священным чином, а чином равным архиерейскому по благодати управления. Лютеранство, по принципу отвергающее священство и иерархию, естественно все прежние права Епископов по церковному управлению передавало монарху, и лютеранофильство Феофана как бы укрепляло его воззрение на монарха, как на источник церковной власти. Феофан называл Германию матерью всех стран, и говорил протестантским богословам: «Если желаете знать обо мне, что я за человек, знайте, что я всецело предан всем любящим истину... Так и теперь я расположен к вам.»

Отзывы современных Петру немцев о церковной реформе Петра.

Естественны были обвинения Феофана в лютеранстве, если не в смысле принятия богословского учения, то в смысле общего склада его убеждений и направления его деятельности. Его детище, совместно им с Петром I порожденное – «Духовный Регламент», получило от протестантов самый лестный отзыв в брошюре вышедшей в Германии под заглавием «Curieuse Nachrichten von der itzigen Religion Ihre Kaiserliche Majestät in Russland Petri Alexievich und seines grossen Reichs dass dasselbe fast nach Evangelisch Lutherischen Grundsätzen eingerichtet sei». Заключением этой брошюры было заявление, что Петр выводит православную Россию на путь России лютеранизирующейся, хотя в ней есть «остатки от папства». «Вместо Папы русские имели своего Патриарха, пишет автор брошюры, значение которого в их стране так же велико, как и значение Папы в Италии и в Римско-Католической Церкви. Русские сохранили почитание Святых; Св. Николай считается у них патроном страны, и даже по смерти они получают от епископа письмо к этому Святому, в доказательство, что они умерли в истинной вере и должны быть пропущены на небо. Такова греческая религия. Но в правление Петра эта религия изменилась во многом, ибо он понял, что без истинной религии никакие науки не могут приносить пользы. В Голландии, Англии и Германии он узнал, какая вера наилучшая истинная и спасающая, и крепко запечатлел в своем уме. Общение с протестантами еще более утвердило его в этом образе мыслей; мы не ошибемся, — если скажем, что Его Величество представлял себе истинную религию в виде лютеранской. Ибо, хотя в России до сих пор еще не все устроено по правилам нашей истинной религии, однако тому уже положено начало, и мы тем менее можем сомневаться в счастливом успехе, что мы знаем, что только грубые и упорные умы, воспитанные в своей суеверной греческой религии, не могут быть изменены сразу и уступают только постепенно; их, как детей, следует приводить шаг за шагом к познанию истины. Церковные

реформы Петра для автора залог победы протестантизма в России: «Царь отменил патриаршество и по примеру протестантских князей объявил себя самого верховным епископом всей страны». Автор хвалил Петра за то, что, вернувшись из-за границы, он приступил к реформе народного быта. «Что касается до призывания святых, то Его Величество указал, чтобы изображения Св. Николая нигде не стояли в комнатах, чтобы не было обычая, приходя в дом, сначала кланяться иконам, а потом хозяину... Система обучения в школах, устроенных Царем, совершенно лютеранская, и юношество воспитывается в правилах истинной Евангельской религии. Монастыри значительно ограничены, так что не могут уже служить, как прежде, притонами для множества праздных людей, которые представляют для государства тяжелое бремя и могут против него возмущаться. Теперь все монахи обязаны учиться чему-нибудь хорошему, и все похвально устроено. Чудеса и мощи также уже не пользуются прежним уважением; в России, как и в Германии, стали уже верить, что в этом отношении много наплутано. Если в России будет отменено призывание святых, то не будет веры и в личную заслугу перед Богом, и в добрые дела, а равно исчезнет и мнение, будто можно получить небесную награду путешествием по святым местам или щедрыми подаяниями на духовенство и монастыри; таким образом единственным средством для достижения вечного блаженства останется вера в Иисуса Христа, составляющего основу истинной евангельской религии». Автор надеется, что при помощи Божией и при содействии Царя, все это скоро устроится. Можно было бы думать, что эти протестантские похвалы Петру были преувеличены, если бы не действительность, показывающая совершенно определенно направление Петровских реформ.

В чем проявился лютеранский характер церковной реформы Петра.

Мы говорим уже не о вливании в понятие царской власти протестантского учения о jus reformandi, а о дальнейшем

проникновении лютеранского учения, которое так сказалось в отношении к иконам, почитанию мощей и, главное, в мысли о спасении верою без добрых дел, положенной в основу отношений к монашеству во всем Петровском законодательстве, а также и в отдельных мероприятиях. Так в 1721 г. Феофан по поручению Царя и от имени Синода писал о браках с иноверными. Петр хотел удержать шведских пленных для горнозаводских дел и приказал Синоду издать указ, разрешавший им жениться на русских без перемены вероисповедания. А Феофану он поручил доказать соответствие этого указа аргументами из Св. Писания и Св. Отцов Церкви. В самом Духовном Регламенте сказывается лютеранская мысль об образовании на место Патриарха Коллегии, как с другой стороны выявляется и созданный воображением и боярской клеветой образ Никона, захватывающего царскую власть. В глазах Петра Патриарх отожествлялся с Папой в политическом отношении, и сторонники независимого от светской власти церковного управления для него были люди папежского духа. В лютеранстве же Церковь была частью государственного механизма и управлялась коллегиально. Эта готовая форма церковно-государственных отношений показалась ему образцом, ибо он отвергал авторитет Патриарха и не допускал хотя и относительной независимости Церкви в государстве. В Регламенте он нападает на защитников старины и стремится доказывать достоинство своих преобразований. Он не хочет сказать прямо, что он борется с направлением церковным, и прячется за приписывание высшим представителям Русской Церкви того, в чем они не были в действительности повинны, и делает это не прямо, а косвенными намеками на какие то «замахи». Вот его рассуждение по этому вопросу. Сказав, что «известнее взыскуется истина соборным сословием, нежели единым лицом» и не так, как единоличный правитель, гнева сильных боится, что в коллегиуме и сам президент подлежит суду последних», Регламент говорит, что «Коллегия не есть некая факция, тайным на интерес свой союзам сложившаяся»

(каковой кажется Царю старая партия). «Велико и сие, что от соборного управления не опасатися отечеству мятежей и смущений, яковые происходят от единого собственного правителя духовного. Ибо простой народ не ведает, как разнствует власть духовная от самодержавной, но великого и высочайшего пастыря честию и славой удивляемый помышляет, что таковой правитель есть то второй государь, самодержцу равносильный, или и больше его, и что духовный чин есть другое и лучшее государство. И се сам собой народ тако умствовати обыкл, что же егда еще и плевельные властолюбивых духовных разговоры приложатся и сухому хврастию огнь подложат. Тако простыя сердца мнением сим развращаются, что не так на самодержца своего яко на верховного пастыря в коем-либо деле смотрят. И когда услышится некая между оными распря, вси духовному чину паче, нежели мирскому правителю, аще и слепо и пребезумно согласуют и за него поборствовати и бунтовати дерзают и льстят себя, окаяннии, что они по самом Бозе поборствуют и руки своея не оскверняют, аще бы и на кровопролитие устремилися. Такому же в народе мнению многие вельми рады и простые, но коварные человецы; тии бо на Государя своего враждующе, егда увидят ссору Государя с пастырем, похищают то за добрый случай злобы своей и под видом церковной ревности не сумнятся подносить руки на Христа Господа, и к такому же беззаконию яко к делу Божию, подвизают простой народ, что же когда и сам пастырь таковым о себе надмен мнением, спать не хощет? Изрещи трудно, коликое отсюда бедствие бывает. Да не воспомянутся подобные и у нас бывшие замахи». Замахи духовенства – любимая тема Феофана и Петра. Намек на Никона ясен, как ясно и то, что взору Петра предносился не действительный Никон, а Никон, созданный Лигаридом и боярским окружением Царя Алексия Михайловича. Причиной уничтожения патриаршества была даже не воображаемая вина Никона, а стремление власть православного Царя, ограниченного церковными правилами, превратить в абсолютного монарха,

несдерживаемого ничем, и дать своей властью силу тем устремлениям и идеям, которые, не будучи строго православными, никогда не могли бы быть допущены Первосвятителем, ответственным перед своей Церковью. Дух этих реформ узнается в сочинениях Феофана призванного их защищать.

Сочинения Феофана для образования народа, по поручению Царя написанные.

В 1720 г. Феофан написал «Первое учение отрокам». Там Феофан развивал мысль, что от воспитания зависит жизнь человека и целого народа, а между тем у нас все благополучие полагалось на внешних обрядах, без пояснения основ благочестия, через что и отроки лишены подобающего воспитания. Все прежние книги, по Феофану, внушали детям лишь безусловную покорность авторитетам старины, святости предания, суеверную боязнь «мнения» – презрение к иноземным ересям, – все то, против чего восставали Петр и Феофан. Феофан не столько развивал положительное учение, сколько критиковал недостатки старины, как препятствие для усвоения новых идей, даже в руководствах для детей. Он хотел перевоспитать народ. Катихизис его предназначался для заучивания вместо псалмов и молитвы, а там Феофан вставлял насмешки над древнерусским благочестием, над почитанием икон, мощей, Святых мест и тому подобное «Идолослужение есть, писал он, когда кто честь Божию воздает образу или подобию какой-либо вещи... идоли, т. е. образники; о христианских же иконах, что разумети подобает? Лгут на Бога онии проклятии лестцы, которые иконам святым или мощам и месту некоему претворяют чудеса и откровения. Нередко таковыми явишася прелестницы, которые прибытка ради притворные за святых мощи принесоша, якоже в Москве иногда случися, что всем известно есть.... Феофан в самом нежном возрасте заронял семена сомнений и критики к самым святым вещам под видом критики злоупотреблений. Дальнейшим шагом было издание книги «Христовы о

блаженствах проповеди толкование», написанной по специальному поручению Петра и напечатанное в 1722 г. в 3-х изданиях. В памятной книжке Петра I написано: «Написать книгу о ханжах и изъяснить блаженства (Кротость Давидову и проч.), что не так, как они думают, и приплесть к требнику, а в предисловии явить то дельцам Ростовского (т. е. Епископа Димитрия) с товарищи и также, что не противились мученики в светских делах». Ответом и была книга «О блаженствах», которая была послана ему в Астрахань и им очень одобрена, как значится в его пометках. Сам Петр приписал о ханжестве и лицемерии, в которых доказывал, что в этих пороках грех против всех 10 заповедей.

Книга Феофана, написанная против аскетического идеала.

В древне-русском благочестии усматривалось только суеверие и лицемерная набожность для целей вовсе нерелигиозных. Феофан в своем учении об оправдании выступил противником господствовавших у нас и в народе, и в богословии идей, что вечную жизнь можно заслужить только подвигами, что достоинство сих подвигов измеряется их трудностью, опасностью или сопровождающими их лишениями и страданиями. Потому и к монашеству он относился, если не совсем отрицательно, то неблагосклонно, считая аскетический идеал несостоятельным, а практическое приложение его требований в России несовместным с понятием благоустроенного централизованного государства, где каждый подданный должен нести известные повинности. Но масса народа не воспринимала новых идей и вступала с ними в активную борьбу, выделя из своей среды то отдельных непокорных людей, заявлявших протест, то целые толпы непокорных. В них Феофан видел невежд, нафанатизированных ханжами и лицемерами для корыстных целей. Последним он и посвятил большую часть книги о блаженствах. Здесь Феофан подвергал критике идею добровольного мученичества тех, которые погибали нарочно, чтобы спасти от наступившего, как они говорили,

Антихристова Царства. Много было здесь и насмешек против мнимой святости тех, которые «преизлишне смиряются или действия, противные природе, показуют». Дело в том, что, бичуя недостатки известных современных явлений, Феофан вообще не выделял самой идеи от всех злоупотреблений, в которые иногда выливалось ее осуществление, и таким образом для читателя получалось впечатление определенное, что Феофан нападает не только на эти злоупотребления, но и на самую суть, на самые установления Церкви (мощи, иконы). Книга о блаженствах предназначалась к разрушению в обществе аскетического идеала. Когда впоследствии, при Анне Иоанновне, по делу архимандрита Маркелла Родышевского, преследуемого за идеи восстановления патриаршества и аскетического идеала и за критику Духовного Регламента и Указа о Монашестве, запрашивали Синод об авторе книги «О блаженствах», Синод отвечал, что книга составлена по указу Его Величества и автор Синоду неизвестен, но есть в Синоде царский Указ от 3-го июля 1722 г., писанный Царем собственноручно с одобрением этой книги и повелением сделать к ней предисловие. Архимандрит Маркел Родышевский в 1732 г. был он сослан в Белозерский монастырь за те доносы, которые делал на Феофана в 1726 г. и за обличение в ересях книг, одобренных Государем (Петром).

Отношение Феофана Прокоповича к христианским вероисповеданиям.

В борьбе против старорусских традиций у Феофана протестантизм был союзником. А в основе Феофан был утилитарист, относившийся ко всем отвлеченным идеям, в том числе и религиозным, с точки зрения результатов непосредственного применения их к общественной и государственной жизни на практике. Протестантизм был ему удобен и с точки зрения признания верховенства прав Государя во всех делах, даже церковных. С этой точки зрения и католицизм, и древнерусский церковный уклад жизни для него были теократией, умственным застоем и обскурантизмом, тогда как лютеранство было для него

освобождением разума от давления церковного авторитета, внесением элементов критики и прогресса. Строго-православное учение Никона с его теорией симфонии властей, чуждое католической окраски и католического учения о косвенной власти Папы в светских делах, и продолжавшее святоотеческую традицию независимости и самостоятельности церковной власти, или не было вовсе известно Феофану, или смешалось для него с понятием теократии в той ее форме, в которой носителем всей власти является единоличный орган Папа. Ведь само патриаршество для Феофана было лишь проявлением папежского духа, тем же папством, ибо для него было неприемлемо то верховенство духовных целей жизни, которое несла с собой идея патриаршества в русской действительности. В негодовании на этот примат духовных целей, которые он жертвовал перед голой идеей государства, которой был проникнут Петр, он смешивал в одно и патриаршество, и папство, несмотря на всю глубокую рознь этих двух институтов, из которых один есть творение Восточной Церкви с ее постоянным разделением Кесарева от Господнего, и идеей оцерковления государства, а другой есть творение Западной Церкви, вернее латинского административного гения с его идеей Церкви, превращающейся в государство. Но Петр, борясь с патриаршеством, созданным Церковью, игнорируя церковные постановления о церковной собственности, вторгаясь властно во внутренние церковные отношения, обнаружил полное игнорирование Церкви, как особого учреждения, имеющего свои цели, средства и свои особые полномочия. И в этом игнорировании ее заключался самый тяжкий разрыв с московским порядком церковно государственных отношений, основанных на идее симфонии властей.

Меры Петра против Церкви, предшествующие формальной замене Патриарха Коллегией.

Петр не сразу уничтожил патриаршество. Сначала он только не позволил избрать на место умершего Патриарха Адриана другого Патриарха, а назначил местоблюстителя

патриаршего престола, но он постепенно вырывал из ведения Церкви ряд ее прежних прав, проявив на деле свое полновластие, которое литературно обосновывал для него Феофан.

Власть местоблюстителя была ограничена с самого начала. При назначении его был уничтожен Патриарший Приказ, и его дела распределены по другим ведомствам. Монастырский Приказ, учрежденный 31 января 1701 года взял в управление все церковные вотчины; местоблюстителю были оставлены только духовные дела, да и то не вполне. Все важные дела шли через Монастырский Приказ, даже назначение духовных лиц. Мусин Пушкин, стоявший во главе Монастырского Приказа, объявлял повеления Царя местоблюстителю. Патриаршая типография отдана в ведение Монастырского Приказа; издание сочинений, переводов, духовных книг происходили помимо местоблюстителя; также и духовные школы поставлены в зависимость от Монастырского Приказа. Наконец, в духовный суд были введены фискалы от правительства, что было также прямым вторжением в чисто церковную компетенцию, несмотря на резкий протест Стефана, указавшего на непристойность этого явления и на ненормальную безответственность фискалов, имевших право безнаказанно доносить, хотя бы и без всякого основания. Своими Указами о монашестве Петр отверг аскетический идеал жизни, обезглавлением Церкви он отнял у нее защитника ее прав и идеалов; вторжением в ее управление он отнял у нее независимость в ее собственной сфере; взятием в управление ее имущества, он отнял у нее возможность иметь в общественной жизни прежнее значение; он не только подчинил ее государству и умалил ее общественное значение, но уничтожил самое ее понятие, как особого учреждения с неотъемлемыми правами, а ее служителей превратил в государственных чиновников, получающих свое положение из рук государства. Мы последовательно проследим, как Петр, под влиянием идей чисто государственных, сломил учреждения Церкви, поставив на

место их учреждения государственные, и как последние он окрасил утилитарной идеей, совершенно покончив с идей симфонии властей, в течение веков одухотворявшей строй русского государства.

Отношение Петра к Церкви.

Стефан Яворский, в проповеди, сказанной в 1710 г., охарактеризовал направление церковной реформы именно в смысле изменения тех идей, которые до тех пор лежали в основе государственного управления. Мы можем припомнить, что Петр лично не устранялся от Церкви, он любил даже участвовать в богослужении чтением Апостола, или пением на клиросе; он не отвергал и церковного устава; так он обращался к Константинопольскому Патриарху за разрешением от поста войск во время Прутского похода, но несомненно то, что он присвоил царской власти компетенцию, идущую далее сферы светской, и дал ей, вопреки природе вещей, власть над канонами, и даже в эту деятельность свою в церковном управлении влил содержание, которое диктовалось уже не православным учением, а лютеранским настроением. Последнее мы увидим в особенности на Указах его о монашестве в 1701 г., в прибавлении к Духовному Регламенту 1722 г. и Указе о Звании Монашеском 31 января 1724 г., а также и в устройстве Св. Синода, заменившего Патриарха.

Стефан Яворский о направлении Петровской церковной реформы.

Стефан Яворский в вышеозначенной проповеди сказал о направлении реформ: «Сияла Россия, мати наша, прежними времены благочестием, светла и аки столб непоколебимый в вере православной утверждена. Нынеже что? Усумневаюся о твердости твоей, столпе непреклонный, егда тя вижду ветрами противными отовсюду обуреваема. Веет на тя ветер иконоборный, иконы святыя презирающий; веет на тя ветер чревоугодный, посты святые раззоряющий, а ты, столпе непреклонный, ветром тлетворным опирающийся, уже

колебатися начинаеши и вмале, яко столп Силуамский падением своим нас не погубляеши». Точно так же в проповеди своей 12 марта 1713 г. в день именин царевича Алексея Петровича, Стефан не только резко высказался о введении светских фискалов в духовные суды (это было вторжение уже в область чисто церковную), но и сделал общие выводы о положении России, явно указывавшие и на семейную жизнь Петра (оставление первой жены Евдокии Лопухиной, насильно постриженной в монастырь) и на нездоровый дух его реформ, и выражающие надежду на его наследника. «Того ради не удивляйтеся, что многомятежная Россия наша доселе в кровных бурях волнуется; не удивляйтеся, что по толиким смятениям доселе не имамы превожделенного мира. Мир есть сокровище неоцененное, но тии только сим сокровищем богатятся, которые любят Господний закон; а кто закон Божий раззоряет, от того мир далече отстоит. Где правда, там и мир. Море, свирепое море – человече законопреступный, почто ломаеши, сокрушаеши и раззоряеши берега? Берег есть закон Божий, берег есть во еже не прелюбы сотвори, не вожделети жены ближняго, не оставити жены своея; берег есть воеже хранити благочестие, посты, а наипаче четыредесятницу; берег есть почитати иконы. Христос гласит в Евангелии: «Аще кто Церковь преслушает, буди тебе яко язычник и мытарь». И затем Стефан молится за Царевича Алексея Св. Алексею, человеку Божьему: «О угодниче Божий. Не забуди и тезоименинника твоего, а особенно заповедей Божиих хранителя и твоего преисправного последователя. Ты оставил еси дом свой, он такожде по чужим домам скитается; ты удалился еси родителей, он такожде; ты лишен рабов, слуг и подданных, другов, сродников, знаемых; ты человек Божий, он такожде истинный раб Христов. Молим убо, Святче Божий, покрый Тезоименинника нашу единую надежду, покрый его в крове крыл твоих... Дай нам видети его вскоре всяким благополучием изобилующого и его же ныне тешимся воспоминанием, дай возрадоватися счастливым и преждевожделенным его присутствием». Яворский был

глашатаем народных мнений, косо смотрел на положение, занятое протестантами в государстве, на легкое отношение к обрядам и иногда и к вопросам вероучения.

Отмена патриаршества.

Отношение Петра к патриаршеству, выразившееся в учреждении шутовского собора, насмешка его над старыми русскими обычаями, с которыми связывалось у народа представление о благолепии и благочестии – все было отголоском иных верований. Патриаршество было учреждение, выросшее в Церкви, созданное Церковью и у нас учреждено грамотой Вселенских Патриархов и Собора Константинопольского 1593 года и, как учреждение церковное, могло быть отменено также только равной церковной властью, т. е. Собором, канонически созванным и свободно рассмотревшим этот вопрос. Ничего этого не было. Оно было отменено созданием на его месте синода инициативой власти царской; хотя на Духовном Регламенте имеются надписи почти всех русских Архиереев, но они даны ими не на канонически созванном Соборе, свободно рассмотревшем дело, а каждым Архиереем в отдельности, получившим этот указ при сопровождении его царскими посланцами с угрозами. Это не был голос Русской Церкви, свободно высказанный и, в качестве такового не мог быть передан Царем на утверждение Вселенских Патриархов в сентябре 1721 г. тогда, когда Синод функционировал уже полгода. Самая материальная зависимость Восточных Патриархов от Царя и их угодничество перед ним делали все равно невозможным их оппозицию делу, которое при подписях Архиереев, не носило на себе внешних, слишком бьющих в глаза признаков неканоничности, которые бы побудили Патриархов вспомнить об их обязанностях. Дело Никона и последующее восстановление на кафедрах судивших его Патриархов, и даже кратковременная реабилитация Лигарида показывают, что патриаршие постановления не могли иметь того нравственного авторитета, на который они по сану их авторов должны

рассчитывать. Синод не был учреждением, соответствующим канонам. Синод состоял не из одних Епископов, как подобало бы высшему церковному органу по преданию апостольскому, а и из архимандритов и даже лиц белого духовенства; мало того, его члены носили названия, подобающие лицам гражданского ведомства: президент, вице-президент, асессоры и пр. Они приносили присягу Государю, как своему крайнему судье – все как в протестантских странах.

Влияние философии естественного права.

Учение о безграничности власти монарха проповедовала и школа естественного права в лице Гоббса. Так ясно его влияние на Петра, как в его стремлении доказать, что он в праве выбрать себе в наследники престола кого угодно, так и в присвоении им себе права реформировать церковное устройство, в силу признания принципа единства власти с отрицанием особой природы власти церковной. Вот два отрывка из «Левиафана» приводимых у Woolsey.

Hobbs prefers a monarchy in which the power of the ruler is not circumscribed; and so to the succession he says: «Perfecta civitatis forma esse non potest, ubi successorem eligendi jus non sit in antecessore» (Woolsey: Political science of the state, 1. 160.[10]. Понятие его о природе духовной власти видно из другого отрывка из того же «Левиафана: «If a person seeing a pastor preaching or baptizing should ask him, as the priests and elders asked Christ (Mathew 21, 23) by what authority doest thou these things and who gave thee this authority? He could return no other answer than that. He acted by the authority of the state drawn from him who represents it or sustains its character (ib. 161) т. е. от светской власти, ибо «He who is chief ruler in any

[10] Гоббс предпочитает монархию, в которой власть правителя неограничена; в отношении к престолонаследию он говорит: не может быть совершенная форма государства, где правитель не имеет права избрать себе преемника.

Christian state is also chief pastor, and the rest of the pastors are created by his authority»[11].

Самая идея договора об учреждении власти послужила Гоббсу для объяснения абсолютной власти монарха, как говорит об этом Pollock (History of the science of politics стр. 74: «The plastic fiction of the original contract had been used by Hobbes to generate the absolute power of Leviathan»[12]. Эта теория самовластия во имя общей пользы была перенесена в «Правду воли монаршей[13] и с нею в Полное Собрание Законов Империи. Понимание власти Русского Царя в таком неограниченном смысле было чуждо Московскому периоду, ибо самодержавие Царя считало себя ограниченным, и безграничным почиталось условно в пределах той

---

[11] Если кто-либо, видя пастыря проповедующим или крестящим, спросит его, какой властью он это делает, подобно тому, как спрашивали Христа священники и старейшины, и кто дал Ему эту власть, тот не может ответить иначе, как то, что он действует по государственному уполномочию, полученному от того, кто представляет государство, то есть от светской власти. Таким образом главный правитель в христианском государстве есть архипастырь, а остальные пастыри создаются по его полномочию.

[12] Пластическая фикция первоначального договора, по-видимому, употреблялась Гоббсом для того, чтобы создать абсолютную власть Левиаѳана.

[13] Для обоснования произвола Государя передавать свой престол кому угодно Феофан писалъ: «Ex his omnibus т. е. ex legibus sacris aeque ac civilibus Romanorum, под которым разумеется lex regia передавший всю власть от народа, Императору breviter his repititis argumentis colligit autor liberam Russorum imperatori esse potestatem in eligendo successore herede sive et filiis nepotibusque, sive ex cognatibus, sive alia stirpe». (Приведено Чистовичем в сочинении «Феофан Прокопович и его время» стр. 120 из Лейпцигских ученых актов за 1723 г.). «Этот акт, пишет Чистович, не только не обеспечил спокойствия в государстве, напротив, был причиной тех страшных неурядиц в престолонаследии, а вместе с тем и в правлении государства, которые волновали наше отечество в продолжение почти всего XVIII столетия, отвлекая его от полезных преобразований и строения своей внутренней жизни. На этот акт ссылались всякий раз, когда надо было оправдать произвол в перемене правления, а вместе с тем и «Правда воли Монаршей» была издаваема несколько раз». Она помещена в т. VI за № 3893, но лично нам не удалось найти Полного Собрания Законов.

ограниченности, которая вытекает из ясно сознанных начал веры и Церкви. В основе самой царской власти лежит не договор, а вера; православный Царь неотделим от православного народа и есть выразитель его духа. В этом отношении идея Империи не вызывает идеи такого духовного слияния Царя с народом. Д. Х. пишет в своей брошюре, что «запад боится русского Царя, а не Императора, русского народа, а не русской империи; он очень хотел бы, чтобы Русское царство переродилось в империю и, чтобы получилось новейшего пошиба Империя Римская, которая, как великая империя, есть не органическое нечто, а конгломерат народностей и мимо идет яко день вчерашний». С идеей империи потускнело понятие о самодержавии, которое стало рассматриваться как абсолютизм; потускнел и объем понятия Православия, которое стало рассматриваться только как традиционное верование. Это было революцией идей, и мы в известном смысле можем противопоставить Никоновской верности традиционному пониманию основ царской власти Петровско-Гоббсовское, как революционный принцип. К этому противопоставлению как нельзя лучше подходят слова DeMun'a: «La Revolution n'est ni un acte ni un fait, elle est une doctrine politique, qui prétend fonder la societé sur la volonté de l'homme an lieu de la fonder sur la volonté de Dieu, qui met la souveraineté de la raison humaine à la place de la loi divine. C'est la qu'est la revolution, le reste n'est rien, ou plutot tout le reste découle de là, de cette revoke orgeueilleuse d'où est sorti l'Etat moderne. l'Etat qui à pris la place de tout, l'Etat qui est devenu votre Dieu et que nous nous refusons à adorer avec vous. La contre revolution, c'est le principe contraire: c'est la doctrine qui fait reposer la societé sur la loi chrétienne»[14].

[14] Революция не есть ни акт, ни факт, она ест политическая доктрина, претендующая основать общество на воле человека вместо того, чтобы основать его на воле Божией, которая ставит суверенитет человеческого разума на место Божественного закона. Вот где революция, остальное вытекает из этого, из этого гордого восстания, из которого вышло современное государство, государство, захватившее место всего, государство, сделавшееся вашим Богом, которое мы отказываемся обожать

Если законодатель опирается уже не на религиозное предание, а на народную волю, то закон с тех пор имеет своим коренным началом людской интерес, а основанием согласие большинства, преобладающее сочувствие массы. Отсюда Фюрстель де Куланж (Гражданская Община древнего мира 413 стр.) выводит чрезвычайно важное заключение относительно одного момента Римской Истории, именно он пишет: «Закон предстоит уже не в виде нерушимой и неоспоримой формулы. Став делом человеческим, он признает себя подлежащим перемене. XII таблиц прямо говорят: «Чем народ порешил на голосовании в последний раз, то и будет законом». «Из всех дошедших до нас текстов древнего Уложения ни один так не важен, как этот, ни один так не выражает, какого рода переворот совершился в праве. Закон уж не святое предание, не заветный обычай, он просто текст, приговор, lex и так как он постановлен человеческой волей, то может быть и изменен ею». Mutatis mutandis мы тоже можем сказать о законодательстве Петра. Обосновав неограниченность своей власти по Гоббсовской теории в «Правде воли монаршей» и устранив рамки, поставленные этой власти Церковью, он изменил основу власти, поставив ее на человеческую основу договора и тем подверг ее всем тем колебаниям, которым может подвергаться всякое человеческое установление; согласно Гоббсу он произвольно присвоил церковную власть себе; через расцерковление же института царской власти последняя теряла свою незыблемость, неприкосновенность свойственную церковному установлению. Только при наличии этого расцерковления можно объяснить возможность требования отречения Царя от престола без участия Церкви в 1917 г. Начало этому идейному подрыву царской власти было положено через обоснование неограниченности царской власти в «Правде воли монаршей», где она основана по Гоббсу, который утверждал

с вами вместе. Контрреволюция — противоположный принцип. Это — доктрина, основывающая общество на христианском законе.

ее не на Божественном призвании, а на народном суверенитете в последнем своем основании. Только при абсолютировании своей власти Петр мог допустить революционный разрыв с освященной Церковью идеей симфонии властей и такое вмешательство в жизнь Церкви, как ее коренное переустройство, в видах якобы государственной пользы с его отказом Церкви в признании ее самостоятельности. Нельзя не отметить и того социально-общественного значения потрясения, которое вызывается ниспровержением древних установлений, с которыми связывается идея неприкосновенности. Об опасности применения идеи всемогущества государства, в качестве зачатка революционных идей, разрушающих общество, говорит многократно Токвиль, в 50-х годах XIX века в своем сочинении L'ancien régime et la revolution.

Ее он видел у физиократов половины XVIII века. На стр. 239 мы читаем:

«L'etat, suivant les économistes, n'a pas uniquement a commander la nation, mais a la façonner d'une certaine manière: c'est à lui de former l'esprit des citoyens suivant un certain modele, qu'il s'est proposé à l'avance;... en réalité il n'y a pas de limites à ses droits ni de bornes à ce qu'il peut faire; il ne reforme pas seulement les hommes, il les transforme. L'état fait des hommes tout ce qu'il veut, dit Bodeau. Ce mot résume toutes leurs théories»[15].

К ним он возводит начало разрушительных социалистических теорий (стр. 241).

«On croit que les théories destructives qui sont désignées de nos jours sous le nom de socialisme, sont d'origine récente; c'est une erreur; ces theories sont contemporaines des premiers économistes. Tandis que ceux-ci employaient le gouvernement

---

[15] Государство, по мнению экономистов, не только повелевает нацией, но некоторым образом ее формирует; оно образует по известному образу, заранее им себе составленному, дух граждан. В действительности нет границ его правам, ни пределов его возможностям; оно не только реформирует людей, но и переделывает. Государство, говорит Бодо, делает из людей что хочет. Это слово резюмирует все их теории.

tout-puissant qu'ils revaient à changer les formes de la société, les autres s'emparaient en imagination du même pouvoir pour en ruiner les bases»[16].

Об опасности колебать древние установления, даже когда реформы имеют в виду общее благо, Токвиль говорит в связи с впечатлением, произведенным на народ падением при Людовике XV парламентов, по своему происхождению современников королевской власти, и вообще в связи с реформами, недостаточно уважающими древние нравы и привычки:

«Parmi les réformes (p. 279) qu'il (Louis XV) avait faites lui meme, quelques-unes changèrent brusquement et sans préparations suffisantes les habitudes anciennes et respectées et violèrent parfois les droits acquis. Elles préparèrent ainsi la révolution bien moins encore en'abattant ce qui lui faisait obstacle qu'en montrant au peuple comment on pouvait s’y prendre pour la faire. Ce qui accrut le mal fut precisement l'intention pure et désinteressée qui faisait agir le roi et ses ministres; car il n’y a pas de plus dangereux exemple que celui de la violence exercée pour le bien et par les gens de bien»[17]

Все Петровское церковное законодательство есть разрушение основ и церковной и царской власти, связанной не только догматами веры, но и вселенскими канонами

---

[16] Думают, что разрушительные теории, обозначенные в наши дни именем социализма, недавнего происхождения; это — ошибка; эти теории современны первым экономистам. Между тем, как последние употребляли всемогущее правительство, которое, мечтали они, изменит формы общества, другие в воображении захватывали ту же власть, чтобы разрушить ее основы.

[17] Среди реформ, которые провел сам Людовик XV, некоторые изменяли неожиданно и без достаточных приготовлений древние и почтенные обычаи и иногда нарушали приобретенные права. Они таким образом приготовляли революцию, гораздо менее поражая то, что ей составляло препятствие, чем показывая народу, как надо браться за дело, чтобы ее совершить. То, что увеличивало зло, было именно чистое и бескорыстое намерение, побуждавшее короля и его министров, ибо нет более опасного примера, как пример насилия, осуществленного ради блага и притом хорошими людьми».

Церкви. Таким образом пример нарушения границ должного и допустимого для государства дан и в России впервые не в XX столетии, а в XVII и особенно в начале XVIII-го и также не снизу, а сверху, опередив Францию во времени. Никон в этом отношении был хранителем устоев государства и в покушении на эти устои (принцип православного Царя, неприкосновенность церковного имущества, собственности, и почитание первосвятителя...), провидел разрушение царства, выражая свои мысли библейскими примерами.

Ту же до известной степени мысль о значении сохранения религиозных традиций для прочности политического здания выражает современным научным языком такой государствовед, как Брайс: (Les démocraties modernes, I, 168), когда он припоминает время Софистов в древней Греции. «Rappelons à ce propos l'exemple familier des Républiques grecques du temps de Socrate, alors que quelques sophistes renommés, pulvérisant la naïve et antique croyance qui confiait aux dieux le soin de punir le parjure et le trompeur, enseignaient que la justice n'est autre chose que la loi du plus fort. Là, les traditions attaquées étaient d'abord réligieuses et morales, mais dans un système de vieilles croyances et de coutumes ancestrales tout se tient et lorsque la partie rèligieuse est sapèe, bien d'autres éléments de l'édifice en sont ébranlés[18].

Принципиальное покушение на церковную собственность со стороны государства.

Замена Патриарха Синодом 1721 г. была одним из последних звеньев Церковной Реформы Петра. Еще до этого обезглавления Церковь была обессилена за время после

[18] Напомним по этому случаю известный пример греческих республик времен Сократа, когда некоторые известные софисты, уничтожая наивное и активное верование, вверявшее богам заботу наказывать клятвопреступника и лжеца, учили, что справедливость ничто иное, как закон сильнейшего. Там традиции, подвергшиеся нападению, были сначала религиозныея и моральные, но в системе старых верований и обычаев предков все связано, и, когда религиозная часть подорвана, то от этого колеблется и много других элементов здания».

смерти Патриарха Адриана, последовавшей в 1700 году. Это обессиление коснулось прежде всего управления церковными имуществами и отнятия у Церкви не только суда по гражданским делам духовенства, но и управления церковными делами через воссоздание в 1700 г. Монастырского Приказа. Первое лишало Церковь средств, второе ставило духовенство в большую зависимость от светских властей. Лишение Церкви возможности управлять своим имуществом, отдание этого управления под контроль государственной власти как со стороны прихода, так и расхода сумм, подвергало неопределенности вопрос о том, кто же собственник этих имуществ: Церковь или государство. В конце концов при Екатерине II государство сочло себя вправе посмотреть на церковную собственность как на способ вознаграждения Церкви государством, способ, который по усмотрению государства мог быть заменен и другим. Так в 1764 г. были отняты церковные имущества, и церковные учреждения взамен получили денежные вознаграждения по штату а позднейшее падение ценности этого вознаграждения привело Церковь к полной материальной зависимости от государства. (Одновременно Екатерина II из 881 существовавших монастырей закрыла 496, оставив существовать только 385).

Значение отстаивания Никоном управления Церковью своей собственностью и вообще ее неприкосновенности.

При этом можно оценить значение отстаивания Никоном не только права собственности за Церковью, но и права управления ей. Не теряй Церковь последнего, она, может, не потеряла бы и первого, ибо сознание неприкосновенности управления имуществами содействовало бы и сознанию неприкосновенности самой собственности. Реформа 1701 г. пробила брешь. Монастырский Приказ – учреждение чисто государственное, получило в свое ведение церковные вотчины и доходы с них. Государство не остановилось перед церковной собственностью, в своей политике стягивания поземельных владений в свою собственность, на правах

безусловного распоряжения ею, начатого еще много ранее. Помещичьи земли признавали над собой полную власть государства; государство в конце XVII века в землях дворцовых и в черных волостях действовало на правах собственника, но земли и крестьяне церковных учреждений не были уравнены с дворцовыми и помещичьими во всех своих отношениях к государству. Обращение черных волостей в дворцовые имения совершилось в Приказе Большого Дворца; там же было сосредоточено государством ведение монастырскими и вообще церковными землями, а потом в Монастырском Приказе, по закрытии коего в 1677 г. оно возвратилось в Приказ Большого Дворца. Церковные земли ждали уравнения в судьбе с черными волостями. Брешь в неприкосновенности церковной собственности нанесло Уложение, отнявшее слободы и городские посады у церковных властей, по челобитной посадских людей. Часть лиц и владений, составлявших принадлежность духовенства, передана была в собственность государства; так мысль о праве государства обращать в свою собственность земли церковных учреждений получила тогда первое осуществление, а при Петре получила полный расцвет в отобрании всего управления церковными имуществами в пользу государства. Его мысль была заставить все служить государству, и в этом случае он давал широчайшее применение тому, что раньше предпринималось в виде частных мер.

И раньше, при Алексее Михайловиче, во время войн государство обращалось к богатейшим монастырям, и церковные учреждения считали обязанными себя служить отечеству как могли. И при Алексее Михайловиче государство считало на деле возможным в минуту невзгоды обращаться к церковным имуществам. Во второй половине XVII века эта мысль создала предположение, что государство имеет право контроля над церковными доходами, а через то и над церковным имуществом. Ведь пагубное влияние богатств на иноческую жизнь было признано и Собором 1667 г., который и запретил монахам лично владеть

недвижимым имуществом; Собор 1669 г. постановил отбирать на Царя торговые промыслы и лавки, принадлежащие священному и монашескому чину, опять ввиду вредного влияния на иноческую жизнь. Это были меры, касавшиеся отдельных видов собственности частных лиц, а не целых учреждений. Петр же думал уже о переводе всех церковных имений в собственность государства. Еще в 1678 г. государство начало перепись всем церковным богатствам, которая продолжалась до 90-х годов и должна была служить для государственных окладов и сборов. По ней государство могло контролировать доходы и расходы церковных учреждений. Петр усвоил хорошо мысль о контроле государства над церковными доходами, как право государства, и в Указах своих говорил, что государство имеет право распоряжаться избытком церковных богатств, остающихся за издержками церковных учреждений на необходимые расходы. Его Указ 1696 г. разосланный через епархиальных Архиереев по всем монастырям, приказывал монастырям и архиерейским домам давать ежегодно отчетность в расходе церковных сумм Приказу Большого Дворца. Провинциальные власти по поручению этого Приказа имели надзор за выполнением Приказа. Петр считал правом государства использовать для его пользы избытки церковных доходов. Для государственной пользы он счел себя вправе подчинить государству управление церковными имуществами и отобрать их из ведения Церкви – собственника.

Если прежние поползновения Государей на церковные имущества сдерживались религиозными соображениями, то теперь этой сдержки не стало. Законодательство взглянуло на эти имущества с государственно-утилитарной точки зрения. Хозяйственные интересы государства требовали, чтобы все жертвовали своим трудом и материальными средствами для его целей. И вотчинные права и привилегии духовенства должны были быть принесены ему в жертву. Государство и при Алексее Михайловиче стремилось уничтожить привилегии церковных учреждений. В 1672 г.

были уничтожены тарханные грамоты, освобождавшие от сборов в казну с промыслов и торговли монастырей и властей, но были исключения для некоторых монастырей. Продолжались и подтверждения прежних жалованных грамот. Одним словом привилегии властей и до Петра терпели умаления; объем привилегий суживался, жалованные грамоты писались с оговорками, что статьи, несогласные с Уложением, недействительны. С одной стороны правительство стояло на точке зрения Уложения (подтверждавшего все прежние постановления о монастырских имениях и запрещавшего приобретать новые, и даже отнесшего некоторую часть церковных имений в казну), но до единодержавия Петра продолжались послабления из уважения к Церкви и к ее правам собственности. Правительство лишь в чрезвычайных случаях ограничивало вотчинные права Церкви, когда требовались тяжкие жертвы от всех сословий. В начале XVII века оно проводило эти меры как временные, при Михаиле Феодоровиче «пока земля поустроится». Лишь со времени Уложения мера эта начинает принимать постоянный характер. Но с единодержавием Петра наступила новая эпоха. Государственный интерес получил полный перевес над религиозным; духовное служение не ценилось, требовалась от всех служба материальная. Петр приступил к отмене всех привилегий духовенства. Не была еще закончена до него отмена тарханов. По Уложению некоторые монастыри освобождались от печатных пошлин, иные имели право курить вино. Эти привилегии отменены в начале царствования Петра. На разные доходные статьи монастырей правительство наложило руку и объявило их собственностью казны. В 1704 году, как казенные оборотные статьи, были обложены оброком все пчельники и бортные урожаи, отобраны рыбные ловли. Вываривание и продажа соли сделались монополией казны. Все эти указы отменяли жалованные грамоты и распространялись на все церковные вотчины. При введении подушного оклада Петр сравнял церковных крестьян с прочими; они приравнены были к

другим и в привлечении к общим работам по государственным сооружениям. Это было уничтожением прежних привилегий жалованных грамот. В 1701 г. окончательно воспрещена и покупка вотчин, и мена их для всех монастырей и архиереев. При Петре произошла частичная секуляризация церковных вотчин и отписка их в казну. С объявлением оброчными статьями значительные угодия, соляные варницы, мельницы, рыбные ловли отошли в казну. Во время управления Монастырского Приказа многие вотчины были отданы в вечное владение частным лицам.

Отсутствие юридических оснований для отнятия у Церкви собственности.

Петровские реформы о церковной собственности были в полном забвении канонов, на которые указывал Никон, отстаивая неприкосновенность и церковного управления и церковной собственности. Ссылка на плохое управление Церковью своими имуществами не есть юридическое основание для отобрания у нее этого управления, ибо собственник их – она, а не государство. И само государство теряло в конце концов от понижения материальной силы Церкви, ибо Церковь, лишенная средств, лишена была возможности нести и те задачи, которые были ей всегда присущи по народному образованию, по благотворительности, по просвещению общества. Церковное управление своими имуществами могло со временем улучшиться, а падение значения Церкви в результате ее ограбления оказалось невосстановимым в течение всего императорского периода. В нашу задачу не входит описание той неудачи, которая постигла в действительности эту меру перевода церковных имуществ в ведение государства. Она исследована в сочинении Горчакова «Монастырский Приказ». Достаточно сказать, что вскореже после этой меры крестьяне просят их о возврате в церковные учреждения. В 1702 году начинается возврат из ведения чиновников Монастырского Приказа монастырских и архиерейских вотчин прежним владельцам. С 1711 г. этот возврат уже

обычное явление, многие монастыри получили их обратно в свое ведение, так что Монастырский Приказ по отношению к ним превращался из административного учреждения лишь в Центральное финансовое учреждение. Когда открылись коллегии, он потерял и это значение. 16 октября 1720 г. закрыт Монастырский Приказ, и вотчины, разоренные чиновничьим управлением, кроме розданных и проданных, вернулись в церковные учреждения. С открытием Синода указом Царя ему были переданы в ведение все патриаршие, архиерейские и монастырские вотчины, но Синод, по неудобству самому ведать это управление, испросил восстановление Монастырского Приказа (1721 г.) в качестве подчиненного ему учреждения.

Его четырехлетнее существование (после которого он был переименован в другое учреждение) установило управление церковными вотчинами почти на 50 лет и удержало их в ведении подчиненного в конце концов правительству Синода.

Монастырский Приказ при Петре 1701-1720 – орудие государства для подчинения всех церковных дел государству.

Монастырский Приказ 1701-1720 г. при Петре был орудием государства для управления церковными делами; он был орудием его преобразовательных целей относительно монастырей и относительно подчинения духовенства государству. Подчинение государству судебно-гражданских прав церковных учреждений во время Уложения было ступенью к дальнейшему ограничению других гражданских прав духовенства. Если главное внимание восстановленного Петром в 1700 г. Монастырского Приказа сосредоточилось вокруг вопроса о вотчинных правах церковных учреждений, которыми он распоряжался, как собственник, представляя собой государство, то все же нельзя оставить без внимания и почти полностью восстановленные его судебные права, существовавшие по Уложению. В Указе о восстановлении Монастырского Приказа почти буквально словами Уложения

определен судебный круг, в котором должна вращаться деятельность Монастырского Приказа. Ему были подсудны в гражданских и уголовных делах все вообще лица его ведомства, в частности лица духовные без исключения, все служилые люди в Приказах, ему подчиненных, при архиерейских кафедрах и монастырях, все крестьяне его ведомства, нищие, богадельни, содержащиеся за счет Приказа. С этого времени от ведомства Церкви окончательно были взяты люди по своему несчастному положению в жизни, бывшие подведомственными Церкви со времен князя Владимира (Неволин т. VI). Приказ, как во времена Уложения, должен был ведать все иски посторонних людей на духовенство и людей, подведомственных приказам, а последние на посторонних в местах подсудности ответчиков. В Уложении было исключение для патриаршей области, теперь же такое исключение, хотя и могло быть по смыслу закона, но независимая подсудность патриаршей области устранялась другим путем: ведавшие ее Приказы патриарший дворцовый и казенный были подчинены тому же Монастырскому Приказу. Монастырский Приказ стал высшей и последней инстанцией, пишет Горчаков, в пределах своего ведомства; среднюю составляли стольники и ведомцы, заведовавшие целыми областями и уездами в провинциях, низшую – вотчинные ведомцы и прикащики. В уголовно-судебной деятельности Приказа мало считались с духовным саном, и обвиняемые там сажались на цепь. Наказание налагалось по Уложению; если же надо было лишить сана, то виновный под арестом отправлялся в Патриарший Духовный Приказ, где иногда без всякого допроса обнажали священства или монашества и отсылали обратно в Приказ.

Но судебная деятельность Монастырского приказа при Петре не выделялась так, как она выделялась при Алексее Михайловиче, ибо она затенялась обширнейшей правительственной деятельностью Монастырского Приказа в церковных делах. Монастырский Приказ ведал и дисциплинарный суд над духовенством в некоторых

отношениях (при неисполнении требований Приказа напр. монастырскими властями за неподачу отчетности, над приходскими священниками за недоставление сведений, причем угрозы Приказа доходили дальше дисциплинарных мер, упоминая о ссылке, лишении сана). Монастырский Приказ был орудием Царя для распоряжений по чисто церковным делам: через него Царь призывал архиереев в свою чреду в Синод, через него давал разрешение на принятие в монастырь и на пострижение; его посредство между Царем и всеми церковными учреждениями продолжалось до учреждения Синода. В его руках объединилась вся государственная деятельность Петра по церковному управлению. Дело шло о прямом вторжении в церковное управление, а не только об отобрании у Церкви тех прав, которые могли бы считаться делегацией ей со стороны государства. Был отторгнут от Церкви суд по делам всех людей, приписанных к церковным людям по особому отношению их к Церкви. «Хотя со времен Иоанна IV памятники о них не упоминают, однако, говорит Неволин (т. VI), пространство церковного суда в этом отношении сохранено со времен Св. Владимира до Петра I».

Монастырский Приказ вмешивается в регулирование внутренней жизни монастырей.

Насколько далеко шло это вторжение, от которого так оберегал в свое время Никон, показывает деятельность Монастырского Приказа. В Петровский период своего существования Монастырский Приказ вмешивается во внутренний уклад монастырской жизни: через него идут все мероприятия Петра по монастырским делам. В 1701 году Монастырский Приказ делает переписи монахов, запрещает переход их из одного монастыря в другой и постепенно приготовляет штаты каждого монастыря, новые пострижения не допускаются без разрешения Государя. Вместо убылых монахов Монастырский Приказ посылал в монастыри больных и нищих, даже сумасшедших и каторжных, неспособных к работе. После 1715 года в

монастыри поселялись отставные воины. Потом издан был закон, по которому на обязанность монастырей возлагалось содержание увечных и больных воинов. Число монахов должно было быть таково, чтобы оставались средства для благотворительных целей. Петр вообще хотел дать такое направление русской монастырской жизни, при котором бы монастыри служили указываемым им Петром благотворительным и нравственным целям. Отнятие вотчин было якобы средством к восстановлению иноческой жизни в монастырях. Монахи, по мысли Петра, должны были пропитывать себя своим трудом, содержать убогих и нищих и ходить за больными. Но они не должны были быть центрами просвещения. Монастырский Приказ должен был не только наблюдать, чтобы монахи без воли настоятелей не скитались по Москве, но чтобы и в кельях не держали бумаги, чернил, перьев и, если что надо писать, писали бы в трапезной в присутствии настоятеля. Приказ имел судебную и дисциплинарную власть над монахами. Но время показало Петру, что без содействия Церкви нельзя устраивать жизнь монастырей, и что мысль возлагать на Церковь или монастыри содержание людей, служивших государству, и потерявших на этой службе все силы, надо оставить. В 1716 г. наблюдение над монастырской жизнью вверяется архиереям, которые при посвящении своем дают клятву содержать монахов по уставам и правилам. Монастырский Приказ ведал выдачею денег на содержание архиереев, местоблюстителя и Духовного Приказа. В 1701 году без разрешения Государя запрещено строить монастыри, а еще в 1796 г. было запрещено и монастырям употреблять деньги на строения без царского разрешения и приказано ежегодно расходные книги присылать в Приказ Большого Дворца. Позже Монастырский Приказ ведал и всю строительную отчетность монастырей и выдавал средства на поддержание наличных зданий. Через Монастырский Приказ предписывалось приходским Церквам устраивать дома для новорожденных. Монастырский Приказ должен был побуждать епархиальные власти заводить школы, на которые

Приказ должен был давать деньги из вотчинных доходов. Он же должен был следить, чтобы дети духовенства поступали в греческие и латинские школы, и чтобы неучившихся в этих школах не посвящали в клирики. Типографии раньше вместе со школами были в ведении Патриархов, а теперь перешли в ведение Монастырского Приказа. Монастырский Приказ ведал и дела благотворительные. Раньше при Патриархах были богадельни на попечении Патриархов на 400 человек. Патриарх давал на нее определенные суммы в казенный патриарший приказ, который и управлял богадельней. Теперь Монастырский Приказ выдавал содержание дряхлым, престарелым, больным и должен был заботиться об уничтожении бродячего нищенства в Москве. Сначала был создан богадельный приказ под ведением Монастырского Приказа, но потом они перешли в непосредственное ведение Монастырского Приказа. Отставные военные чины поручены были Монастырскому Приказу. Петр распоряжался сам церковными средствами для государственных целей, и около 1715 г. велел венечные деньги использовать для устройства инвалидов. Размещением по монастырям ведал Монастырский Приказ, а Сенат в 1719 г. установил, чтобы монастыри платили отставным военным чинам деньги в размере жалованья гарнизонных чинов тех губерний, где расположен был соответствующий монастырь. Из этого примера видно, что весь монастырский уклад жизни перестал быть делом церковным, а исключительно государственным, хотя по существу дело это – дело чисто церковное, подлежащее ведению Церкви, даже при классификации Шульте [в числе чисто церковных дел он помещает следующие: 1) Вероучение и нравоучение христианское вместе с правом издавать вероучительные книги, организация проповедничества и религиозное воспитание членов Церкви; 2) Богослужение и все, что относится до него; 3) Совершение и преподание Таинств; 4) Церковное устройство и управление, между прочим, воспитание клира и принятие в состав его, и все касающееся отправления церковного служения; 5) Церковное

судопроизводство; 6) Дела по организации монашеских орденов; 7) Управление церковными имуществами].

Строй церковный у Петра I входит в компетенцию государственной власти.

Но Петровская точка зрения была иная: в манифесте 25 января 1721 г. об учреждении Духовной Коллегии попечение о всем чине духовном рассматривается, как право царской власти, в соответствии с усвоенной цезарепапистской теорией Феофана. Это видно уже из самого манифеста: «Посмотря на духовный чин и видя в нем многие нестроения и великую в делах его скудность, не суетный на совести нашей возымели мы страх, да не явимся неблагодарны Вышнему, аще толикая от Него получив благопоспешительство во исправление как воинского, так и гражданского чина, пренебрежем исправление и чина духовного. И когда нелицемерный Он Судья вопросит от нас ответа о толиком нам от Него врученном приставлении да не будем безответны. Того ради образом прежних, как в Ветхом, так и Новом Завете благочестивых Царей, восприяв попечение о исправлении чина духовного и не видя лучшего к тому способа паче соборного правительства, понеже в единой персоне не без страсти бывает, к томуж не наследственная власть, того ради вяшще небрегут, уставляем Духовную Коллегию, т. е. духовное соборное правительство». Мы видели что Монастырский Приказ был главным орудием Царя при церковной реформе; мы видели, что государственный интерес заслонил собой интерес церковный, не только его поставлением на первый план, но и простым уничтожением второго, как самостоятельной сферы другого союза. Царь, как понтифекс максимус, явился вершителем всех церковных дел, вопреки канонам, своей собственной инициативой. Прикрываясь призрачной каноничностью, он не дал избрать другого Патриарха.

Для духовных дел был назначен Митрополит Стефан Яворский, но и его игнорировал Петр, когда назначил в 1712 г. в Петербургское временное церковное управление,

поставив администратором церковных дел Архимандрита Невского монастыря Феодосия Яновского, ездившего с Государем и Государыней заграницу в 1716-1718 г. Его Царевич Алексей звал лютеранским апостолом в России. «Разве за то его батюшка любит, что он вносит в народ лютеранский обычай и разрешает на все», говорил царевич Алексей. Учитель Царевича считал его непочитающим иконы. Первые годы в Синоде Феодосий и Феофан действовали совместно в одном направлении с Петром.

Осуществление Петром церковной власти обращает наш взор к временам Реформации, когда главари реформаторы учили, что право учительства Церкви принадлежит Государям, а также и право управления ею через Консистории. Территориальная система на Западе, подчиняющая все исповедания власти государства, опирающаяся на Гроция, Гоббса и Спинозу, была применена в своих крайних выводах Томазием, который уподобил принципиально право управления Церковью других правам государственного управления, выводя их из одного и того же существа государственной власти. Начало этой системы было заложено еще у Capito, друга Лютера, учившего, что Церковь должна управляться государями, соединяющими в своем лице и духовную и светскую власть. Протестантские Государи и присвоили себе сначала права Епископов по юрисдикции, затем права учительства. Они отвергли стремления иных лютеранских богословов устроить рядом с Государями особую духовную власть, для того, чтобы самим стать духовными главами; то же сделал и Петр под влиянием протестантов, с которыми виделся заграницей, между прочим с Английским королем, советовавшим ему соединить в своих руках обе власти по образцу протестантских государей. Характерно, что его преемник, через сто лет говорит Наполеону в 1807 году в Тильзите: «Chez moi en Russie je suis à la fois Empereur et'Pape c'est bien plus commode». (Debidour. Histoire des rapports de l'eglise et de l'etat en France. p. 255).

Петр не только восхищает на себя церковную власть, но и осуществляет ее не в церковном направлении.

Встав на место Патриарха, Петр мог бы производить реформы в церковном духе; это было тоже не канонично, но по крайней мере, не было бы полного порабощения Церкви в ее недрах духом чуждого для нее мира. Мы знаем, что для Московской Руси верховным идеалом, отражавшимся и на государственном строительстве, был дух церковный, дух аскетический, но этот дух нисколько не мешал государству разрешать свои собственные задачи совершенно независимо и приобретать ту материальную цивилизацию, которая необходима для его существования, и вести внешнюю политику в соответствии с национальными интересами. Петр в этом отношении в государственной политике следовал по пути, указанному государственными людьми времени Царя Алексея Михайловича – Никоном и Ордын-Нащокиным; но в своем размахе он не остановился и на пороге Церкви. Он не только вторгся в нее, но стал там расправляться даже не в духе самой Церкви, растворяя ее в своих государственных идеалах. Какой же дух проникал его деятельность в отношении к Церкви?

Проведение государственного утилитарного принципа в церковную сферу.

В нем несомненно сказалось протестантское учение об оправдании верой, а задача государства для него состояла уже не в приобщении его к высшим идеалам, а, напротив, в подчинении всех других государственному утилитаризму. Особенно это сказалось на отношении к монашеству и в мерах относительно внутреннего устроения монастырей, взятого государственной властью в сферу своего воздействия.

Борьба с древнерусским аскетическим идеалом.

Эта тема особенно затрагивала Петра, ибо в монашестве сказывался старый аскетический идеал, светивший Московскому государству, который подлежал теперь искоренению, и он неоднократно к нему возвращался. О

монашестве говорил и Указ 1701 года, и Особое Прибавление к Духовному Регламенту, и Указ о звании монашеском 1724 г. Все они были борьбой и литературной и законодательной со старым взглядом на монашество. Монастырь представлялся древнерусскому человеку осуществлением высшего идеала на земле. «Свет инокам ангелы, свет мирянам иноки» – вот тезис Московской Руси. Монашество почиталось чуть ли не выше царской державы, и сами Цари стремились до смерти успеть принять монашеский чин. В лице своих подвижников аскетов, иерархов, оно было душой теократического строя, умственного движения и нравственного воспитания до Петра. Хотя монашество в конце XVII века имело много отрицательных сторон, упоминаемых его исследователями (Проф. Знаменский), однако идея его продолжала быть регулятивом житейского строительства, пока властной рукой Петр не подточил критикой самую эту идею и через литературные труды Феофана, и через свои законы.

О литературных трудах Феофана мы говорили. Скажем о законах. Прибавление к Духовному Регламенту от мая 1722 г. определяет, кого и как принимать в монахи, до мелочей определяет их внутреннюю жизнь в монастырях. «Весьма монахам праздным быти да не попускают настоятели, избирая всегда дело некое, а добре бы в монастырях бы завести художества. Волочащихся монахов ловить и никому не укрывать. Монахам никаких по кельям писем, как выписок из книг, так и грамоток советных без собственного ведения настоятеля никому не писать, чернил и бумаги не держать. Монахиням в мирских домах не жить, ниже по миру скитатися ни для какой потребы. Скитков пустынных монахам строити не попускати, ибо сие мнози делают свободного ради жития, чтобы от всякой власти и надсмотрения удален жити возмогл по своей воле и дабы на новоустрояемом ските собирать деньги и теми корыстовался... И не в пример нам древних отец отшельничества; были тогда мужие, добре в богословии христианстем обучени. Отшельничество человеку невежественному опасно есть, и душепагубному бедствию

подлежаще, к тому же пустыням прямым быти в России холодного ради воздуха невозможно». Но и это показалось Царю недостаточным для искоренения «этого многому злу корня».

Влияние протестантизма на взгляд Петра на монашество.

Замечая, что протестантство обходится без черного духовенства, Петр решил покончить с монашеством. 26 января 1723 г. его Указ повелевал, дабы отныне впредь никого не постригать, а на убылые места определять отставных солдат. Но эту меру он не смог провести и издал Указ 31 января 1724 г., озаглавленный «Объявление когда и какой ради вины начался чин монашеский и какой был образ жития монахов древних и какой нынешних исправить хотя по некоему древним подобию надлежит». Чистович («Феофан Прокопович и его время» в Сборнике статей, читанном в отделении русского языка и словесности Импер. Академии Наук» т. IV), исследовавший это произведение, удостоверяет, что указ составлен Царем, а Феофан сделал выписки из отцов Церкви и цитаты из церковно-исторических сочинений. «Объявление восстает против древнего русского взгляда на монашество, как на дело, имеющее значение личной заслуги перед Богом и следовательно, как на дело богоугодное и спасительное. В основе этой критики лежит протестантское учение об оправдании грешного человека ради единых Христовых заслуг туне, т. е. даром, не вследствие заслуг перед Богом, а единственно вследствие безграничной милости Божией. «Объявление» и доказывает, что монашеское звание не заслуга, не может почитаться идеалом, и что истинное богоугодное дело заключается в том, чтобы всякий человек строго исполнял обязанности своего чина». Такое учение в корне противоречило Московско-Византийскому идеалу благочестия; оно служило основой для всех мер Петра лишить монашество и духовенство прежнего исключительного положения в обществе. Морозов говорит,

что от Петра сохранилось множество заметок к устранению монашества и в одной из них сказано: «Следует вытолковать, что всякого исполнение звания есть заслуга, а не одно монашество».

Государство навязывает Церкви свое воззрение на монашеский чин.

Феофан в «Книге о блаженствах» оспаривал мнение, что вечную жизнь надо заслужить подвигами, достоинство которых измеряется их трудностью, опасностью, лишениями и страданиями. «Прибавление к Духовному Регламенту» относит к предрассудкам старины, мнение будто монашество есть лучший путь ко спасению, и что хоть перед смертью надо принять пострижение. Государство таким образом навязывает Церкви свою точку зрения на чисто церковное установление и властно проводит ее через посредство церковных учреждений. Большого отвержения Церкви, как самостоятельного учреждения с самостоятельными целями и средствами трудно, кажется, себе представить. Вся вообще монашеская жизнь была регулирована государственным законом. Монастыри и монахи были переписаны в силу царских Указов, и монахи были закреплены за своими монастырями, как крестьяне. Разрешалось лишь один раз в жизни переменить монастырь. Среди этих мер были и полезные: напр. изгнаны из монастырей все бельцы, жившие в монастырях по родству с монастырскими властями, прекращено бродяжничество, которое невыгодную тень бросало на все монашество, усилена строгость в монастырях, но все же это не оправдывало с церковной точки зрения того, что государство со своими целями встало на место Церкви в чисто церковном вопросе. Оно издало новые правила и относительно управления монастырей. Духовный Регламент подтвердил старый обычай выбора настоятеля всей братией, но в то же время в целях правительственного контроля установил, что в главных монастырях настоятелями могут быть только из Александро-Невского монастыря, ибо о других «ничего неизвестно государю». В монастырское

управление введен строй доселе неизвестный: несколько монастырей с игуменами подчиняются одному архимандриту в видах правительственной градации; такие подчинения раньше бывали, но вытекали из условий и требований самой церковной жизни (вследствие происхождения одного монастыря от другого или взятия одним другого ради защиты от своеволия вельмож). Настоятель должен был при поступлении давать присягу, что не будет держать ханжей и затворников. Настоятелю разрешалось иметь сношения с монастырским духовником для разузнавания пороков среди братии. Иногда, впрочем, меры Петра шли в направлении, указанном предыдущими Церковными Соборами 1667 и 1681 г. Эти Соборы принимали меры к поддержанию монастырского общежития, боролись с институтом монахов собственников, имевших отдельные келии и живших своим хозяйством, или с жительством в гостях посторонних людей. Петр в духовном регламенте решился прервать связь с миром и не позволял монаху выходить из монастыря больше четырех раз в год, и то с ведома настоятеля, запретил монахам управлять самим вотчинами, и только через прикащиков. Петр запретил и вклады в монастыри от поступающих в них, чтобы не уничтожалось равенства между монахами. За нарушение этого настоятель терял должность.

Проникновение утилитарных стремлений Петра в регламентацию им монастырской жизни.

Наряду и с этими мерами благоустройства внутренней монастырской жизни, на что компетентна только церковная власть, Петр проводил свою светскую точку зрения и отвергал главное дело монахов, которым они поднимаются над дольным миром – молитву: «А что говорят молятся, то и все молятся... Какая прибыль обществу от сего? Воистину токмо старая пословица: ни Богу, ни людям; понеже большая часть бегут от податей и от лености дабы даром хлеб есть». Он хотел извлечь из них практическую пользу. «Объявление» 1724 г. начертало проект устройства монастырей с

образовательной целью, чтобы из среды обученных вербовать священство и всякие начальства, но образовательное значение придано только Александро-Невскому монастырю. Ряд мер принял Петр для извлечения пользы из простых монахов. Духовный регламент требовал завести по всем монастырям художества столярные, иконописные, а для монахов пряжу, шитье, плетение кружев. В 1722 г. в женские обители вызваны мастерицы для обучения прядению. Надзор за обучением возлагался на св. Синод. Петр хотел сделать монастыри местами благотворительности и общественного призрения. Это было и в старину, но Петр хотел сделать из этого официальную государственную обязанность и главное дело монастырей. В монастыри посылались подкидыши, сироты, преступники, сумасшедшие, увечные солдаты, и монастыри превращались постепенно в богадельни, лазареты и воспитательные дома. За всем должны были следить иеромонахи, иеродиаконы и докладывать настоятелю. По «Объявлению» единственный богоугодный вид жития для монахов почитался «еже служити прямым нищим престарелым и младенцам». При женских монастырях велено было устроить женские богадельни и больницы и распределить там монахинь. Несколько женских монастырей отведено было для воспитания младенцев. Основная мысль Петра была сделать монахов полезными членами общества и полезными именно своей материальной службой, которая в его глазах не могла быть заменена службой духовной. Он занят был сам преобразованием материальных сил народа, смотрел на подданных исключительно с государственной точки зрения, требовал, чтобы решительно никто от такой именно службы не уклонялся, и монашеское отречение от мира для него казалось тунеядством. Такая узко-материалистическая точка зрения Петра простиралась и на духовенство. Монастыри перестают быть центром молитвы, подвига и связью с миром, прибежищем для обездоленных, а превращаются в монастырские богадельни, лазареты, теряют свой собственный смысл. Вся крайность Петровского утилитарно-

материалистического воззрения сказалась в этой реформе монастырей, потребовавшей от монахов материального служения обществу, при убеждении в беспомощности их духовного служения, и уронившей значение монастыря. Толчок, данный Петром законодательству о Церкви, продолжался до половины XVIII в., и результат его виден из доклада Синода в 1740 г.: «много монастырей без монахов, церкви монастырскиея без служб; некого определять к монастырским службам ни в настоятели, ни в школы для детей. «Монашество уменьшалось, и Синод опасался, чтобы оно вовсе не уничтожилось в России. Вот плоды протестантского влияния и разрушения той Святой Руси, которую строил Никон. Реформа выдвинула на место церковного авторитета самодовлеющий государственный авторитет, которому, по мысли Петра, все должно быть принесено в жертву; интересы религиозные удалены из жизни на второй план, и первое место отдано интересам политическим. Это новое движение имело против себя и Киевских ученых (Стефан Яворский) и других представителей православия (Св. Димитрия Ростовского и кн. Димитрия Кантемира и многих иерархов; Св. Димитрий, сочувственно относившийся к другим реформам Петра, строго однако порицал стремление ограничить права и преимущества духовного сословия, занимавшего первенствующее положение в государстве), – и представителей раскола, и огромные массы православного народа.

Церковь перестает при Петре быть определяющей стихией государственного строительства.

Это естественно, ибо церковная реформа Петра была уничтожением прежних церковных основ русской жизни. После Петра Православие перестало быть определяющей стихией государственного строительства в России; оно, продолжая существовать, определяло жизнь масс народа, процветало в монастырях, скитах, давало святых подвижников, но оно уже не было той связывающей само

государство стихией, которое отметало бы влияние любых философских систем, постепенно друг друга сменяющих. Многим не без причины казалось, что с отменой патриаршества Церковь теряет свою независимость, и потому протесты против Петровской церковной реформы, направленные против уничтожения Церкви, как особого самодовлеющего организма, выливались в протест против отмены патриаршества. В этой отмене усматривали равно и уничтожение идеи воцерковления государства, и постановку чисто светских задач государству; патриаршество по его положению в государстве символизировало теократический строй жизни, и потому уничтожение его рассматривалось, как нечестие, как доказательство Антихристова пришествия.

Сочинение раскольника о Петре с протестом против превращения православного Царя в главу Церкви.

Интересно в этом отношении раскольничье сочинение «Собрание от Св. Писания об Антихристе». «И той лжехристос нача превозноситися паче всех глаголимых богов, сиречь помазанников и нача величатися и славитися перед всеми, гоня и муча православных христиан, истребляя от земли память их, распространяя свою новую жидовскую веру и Церковь во всей России; в 1700 г. обнови по совершенном своея злобы совершении, новолетие Янусовское и узаконив от оного вести исчисление, а в 1721 г. приях на себя титлу патриаршую, именовася Отцом Отечества и главой Церкви Российской и бысть самовластен, не имея никого в равенстве себе, восхитив на себя неточию царскую власть, но и святительскую и Божию бысть самовластный пастырь, едина безглавная глава над всеми, противник Христов, Антихрист... Якоже папа в Риме, тако и сей Лжехристос нача гонити и льстити и искоренити остаток в России православные веры, и свои новые умыслы уставляя и новые законопопожения полагая, по духовному и по гражданскому расположению, состави многие регламенты и разосла многие указы во всю Россию с великим угрешением о непременном исполнении оных, и устави Сенат и Синод и

сам бысть над ними главою, судьей главнейшим; и тако нача той глаголемый Бог паче меры возвышатися. Той же Лжехристос сие содела от гордости живущего в нем духа, учини народное описание, исчисляя вся мужска пола и женска, старых и младенцев, и живых и мертвых, возвышался над ними и изыскуя всех дабы ни един мог сокрытися рук его и обладая их даньми велиими не точию на живых, но и на мертвых таково тиранство учини – и с мертвых дани востребовав: сего и в давния времена бывшие мучители не творили. И тако той Лжехристос, восхитив на себя царскую и святительскую власть и вступи на высочайшую степень патриаршескую, яко свидетельствует о том изданная им книга «Духовный Регламент» лист 3 в 9 пунктах: како и для чего уничтожи патриаршество, дабы ему единому властвовати, не имея равна себе, но, вместо того устави Синод или Синедрион, содержащую в себе правление духовных дел, имея в себе 12 членов, 4 асессоров, 2 президентов, 2 вице-президентов, и приводя их седьмоклятвенной присягой, дабы кроме его единого, никаких дел не творити, но имели бы его единого превысочайшим главой и судьей всей Церкви, и тако совершен собор учинил себе, восприяв по образу 12 апостолов Христовых, и сам един безглавная глава, превозносяйся над всеми. (Ч. О. И. И Др. Р. 1863; отд. III стр. 53—60). Хотя этот голос исходил от раскольников, но под ним смело подписался бы и Никон, одинаково с ними державшийся культуры церковной и обвинявший Алексея Михайловича в восхищении на себя власти церковной и видевший в этом захвате знамение близости Антихристова пришествия. Означенное суждение, исходившее из толщ народных, показывает, что превращение православного Царя в главу Церкви не прошло без народного протеста, и чуткой народной совести претил цезарепапизм, как явление, порожденное не православием, а языческой культурой дохристианского Рима, и усугубленный протестантским пониманием объема светской власти в церковных делах. Сочинения Феофана, наталкивавшие на сомнения в мощах, в

святых, в иконах, и вызванные этим духом мероприятия по свидетельствованию мощей, житий святых, чудес, акафистов, запрещение строить Церкви без разрешения Синода, закрытие часовен, запрещение ходить по домам с иконами – тяжело действовало на религиозные чувства народа. Главными виновниками народ почитал Феофана и Феодосия этого «апостола лютеранства», по выражению Царевича Алексея Петровича.

Протест народного чувства против попрания аскетического идеала.

Недовольство усиливалось в монашестве превращением монастырей в богадельни, воспитательные дома и дома призрения для старых и увечных солдат. Народное чувство восставало не против благотворительного направления монастырей, а против сознательного искажения самой их идеи и попрания аскетического идеала жизни. Сторонники старины звали Регламент «Проклятой книгой», как в свое время называл Никон «Уложение», впервые ставшее на путь государственной секуляризации. Но иные обличители не решались обвинить самого Петра и уверяли, что он был обманут еретиками Феофаном и Феодосием. После смерти Петра партия старины раскритиковала Духовный Регламент и писала, что «безбожный ересиарх Феофан, сдружившись с ересиархом Феодосием Яновским, начали явно всю Святую Церковь бороть и все ее догматы и предания разрушать и превращать в безбожное лютеранство и прочее еретичество вводить и вкоренять, и тогда весьма было от них в народе плачевное время. Учали быть везде противу благочестия безопасные беседы, и кто каковое хотел на Церковь поношение говорил и всякое развратное и слабое житие имети учил смело; и так тогда поносима и возничтожаема Св. Церковь была, что всякое христианское благочестивое дело единым словом и суеверием называемо было; и кто в них еретиках был пуще пьяница и нахал, и сквернослов, и шут, тот зван и вменяем в простосердечного и благочестивого человека, и в высочайшие чести духовные по их еретическому предстательству возводим был; кто же хотя

мало постник или воздержан и богомольный человек, тот у них зван был раскольником и лицемером и ханжой и безбожным, и весьма недобрым человеком». Феофан, пропитанный протестантским рационализмом, относился к народному пониманию религии с глубочайшим презрением, и пристрастие к обряду почитал грубым ханжеством и преследовал. Он в корне подрывал все то, что считалось основой русского благочестия. Народ видел, что преследуются самые дорогие предметы его религиозного почитания, что обычай и верования дедов провозглашаются «бабьими баснями», «душепагубными дуростями»; недовольство народа выражалось в разных формах, то в подметных письмах, то в появлении разных людей, критикующих церковную реформу Петра. Так Соловьев (XV, 137) сообщает о появлении в Москве Нижегородского посадского Андрея Иванова, пришедшего за 400 верст сообщить Царю, что он – еретик разрушает христианскую веру.

Все внешние формы религии были дороги русскому человеку, как видимое выражение православия; обряд тесно соединялся в уме с представлением о вере, и нарушение его почиталось грехом. А Петр хотел репрессиями устранить веками выработанный религиозный склад жизни и естественно нажил врагов. Представление же его о путях спасения уже исходило в действительности из иного неправославного учения, результатом чего было его отношение и к монашеству; иные были у него и канонические понятия о правительственной власти в Церкви, полученные из протестантского учения; отсюда его понятие о возможности отмены патриаршества светской властью. Народ инстинктивно чувствовал, что все это не может делать Царь православный, тот Царь православный, о котором учил и Никон.

Значение уничтожения патриаршества с канонической точки зрения.

Уничтожение патриаршества лишало Церковь самостоятельного, канонами созданного, иерархического строя, возглавлявшегося иерархом высшего сана, самые

отношения которого со всей иерархией диктовались не государственными, а церковными различиями. Теперь же в Синод вошли лица всех степеней иерархии, долженствовавшие по принципу церковному быть в подчинении, а не в начальствовании; принципы устройства государственных коллегий применены к Синоду, и его члены даже назывались теми же именами президентов, асессоров. Морозов сообщает, что сначала в Синод хотели ввести и протестантских пасторов и сделать его высшим административным учреждением и для других христианских Церквей (первое время ему и подлежали лютеранские Церкви). Это было окончательным уничтожением особности Церкви, высший орган которой получал бытие от государства и становился одним из государственных учреждений. В соответствии с этим исповедь и проповедь поставлены на службу государству. Преступления государственные духовник открывал полиции, а проповедь призвана была стать одним из политических средств для государства.

Значение уничтожения патриаршества с культурной точки зрения.

Уничтожение патриаршества было одним из проявлений угашения аскетического идеала и всего монашеского чина, к которому принадлежал всякий Патриарх. Духовный Регламент лишал духовенство первенствующего положения в государстве и делал Церковь уже не указательницей идеалов, которые призвано воспринимать и осуществлять государство, а просто одним из учреждений, департаментом полиции нравов; в видах этого Регламент высмеивал духовенство и с высокого пьедестала учительного сословия вводил его в среду житейской пошлости, где его представители выставлялись как грубые невежды, ханжи, проповедующие нелепости, тунеядцы, своекорыстные служители своих материальных вожделений, готовые на бунт, убийства. Церковный авторитет теперь представлялся как носитель косности, давящий мысль, и ему

противопоставлен более сильный исключительный авторитет государственной власти, требующий безусловного подчинения во имя ее просвещенного деспотизма.

Отличие положения Церкви в после-Петровский период от периода до-Петровского.

Сама Церковь становится орудием на этом пути; она должна быть поставлена в такое положение, чтобы действовать в направлении, удобном для целей государственной власти. Раньше Церковь, как самостоятельное от государственной власти учреждение, могла и развиваться самостоятельно в самой себе, параллельно государству и независимо от него; теперь она должна была действовать, как одно из государственных учреждений, наряду с другими государственными учреждениями по предписаниям верховной власти «под наблюдением и руководством из офицеров, человека доброго и смелого», как говорит Указ о назначении обер-прокурора 11 мая 1722 года. Теперь и Церковь обращается уже не только с увещанием, исходя из нравственного убеждения, а как правительственное учреждение, издающее юридически обязательные акты, неисполнение которых карается силой государственного закона. Церковь уже – не сила нравственно воспитательная, а учреждение, в котором физическое принуждение возводится в систему. Сама проповедь церковная из живого слова превращается в сухую мораль, регламентированную правительством до мелочей, до позы проповедника, и Церковь лишается положения свободной воспитательницы народа, свободно отзывающейся на все явления жизни. Через это и народ уходил в сторону от государственной Церкви, не помогающей самостоятельно ему разобраться в явлениях жизни, и искал других учителей, или впадал в религиозный индифферентизм. Духовенство перестало быть сословием, стоящим во главе интеллигенции, и превратилось в замкнутое сословие, в котором научные и образовательные интересы занимали второстепенное значение. Все это было

результатом того положения, которое отводил Церкви Петр, делая ее государственным учреждением, получающим директивы от светского правительства и призванным переживать влияние тех же идей, которые разделяет в данное время светское правительство, вместо того, чтобы служить вечно одинаково светящим маяком истины, добра и красоты, каким ее делал Никон.

Мысли о восстановлении патриаршества после смерти Петра и преследование за них.

Церковные реформы Петра вообще, и уничтожение патриаршества в особенности, как главная мера Петра по уничтожению общественного значения Церкви, вызвало против себя протест, не только в народных массах, но и в литературе, и в реальных попытках и мыслях о восстановлении патриаршества немедленно вслед за смертью Петра. Самая его преждевременная смерть рассматривалась как кара Божия за присвоение церковной власти. «Вот де, говорил Архиепископ Новгородский Феодосий в Синоде, только коснулся духовных дел и имений, Бог его взял». Феофан составил дело о бунте из неосторожных слов Архиепископа Феодосия и последний был арестован 27 апреля 1717 года, осужден 11 сентября 1725 г. и умер в 1726 г. Тверской арх. Феофилакт по обвинению в желании стать Патриархом тоже был заточен в 1736 г., 31 декабря 1740 г. он снова принял знаки архиерейского сана и умер 6 мая 1741 г. За пропаганду идей о патриаршестве был заточен в 1732 г. архимандрит Маркелл Родышевский, впоследствии прощенный, умерший Епископом в 1742 г. Среди противников церковной реформы Петра был еще Ростовский Епископ Георгий Дашков, выдвигавшийся при Петре II как кандидат в Патриархи (в это время у власти был князь Д. М. Голицын, почитатель памяти Стефана Яворского, поручавший Феофилакту писать возражения на Буддея протестанта); он по смерти Петра в 1726 г. Екатериной I был определен 3-м архиереем в Синод; Указом Императрицы Анны в 1730 году 21-го июля вместе с Феофилактом он был

удален из Синода и 19-го ноября того же года Указом Императрицы Анны он заточен и в феврале 1731 года принял схиму. Он заточен был в Спасо-Каменном монастыре на острове Кубенского озера, в 1734 г. он был отправлен в Нерчинский монастырь с запретом принимать от него какое бы то ни было заявление. Повод к этому был в том, что ему покровительствовали враги Анны – Долгорукие, вследствие чего заключали, что и их друг Дашков – враг. По этому поводу про время Императрицы Анны историк пишет то, что легко представить нам после совдепии, но трудно историку, жившему в конце 19 века: «Даже издали, на расстоянии 1½ веков страшно представить то ужасное мрачное и тяжелое время с его допросами и очными ставками, с железами и пытками. Человек не сделал никакого преступления, вдруг его схватывают, заковывают в кандалы и везут в СПБ, Москву, неизвестно куда, за что. Когда то год — два назад он разговаривал с каким-то подозрительным человеком. О чем они разговаривали – вот из-за чего все тревоги, ужасы, пытки. Без малейшей натяжки можно сказать про то время, что, ложась спать вечером, нельзя было поручиться за себя, что не будешь к утру в цепях и с утра до ночи не попадешь в крепость, хотя бы не знал за собой никакой вины». Вина всех этих духовных лиц была только в желании восстановить канонический строй управления Русской Церковью, и неодобрение церковной реформы Петра, не соответствовавшей воспитанным на православии народным взглядам».

Но и при самой Анне мысль о патриаршестве не оставлялась и сторонники его прочили в Патриархи архимандрита Варлаама, духовника Императрицы. Мы не будем перечислять многих других, пострадавших в низших чинах, только скажем, что главные преследования относились ко времени Императрицы Анны, когда толчок, данный Петром в церковной реформе, привел к своему естественному результату, прямому гонению на православие. Но после смерти Феофана в 1736 г. первым членом Синода сделался Вологодский Епископ, Амвросий Юшкевич,

защитник патриаршества и взглядов Маркелла Родышевского. С вступлением на престол Елизаветы он приветствовал Россию с избавлением от врагов внутренних и сокровенных, истреблявших православие. Чистович пишет: «Синод вспомнил о своих страдающих при Елизавете; наступило точно воскресение из мертвых. Сотни, тысячи людей без вести пропавших и считавшихся умершими ожили снова. Со всех отдаленных мест Сибири, после смерти Императрицы Анны потянулись освобожденные страдальцы на свою родину, или в места прежней службы – кто с вырванными ноздрями, кто с отрезанным языком, кто с перетертыми от цепей ногами, кто с изувеченными от пыток руками и изломанной спиной». Церковные проповедники при Елизавете приписывали это ненависти Бирона, Остермана, Миниха, Левенвольда и прочих немцев лютеран к русской вере и русскому народу и старавшихся де истребить самый корень восточного благочестия, и считали так потому, что больше всех терпели духовные – архиереи, священники и монахи. Архиепископ Кирилл Флоринский, ректор Московской Духовной Академии говорил: «Доселе дремахом, а ныне увидехом, что Остерман и Миних с своим сонмищем влезли в Россию, яко эмиссары дьявола, им же попустившу Богу, богатство, слава и честь желанием приключишася: сия бо им обетова сатана, да под видом министерств и верного услужения государству Российскому, еже первейшее и дражайшее всего в России: правоверие и благочестие не точию превратят, но и до корня истребят».

Вот что стало в России, когда начатая при Алексее Михайловиче государственная секуляризация привела к гегемонии государства над Церковью, а сама власть в государстве оказалась в руках подлинных протестантов, оказавшихся не на второстепенных постах, как при Петре, а на дирижирующих должностях, как при Императрице Анне. Заложенная при Петре идеология царской власти осталась на все время императорского периода; положение Церкви в государстве фактически изменялось в разные царствования, но всегда под влиянием тех идей, которые принимала сама

светская власть; оно не определялось уже всегда одинаковым учением Православной Церкви, указываемым в теории симфонии Никона и в учении о православном Царе, которое устанавливал Никон, и которое, не отнимая ничего у Церкви, призывало государство приобщаться к духу Церкви и ее направлению, видя в ней отдаленный, хотя никогда, может, недостижимый идеал.

Литературная борьба за восстановление патриаршества и аскетического уклада жизни. Маркелл Родышевский.

Из представителей литературной борьбы за восстановление канонического строя нельзя не отметить архимандрита Маркелла Родышевского, который подверг критике одинаково и Духовный Регламент, и Указ о монашестве. Он старался выяснить, что патриаршество есть не только древнейшая, но и единственно законная форма правления (понимая под патриаршеством возглавление Церкви одним из ее Епископов); здесь же он уяснял, в связи с патриаршеством, самый принцип древнерусского монашества, то, что в нем было жизненного, что привязывало к нему народ и давало ему значение одной из важнейших форм народной жизни. Для него монашество есть совершеннейшее житие христианское и чин, соединенный с присягой при пострижении. Высшее совершенство его – то, что монах обещает сохранить не только заповеди Христовы, но и советы – нищеты, чистоты и послушания ради Бога. Сам Бог умыслил через Церковь Свою «этот чин святый и непорочный по Божественному Своему Слову и усмотрению установил, паче же ради пользы великия всех православных христиан».

На вопрос, когда начался монашеский чин, Маркелл Родышевский отвечает, что «этот чин трегубый. Есть монахи, которые не имеют пострижения монашеского или одежды, но дела и нравы монашеские исполняют. Таковыми были первые Апостолы, которые самовольну Христа ради нищету восприяли, оставивши домы, села и отцов и чады и шедшие по Господу. Таков был монах и начальник всех

пустынножителей Св. Иоанн Креститель. Второй чин, или монахи прямейшие были, носившие отличные одежды от прочих христиан, описанные в Чети-Минеях и прологах со времени Пахомия Великого, которому ангел во образе великого чина современных иноков дал в руки дщицу имущую написанные угрозы иноческого жития и началось нынешнее монашество в великом ангельском образе». Так монастыри оказывались воспринявшими начало с самых первых веков по Христе. Если Петр и Феофан возставали против монастырей в городах, то Маркелл возражал, что это сделано по многим причинам: «во-первых ради добродетельного их жития, дабы образ всем христианам во градех живущих могли быти и в подражание; во-вторых ради молитв их сильных у Бога, чтобы уврачевывали с верой и благоговением к ним приходящих; чтобы далеко не искать еже на архиерейство и на самое патриаршество возводити достойных, но дабы пред очима всегда были, яко же познать удобно из истории. Ради их службы от сокровищ царских давалось им имущество, дабы они вместо Царей и Патриархов и вместо всего царства подавали всем потребная – вдовам, сиротам, странным, больным и всем во всех нуждах сущим. Это есть главнейшая и первая причина, коея ради начались быть вотчины при монастырях и в Греческом царстве и в Российском. Давать священному чину всякому, монаху или клирику, есть повеление еще в Ветхом Завете!... «Весьма без основания и нетвердо рассуждение написано», продолжает Маркелл, «будто чин монашеский есть от человека установленный. Показано выше, что монашество есть истинное христианство совершенное, которое всякий закон Христов и Советы Его исполняет всеусердно. Убо ли совершенные христианские монахи древние путь свой имели от человек установленный? А правду сказать сие слово на лютеранство много походило и едва ли не самое оно есть, взятое от трактата лютеранского о монашестве. Благочестивейшие православные Цари греческие и по них вси по всем странам и царствам по совету с синклитом или Сенатом своим Христу Господу от всего любления сердечного своего уделяли часть и определяли ю

Богу своему Христу Господу во вся. От такого то чина и образа и определения и в нас в России соделалося и принято от Греческого царства с верой благочестивой тогда, когда уверила Св. Ольга, Св. Владимир и многие Российские Цари и инии создатели монастырей и церквей; и оттоле завелся чин сей богоугодный и таковым, якоже и рех, образом и сей ради вины. Обида монастырям есть поэтому обида чести Христовой и наследию Его или во имя Его Пресвятой Богородицы и святого коего отданному. Надо лишь позаботиться чтобы монастырское имущество и церковное не шло на сторону помимо нужд церковных и монашеских и на призреваемых Церковью нищих и вдовых. Если говорят о злоупотреблениях и тунеядцах, то «какой же чин на свете есть, который бы не имел в себе добрых и злых. Воистину не без порока и Цари, и Князья, Владыки, Епископы, вожди, воины и все властелины и чины. И сего ли ради из-за некиих сицевых еже есть злых, и добрых порочить надлежит, и ради множайших обретающихся весьма непотребных людей во всяком чине, егда ли подобает ухищрять чтобы таковой чин весь привесть или опровергнуть?» Так возражал Маркелл, что идею учреждения нельзя оспаривать указанием на плохое его осуществление. Он указывает далее, что не все в чине монашеском понято: «ведь на нем лежит молитва за всех, молитва повседневная не зависимая от желания, посещение всех служб церковных, сопровождаемое непрерывными строгими послушаниями от начальства монастырского; если указывать, что все молятся, то ведь не так часто и без понуждения; сии же по вси дни и на все пение церковное должны идти в келиях молитися и, хотя хотят, хотя не хотят, однако повиновение творят то, на что пришли. Поэтому то всегда были великия благотворения духовному чину от мирян, и никто не выговаривал и не роптал, но в простоте сердца подавал. Нынешние же христиане, хотя самому Богу отдадут, то больше хлопот и выговоров будет нежели подаяний; лучше бы было прежде не давать, нежели отдав да еще Богу да после выговаривать. Сие же произошло наипаче от безсовестных и зело дерзостных сотворшися в Европе лжехристиан и лжеучителей, паче же лютеран и

кальвинистов и прочих, которые весьма сотворилися мудры о себе, а не о Бозе, начали и учить, и дерзостно от прежних благочестивых обладателей стран и градов Богу отданные имения святотатственно себе похищать и смело употреблять, увидев, что Бог их за сие того часа не мучит, оставляя в будущую казнь и геену огненную; прежних же суеверцами и есьма неразумными звать за то, что Богу отдавали в монастыри имения свои. Тое то безбожное дело и Богу противное, тое – глаголю губительство нечестивое и язва душе, а не телесам вредящая, коснулась и наших стран и начала вредить крепко множайших совести, но и самые кровью Христовою искупленные души». В означенном сочинении Маркелл отстаивает древнерусский взгляд на монастырь, как учреждение, необходимое для всего общества, выполняющее за него обязанность молитвы и своим имуществом восполняющее социальную справедливость заботой о бедных. Он отстаивал идеалы святой Руси, требовавшей для спасения молитвы, дел и жертвенного подвига, против наплыва материалистических идей о ненужности для спасения подвига и достаточности одной веры. Маркелл не закрывает глаз на недостатки современного монашества, но предлагает, чтобы исправлением занялась сама Высшая Духовная Власть, чтобы она выискивала всюду, даже через опрос окрестных людей, и выделяла истинных монахов, испытывала бы их житие, только тех посвящала бы в Архимандриты и Епископы, которые займутся улучшением монашества на местах. Когда таковые лучшие окажутся в высшем духовном правлении или таковым будет сам главнейший, поставленный над всеми, то постепенно произойдет улучшение.

Сочинение Маркелла напоминает нам образ Никона.

Невольно при этих рассуждениях Маркелла вспоминается образ такого главнейшего в лице Никона, всюду и всегда подававшего пример собой и своей строгой дисциплиной стремившегося поднять духовное сословие. Маркелл считался с тем, что ученых нет, но говорил, что, ведь, для архиерейства не так потребны люди ученые, как

Богодухновенные и добродетельные, не столько словесами, сколько делом учащие, указывал, что внешняя премудрость при отсутствии духовной даже не полезна в архиерее, ибо приведет его к гордости и самопревозношению. Мы привели нарочно в подробностях критику Родышевского на церковную реформу Петра, ибо она пополняет изображение того идеала, который в свое время отстаивал Никон. Мы видели неутомимую деятельность Никона по устройству монастырей, видели, как он сам служил аскетическому идеалу на деле и озарял им все строительство жизни; он не писал об этом, ибо тогда на эту его деятельность еще никто не нападал; дело еще не заходило так далеко; глазам его могла предноситься только картина помрачения церковного идеала, ибо Церковь уже начала испытывать давление враждебных ей сил: светская власть вторгалась в ее недра, а через то могла принести с собой и чуждые Церкви понятия и устремления. Охрана Никоном церковной самостоятельности в ее высших церковных функциях и самостоятельности в управлении церковными имуществами, могут быть надлежаще оценены при рассмотрении того разрушения церковности, которое наступило и могло наступить только по отвержении основных начал и устоев, которые исповедывал и защищал ценой своей жизни Никон: именно самостоятельность Церкви, недопустимость для светской власти вторгаться в Церковь. Ведь предстоятель церковной власти, независимо от его личных качеств, всегда больше связан, и, главное, больше проникнут пониманием церковных принципов, чем представитель власти светской, могущий быть под влиянием других стихий; за последним, кроме того, физическая сила и соблазн употребить ее в дел, для нее по существу неприкосновенном.

Целесообразность Никоновских идей в свете Петровского разрушения Церкви.

Возможность явления Петра, властно вмешавшегося со своей реформой в Церковь, есть лучшее оправдание целесообразности, а не только каноничности Никоновских принципов, и иллюстрация опасности допущения во

внутренние управления Церкви светской власти. С точки зрения Никона деяния Петра по церковной реформе подлежали проклятию, ибо Никон не допустил бы, чтобы светская власть по своей инициативе могла вторгаться в Церковь и односторонне разрешать церковные дела, хотя бы и прибегая к последующему вынужденному одобрению церковной власти, как делал это Петр.

Взгляды на реформу Петра с точки зрения Никоновских идей.

Никон не избегал совместного управления Церковью с царем, но он порицал односторонние распоряжения светской власти в церковных делах, почитал недействительным собор 1660 г., назначение самостоятельным Местоблюстителем Патриаршего Престола Митрополита Питирима без возношения имени Патриарха Никона и все действия Царя по управлению Церковью после своего ухода, именно потому, что они могли исходить только от власти церковной, возглавляемой Патриархом, а не от власти светской. Никон проклинал за это Митрополита Питирима и, если не проклинал Царя из уважения к его сану, то все же неоднократно писал об этом Царю и в конце концов, уходя из суда, сказал: «моя кровь и грех всех на твоей голове, Царь». Тот путь церковных реформ, которыми пошел Петр, в глазах Никона, был несчастьем не для одной Церкви, но и для государства. Мы можем вспомнить, что в своих рассуждениях и письмах проявление непочитания к правам Церкви Никон почитал гибелью для царства, и он писал это еще тогда, когда захват Церкви не доходил еще со стороны Царя до таких размеров, как при Петре. С точки зрения Никона такие реформы в Церкви были со стороны Петра государственным самоубийством. Он считал необходимым, чтобы самодержец повиновался Богу и Его закону и оставлял Церковь свободно осуществлять свою духовную власть, свою юрисдикцию над духовными и монахами и управлять своей собственностью, посвященной Богу.

Пальмер о Петре, как исполнении Никоновских проклятий.

Пальмер вспоминает неоднократно о проклятии, павшем невольно на царя и его дом от Никона, когда он читал псалмы за молебном в Воскресенском монастыре за насилие над ним со стороны Боборыкина, и он усматривает в явлении Петра, духовно убитого сестрой Царевной Софьей при невозможности для нее убить его в буквальном смысле, наказание для всего потомства Царя Алексея. Он его называет «нечестивым правителем и законодателем самоубийцей, названным миром великим». «Его фаворитом с конца 1689 года стал иностранец Лефорт. Софья была в монастыре, когда еще не кончилось самовоспитание Петра; он еще не начал управлять лично, но София уже сделала свое ужасное дело. Она создала для отцовского дома и для России будущего законодателя с великой властью и великим невежеством, с сильными страстями, неограниченными самодисциплиной, с сильной волей и без всякого закона, кроме своей собственной воли, который призван был стать разрушителем и истребителем и аристократии, и стрельцов, остававшегося до него подобия канонической иерархии, одним словом, всех древних Московских учреждений, и самой династии» (V, 954). Пальмер в другом месте констатирует, что для самого Царя Алексея, согрешившего против своей совести перед Никоном, «было наказанием ранняя смерть многообещавшего Феодора (IV, 449) и развитие сына, родившегося с величайшими природными дарованиями, подававшего самые блестящие упования, в дикаря, совершавшего акты жестокости, беззакония и нечестия»; «этот герой-дикарь был исполнителем возмездия, как законодатель и разрушитель для бояр, мужей совета и приказов и для всей наследственной знати, повинной в жадности, притеснении, святотатстве, и для иерархии, ставшей соучастницей или прислужиицей в нечестии, совершившемся над Никоном» (V, 1027). И он рассказывает, как сам Петр сознавался в двух своих главных недостатках: отсутствии самообладания и настоящего образования. Он

сам в раскаянии говаривал, приходя в себя от гнева: «я могу управлять другими, но не могу управлять собой». А Императрица Елизавета раз сказала Петру III, тогда наследнику: «Я помню, как отец, увидев меня с сестрой за уроками, сказал со вздохом: ах, если бы меня в молодости учили как следует» (V, 1028). Пальмер говорит, что слова Петра более глубоки, чем мог представить их он сам. Ибо он не предвидел, что лучшим преемником завершения его патриотического дела будет немецкая принцесса, совершенно не связанная с Россией, которая совершив для блага страны убийство последнего из законных потомков, как он убил своего законного сына, прославит его память вне дворца конной статуей среди новой столицы его творения, а во дворце устроит библиотеку со статуей атеиста Вольтера».

Пальмер об основном пороке русского государственного строя. Проникновение государственной идеи немецким духом и оторванность ее от идеи народной. Предсказание о гибели русской государственности.

Это положение, при котором русское правительство совершенно игнорировало обязательность для Царей считать себя в своей деятельности связанными Церковью, к которой принадлежат подданные, и шло за протестантизмом в своем церковном законодательстве, дает право Пальмеру сказать (V, ap. 40): «Россия теперь – империя, в которой немецкий элемент с его благородным религиозным индифферентизмом есть голова, а греческая религия привязана к этой чужой голове, как хвост привязан к хребту собаки». Начало этой оторванности от народа Пальмер усматривает в том страшном событии, которое совершилось 12 декабря 1666 года – день низвержения Никона из сана. Тогда в маленькой церкви Чудова монастыря Никон сказал: «Вопрошаю Вы и о сем, откуда вы сия законы взяли есте, яко тако дерзновенно творите? Аще бо аз и повинен бы бых и осуждению достоин, чесо ради сие тайно творите, яко же татие, приведосте бы мя в сию церковницу в монастыре сущую, в ней же не обретается Царское Величество и весь его

царский синклит такожце и всенародное множество Российския земли? или аз по благодати Св. Духа паству свою или пастырский жезл в сей церковице восприял? Но веру ми имате, яко сия церковица создася уже прежде сего от нашего смирения, мы же избранием Пресвятого Духа, желанием же и тщанием и прилежанием слезным прошением и молением благочестивейшего Царя и его страшных и нестерпимых клятв, засвидетельствованных Самим Богом, восприяхом патриаршество в Святей Соборней и Апостольской Церкви перед всенародным множеством, ни желанием, ни тщанием, ни снисканием коего-либо образа, и аще ныне желание вам бысть еже не праведно нас осудити и извреци, да идем во Святую Божию Церковь, в ней же восприяхом пастырский жезл, и аще обрящуся достоин вашего намерения, то буди вама яко же годне, и еще хощете, то тамо и творите». Слышав же сие рекоша, аще тамо, аще здесь все единаче советом Богоматери Царя и всех Архиереев, собранных дело совершается; а еже Царское Величество здесь не обретается, то бысть по воле ему». (Шушерин, 126, 127). Пальмер и замечает, что низвержение Никона произошло без публичности и без народа. Наступит, прибавил он, день, когда за это и народ сделает нечто без Благочестивейшего Царя и Архиереев; сеющий ветер, пожинает бурю (V, 728 прим. 66). И Пальмер, подобно Крижаничу, восклицает (IV, пред. CXIII): «Что ждет в будущем Россию? Russia quo spectat?» Завладеет ли ей немецкий материализм и в конце концов наступит даже апостасия от самого имени христианского? Должны ли два царства Russia и Prussia быть подобны друг другу по своей природе, как и по своим именам, как Гог и Магог пророка Иезекииля? Или будет православная реакция? Если так, то возможна ли православная реакция? Хвост не может руководить головой. Но теперь голова и спинной хребет у России немецкие. Греческая религия и Церковь привязаны к немецкому принципу гражданского верховенства, как хвост к хребту собаки. Голове и спинному хребту принадлежит руководство, и хвост должен следовать за ними. Отдельные индивиды, хотя бы они или их отцы,

согрешившие столь глубоко, могут каяться, но история не знает примера нации, которая, раз отступив добровольно от высшего религиозного положения к низшему, пришла бы в себя от своего собственного внутреннего покаянного усилия... Но невозможное людям возможно Богу». Прогноз Пальмера исполнился: голова и спинной хребет увлекли хвост, Россия последовала за немецким материализмом в его худшей форме[19], уже не за протестантизмом, а за экономическим материализмом. Толчок, данный два века тому назад, привел к потере Россией христианского имени и вместо Святой Руси царит Триэсерия. Совершилось то, чего, не предполагал и Пальмер. Но предсказание его ясны и являлись логическим заключением того миросозерцания, которое говорит о возмездии свыше за грех, и за личный, и за общественный, тем более за грех нераскаянный, о котором всегда говорил Никон. Пальмер писал в своей статье «Судьба славянского царства»: «Казалось, Феодор был поставлен на трон, чтобы довершить прекрасным и трогательным поступком (восстановление в патриаршестве и реабилитация Никона со стороны восточных Патриархов, признание Царя Алексея), и был приставлен, чтобы дать путь принявшим наказание.

Пальмер о значении падения Никона для русской истории.

Кончился эпизод истории, поскольку он был делом между известными личностями, но его политические и церковные последствия долго видны нам, и еще не более, как в своем начале. Мы не достигли их и теперь, спустя два века. Падение Никона – та точка, тот перелом, около которых должно было обращаться дальнейшее религиозное и политическое развитие многих поколений. Какие же последствия должны быть приписаны падению Никона? Надо ответить вопросом: каковы были бы последствия, если

[19] Немецкий жид Маркс дал характерную для еврейства идеологию, как мессия царства земного рая.

бы Царь поддержал твердо Никона и дал бы ему восторжествовать над врагами? Они были бы следующие: власть по управлению государством и Церковью были бы упрочены в руках его друзей ему подобных; была бы разрушена сила дурных людей, Алексей на одре смерти на страшился бы оставить Феодора и свое семейство от второго брака на попечение Никона с устроенным правлением, где боярин Матвеев занял бы почетное место. После смерти Никона и Феодорово правление было бы вне опасности. Матвеев не был бы в ссылке когда все зависело от его присутствия. София не могла бы обратить грех своего отца на детей его своим честолюбием. Она не могла бы лишить Петра надлежащего воспитания. Петр не был бы самоучкой или был бы воспитан не Лефортом (иностранцем, искателем приключений), а друзьями Никона и Матвеева. Пришедши в силу, должным образом подготовленный, он не нашел бы и враждебной просвещению иерархии, которая уже сделалась орудием бояр; не нашел бы дворянства, неспособного ни оценить великое и полезное в его планах, ни удержать его силой законного влияния от дел ненародных и преждевременных, не нашел бы людей, которые, поправ Церковь своими ногами, заслуживали сами быть попранными в свою очередь ногами других и потерять тот политический вес, какой имели прежде и т. д. Судьбы России были бы иными. Но Никон пал и его падение повлекло за собой заслуженное наказание и духовенства, и дворянства, и придержащих властей, наказание, которое не могло быть отвращено, пока грех, причинивший его, не был бы достаточно исповедан и пока не была бы воздана справедливость тем правам Церкви, которые представлял Никон. Ибо это была не личная только борьба двух противоположных начал, встретившихся между собой около личности человека, который по своему положению и характеру становился представителем и олицетворением одного из них».

Обязанность России в отношении к Никону.

Если бы, добавим мы, у Никона не отняли возможность делать его дело, то духовенство было бы иным, и просвещению в государстве и Церкви было бы дано подобающее место, но все направление культуры оставалось бы строго православным, и голова страны, правительство не было бы освобождено от церковно православной культуры и не было протестантизировано, и Петр, воспитанный в православном духе, совершая великие государственные преобразования, предуказанные в значительной степени и во внутренней, и во внешней политике деятелями отцовского царствования в виде Ордын-Нащокина, не совершал бы своей церковной реформы, которая отняла у Церкви подобающее ей общественное значение, а вместе с тем и то влияние, которое она призвана осуществлять. Тогда, быть может, при наличии свободной Церкви, свободно осуществляющей свое призвание, ее воздействие на общество и в XX веке было бы сильней, и Россия не имела бы такой оторванности ее мозга – интеллигенции от Церкви, которая привела ее под власть экономического материализма и социализма. Теперь в этой гибели России надо винить и тех, кто обессилил Русскую Церковь. Но возмездие совершено, остается вспомнить завет Никона причиной несчастий считать грех и, найдя его, искупить его, как в отношении воздания должного тому, кто предостерегал против него, так и в отношении прекращения самого греха. В том и другом отношении сделана пока только часть должного. Память Никона восстановлена грамотой восточных Патриархов 1682 года, данной по просьбе Царя Феодора, но этого восстановления недостаточно, ибо Никон пострадал за правду и за Церковь, и как отмеченный чудесами Божьими, творимыми при обращении к Богу через посредство, он должен быть канонизован. Чудеса, посылаемые через его посредство лучшее опровержение клевет, возведенных на него при жизни. Их было возведено особенно много со стороны раскольников, и опровержение их составило отдельный труд проф. Субботина, напечатанный в

«Прибавлении к творениям Св. Отцов», издававшемся Московской Духовной Академией. Клеветы эти касались многих качеств Патриарха Никона. Что касается клевет относительно его деятельности, то они опровергаются при подробном рассмотрении учения Никона и его деятельности. Нельзя не присоединиться к Пальмеру, который пишет: «Чем больше мы смотрим на Никона, тем меньше оснований мы находим его винить в тех недостатках, которые вменяли ему его враги. В нем не было ничего похожего на незнание различия и надлежащих границ между государственной и духовной властью, ни какой-либо наклонности к светскому или духовному высокомерию или честолюбию; чего он искал себе лично? Это – строгие подвиги покаяния и самоумерщвления за грехи свои и своего народа, суровая пища, камень вместо ложа и возглавия и тяжелые вериги. Тем же духом проникнуты и духовные и другие лица, лично к нему привязанные, в сравнении с которыми его враги из бояр и духовенства – резкие противоположности. Многие дети Царя Алексея – крестники Никона».

Необходимость уничтожения греха, совершенного по отношению к Никону.

О добродетелях Никона и нечестия его врагов поведала Царевна Татьяна Михайловна племяннику своему и крестнику Никона, Царю Феодору, а также об его страданиях и побудила его посмотреть и удостовериться лично в трудах Никона в Воскресенском монастыре, чтобы понять всю несправедливость обвинений на Никона. Правда, грамота Восточных Патриархов признала в Никоне оберегателя и хранителя веры и канонов, как бы признавала его перед канонами неповинным, но она говорила, что Никон искупил свои грехи смиренным несением наказаний, и таким образом реабилитировала его в порядке милосердия, а не в порядке признания его правоты и признания нечестивости суда над ним. Такой реабилитации недостаточно. Вспомним еще, что Никон дал прощение

Царю только личное, как человеку; это прощение было несовершенное, а совершенного прощения Никон не дал Царю, ибо он мог дать только под епитрахилью церковным способом, как он сам написал ему. Для этого надо было уничтожить совершенное над Никоном нечестие, чего Провидение не дало Царю Алексею. И после смерти Царя Алексея Михайловича Никон вновь отказал в письменном прощении и еще раз дал понять, что для него невозможно простить греха общественного, отпустить Царю вину эту и отвратить последствия его; «мы будем судиться на страшном суде Божием» сказал он. Для полного снятия с себя вины царской власти необходимо не только восстановить его в Патриархах, что сделал Царь Феодор публично, но и откровенно признать вину ее представителя Алексея Михайловича перед покойным Патриархом так, как в свое время признал Царь Алексей Михайлович вину за Царя Грозного перед гробом Св. Филиппа устами Патриарха Никона.

О восстановлении православного царства. Отправной пункт для построения церковно-государственных отношений. Постановление Собора 1667 г. о власти Царя и Патриарха.

Так обстоит дело в отношении определения отношения к Никону самому; что же касается уничтожения самого греха, то в этом отношении сделана также только часть: восстановлено Собором Русской Поместной Церкви патриаршество, неканонически отмененное Петром I, но в смысле изменения отношения к Церкви со стороны самого государства еще ничего не сделано; при восстановлении царства, надо озаботиться, чтобы восстановлено было царство православное с признанием границ власти для православного Царя, с признанием свободы Церкви, как ее требовал Никон, и по завету Никона, воплощавшего в своем учении лучшие заветы лучших времен Византии; перед государством должна быть поставлена, как вечный идеал, задача его оцерковления. Это прежде всего отразится на том

положении, которое займет Патриарх в государственном строе обновленной России. Это должно быть восстановлением «Святой Руси», забытой среди великих государственных преобразований Строителем Новой России Петром, в свою очередь ныне поверженной в прах. Тогда вместе с строительством России будет проявлена и забота о том, чтобы снова поэту не пришлось повторять сказанного о делах Петра:

«И на делах его великих
Печать проклятия легла».

Правительство в государственном строительстве не может игнорировать основной стихии народа, его создавшей и наложившей неизгладимый отпечаток на всю его культуру. Основным пунктом для отправления может послужить принципиальное признание двух самостоятельных властей духовной и светской на Соборе 1667 года, последнем Соборе, рассматривавшем отношения этих властей и являющемся свободным голосом Русской Церкви.

Патриаршие ответы, привезенные с Востока иеродиаконом Мелетием о власти царской и патриаршей, хотя и говорили, что Царь единый законодатель в делах гражданских, однако говорили это вскользь, а вообще говорили, что Патриарх должен быть послушным Царю, как поставленному на высочайшем достоинстве. Русские иерархи принимали теорию Никона о духовном превосходстве священства и об юридическом равенстве и параллелизме властей царской и церковной, но до осуждения Никона они не возбуждали этого вопроса, ибо не хотели упустить чего-либо для его осуждения, желая от него избавиться. Когда же он был осужден, Митрополит Павел Крутицкий и Митрополит Илларион Рязанский добились пересмотра принципиального решения вопроса о соотношении власти царской и патриаршей, ибо испугались, что патриаршие ответы отдадут архиереев в полное распоряжение царской власти, и таким образом «Царь не

столь благочестивый, как Алексей Михайлович, может оказаться опасным для Церкви»; было этому посвящено несколько заседаний, и Патриархи вынуждены были написать объяснительную записку, в которой дали другое толкование второй главе патриарших ответов, которое и легло в основание соборного решения, согласованного с прочитанными на соборе отрывками, относящимися к данному вопросу из сочинений Златоуста 2-го Слова и 6-го Слова о священстве, Епископа Кипрского Епифания, Григория Богослова, Василия Великого, из посланий Папы Григория Двоеслова к Императору Льву, из первой Книги Царств, второй книги Ездры. Несмотря на то, что Лигарид искусил все свое красноречие в доказательствах превосходства царской власти с ссылкой на языческих писателей Виргилия и Гомера, и на то, что Царь не только у Римлян, но и у Египтян совмещал с царской властью власть священства, несмотря на то, что он затемнял принципиальный вопрос указанием на то, что все дело в качестве личных носителей царского и патриаршего сана Собор пришел к единодушному постановлению: «Да будет признано заключение, что Царь имеет преимущество в делах гражданских, а Патриарх в делах церковных, дабы таким образом сохранилась целою и непоколебимою стройность церковного учреждения». Это было принципиальное торжество Никоновской идеи, равно как постановления Собора о закрытии Монастырского приказа и об обратной передаче Церкви суда по гражданским делам духовенства (последнее оставалось в силе до 1700 года). Лишь церковная реформа Петра нанесла удар принципу, установленному Собором 1667 года, принципом государственного территориализма, который представляет из себя обратную сторону католической иерархической системы средних веков, с полным захватом государством церковных функций. Система эта не выросла из русских условий и явилась формой западного протеста против папской системы: она чужда православию.

Сопоставление 2-ой главы патриарших свитков с объяснительной запиской Патриархов об этой главе.

Интересно сопоставить решение вопроса о власти царской и патриаршей во 2-ой главе патриарших свитков и в объяснительной записке патриархов, чтобы почувствовать перемену в этих двух решениях, из которых одно составлялось в угоду царское власти Патриархами под руководством Лигарида и Мелетия, а другое было вынуждено прочтением отрывков из святоотеческих сочинений.

Вторая глава гласила: «Подобает ли всем, наипаче местодержащу Епископу или Патриарше, подчиненну быти и повиноватися Царю, – царскую власть держащему и ее употребляющему, во всяких гражданских вещах и прениях, тако во еже бы единому быти Господу и начальнику или ни? Ответ: Яко же Бог есть на небеси повсемественне то на земли суть по Бозе тии, иже держащии царскую власть и престол; и яко же иже несохранивый веры Божественные от общества верных изгнанствуя отвергается подобне иже веры к царскому достоинству сотворенные не сохранивше, лестию же и отай дещие недостойни, нам мнятся еже христианское имя на себе к тому содержатся, занеже бо помазанник Господень именуется и есть, иже царским венцом увенчан бяше». Затем приводится исповедание греческих Патриархов перед Императором: «Исповедую сим писанием моим, еже сохраните ми к тебе, крепчайшему Царю и повелителю чистую веру и благохотение, якоже долженствую, то от естественого некоего мановения и от правильного долга так, во еже би ми быти под повелительством и заповедью и под манием царского твоего достоинства и противу всякому человеку противлящемуся сему моему крестному целованию. И по малех: сие же крепкое целование неточие к Царю, но и к Царице и к ее сынам царевичам принадлежит. И по малых: еже быти ми под изволением и прописанием твоея царския светлости и еже делати ми по благоизволению твоих царских тако писанием преданных, якоже и кроме писаний изъявленныхъ... Аще же откуду явится твое сомнение,

обещаю мя подлагати под суд и его достойных казни по предложению и повелению твоего царского престола». Приводя эти выдержки из 64 гл. Номоканона Патриархи делают резюме: из них же собирается: «Царя убо быти совершенно Господа и единого быти законодавца всех гражданских, Патриарха же быти послушлива Царю, яко поставленному на высочайшем достоинстве и отмстителю Божью, ниже коим-либо обычаем господствовоти еже хотети им деяти в вещах гражданских, еже есть против и пакостно царскому непщеванию... Творяще (Патриарху) противне церковным уставам или противне Царю неразсудне и безумне деюща и с престола своего весьма быти извержительна и удалительна. На 5 вопрос ответ говорит: никто не имеет толику свободу, да возможет противиться царскому велению, закон бо есть. Того ради, аще кто их духовный предстатель, аще и Патриархом его наречеши или иною степени муж, сицевому повелению (словесному) или епистолии сопротивен бы ся да страждет казнь, яко безправильное нечто сотворивший». Нетрудно видеть, что ответы эти довольно двусмысленны, ибо, хотя говорится о гражданской сфере, где Царь признается господином, и одновременно Царь сравнивается с Богом, ничего не говорится о делах церковных, а в конце концов как будто всякое противление Патриарха Царю, в каких бы то ни было делах признается казни достойным. Напротив объяснительная записка Патриархов выделяет определенно догматы и каноны и разделяет сферы духовную и светскую и ставит обязанностью Патриарха противиться Царю, если он будет еретичествовать и нарушать каноны.

В докладе по Гюббенету значилось во второй главе между прочим: «от сих познавается, единого Царя Государя быти владычествующа всея вещи благоугодные, Патриарха же послушлива ему быти, яко сущему в вящщем достоинстве и местному Божию». Патриарший свиток говорил: «законодавца всех дел гражданских», а Лигарид написал в переводе: «владычествующа всея вещи благоугодные». Такое искажение уже совершенно не оставляло места для

самостоятельной сферы Патриарха даже и в том нарочно затемненном виде, в котором оно было в патриарших свитках. Русские архиереи поняли, что патриаршая власть несправедливо унижена, что, если Царь есть верховный владыка во всякой вещи благоугодной, а Патриарх должен быть ему послушен, то последний должен подчиняться Царю и во всех вещах т. е. и в делах духовных и церковных, через что у Русской Церкви отнимается всякая самостоятельность, и Церковь совершенно порабощается государству; поэтому два Архиерея отказались подписать низложение Никона, пока не будет исправлено в патриаршем списке неправильное учение о патриаршей и царской власти. Поэтому и было назначено несколько заседаний в январе 1667 г. по этому вопросу. После второго заседания ночью 15 января Митрополиты Павел и Илларион мотивировали свое недовольство свитком, указав, что «зло с течением времени может увеличиться и возрасти, особенно если будет утверждено за постоянное правило, что Государство выше Церкви». Они действительно и добились разъяснения Патриархов в особой записке, уже иначе определившей разграничение властей. Записка эта говорит: «Во второй убо главе патриарших свитков обретается: яко Патриарх да покорится Царю во всех градских делах и является о сем, яко умаляется патриарший сан, обаче соразделением имать разуметися писано в сей главе. Зане яко ина убо суть церковные догматская и правильная, ина же суть градская внешняя и правная к доброму правлению и исправе царствию. Ибо во внешняя правная градская лепотствует яко Патриарх да не противится отнюдь Царю, но да едино гласити и да едино мыслит, яко быти мир и тихость в царствии и да не сеются зизании и соблазны, и будет двуначалие, яко бы иное хощет Царь и ино Патриарх; якоже видится и в хронографах, иже повествуют, яко многажду некие Патриархи возмущаху царства и соблазняху. И сего ради ко строению и ко целомудрию или их обузданию вопросиша державнии Цари, и наипаче Царь Кир Мануил Комнен, иже и царствова лет 37 да и сотворит на письме

исповедание к Царю ради вящщого уверения и крепчайша в будущия лета, еже сотвори кир Михаил Керулларий Императору Константину. К церковным же догматским и правильным не имать отнюдь покоритися Царю Патриарх зане есть закон одушевлен и живым глас правил; сице читаем, яко и Божественный Златоуст обличи царицу Евдокию о вдовицыне винограде, Гермоген Патриарх иконоборца Феофила ради св. икон и инии многи всесвятейшие и премудрейшие мужи обличаху с дерзновением вельможных и князей, наипаче медоточивый Амвросий преславного Феодосия... пророку и Царю Давиду глаголюще: и глаголах перед Цари и не стыдяся. Сего убо ради такими разделениями престанет всякое сопротивление. Почто имать Царь, да покорится Патриарху? И почто имать Патриарх, да покорится Царю? Сия речь, яко Патриарх да не вступится в царския вещи царского двора и да не отступит вне пределе церковных, якоже и Царь имать, да хранит чин свой. Аще же ни слышати будет оное (еже читаем в ветхом Писании о Озии Царе, иже взя кадильницу и кадити хотяше) не лесть ти есть кадити: вещь иже ниже подобаше ему отнюдь начинати. Два светильника суть в мире солнце и луна; обаче солнце да властвует днем и луна да возсияет нощь; и никогда солнце изыде от обычного чина своего, ниже луна премени течения своя и естество свое, но всегда любезно движутся и хранят предел, иже Творец всех положи им сопреодоление и непреложное повеление. Таким образом имать и Патриарх управиться с Царем и Царь с Патриархом ради прелюбезного сего единомыслия и мира иже обожествит вкупе земная вся и небесная, Божественная и человеческая. Сие глаголем, егда православствуют и правоправят слово истины един и другие, сиречь, Царь и Патриарх, но егда Царь будет еретик, и неправно правит, тогда весьма подобает Патриарху противостояти ему и огласить его, сиречь поучати; и аще послушает и уцеломудрится, приобрел душу цареву и примет мзду от трудов своих, якоже и Павел противоста Петру, егда видя его нисходящим к иудеям, иже хотяху хранити Ветхий вкупе с

Новым Заветом непреложно, яже о вере, имать убо да обличатся малые и великие безнепщевания. Зане о душе есть вся беда. Иде Царь Ираклий в Персиду и остави Патриарха Сергия в Константинополе, который аще и еретик бе, обаче верный царствию ста; кольми паче имать быти Патриарх верен к Царю православному, иже тщится разширити скиптры благочестивыя иже поборется и о истинной и непорочной православной вере. Таков убо Царь, аще и пошлет к Патриарху, да приидет к нему, или да пойдет, иногда ради душеполезного некоего дела, долг имать вскоре двизатися, и да приидет к нему по его царскому повелению, якоже и Царь Феодосий Малый писа к Св. Кириллу Патриарху Александрийскому и к Иоанн у Златоусту, абие и оба послушаше повеления царева, иже призваша их приити к царствующему граду, и приидоша един жив а другий усопший. Якоже и христолюбивый и превеликий Константин повел Патриарха Антиохийского Евстафия да пойдет в Иверию и не преслуша его повеления царева блаженный Евстафий, но послуша его. По таким убо делам и таким образом повинуются Патриархи православным самодержцам». (Гюббенет, II, 1039—1041).

Постановление Собора 1667 г. о власти царской и патриаршей есть официальное учение Русской Церкви и выражение народной мысли о православном Царе.

Означенное распределение полномочий между Царем и Патриархом вполне сходствует с Никоновским учением, и проповедует ту же симфонию властей, которую проповедовал и Никон; оно было принято на Соборе, несмотря на все противодействие Лигарида, и таким образом учение святоотеческое, благодаря Никону, сделалось официальным постановлением Русской Церкви. Оно было принято и русским священством, и невольно, под давлением внутренней своей истины, не могло не быть разделено и Восточными Патриархами. Оно было и учением принятым народом в огромной своей массе, как видно из протеста его против «Восхищения на себя Царем Петром прав

первосвятительского достоинства», обнаруженного им в решении дел церковных самостоятельным почином царской власти, под влиянием учений выросших в совершенно других условиях на западе в борьбе с папским теократизмом средних веков. Оно является и исходным основанием для построения будущих церковно-государственных отношений.

В действительности Петр I боролся в России не с папским теократизмом, а с теорией симфонии властей. Петровская система территориализма.

В России же Петр оказался в борьбе не с папским теократизмом, а с теорией симфонии властей, которая дает светской власти высшую основу и освящение в цели светской власти – своими средствами способствовать спасению человечества. Та система отношений государства к Церкви, которая проникла к нам с Петром и внесла коренное изменение в прежние отношения, носит название государственной церковности; она также носит отпечатки системы территориализма или Иозефинизма (название это дано по тому богатому применению, которое сделал из нее Австрийский Император Иосиф II).

Петровская система территориализма или Иозефинизма. Мартенс фон-Тилинг.

Принципиально территориалист Иосиф II желал наилучшего устроения всех сторон жизни в интересах государственного благополучия, и он – Император реформировал все стороны церковной жизни: богослужение, пастырство, монашескую жизнь, деление на диэцезы и приходы, условия вступления в клир и замещение церковных должностей, церковный суд, брачное право и церковно-имущественные права. Подобно нашему Петру I, эти реформы он совершал по собственному своему усмотрению, ибо он себе одному приписывал право суждения о том, что полезно и желательно в интересах государственного блага, не обращая внимания, ни на обычаи народа, ни на взгляды Церкви, и полагал свое призвание в

том, чтобы логикой своих теорий возродить Австрию (пр. Суворов. Курс Церковного Права II, 475, 476). Мы можем отнести к Петру I mutatis mutandis и то, что дальше говорит об Иосифе II Проф. Суворов: «Во всем, что касалось внешнего церковного порядка, Иосиф не допускал высшей церковной власти Римского Папы над своей территорией, признавая за Римским престолом авторитет лишь в вопросах веры и таких, которые собственно касаются духа и души (как и Петре в разговоре с Сорбонскими профессорами об соединении Церквей отослал их разговаривать с нашими архиереями по своей некомпетентности). Церковно-государственное единство не понималось Иосифом в том смысле, как в Византийской системе, средневековой теократии или Людовиком XIV. Иосиф сделал важный шаг вперед на пути признания свободы совести, допустив в своем государстве 4 исповедания (католическое, лютеранское, реформаторское и греко-восточное). Но связь между государством и Церковью не разрушена и в Иозефинизме, напротив религия, Церковь, духовенство должны были служить пригодным средством для достижения государственного благополучия, с одной стороны потому, что без веры граждан в Провидение и в вечное наказание не может обойтись ни одно благоустроенное государство, а с другой стороны потому, что церковная кафедра есть целесообразный путь к распространению здравых гражданских понятий. К Иозефинизму в особенности приложимо остроумное замечание Мартенса, сделанное им о системе государственной церковности вообще: это есть обратная сторона средневековой иерократической системы с перестановкой действующих церковно государственных факторов, так что там, где по средневековым воззрениям действует меч духовный, по системе государственно-церковной должен действовать меч светский и наоборот. Таким образом сущность этой системы может быть выражена буллой Unam sanctam в такой редакции: «Uterque gladius est in potestate regis, spiritualis scilicet et materiaiis. Sed ille quidem pro republica hic vero a rege est exercendus. Hic regis, ille manu

papae et episcoporum, sed ad nutum et patientiam regis. Oportet autem gladium esse sub gladio et spiritualem autoritatem temporali subjici potestati. Nam temporalis potestas spiritualem instituere habet et judicare, si bona non fuerit. Ergo si deviat spiritualis potestas judicabitur a potestate temporal»[20]. Об этой системе, которую можно начинать в России только с Петра I, Wilhelm von Tiling выражается так: (Russisches Zarentum und Deutsches Kaisertum, Seite 12): Der Zar machte selbst mit anfangs widerwilliger später unterwürfiger Zustimmung der kirchlichen Verträter zum geistlichen Oberhaupte des Russischen Volkes und Reiches! Bei solcher Versetzung alles Bestandes und alien Begriffe, welche schon in Konstantinopel einst beanlangt war, vollzog sich dann von selbst, dass die Bischöfliche Fürsorge des Zaren für die Russische Christenheit in eine Zarische Gewalt über die Kirche sich verwandelte. Man huldigte dem Zaren als dem priesterlichen und nationalen Gebieter der Russisch-Orthodoxen Christenheit»[21]. И Tiling, несмотря на то, что в идее Русской Империи он не видит никакой одухотворенной силы кроме будто бы голого эгоизма власти и Streben nach unbedingter Herschaft eines Menschen über andere Mensche (ib. S. 5)[22], принужден признать идейную борьбу Никона. Der charaktervolle Patriarch Nikon wagtaden letzten Kampf für die

---

[20] Оба меча в обладании Государя, и духовный и светский. Тот употребляется за государство, а этот государем. Этот употребляется государевой рукой, а тот рукой Папы и Епископов, но для нужды государя. Надо однако чтобы один меч подчинялся другому, и духовная власть подчинялась светской. Ибо светская власть должна устанавливать духовную и судить ее, если она не соответствует назначению. Поэтому духовная власть подлежит суду светской, если уклонится с назначения.

[21] Сам Царь сделался, при неохотном сначала, а потом при покорном согласии представителей, духовным главой русского народа и Империи. При таком перемещении всякого состояния и всех понятий, когда-то достигнутым в Константинополе, само собой случилось, что епископское попечение Царя о русском христианстве превратилось в царскую власть над Церковью. Присягали Царю как духовному и национальному властителю русско-православного христианства.

[22] Стремление к безусловному господству одного человека над другими людьми.

Selbständigkeit der Kirche gegenüber dem Zaren» (12 ib)[23]. Но он не понял Никона, ибо несколькими строками ниже он говорит об узости его взглядов: «Dennach unterlag Nikon als letztes selbsständiges geistliches Oberhaupt der Russischen Volkskirche dem gewaltsam herrschendem Zarentume wohl deshalb, weil auch Nikon weniger die geistigen Mähte des Glaubens und der Lehre vielmehr die kirchlichen Gebraüche vertrat»[24]. Если бы он не смешивал Петербургской Империи с Московским царством, и знал учение о православном Царе, взрощенное предшествующей историей и выявленное Никоном, он не писал бы следующих строк: (ib. стр. 21). «Das Russische Zarentum dagegen besass überhaupt keine objektive geschweige denn idealle und humane Bestimmung. Während es langsam und mühsam aus sich seibst hervorging bewies es immer und überall nur seinen Selbstzweck[25]. Von Tilling не понял идеи Русского Православного Царства, у Никона же – ее носителя – над русским царством стоит высшая религиозная идея, выявляемая в определенных требованиях к царской власти, и самый сан царский выявляется как особый вид служения, как высшая политическая должность, черпающая в православии указание на направление культурных и педагогических задач. Царская власть выполняет по этому пониманию светскую задачу в Православии. Когда фон Тилинг выставляет именно должность немецкого Императора, как выполнение обязанности по достижению культурных и педагогических целей, и говорит, что des Kaisers Amt (S. 31) setzte tatsächlich voraus dass er ein verantwortli-

[23] Сильный характером Патриарх Никон отважился на последнюю борьбу с Царем за самостоятельность Церкви.

[24] Никон, как последний самостоятельный духовный Глава Русской Церкви, потому был побежден властным господствующим царизмом, что представлял не столько духовные силы веры и учения, сколько силы церковных обычаев.

[25] Русский царизм вообще не имел никакого объективного, не говоря уже идеального и гуманитарного призвания. Медленно и с трудом происходя из себя самого, он всегда и всюду выявлял только свою самоцель.

cher Herr ein fürsogender Führer und Verwalter, der Ober-Herzog seines Voikes war»[26] то он может узнать, что русскому Царю такое положение усваивал Никон еще в XVII веке, с той, конечно, разницей, что перед ним поднимаются не образы двигателя гуманитарной культуры, а идеи православного смиренного Царя, помнящего о главной заботе своей – спасении вверенного ему стада через приобщение к благодати Святого Духа через царство и Церковь. Лишь с Петром внесена другая идеология, и Церковь становится орудием государства.

Государственное еретичество Петра I.

Если с таким извращением природы церковной власти в Иозефинизме (или в системе государственной церковности), оказывающейся не только в подчинении, но и на службе государству, боролся Никон, то боролся не в пользу средневековой системы, а в пользу теории симфонии, которая ставилась в основу церковно-государственному строительству в лучшие времена Византии. Реформу церковно-государственных отношений Петром Голубинский метко назвал государственным еретичеством, которое вовсе не было необходимым спутником внутренних реформ Петра; если бы Русь держалась идей Никона, то многие реформы Петра и его достижения произведены были бы без коренной ломки основ государства Российского, сопровождавшейся отказом Петра признавать Церковь, как особое учреждение с своими полномочиями, своими органами законодательства, управления, своими целями, как то требовалось теорией симфонии властей, лежавшей в основе Московского построения церковно-государственных отношений.

---

[26] Должность Императора фактически предполагала, что он — ответственный властитель, заботящийся руководитель и управитель — был верховный вождь своего народа.

О церковной власти Императора по Основным Законам.

Кристализацией цезарепапизма явилась в дальнейшей истории статья 43 Основных законов (65 Основ. Зак. 1906 г.): «в управлении церковном самодержавная власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, ею учрежденного. Толкователь этой статьи Проф. Казанский (Власть Всероссийского Императора стр. 241) выделяет из Церковного управления Императора только лишь догматы и правоверие, а все остальное церковное правообразование относит в сферу Императора и самую церковную власть Государя почитает одним из проявлений его государственной власти (224 стр.). Церковное верховенство Государя он основывает исключительно на законах Русского государства (246 стр.) и органом верховной власти в делах Православной Церкви почитает Синод «учреждение чисто государственное, учрежденное самодержавной властью». «Синод, говорит он, есть учреждение, заимствующее свою власть от Монарха и действующее его именем». Такова, по Казанскому, конструкция Синода, вытекающая из 65 ст. Осн. Зак.[27] В том же смысле приводится и цитата из Темниковского. Проф. Казанский полемизирует с Палиенко и Котляревским относительно понятия церковного управления, в котором так ярко скрывалось различие двух взглядов на наши Основные Законы 1906 года, – рассматривать ли их, как строй конституционный или только как обновленный. Именно оба последние государствоведа, подобно другим представителям конституционного понимания наших Основных Законов 1906 года, которого мы лично не разделяем, – противопоставляют церковное управление, в статье 65, понимаемое ими, как административные полномочия, законодательству в материальном смысле, так что церковное законодательство в смысле

[27] П. Н. Семенов характеризует Синод, исходя из законодательного его определения и фактического положения, как совет при министре (обер-прокуроре), ничем его не связывающий (Самодержавие стр. 44).

правообразования следует по их толкованию общему порядку осуществления его Монархом совместно с Государственной Думой и Государственным Советом. Напротив Проф. Казанский под управлением разумеет все вообще проявления государственной власти Императора, включая туда правообразование, в соответствии с словоупотреблением ст. 10 Основ. Зак. 1907 г. (80 ст. прежних изданий) («Власть управления во всем ее объеме принадлежит Государю Императору) и со статьей 64 этих законов (42 ст. прежн. изданий), называющей Государя не только «Верховным Защитником догматов», но и «Главою Церкви» (стр. 253). Для нас интересен не этот спор о распределении власти церковного управления между монархом и прочими законодательными учреждениями по основным законам 1906 года, а тот факт, что обе стороны, толкуя ст. 65 Осн. Зак., согласны друг с другом в том, что эта статья признает источником церковного правообразования органы государственной власти, отводя собственно для законодательства самой Церкви какое-то неопределенно малое пространство в виде догматов и правоверия и внося в сферу государственного закона не только jura circa sacra, но и jura in sacras. Нетрудно видеть, что упомянутая нами каноническая Никоновская критика, направленная против понимания императорской власти, как источника церковного законодательства, поражает и самую статью 65 Основных Законов, перешедшую без изменений из старых Основных Законов, как противоречащую природе Церкви, имеющей собственное законодательство в церковных делах, основанное на ее специфических дарах благодати и не знающей высших органов церковной власти, имеющих происхождение в государственном законе. Критика Никона на Лигаридовское понимание церковного закона, как истечение государственной власти, вполне соответствует канонической критике, имеющей в виду установление собственной сферы Церкви, неприкосновенной для каких бы то ни было органов государственной власти. Понятие об этой неприкосновенной для государственной власти сфере

однако совершенно исчезает, не будучи отмечено даже названием православного Царя в определении царской власти у Петра I в Воинском Уставе (Арт. 20: «Его Величество есть самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах отчету дать не должен, но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский Государь, по своей воле и благолепию управлять» или в Духовном Регламенте 25 января 1721 г. Ч. 1. п. 2: «монархов власть есть самодержавная, которой повиноваться Сам Бог за совесть повелевает»). Близко подошел к определению компетенции верховной государственной власти со стороны, обращенной к Церкви, проф. Градовский, указывая на эту границу во Вселенском каноне, и тем самым как бы признавая особую природу Церкви; но нельзя не отметить, что Градовский рассуждал не de lege lata, a de lege ferrenda, ибо этой конструкции противоречило в наших Основных Законах констатирование учреждение Синода государственной властью (Начала Русского Государств. Права 1, 152): «Компетенция верховной власти ограничивается теми делами, которые вообще могут быть предметом церковной администрации, т. е. не предполагают актов по существу своему принадлежащих органам Вселенской Церкви: Вселенским Соборам». Однако не только Вселенский канон, но и канон Поместной Церкви подлежит изменению со стороны соответствующей власти его издающей, т. е. со стороны Церкви; – кроме того, Градовский указал неясно объем этой неприкосновенной сферы, ограничив ее догматом и обрядом, допуская тем мысль, что как будто вопросы церковного устройства входят в сферу власти государственной. Так он пишет: «Права самодержавной власти касаются предметов церковного управления, а не самого содержания положительного вероисповедания, догматической и обрядовой его стороны. Это положение имеют одинаковую силу как для Православной Церкви, так и для других вероисповеданий» (ib. 151). Но в такой формулировке целая область чисто церковных дел, указанных Шульте, которую мы приводили в своем месте,

попадает под ведение государства, ибо она не составляет ни догматической, ни обрядовой стороны. В нашем понимании царской власти, как священного чина, связанность Царя канонами вытекает сама собой не только, как нравственная связанность но и каноническая, то есть правовая. Разумеется, этот чин не есть чин понтифекса максимуса, а в иерархическом отношении является подобным чину дьяконскому, на подобие особого чина депутата в Византийской Церкви, приравненного к дьяконскому чину. Но по пространству своих полномочий, совпадающих с размерами национальной Поместной Церкви, Царь стоит на ряду с Патриархом. Иерархическое положение Царя в Церкви является центральным фокусом единения государства с Церковью и показателем церковных идеалов самого государства. Есть какая-то внутренняя логика в том, что Петр, борясь с церковным направлением жизни, на всешутейшем соборе занял шутовское положение именно дьякона. Это достоинство Царя в Церкви нисколько не умаляет величия положения Царя в государстве, где он является обладателем всей полноты государственной власти. Притязание же на предоставление высшего иерархического положения Царю в Церкви ради того, что Царь занимает высшее положение в государстве, было бы наивным уподоблением негусу Абисинскому Иоанну в одном забавном инциденте. Русский двор прислал ему в подарок пышные церковные облачения для его придворной церкви. Они ему так понравились, что он, по недоразумению, счел их за подарок лично для себя, надел их и в этом наряде явился присутствовать на богослужении. Мы не можем не согласиться с проф. Заозерским[28], что права Императора в отношении Церкви всегда остаются правами государственными и не делаются правами, исходящими от Церкви, от того только, что постановления Царя затрагивают церковные дела. И действительно, признавая за Царем права

[28] «Немецкий дух в русской науке Церковного Права». Прав. Об. 1889 № 7-8 стр. 656.

покровительства и защиты Церкви и блюстительство ее догматов и правоверия, как то установила ст. 41 Основных Законов мы найдем ближе всего аналогию этому праву в праве патроната, ктиторства, так что определять положение Царя в Церкви лучше всего как право ктиторства, заключающее в себе вышеозначенные обязанности. Церковь дает Царю в обмен за его защиту особые права, причащения под обоими видами раздельно по чину священническому, следовательно оно включает Царя в свою иерархию, но без каких-либо особых прав церковной власти, т. е. власти, исходящей от самой Церкви через хиротонию. Памятуя, что права Царя относительно Церкви остаются всегда правами государственными, а с другой стороны, что Царю дано такое преимущественное право в богослужении, как раздельное причащение Тела и Крови Христа, которое дается только лицам священного чина, на что указывают и самое коронование его, подобное хиротесии при введении в церковную должность, и духовные одежды Царя с наперсным крестом на груди и обычаи при дворе – мы включаем его сан в число иерархических чинов, на ряду с должностью дьякона, также не дающей никаких прав церковной власти, но дающей известные права по оказанию содействия священнодействию и приобщения раздельно под обоими видами. Права Царя по содействию Церкви, конечно, неизмеримо высоки, и потому мы готовы признать в царском сане особый священный чин sui generis, ставящий Царя в неразрывное единение с Православной Церковью по направлению своей деятельности. Своеобразие священного чина Царя сказывается и в том, что он получает вторичное миропомазание, получая в нем сугубые Дары Святого Духа для управления государством; но природа даров этих от этого не меняется и не распространяется на управление Церковью, каковые дары получаются только благодатью, даруемой сану епископа. Это положение возносит царское верховное государственное служение на высоту служения церковного, связывая последнее интегрально с царской властью и приобщая государство к внутреннему и

интимному проникновению религиозным началом и придавая идеалам земного существования идею бесконечности. Это приобщение царской власти, как основы государственной жизни, к идеалам Православной Церкви полностью ощущал Никон, когда в отрывании царской власти от законов церковных он усматривал начало разрушения царства, признаки пришествия Антихристова, предощущал в этом как бы общий провал культуры в пустоту через ее секуляризацию, обмирщение и измельчание[29]. Примечательно, что сознание причастности царского служения служению церковному, свободно и постепенно выработанное русским самосознанием, достигло высшей точки в допущении Царя к причащению по чину священному, как раз в то время, когда идеи Никона вообще нашли частичное, хотя и недолгое применение к жизни (царствование Феодора Алексеевича), накануне их крушения и затемнения идеи православного Царя, как приобщения государства к высшему смыслу жизни, языческой тенью великого понтифекса-властелина над всем Божеским и человеческим, тенью, лишившей Церковь свободного дерзновения и размаха, а власть Царя той основы, которая дает ей незыблемость, вечный смысл и ценность.

Отбросив Церковь, как самостоятельное учреждение, стоящее рядом с государством, Петр поставил на ее место самодовлеющее государство с абсолютным сувереном Гоббса. У него государство абсолютно и всемогуще. Суверен государства одновременно глава Церкви, как то скажет впоследствии и статья Основных Законов (64 по изданию 1906 г.). Так на одной голове соединяются все власти материальные и нравственные , в которых нуждается общество. Janet пишет об этой системе (II, 174). Ainsi s'accomplit l'unité absolue du pouvoir et la consecration de toutes ies forces par la plus grande de toutes les forces, la force

---

[29] Применяем выражение В. В. Зеньковского на стр. 114, интереснейшей и богатой по содержанию его книги: «Русские мыслители и Европа».

réligieuse: Mais par là aussi, disons le, se prépare sa roine; car cet excès d'autorite est audessus de la nature humaine; elle n'en est pas capable, non plus que de l'excès de soumission à laquelle on condamne la socitété. En mettant entre les mains du pouvoir l'arme de l'oppression réligieuse, on met entre les mains de la re-voke l'arme non moins puissante de la foi opprimée. Rien n'est plus dangereux pour l'extrème force que Fextreme faiblesse; car celle-ci n'a plus rien à perdre et tout à gagner»[30]. В этой системе государственного абсолютизма справедливость диктуется не высшими целями жизни, а соображениями по разумению правителя: «Le juste c'est ce qui est utile au plus fort».

Об идеале утилитаризма.

Но столь ли высок принцип пользы, чтоб его почитать высшим принципом и для него бросать вечные ценности, даваемые Церковью? Вот что говорил протоиерей Мальцев в своей академической речи 4. XI. 1879 года: «Углубляясь в свой внутренний мир, душа человека находит в нем такие стремления и требования, которые остаются мало или вовсе неудовлетворенными утилитарными идеалами. Человеческой природе всегда было свойственно более или менее сильное стремление к более достойным и высоким сторонам жизни, чем стремление к счастью или пользе, всегда был присущ запрос на долженствующий быть порядок вещей, более идеальный, чем тот, который дается непосредственной жизнью и ее влечениями. Идеализм не только не похоронен современной наукой, но всегда жил, живет и будет жить в душе человека, как бы он ни уклонялся далеко от этого

---

[30] Так совершилось абсолютное единение власти и освящение всех сил самой большой из всех, силой религиозной. Но и тем самым, скажем мы, приготовляется ея падение, ибо этот избыток власти превышает силы человеческой природы; она на это неспособна, также как и на избыток подчинения, на которое осуждают общество. Давая в руки власти оружие религиозного угнетения, дают в руки революции оружие не менее могущественное, чем подавленная вера. Ничего нет опаснее для крайней силы, как крайняя слабость, ибо последняя не имеет ничего терять и все выигрывать.

идеала. Неполнота и односторонность утилитаризма лучше всего доказываются тем искренним признанием, которое высказал один из видных представителей современного утилитаризма. Положим, писал он, что все твои стремления осуществлены, что все реформы в учреждениях и мнениях, тобой задуманные , исполнены, но доставит ли тебе этот успех полную радость и счастье? Нет, отвечал его внутренний голос, и в этом искреннем «нет» сказалась вся пустота и бесцельность той жизни, в которой высшие бескорыстные альтруистические удовольствия невозможны, а эгоистические противны». Единственная возможность достигнуть счастья, по словам автора, в том, чтобы считать не счастье, а что-либо другое высшей целью жизни. И в самом деле, при достижении или осуществлении идеала наибольшего счастья или пользы не возникает ли неизбежный вопрос, какая же польза самой пользы?» (Хр. Чт. 1880 г.).

То омирщение государственной идеи, которое произошло в России при Петре I, было по существу возвращением к Римской идее языческого цезарепапизма, воскрешением Государя-понтифекс максимуса – главы Церкви и государства. Одновременно это было деянием противоцерковным, противоречащим постановлению большого Московского Собора о власти царской и патриаршей. Уничтожение патриаршества и учреждение Синода властью государственной выявляло признание государственного всемогущества, не останавливающегося перед вторжением в сферу церковную, несмотря на признание ее особой природы на соборе в январе 1667 года.

Проф. Казанский определяя положение Синода по Основным Законам (стр. 106. «Власть Российского Императора») помещает его в числе других высших (наряду с Сенатом и министерствами) государственных учреждений подчиненного (не верховного) управления, которые имеют свою степень самостоятельной власти и в предоставляемом круге действуют, не обращаясь за разрешением к Верховной власти.

Он, квалифицируя верховенство Государя по предметам власти, говорит о верховенстве церковном (стр. 141) наряду с военным и судебным, как будто и суд, и военное дело и церковное – все одной государственной природы. Однако эта конструкция только верно определяет положение Синода по Основным Законам. Отмечая необходимость канонического построения церковно-государственных отношений и указывая, что Императорский период, этот русский ancien régime явился идейным вырождением древнего русского построения церковно-государственных отношений в русском православном царстве, бардом которых был Никон, мы можем напомнить одну параллель, что знаменитый политический писатель Joseph de Maistre в эпоху разрухи звал Францию не к возсстановлению ancien régime а именно к восстановлению в ней l'antique constitution которая в XVII и XVIII веках выродилась в злоупотребления и получила другое, только что упомянутое нами название.

Соотношение между учением Никона о православном царе и понятием русского самодержавия в русском сознании XX века; протест его против абсолютизации власти царя.

Означенное разложение идеи самодержавия мы усматриваем, прежде всего в абсолютизации царской власти при Петре, а затем в XIX веке в расхищении самодержавной власти органами высшего, но подчиненного управления т. е., министрами после их учреждений в 1802 году, в расхищении, связанном с фактическим устранением Сената от функций надзора за закономерностью министерского управления, а также с вовлечением Верховной власти в сферу подчиненного управления[31]. Последняя тема касается

[31] Нельзя не отметить и того искажения идеи православного всенародного Царя, которое произошло при Екатерине II, когда высшее сословие в государстве, будучи освобождено от обязательной службы государству, сохранило, однако, свои сословные привилегии, потерявшие с тех пор свое оправдание, а низшее сословие крестьянство оставалось еще 100 лет в крепостной от него зависимости, еще более усиленной.

проведения различия между управлением верховным и подчиненным и нас не касается, но различие власти самодержавной от абсолютной должно быть особо отмечено, как два понятия совершенно различных. Нельзя не уяснить, что именно мы разумеем под Самодержавием. Прежде всего нельзя его смешивать с понятиями верховенства и неограниченности. Как это хорошо выяснил проф. Казанский, под верховенством надо разуметь юридический суверенитет, а под самодержавием фактический. Самодержавной властью называется верховная власть, покоящаяся на собственной силе, а самодержавием верховная власть, располагающая наибольшим могуществом. Символически это властвование в силу собственной силы отмечается во время коронования тем, что Государь сам берет скипетр и державу и сам надевает на себя корону. 4-я статья Основных Законов утверждает, что Государю принадлежит верховная самодержавная власть, и констатирует тот факт, что эта власть уже принадлежит императору (а не то, что она предоставлена ему Основными Законами, имеющими свой источник во власти Императора). Самодержавная власть имеет свои собственные , ей присущие, а не извне данные права, в ней воплощаются самобытность и державные права нации, выработанные потом и кровью многовекового исторического развития, как говорит Романович-Славатинский, это – власть от всякой другой власти независимая, как учил граф Сперанский. Власть русского царя самодержавная т. е. самородная, не дарованная другой властью. Она в основе своей имеет не юридический факт, а все историческое прошлое русского народа. Самодержавие в таком понимании отличается от свойств власти: ее

Отгороженная от большей части своих подданных привилегированным сословием царская власть получила особый отпечаток от этой своей новой опоры, в результате гвардейских дворцовых переворотов XVIII века, и в понятии общенародного Царя отслоилось другое понятие, Царя по преимуществу дворянского. Отчуждение опоры Престола — дворянства от народной культуры с Петра I содействовало подрыву царской власти, на него опиравшейся. Новое ея восстановление мыслимо только на основе церковной и общенародной.

верховенства и неограниченности. Под верховенством разумеется то, что эта власть нейтральная, умеряющая, учредительная, власть последнего решения в сфере государства с проявлением этих свойств во всех сферах, и в законодательной, и в административной, и в судебной. Власть может быть самодержавной и в известном смысле ограниченной, хотя бы положениями, вытекающими из собственного понятия самодержавного православного Царя, взращенного историей народа.

Самодержавие состоит в том, чтобы творить не волю свою, говорит Л. Х. в своей брошюре «Самодержавие», а, выражая собой народ с его духовными потребностями и с его особенностями, вести его по путям, им – народам излюбленным, а не предначертать ему пути измышленные». «Самодержавие, говорит И. С. Аксаков, учреждение вполне народное; отрешенное от народности, оно перестает быть русским самодержавием и становится абсолютизмом». Когда он говорит, что царю сила власти, а народу сила мнения, то в этой фразе надо вычитать сознание необходимости власти питаться от народных источников. Карамзин отвергал самовластный абсолютизм, когда говорил, «что Государя нельзя выделять из духовного единства народа, и потому Государь не в праве отдать русские губернии Польше». Самодержавная власть ограничена тем, что сама пребывает в сфере народных понятий; она ограничена принадлежностью к народу и единением с ним. «Самодержавие, говорит Д. Х., всегда считало себя ограниченным, а безграничным только условно в пределах той ограниченности, которая истекает из ясно сознанных начал народности и веры. Оно жило в народе и в Церкви. Абсолютизм стал выше их обоих (Казанский «Власть Всероссийского Императора» 840 стр.). Даже проф. Казанский, считающий власть Царя, как источник прав, выше права, почитает его лишь юридически неограниченным, но не считает его неограниченным в религиозном, нравственном и национальном отношении.

В такой концепции необходимо признать, что царь сам себя ограничивает, как это и сделал проф. Казанский. Соглашаясь, что царь сам себя юридически ограничивает в

проявлениях власти государственной, нельзя не оговорить, что в отношении к Церкви он ограничен каноническими нормами. Над Царем нет учреждения, перед которым он был бы юридически ответствен за свою деятельность, над ним нет учреждения, ему повелевавшего, но он связан объективными нормами каноническими, хотя бы эта связанность и носила характер всех lex imperfecta, как это обстоит в отношении вообще всех непосредственных органов государства. Понятие неограниченности царя, о котором говорит проф. Казанский (Ib. 889), может относиться только к сфере государственной: «монаршая власть, говорит он, как власть верховная, не знает ни над собой никакой высшей власти, ни рядом с собой никакой равной власти, а потому не знает и никаких норм, которые были бы внешне обязательны для нее, как веления власти высшей, или как соглашение с властью равной. Все эти элементы неограниченности власти тесно связаны между собой и образуют одно понятие неограниченности власти». Это не может относиться к нормам, имеющим свой источник не в государстве, а в Церкви, которые однако, хотя и обязательны как нормы каноническиея, но материально не вынуждаемы, имея своей санкцией лишь сознание божественности их происхождения. Впрочем эта imperfect-фектность – обычное свойство многих норм: отсутствие материальной вынуждаемости не лишает их значения норм правовых, как это имеет место в отношении вообще норм канонического права, издаваемых Церковью. Никон и поступил, как величайший русский патриот, когда свою судьбу принес в жертву спасению не только понятия Церкви, но и понятия православного Царя. Он не ставил внешних ограничений царю от других учреждений и говорил, что человеческого суда над Царем нет, но есть судья – Бог, который может разрушить все его царство. Одним словом Никон призывал Царя во имя страха Божия к самоограничению своей власти, пределы которой в отношении к Церкви указаны природой самой Церкви и ее Божественных полномочий. Самая должность Патриарха с его правом печалования разсcматривается им в строе государственных учреждений, как юридическое выражение

той истины, что высшая правда, – путеводный указатель для Царей и страж веры. Церковь со всем ее строем есть нечто, подлежащее обязательному признанию со стороны православного Царя, не желающего навлечь на себя гнев Божий (не людской гнев). Интересно сравнить это оригинальное построение русского церковного мыслителя с западными мыслителями, ищущими в теории косвенной власти (Григорий VII) или в теории нравственного закона (Фома Аквинский признает право высшего судить низшего за беззаконные действия в силу порядка мироздания подчиняющего низшего высшему) средство для оправдания правомерным властного вмешательства Папы в судьбы государств и престолов. Указание на грех в деянии Царя и собственный уход с Патриаршего престола с целью зафиксировать нарушение прав Церкви и воздействовать на поведение Царя есть проявление архипастырской ревности – равно и анафемы преступникам клятвы. Если мы посмотрим на значение этой деятельности Никона, то в нем можем увидеть исторический протест против начала абсолютизации государственной власти, а не восхищение на себя царской власти; Царь, как представитель народной веры, его чувств, мыслей, упований, не может в своих деяниях не признавать строя Церкви, вытекающего из ее канонов. То ограничение в признании Царем только веры, (а не канонов), которое введено Петром, и его самовольное законодательство в недрах Церкви и есть абсолютизация царской власти, ибо здесь забыты границы государства; Церковь есть не только вера, но и церковный закон и жизнь по вере, как напоминал об этом Никон в своем «Раззорении». Совершенно правильно Пальмер говорит: (Die Russische Verfassung): «Der Absolutimuc wird erst durch Peter den Grossen in Russlande begründet und erst seit dessen Zeit fallen die Ausdrücke selbstherrschend (самодержавие) und unbeschränkt zusammen»[32].

[32] Абсолютизм обосновывается в России впервые Петром Великим, и только с этого времени совпадают выражения «самодержавие» и «неограниченность».

Необходимой предпосылкой для изменения царской власти, является изменение в самой религиозной жизни народа. Не безинтересны заметки некоторых русских деятелей о значении самодержавия для России, и следовательно, добавим мы, о важности охранения его от превращения в абсолютизм. П. Н. Семенов замечал: «отрешиться от самодержавия равносильно отречению от своей истории, вековых трудов и усилий по собиранию земли русской и сплочению ее в одно целое могучее государство». М. Н. Катков писал: «с самодержавной властью Русского Царя неразрывно соединено самое существование России». Проф. В. Л. Катков: «самодержавие – святыня русской народной жизни, оплот против разрушающего влияния социализма и демократии, оно создало то, чем мы живем, чем мы связаны, что придает смысл нашему существованию. Самодержавие создало Россию, и выросшее в иных условиях, чем западные государства, Россия будет жить под эгидой самодержавия, или погибнет вместе с ним». А член III Думы Образцов сказал: «Россия без самодержавия будет великим трупом, который расклюют хищные коршуны. Поражая самодержавие, нам готовят иноземное иго». Победоносцев отмечал, что государственная власть утверждается на единстве духовного самосознания между народом и властию – на вере народной. При раздвоении этого сознания власть подтачивается в своем основании. С этой точки зрения внесение иных начал (абсолютизм) в царскую власть мы и рассматриваем, как ее подрыв в XVII веке, и видим в нем тот l'ancien régime, который начал подтачивать l'antique constitution – древнюю основу русского государственного строя. Самодержавие священно по своему внутреннему значению, будучи великим служением перед Господом; государь – великий подвижник, несущий бремя власти, забот о своем народе во исполнение заповеди: «друг друга тяготы носите». Его самодержавие не есть цель само по себе, а орудие высших идеалов. Русское самодержавие – для Русского государства, а не наоборот. Церковь освящает это единение Царя с народом, как верность подданства, через

которую безусловная подчиненность подданных приобщает их к соучастию в этом служении. Рассматриваемое с этой точки зрения служение Никона было не только служением Церкви, но и выполнением долга верноподданного в чине первосвятителя, а идеи его были направлены к признанию в жизни господства права и правды, к отстаиванию уже существовавшего ограничения царской власти, вытекающего из ее понятия, а не к созданию нового. Не его вина – если его дело не было понято современниками – людьми властолюбивыми и порочными, которым не по плечу были его святые стремления.

Глава VI. Отзывы о Никоне

Щербатов. – Берх. – Карамзин. – Лигарид. – Самарин. – С. М. Соловьев. – Ундольский. – Костомаров. – Митрополит Макарий. – Каптерев. – Ключевский. – С. Ф. Платонов. – Шушерин. – О чудесах Никона. – Жизнеописание Никона по Шушерину. – О предсказаниях Никону об его будущем патриаршестве. – Павел Апеппский. – Н. А. А. в Ч. О. И. и Д. Р. 1848. 5. – Митрополит Платон Левшин. – Щапов. – Архиепископ Филарет Черниговский. – Н. А. А. в Правосл. Собесед. 1860 г. – Николаевский (Х. Чт. 1883 г.). – Субботин, Н. И. – Гюббенет. – Пальмер. – Николаевский (жизнь Никона в ссылке). – Бар. Мейербер. – Архидиакон Кокс. – Д-р Коллинс. – Униат Кульчниский. – Берх. – Pichler. – Levescue. – Herman. – Стэнли. – Пальмер. – Theiner. – Tondini. – Palmieri. – Грамота Восточных Патриархов 5 мая 1632 года. – Митрополит Антоний Храповицкий. – Дух Регламента. Смысл Клеветы о замахах Никона на царскую власть. – Наше заключение об идеях Патриарха Никона.

Обращает на себя внимание тот факт, что наши отечественные историки не освобождаются от предвзятой точки зрения о Никоне и принимают на веру приписывание ему стремлений к захвату царской власти. Эта легенда представляется, как нечто само собой разумеющееся, и очевидно находила для себя поддержку в господствующем взгляде на положение Церкви в государстве. Не лишено в этом отношении интереса мнение историка времени Екатерины II Щербатова, для которого память о каких то захватах Никона становится элементом, которого призвана остерегаться государственная власть, и быть всегда на чеку, хотя в основе такого мнения лежит не действительность о Никоне, а созданная дворцовой партией легенда о нем.

Щербатов.

Вот что писал Щербатов о Никоне: (Ч. И. М. О. И. и Д. Р. за 1859 III, 69, 70). Первое равное Сенату правительство есть Синод для духовных дел, в котором имеет право присутствовать для духовных дел по именованию Государя

архиереи, архимандриты и несколько протопопов. Он управляется, кроме разделения на департаменты, также как и Сенат, и в нем обретается обер прокурор, особа нужная в сем месте для недопущения духовенству захватывать гражданскими правами, к чему они весьма склонны. Но рассмотрим и самое сие, так ли учреждено, как бы надлежало для достижения до желаемого конца? Архиереи и другие духовные особы, присутствующие в Синоде, суть люди почтенны их саном, а часто и пронырством, сочиняющие корпус между собой, яко беспрестанно борющийся для приобретения себе больше силы, а в сопротивление им посажен один обер прокурор, человек не большого чина и по большей части не случайный при Государе, то может ли он единой силе их сана, пронырству и соединению противиться? Правда, поныне не видно еще, чтобы архиереи многое захватили, но посторонние тому обстоятельства противились. При Петре Великом не смели ничего начать; Императрица Екатерина и Петр II мало царствовали; Императрица Анна имела при себе герцога Курляндского лютеранина, следственно противного духовенству, императрица Елизавета мало, по набожности своей, не возобновила чин патриарший и временник ее Разумовский, преданный духовенству, более упражнялся с ними пить, нежели в честолюбивых их намерениях им помогать; а потом ее временщик Ив. Ив. Шувалов, человек разумный, и совсем их проискам путь пресек. Петр III был внутренно лютеранин, а ныне царствующая императрица последовательница новой философии, конечно знает, до каких мест власть духовная должна простираться, и конечно, из пределов ее не выпустит. Но я впредь не ручаюсь, чтобы духовный чин, нашед удобный случай, не распростер свою власть».

XVIII век был неблагоприятен для выяснения дела Никона. Духовный Регламент с его сообщениями о замахах, имевшими в виду Никона, и торжество Синодального правления над патриаршеством не могли содействовать разъяснению. Петр I старался унизить не только институт патриаршества учреждением должности всешутейшего

патриарха при всепьянейшем соборе, где он царь был диаконом, но и память св. патриарха Никона. В Духовном Регламенте специально было сказано о несуществующем замахе Никона на царскую державу: «да не помянутся бывшие и у нас подобные (папским) замахи»; при Петре же в 1700 г. было запрещено властям Воскресенского монастыря построение Церкви во имя Преподобного Александра Свирского на месте кончины Никона, и построенный им Иверский монастырь был присоединен к Александро-Невской лавре, куда были перевезены лучшие колокола и драгоценные сосуды, по свидетельству Митрополита Антония. Еще в 50-х годах XIX века осталось без исполнения желание восстановить крест на месте кончины Никона.

От Татищева до церковного историка Петра Алексеевича при Екатерине II Никон вызывал только осуждение. Век Екатерины был враждебен всяким притязаниям церковной власти, и Епископ Арсений Мациевич пострадал за отстаивание церковных имуществ.

Берх.

Берх, пользовавшийся теми иностранными писателями, которые в бытность в России свою информацию почерпали в придворных кругах, как Олеарий, Мейерберг, объяснили дело Никона его властолюбивым характером Официальные документы по делу Никона впервые использовал С. М. Соловьев, но они составлялись правительственной партией, неблагожелательной Никону, и потому также односторонни – особенно тот источник, к которому Соловьев отнесся с полным доверием – Паисий Лигарид.

Карамзин.

До Соловьева еще Карамзин давал суждения о Никоне под влиянием ложных идей. Он говорит о введении патриаршества: «Таким образом установилась новая верховная степень в нашей иерархии, через 110 лет ниспроверженная самодержавцем Великим, как бесполезная для Церкви и вредная для единовластия государей, хотя

разумный учредитель ее (Борис Годунов) не дал тем духовенству никакой новой государственной силы и, переменив имя, оставил Патриарха в полной зависимости от Венценосца. Петр I знал историю Никона и разделил, чтобы ослабить власть духовную; он уничтожил бы и сан Митрополита, если бы в его время, как в Иоаново или в древнейшие, один Митрополит управлял Российской Церковью. Петр царствовал и хотел только слуг». (X, 73) Карамзин, как истый цезарепапист, даже не ставит вопроса, мог ли по канонам Царь прекратить патриаршество, и где когда был нанесен патриаршеством вред царской власти. Все делал гипноз о восхищении Никоном на себя царской державы.

Лигарид.

Русские историки, Соловьев и Каптерев за исходный пункт в объяснение поступков Никона брали его гордость, которую внушил о Никоне Лигарид. Последний, действительно, в своей истории, написанной со специальной целью угодить боярам и снять с совести Царя Алексея вечно тяготивший его акт осуждения Никона, и оправдать боярский поход на Никона, с целью самому себе расчистить путь к высшей церковной власти, – выставлял его гордым человеком. Так он пишет на стр. 258: « Who was more proud, for the multitude of his villages, for the nation of his dependents, than Nicon, when he was patriarch? Who, who boasted himself more in wealth and power than Nicon the Primate of all Great, Little and White Russia? Ah, ah, he has fallen into the pit which he himself had dug for himself with his own hands, even as Lucifer like lightning from heaven into the hell which he had made for himself. Nicon has perished and his memorial had passed away with an empty sound and his towering pride has been singed and burned to ashes like a torch»[33].

---

[33] Кто более гордился, чем он, множеством сел, количеством населения в своих владениях, чем Никон, когда он был Патриархом? Кто больше хвалился силой и властью, чем Никон Патриарх Великой, Малой и Белой Руси? Увы, он пал в колодезь как пес со всеми своими лапами, или, лучше,

Но известно, что титулы Патриарха Никона только отражали титулы Царя и даны по приказу Царя. Он же Лигарид, желая возбудить против Никона приезжавших судить его Патриархов, старался представить дело так, что будто Никон хотел подняться выше их всех, III, 157, 158. «This kakiarch (patriarch of all that is bad) having been born of mean parents, lived first as a hired servant, being poorer than Irus; and afterwards having, beyond all hope, been raised to the lofty eminence of the patriarchal chair, he with the mad ambition of Lucifer impudently attempted to set his own chair above those of the other patriarchs...»[34]. Но Никон строго соблюдал канонический черед Патриархов. Он же Лигарид увековечил неверную идею о превозношении Никоном себя выше Царя. Он пишет (III, 117): «And this is what has been done by the four patriarchs on account of the arrogant Nicon, who was lifting up himself so as to overtop the emperor in dignity and making himself everything in all affairs, and becoming a Proteus, and hereby subverting and throwing into confusion the manners of the empire, yea and customs of society»[35]. Лигарид во всех действиях Никона ищет гордости, даже в исполнении обряда Ваий (III, 306). «O reader, note with me for a moment the arrogance of Nicon, who made the example of Christ to consist not in washing the feet of the disciples, but in setting on the colt with Baia and bougs»[36]. Но Никон, как известно, мыл ноги странникам, по

как Люципер, ниспадший с неба в ад, уготованный им для него самого. Никон погиб и память о нем прошла как пустой звук, и его надменная гордость спета и превращена, подобно факелу, в пепел.

[34] Этот начальник великого зла, уродившись от родителей низкого происхождения, жил сначала, как наемный слуга, будучи беднее Ира; позднее поднявшись, вопреки всякому ожиданию, до высокого достоинства патриаршего титула, он безумным честолюбием Люцифера покушался поставить свой патриарший престол выше других патриарших престолов.

[35] Как было установлено четырьмя Патриархами, надменный Никон стремился превзойти Царя в достоинстве, во всем выдвигал самого себя, стал Протеем и этим повергал в хаос управление царством и обычаи общества.

[36] Читатель, обрати на момент свое внимание вместе со мной на

рассказу Павла Алеппского, даже и не в Великий Четверг. Самый уход от патриаршества Никона рисуется Лигаридом, лишь как ожидание, чтобы Царь сам пришел его умолять остаться, что Никон жаждал этой власти. С посольством к нему от Царя Никон «fell foul of them more and more fiercely, not letting them come and go without fighting and raging against them lifting up his neck on high, like a fiery unmanageable horse, presenting that he was unwilling, when he panted like a stag after it, to resume the patriarchate»[37]. Эти суждения Лигарида запечатлели и характеристики Никона у Соловьева и Каптерева, следовавших за ним в его суждениях.

Самарин.

Ю. Ф. Самарин пишет в книге «Феофан Прокопович и Стефан Яворский (1843 г.), сочинение т. V, стр. 226: «Из всех дел и слов Никоновых, до нас дошедших, усматривается его двойственное стремление: отрешить безусловно церковные владения, управление ими и судопроизводство в них от всякой подчиненности верховной власти, изолировать их в государстве: другими словами гражданские права духовенства, как сословия, вознести на степень существенных прав самой Церкви, и в то же время в области Церкви всю власть сосредоточить в своих руках, водворить монархическое начало: эти две цели клонились к одной главной: возвести Церковь на степень самостоятельного государства в государстве. Поэтому все предшествующие учреждения (которыми Цари ввели управление церковными имениями в состав общего государственного управления, подчинив его своему надзору, нисколько, впрочем, его не стесняя, Монастырский Приказ и пр.). Никон считал беззаконным вмешательством в судопроизводство церковное,

---

надменность Никона, который воспринял как пример Христа не умовением ног Своих учеников, а восседанием на осляти с ветвями вайй.

[37] Обходился все и более гордо, не позволяя им ни войти ни выйти без того, чтобы не вступать в борьбу и не неиствовать, вознося высоко свою выю, подобно гордому необъезженному коню, делая вид, будто не ищет он патриаршего престола, которого, однако, алкал подобно оленю.

расписание церковных имуществ, предписанное Царем возбуждало в нем негодование. Наконец пошлины, которыми были обложены церковные земли и обязанность во время войны выставить даточных людей, казались ему нарушением существенных прав Церкви». Обвинения последнего рода Самарин подкрепляет не обвинениями, сделанными на Соборе, судившем Никона (таких обвинений к нему и не было предъявлено), а только докладом посланных к Никону от Царя людей по доносу Боборыкина, докладом, сделанном ими Царю, но не показаниями самого Никона или свидетелей; эти посланные говорили Царю то, что они сами выговаривали Никону, а не то, что они услышали от него, но для этого незачем было и ездить к Никону, ибо голословных обвинений со стороны его врагов невозможно даже и перечислить. Стремление приписать Никону ввести монархическое управление в Церкви базируется на единоличном будто бы суде над Митрополитом Павлом, но известно, что Павел Алеппский писал, что это не был единоличный суд, а совершен был совместно с Царем, добавляя, «и по совету Константинопольского Патриарха»; кроме того, сам Никон говорил на суде, что об этом сохранилось дело в Приказе, из которого видно, что он не один судил Митрополита Павла. Практика его патриаршествования показывает, что он обращался к соборам не только в экстраординарных случаях, как при обрядовых реформах, но и в менее важных делах, так в 1657 году Собор занимался перемещением архиереев с одной кафедры на другую. Обвинение Никона в стремлении совершенно изолировать церковное управление от государственного и отрешить церковные владения от всякой подчиненности государственной власти не точно, ибо Никон постоянно обращался к Царю за содействием, даже в чисто церковных делах, но отстаивал самостоятельность церковного управления в сфере, по существу принадлежащей Церкви (назначение на церковные должности, суд в церковных делах); в условиях того времени подсудность определялась по лицам, а не по предметам, и силой вещей

Никон отстаивал гражданскую подсудность духовенства суду Церкви ссылкой на принцип самоуправления Церкви в своих делах, не различая их по существу. Однако, как мы уже говорили, он вместе с тем отстаивал для Церкви и ее собственную сферу, а в вопросе гражданской подсудности духовенства и неприкосновенности церковной собственности ссылается на историческую традицию, следовательно, и не причислял их к существенным правам Церкви, как писал ошибочно Самарин. Самарин признает (230 стр.), что многие обвинения против Никона очевидно внушены личной ненавистью и носят признаки самой грубой клеветы (присвоение титула великого Государя, непризнание соборных постановлений, введение в Церковь необыклых чинов, именование себя Новоиерусалимским Патриархом, устроение монастырей с похищением собственности и проч.). Далее он признает: «вообще в этой многосложной и великой тяжбе Царя с Патриархом, правда и неправда, действительные вины Никона и клеветы на него возведенные, важное и ничтожное так перемешано и сбито, что, вероятно, уже оно не предстанет никогда во всей ясности и строгости. Может быть, к свержению Никона не было достаточно причин; может быть, он мог бы получить разрешение от бесстрастных судей; но не менее того, стремление Никона, мысль, которую он преследовал, но не успел осуществить, и которой современники и обвинители его не могли узреть ясно и очистить от мелких обстоятельств, эту мысль нельзя не осудить, как противную духу Православной Церкви. Никон хотел для Церкви независимости от государства в самом государстве, для Патриарха власти неограниченной, самодержавной, вообще замысел его клонился к тому, чтобы основать в России частный национальный папизм». С этим совершенно невозможно согласиться после изучения сочинений Никона. Никон не насаждал русского папизма. Папизм – явление сложное: в него входит понятие об особой природе папской власти и существенном ее отличии от архиерейской в виде дополнительного примата в Церкви, о папстве как основе

самой Церкви, (по учению католическому Церковь основана на Папе, а не Папа на Церкви), понятия о составе папской власти, со включением в нее власти косвенной в светских делах, учение о монархичности, а не соборности власти, наконец, учение о прямой государственной власти Папы на территорию его государства как о праве оригинарном (т. е., в силу собственного права, не производном) и именно потому и неприкосновенном. (Папское государство прекратило свое существование только в 1870 г. и восстановлено в 1929 г.). Никон же ограждал существенные права Церкви, а прикладные ее права выводил из понятия о православном Царе, долженствующем заботиться о Церкви, и из необходимости соблюдать заветы, данные Царями при дарениях Церкви, и обеты их в нерушимости церковной собственности за себя и за своих преемников.

В ограждение же существенных прав Церкви Никон следовал не папской традиции, а святоотеческой, которая сохранялась в папстве на ряду с позднейшими наслоениями и омирщением Церкви в вопросе, главным образом, о косвенной власти Папы в светских делах и внесении в Католическую Церковь элементов государственного характера. Известно к тому же, что патриаршая область не составила государства в государстве, и важнейшие уголовные дела всегда подлежали суду государства; решительно нигде в сочинениях Никона мы не видим, чтобы он жаловался на это, как ни подробно перечислял он обиды Церкви от Царя. Самые земельные владения он основывал на дарении Царя за свою службу ему и доказывал Лигариду, что он не заслужил их отнятия за неблагодарность Царю, ибо таковой с его стороны не было обнаружено; в конце концов он и завещал их «епархии Московской, а не своему преемнику – Патриарху. Одного стремления Никона создать свои особые монастыри, отстоять вековую юрисдикцию Церкви и церковную собственность слишком недостаточно для обвинения в папизме. Не вводил он и единоличного управления в Церкви, а опирался на собор поместных архиереев с участием иностранных архиереев и признавал

компетенцию над собой суда вселенских Патриархов, если он законно составлен и по канонам судит. Суд же 1666 года над собой почитал нечестивым, ибо он был осужден им за дела, которых он не совершал, и по правилам, не относящимся к его уходу и неправильно воспроизведенным. А призыв к послушанию Патриарху, как начальному отцу, не являет ничего необычного; к этому призывали Патриархи архиереев и бояр и после Никона, как видно из описания Лигаридом интронизации Патриарха Иоасафа II. Само по себе это послушание есть каноническая обязанность, в известных канонических границах, православных людей по отношению к первосвятителям своей поместной Церкви и, если Никон потребовал его особо в 1652 г., то потому, что совершено было незадолго до этого, за три года величайшее в его глазах правонарушение, – издание законов, противоречащих канонам, обнаружившее секуляризационные стремления правительства и его желание понизить государственное положение Церкви, вопреки 600 летней традиции. Мнение Самарина о Никоне можно объяснить тем, что он имел в распоряжении исключительно некоторые официальные документы о Никоне, составленные тенденциозно самим правительством, судившим Никона. Не видно, чтобы среди этих официальных документов он видел самое дело Никона. В силу этого и то, что Самарин почитал правдой в деле Никона, при более пристальном рассмотрении оказывается такой же неправдой, как и другие обвинения на Никона.

Самарин оправдывает самое уничтожение патриаршества (стр. 237), говорит, что понятие о необходимости патриаршества, встречающееся у некоторых писателей XVII и XVIII ст., возводило его на степень учреждения Божественного, безусловного и почти равняло его с папизмом. Вот почему уничтожение патриаршества въ России было необходимо. Но как раз по этим соображениям государственная власть и не могла уничтожать учреждения церковного хотя патриаршество в смысле создания особой инстанции над митрополитами и не есть учреждение

Божественное, а церковное V века, а самый принцип объединения всех епископов, пастырей Церкви под одним главенством является учреждением апостольским (34 ап. правило), входящим в состав предания.

С. М. Соловьев.

Соловьев совершенно точно воспроизводит суждения Лигарида, дополняя и развивая суждения свои общим рассуждением о взаимном положении Царя Алексея Михайловича и Патриарха Никона (XIII, 141): «молодой, мягкий по природе, благочестивый не по одному титулу Царь вполне подчиняется энергичному Патриарху. Но это самое положение, это обилие материальных мирских средств и заключает в себе причину падения Никона, который, как человек плоти и крови, не выдержал искушения, прельстился предложением царства и пал. Никон позволил себе принять роковой титул великого Государя, т. е., главного хозяина, правителя страны, титул, не могший иметь никакого отношения к значению Патриарха, титул прямо указывавший на двоевластие, на то, что два хозяина в доме, и влекший необходимо к столкновению между ними, тем более, что Никон по природе своей не мог быть только титулярным великим Государем. Патриаршество, высокое значение его, стало для Никона на втором плане, он бросился на мирскую власть, захотел быть настоящим великим Государем, настоящим, законным и проиграл свое дело, потому что стал в видимое для каждого незаконное положение. Поведение Никона с момента отречения представило ряд скандалов, ронявших все более и более бывшего Патриарха, который совершенно потерял из виду Церковь, патриаршество и хлопотал только о том, чтобы ему, Никону, если нельзя возвратить все прежнее, то по крайней мере удержать как можно больше из своего прежнего материального значения, из прежних материальных выгод; но в каком бы печальном состоянии ни находилось общество, все же оно не могло не оттолкнуться от человека, который великое общественное дело превратил в личное». Мы, напротив, полагаем, как это видно из всего нашего

труда, что Никон был неутомимый борец за идею; ниоткуда не видно, чтобы он искал мирской власти, а напротив своей прямолинейностью показывал, что он дорожит идеей, а не своим положением, что скандалы устраивали после его ухода бояре со специальной целью найти причину, чтобы отделаться от него совсем, что падение Никона есть искусственная интрига бояр, с которыми он при своей чистоте и прямолинейности не мог бороться такими же коварными средствами. Соловьев не признает за Никоном никаких духовных стремлений, но это опровергается всем образом жизни Никона, его аскетизмом, строгостью к себе, его любовью к самому строгому церковному уставу. Материальных выгод он себе никогда не искал и, когда имел власть и средства, все отдавал на постройку церквей и монастырей и, когда хотел возвращения из ссылки, мечтал продолжать там в Воскресенском монастыре оставшийся недостроенным храм. Суждение Соловьева о Никоне высказаны, когда он писал XI и XIII том своей Истории, т. е., в самом начале 60-х годов XIX века, когда еще не было работ проф. Николаевского в 80-х годах, Гюббенета в 90-х годах, Пальмера в 70-х годах. Он игнорировал труд Шушерина, появившийся первый раз в печати в 1784 году и переизданный в 1816 году. Соловьев высказал суждения (XI, 320), что «взгляды Никона на отношения между царской и патриаршей властью расходятся с преданием Восточной Церкви, как они утверждены в русской истории». Но цезарепапистские стремления стали захватывать Русскую Церковь с половины XV века, и их нельзя считать традицией Восточной Церкви, ибо на ряду с ними была святоотеческая традиция, боровшаяся с цезарепапизмом. Никон же отстаивал именно последнюю. Хотя Соловьев писал о соборе 1666 г. на основании архивных данных, однако известно, что правительственные сообщения о деле Никона уже потому тенденциозны, что правительство было стороной в этом деле, и многие частности процесса и приготовлений к нему, уличающие правительство в односторонней тенденциозности в отношении к делу, опущены.

Ундольский.

Также в 60 х годах была написана статья Ундольского, основанная на изучении Никоновского «Раззорения», также исходившая из цезарепапистской тенденции. Ундольский († 1864 г.) написал статью: «Новые материалы для истории законодательства в России», которая помешена была после его смерти в Русском Архиве за 1886 г. под заглавием «Отзыв Патриарха Никона об Уложении Царя Алексея Михайловича В ней он упоминает о «Раззорении» Никона, подлинник которого хранится в Воскресенском монастыре, но списки которого были в Академии Наук и в рукописях самого Ундольского. Он пишет: «Несмотря на великую личность Патриарха Никона, его заслуги Царю и отечеству, должно сказать, что не все пункты сего отзыва заслуживают подробного рассмотрения. По обширности его (945 листов in 4°) можно назвать разбором или рассмотрением Уложения, но, исключив из него вынужденное обстоятельствами, в которых писано возражение, останется не больше, как отзыв о нашем знаменитом законодательном памятнике. Как в самом Уложении некоторые статьи должны иметь силу действующего законодательства, другие напротив имеют только историческое значение, так и в отзыве Патриарха Никона. Как видит читатель, это не совсем точно, ибо, если действительно Никон писал в своем «Раззорении» много о Монастырском Приказе, созданном Уложением, то он не ограничился критикой норм Уложения, а перешел к идеологической критике постановки самой царской власти и патриаршества, к выяснению высших принципов государственного строительства, разъяснить которые было целью нашего труда, и высшей идеи, которой призвано служить законодательство – идеи оцерковления жизни. Ундольский в критике Никона на Монастырский Приказ видит преувеличение, ибо Никон видел в этом «восхищение Царем на себя святительского чина и власти церковной» (Ib. 614 ст.); равно Ундольский находит естественным, что Митрополит Крутицкий обращался к Царю за выбором лиц для поставления в епископы и архимандриты, не видя в этом

самоуправства Царя в Церкви. Очевидно, сам Ундольский не оценил того, что критика Никона направлена на самый цезарепапизм в принципе, и чтобы оценить Никоновское возражение, надо встать на точку зрения самой Церкви. Но Ундольский правильно отметил, что Никон протестовал против разорения патриарших дел, в Уложении начатого, и прекращения роста земельной церковной собственности. Но далее опять, не уяснив исходного пункта возражений Никона, он напрасно объясняет его раздражением. Слова «священство царства преболе есть, что Царь не есть, не может быть глава Церкви» (ib. 615 ст.): – не раздражение, а святоотеческое учение. Поэтому напрасно Ундольский оговаривает, что из любви к правде он не оставил без внимания и этих мест «не в обличение злосчастному Патриарху, но в доказательство, что и самые высокие души иногда несвободны бывают от высокоумия, неприличного христианину, особенно же Первосвятителю». Непонимание исходного пункта Никоновского учения видно из следующих слов Ундольского. Признавая правильность патриарших ответов, что царская власть беспредельна, Ундольский напоминает Никону его же слова, что подобает коемуждо своя места знати, а не восхищатися на не сущая» (ib. 619 ст.). Приписывая Никону суждения в «Раззорении» его крутости, Ундольский признает его заботы о просвещении, восхваляет за собирание греческих и славянских рукописей и кончает статью: «Станете ли вы рассматривать богатейшие вещи патриаршей ризницы, обратитесь ли к памятникам зодчества от патриаршего дома до монастырей Иверского и Ново-Иерусалимского с монументальным памятником с (доселе единственным) храмом Воскресения, везде увидите гений Никона. Самое возражение, писанное не в спокойном расположении духа, («огорчевался от великие кручины) не ясно-ли доказывает, что Никон имел способности необыкновенные , обладал обширным знанием Св. Писания, соборных правил, писаний святоотеческих и ко всему этому, при отличной памяти, был находчив до невероятности?» Добавим: доказывается в

«Раззорении» большее, что он указал правильный метод, принятый современной канонической наукой, – определить компетенцию Царя и Патриарха по внутренней природе их чина, он дал теорию православного Царя, ценную не только для его времени, но и для грядущих поколений.

Костомаров.

Костомаров (Русская История в жизнеописании ее главнейших деятелей. Выпуск IV, 1874) не дает своей оценки идей Никона в отношении постановки церковно-государственных отношений; из его церковно-обрядовых реформ он выводит заключение, что у него благочестие не шло далеко за пределы обрядности. «Буква богослужения приводит к спасению; следовательно необходимо, чтобы эта буква была выражена как можно правильней. Таков был идеал Церкви по Никону. Буква обряда давно уже камнем лежала на русской духовной жизни. Эта буква подавляла богатую натуру Никона («Никон» стр. 168). Задачей Никона было правильное однообразие церковной практики; из этой задачи прямо вытекала потребность и единой церковной власти, а эту власть находил он в себе, в своем патриаршем сане, и вот Никон, ревностно взявшись за дело достижения единообразия церковной обрядности, логически должен был сделаться борцом за независимость и верховность своей патриаршей власти». Если бы Никон придавал такое значение обряду, то едва ли бы он в 1657 г. разрешил Неронову служить в Успенском Соборе по старым книгах. А что он хотел единообразия обрядов, то сам Костомаров приводит приведенную Никоном в предисловии к Служебнику, цитату из грамоты Вселенских Патриархов на устроение в России патриаршества, цитату, которая призвана объяснить церковно-обрядовую реформу Никона: «Православная Церковь приняла свое совершение не только по богоразумию и благочестию догматов, но и по священному Уставу церковных вещей; праведно есть нам истреблять всякую новину ради церковных ограждений, ибо мы видим, что новизны всегда были виной смятений и

разлучений в Церкви; надлежит последовать Уставам Св. Отец и принимать то, чему мы от них научились, без всякого приложения или убавления. Все святые озарялись от единого Духа и уставили полезно: что они анафеме предают, то и мы проклинаем; что они подвергли низложению, то и мы низлагаем; что они отлучили, то и мы отлучаем, пусть православная Великая Россия во всем будет согласна со Вселенскими Патриархами. «Едва ли можно согласиться с беглым замечанием Костомарова, что Никон сделался борцом за независимость и верховность своей патриаршей власти в силу логической необходимости, ради достижения церковной обрядности. Прежде всего Никон, как показали мы, боролся за права Церкви, а не за права Патриарха; далее нет никакой связи между его церковно-обрядовыми реформами, которые он проводил с поддержкой Царя, его духовника и других архиереев, и его борьбой за права Церкви. Никон не вспоминал о своей церковно-обрядовой реформе после 1657 года в своих письмах и сочинениях, а о правах Церкви писал, начиная со второй половины 1662 г., в 1663 и 1664 годах в «Раззорении в связи с постановкой церковного судя по Уложению и вмешательством светского правительства в назначение церковных должностных лиц в Церкви. В церковно-обрядовой реформе ему незачем было ограждать права Церкви от светской власти, ибо в этом он не только опирался на ее сочувствие, но чуть ли не следовал ее инициативе, как уверяет Каптерев. Для проведения же церковно-обрядовых реформ в недрах Церкви он прибегал к авторитету Константинопольского Патриарха, к которому обращался с вопросами, и к Соборам, где подробно исследовался вопрос и о потребности реформы и проводилась сама реформа, вновь обсуждалась и утверждалась. Статья Костомарова в смысле разработки фактов деятельности Никона устарела, а канонической оценки деятельности Никона Костомаров не касается. Но он признает его одним из самых крупных, могучих деятелей Русской Истории (ib. стр. 157).

Каптерев.

Также Каптерев, издавший свое исследование в 1912 г. II т. «Патриарх Никон и Царь Алексей Михайлович», повторяет все суждения Лигарида о Никоне подкрепляя их, как мы уже видели неоднократно, суждениями одних его врагов, продолжая то дело, которое делалось на Соборах 1660 и 1666 г. по затуманиванию личности великого Патриарха, несмотря на то, что литература в лице Николаевского и Пальмера вскрыла факт неверности свидетельских показаний на Соборе 1660 г. об обстоятельствах ухода Никона, а подкупность Собора 1666 г. показана самим проф. Каптеревым; сочинение Пальмера им совершенно оставлено вне рассмотрения. Объяснение жизни Никона, как непрерывного насыщения властолюбием, является совершенно недоказанной искусственной попыткой объяснить все его деяния с заранее принятым на веру от Лигарида фактом доказанности этого властолюбия. Но все действия Никона вполне объясняемы иначе, именно, как вечное горение о славе Русской Церкви и Русского Государства до полного самопожертвования. И почему мы должны верить Лигариду и всем врагам Никона и не стараться понять Никона так, как стремились понять его люди, не имевшие желания его очернить и не затуманенные догматом цезарепапизма, подобно Соловьеву и Каптереву, которые под этим углом оценивали все деяния Никона? Людей, подходящих к Никону без предубеждения, мы встретим частью и в отечественной литературе, не говоря об иностранной (как католической, так и протестантской), которая видит в Никоне одного из величайших людей, не только русской, но и мировой истории, без всяких обвинений во властолюбии, не соответствующем сану Патриарха.

Митрополит Макарий.

Митрополит Макарий, окончивший свой труд о Никоне перед самой смертью, исследовавший деятельность Никона во время патриаршества и суда над ним, продолжает, как бы по Соловьевской традиции, говорить о властолюбии Никона,

но уже ограничивает это положение констатированием того факта, что Никон не выступал из пределов по отношению к власти царской. Так на стр. 264 (т. 12) он говорит: «Никон помнил, что он подданный Государя, обращался к нему, когда нужно, с челобитием и не обнаруживал прямо никаких чрезмерных притязаний, когда все благоприятствовало его могуществу. Но обстоятельства изменились, когда он почувствовал себя в царской опале; тогда он уже не стеснялся ничем, чтобы высказать свои притязания во всей широте и не полагал никаких границ этим заносчивым притязаниям». Последнее неверно. Если бы Митрополит Макарий знаком был с «Раззорением Никона, то он увидел бы, что Никон проводит строгое различие между порядком светским и духовным и каждому отдает свою меру; исследование жизни Патриарха Никона за период после его ухода из Москвы в 1658 г. до суда над ним 1666 г. было делом Гюббенета; оно показывает, что в это время Никона всячески преследовали и провоцировали, и что Никон только защищался; если он в гневе иногда позволял себе резкости в отпоре, то они могли свидетельствовать только, какому испытанию подвергалось его терпение, а вовсе ни о каких то его властолюбивых замыслах. Мы разумеем его разговоры с посылавшимися к нему в Воскресенский монастырь от Царя лицами. Митрополит Макарий говорит впрочем о гордости и властолюбии Никона и в период его патриаршества: «Никон при всем уме не умел поставить себя на такой высоте, как следовало бы по отношению к своему царственному другу, не умел сдерживать своей необузданной гордости и властолюбия и с упорством оставался верен тому началу, которое высказал еще при избрании его на патриаршую кафедру, т. е., чтобы сам Царь слушал его во всем, как Патриарха. В своей дружбе с Царем Никон желал быть лицом господствующим и позволял себе такие вещи, которые не могли не оскорблять Государя, и, повторяясь нередко, неизбежно должны были вести к столкновению и размолвкам, взаимному охлаждению друзей и наконец привести к разрыву. Чувство горечи де у Царя должно было

быть и при избрании Никона, когда ему пришлось пасть на землю». (Мак. XII 353-366 и 512-513). Известно, что Алексей Михайлович целовал в ногу Патриарха Иосифа, которого лично не любил, из почтения к его сану, поэтому Никона нельзя винить в такого же рода проявлениях почитания к нему со стороны Царя. Ни откуда не видно, чтобы Никон третировал Царя, а слова, приписываемые Никону Нероновым, что «мне де царская помощь не надобна, я на нее плюю и сморкаю», которые приводит Митрополит Макарий, исходят от врага Никона Неронова и не заслуживают доверия, раз они не имеют подтверждения из других источников. Никон выражался всегда совершенно прямо, без лести и независимо, не стесняясь присутствия Царя и толпы, но это бывало, когда он выступал, как защитник Церкви или ее установлений; например, при бросании икон в церкви латинского письма, или при проповедях в церкви, когда он властно проповедывал, как учитель, а Царь смиренно слушал, как выражается Павел Алеппский. Впрочем сам Митрополит Макарий говорит: «Как далеко ни простиралась власть Патриарха Никона, он никогда резко не выступал из пределов по отношению к царской власти. В своих церковных делах он достиг совершенной самостоятельности и независимости от мирских властей и казался всем действительно верховным архипастырем, полновластным владыкой и главой управляемой им Церкви» (XII, 264). Никон и призван был быть ее главой, руководителем, но он всегда признавал в церковной сфере над собой Собор епископов и других Патриархов, а в сфере светской – Царя, причем в последней свою деятельность рассматривал, как службу Царю для содействия ему. Митрополит Макарий считает, что Никон низложен за свое упорство, что он самовольно отказался от престола, в надежде, что Царь его будет умолять вернуться, сложил патриаршие отличия, свалил причину ухода на царский гнев (XII, 319-321), но исследования проф. Николаевского, впервые в русской литературе подвергшие сомнению правильность свидетельских показаний, на

которых основано было обвинение Никона в уходе с отречением от патриаршества с клятвою не возвращаться на престол, появились после смерти Митрополита Макария, а исследования Пальмера не были изучены Митрополитом Макарием, хотя их существование было ему известно. Он упоминает об их существовании на 11 стр. XII тома; симпатии его на суде не на стороне Никона. Митрополит Макарий игнорирует вопрос, насколько отстаивание Никоном прав Церкви соответствовало ее правам, и сам не высказывается определенно отрицательно о цезарепапизме; основной стимул борьбы Никона против этого цезарепапизма остался для него в стороне, потому и сама борьба Никона могла ему казаться борьбой за личное господство, которая поэтому и могла казаться непривлекательной. Его суровость он расценивает как то, что Никон не был выше своего века (стр. 303), он приписывает ему надменность и высокомерие в обращении с боярами и архиереями (стр. 305), Царь де не мог переносить горделивых притязаний Никона (стр. 309); Никону следовало 10 июля 1658 г. не уходить, а смириться, но Митрополит Макарий не нашел общей идеи Никонова служения (верность канонам), и потому его уход представлялся ему лишь актом, вызывавшим Царя на повторение слезной мольбы 1652 года. Он не считал достаточными причины Никона для ухода, а полагал, что Никон должен бить челом Царю, просить прощения (стр. 722); деятельность Монастырского Приказа в последние годы патриаршества Никона, факт нарушения этим клятвы Царя и бояр, прекращение упоминания имени Никона после ухода в богослужении Митрополитом Питиримом оставленным им местоблюстителем, – все это игнорируется Митрополитом Макарием очевидно потому, что с цезарепапистской точки зрения здесь и нет ничего странного. Неоднократно Митрополит Макарий цитирует Лигарида, как авторитет, (стр. 450, 452, 458-460) и тем вновь изобличает источник, который был рассадником убеждения и в гордости, и в властолюбии Никона.

Каптерев.

Эту линию историков, осуждающих Никона за властолюбие, простирающееся на восхищение на себя царской власти, оживил Каптерев в упомянутом своем сочинении «Патриарх Никон и Царь Алексей Михайлович», изданном в 1912 г. Там не приведено никаких фактов из истории Никона, подтверждающих этот тезис и даже, как мы видели, не установлены точнее воззрения по вопросу об отношении светской и духовной власти, а совершенно произвольно освещена вся его деятельность с точки зрения будто бы преднамеренного захвата власти. Однако необыкновенная прямота, откровенность, прямолинейность, не считающаяся ни с обстоятельствами, ни с сильными мира сего, соединенная с суровым подвижническим образом его жизни, совершенно исключает мысль об этом. Ведь если бы не эти качества, Никон не ушел бы с кафедры, ибо лично ему ничто не угрожало, и он мог бы для сохранения своего положения примириться с захватом церковной сферы Монастырским Приказом, как после него многие помирились даже с церковной реформой Петра; а, заявив об уходе, мог бы вернуться после просьбы Царя, переданной через Трубецкого – не уходить. Но Никона занимало не его положение, а его идея; напротив – по Каптереву у Никона на первом плане его положение. Каптерев не поставил даже и вопроса, насколько прав был канонически и обязан Никон защищать права Церкви, не было ли среди этих прав Церкви и таких, которые он должен был защищать, не только как данные Церкви государством и осуществляемые ею в течение 6 веков, но и как по существу присущие ей. Ведь, Монастырский Приказ не только судил духовенство по гражданским делам, но на практике властно вмешивался и в назначение на духовные должности. А после ухода Никона светская власть совершенно игнорировала наличие живого Патриарха, которого сама признавала за такового (встреча Никона Царем с синклитом летом 1659 г.) и распоряжалась в церковных делах совершенно произвольно. Насколько вообще прав сам Каптерев считать, что Царь через Церковные Соборы призван также управлять Церковью, как

управляет государством через государственные учреждения? Учит ли этому Церковь? Учат ли этому Святые Отцы Церкви? Учат ли этому православные канонисты, среди которых из русских мы можем назвать проф. Бердникова, Заозерского, Епископа Иоанна Смоленского, Прокошева, Остроумова, Барсова, Курсанова и др. Я не говорю о почти всей католической литературе, которая видит идею независимости и самостоятельности Церкви особо гарантированной в своей Церкви учреждением папства, учреждением, с нашей православной точки зрения, хотя и не Божественного происхождения, но созданным вековой работой латинского гения. Разве, если исходить из протестантского учения, где нет церковной иерархии, как правотворящего фактора, тогда можно не ставить вопроса о том, что компетентна творить сама церковная иерархия и что государственная власть. Если бы было исследовано и выяснено право Церкви на то, что защищал ради нее Никон, то может быть, и не понадобилось бы создавать теорию об его властолюбии. Характерно, что все, нами перечисленные ученые, обвиняющие Никона в властолюбии – Лигарид, Щербатов, Татищев, Карамзин, Соловьев, Каптерев – откровенно цезарепаписты, Митрополит Макарий может быть к ним причислен, поскольку он, обвиняя Никона в гордости, властолюбии, вовсе не старается выяснить, прав ли или неправ канонически был Никон, ибо и он совершенно умалчивает о той канонической катастрофе, которая происходила с захватом государством управления церковного в свои руки, особенно после 1658 г., как будто это так и должно было быть и не вызывало права предстоятеля Церкви на протест. Засилие государства над Русской Церковью в течение XVIII и XIX веков не благоприятствовало постановке вопроса, прав ли был Никон отстаивать известную долю церковной самостоятельности. Самое имя Никона не только было в забвении, во даже намеренно держалось в этом забвении: напомним, что была даже запрещена при Петре I постройка церкви во имя преподобного Александра Свирского на месте кончины Никона.

Ключевский.

Ключевский останавливается по преимуществу на психологической стороне церковно-обрядовых реформ Никона и последствиях от столкновения преобразовательного движения в государстве и Церкви с народно-психологическим значением церковного обряда и с национальным взглядом на положение Русской Церкви в христианском мире. Он ценит духовную силу Никона, сумевшего выработать и донести до патриаршего престола ясную мысль о Церкви Вселенской и об отношении к ней Поместной Русской (Курс III т. 390); он не приписывает Никону убеждения в душевредности старых церковных обрядов и в исключительной душеспасительности новых, ссылаясь на разрешение сугубой аллилуии в Успенском соборе и разрешении Неронову служить и по старым книгам. Никон преследовал не за обряд, а за противление церковной власти (III т. 396). Вопрос же об отношении Никона к царской власти и патриаршей, Ключевский не затронул. Лишь, касаясь вопросов уничтожения препятствий успехам западного влияния в прекращении политической роли древне русского духовенства, он как бы принимает на веру старое русское мнение о Никоне, посеянное боярской партией о его покушении на царскую державу. Он пишет (III т. 410): «правящие государственные сферы были решительнее. Здесь надолго запомнили, как глава церковной иерархии хотел стать выше Царя, как он на Вселенском судилище 1666 г. срамил Московского носителя верховной власти, и, признав, что от этой иерархии кроме смуты ждать нечего, молчаливо, без слов, общим настроением решили предоставить ее самой себе, но до деятельного участия в государственном управлении не допускать». Ошибочность понимания Никоновских идей, которое приобретается только из изучения подлинных его сочинений, не мешала Ключевскому дать интересный психологический облик Никона с точки зрения наблюдателя его внешней деятельности, не вскрывающей однако тех основных импульсов, которыми двигалась деятельность Никона: его

глубокая церковность, аскетизм и стремление оцерковлять на своем пути все, к чему он прикасался. По своей картинности она заслуживает быть приведенной целиком (Курс III, 384): «Из русских людей XVII века я не знаю человека крупнее, своеобразнее Никона. Но его не поймешь сразу: это – довольно сложный характер и, прежде всего, характер очень неровный. В спокойное время, в ежедневном обиходе, он был тяжел, капризен, вспыльчив и властолюбив, больше всего самолюбив». Но как бы опровергая самого себя, Ключевский продолжает: «Но это едва ли были его настоящие коренные свойства. Он умел производить громадное нравственное впечатление, а самолюбивые люди на это неспособны. За ожесточение в борьбе его считали злым; но его тяготила всякая вражда, и он легко прощал врагам, если замечал в них желание пойти ему навстречу. С упрямыми врагами Никон был жесток. Но он забывал все при виде людских слез и страданий; благотворительность, помощь слабому или больному ближнему была для него не столько долгом пастырского служения, сколько безотчетным влечением доброй природы». Жестокость с врагами – качество преувеличенное, если припомнить, что после Никона наказания раскольников доходили до сожжения, а при нем не шли дальше тюрьмы и ссылки – наказаний слишком обычных при тогдашних суровых нравах. «По своим умственным и нравственным силам, продолжает Ключевский, Никон был большой делец, желавший и способный делать большие дела, но только большие. Что умели делать все, то он делал хуже всех; но он хотел и умел делать то, за что не умел взяться никто, все равно, доброе ли то дело было или дурное. Его поведение в 1650 г. с Новгородскими бунтовщиками, которым он дал себя избить, чтобы их образумить, потом во время Московского мора 1654 г., когда он в отсутствии Царя вырвал из заразы его семью, обнаруживает в нем редкую отвагу и самообладание; но он легко терялся и выходил из себя от житейской мелочи, ежедневного вздора; минутное впечатление разрасталось в целое настроение. В самые трудные минуты, им же самим

себе созданные и требовавшие полной работы мысли, он занимался пустяками и изъ-за пустяков готов был поднять большое шумное дело. Осужденный и сосланный в Ферапонтов монастырь, он получал от Царя гостинцы, и, когда раз Царь прислал ему много хорошей рыбы, Никон обиделся и отвечал ему упреком, зачем не прислали овощей, винограду в патоке, яблочек. В добром настроении он был находчив и остроумен, но обиженный и раздраженный, терял всякий такт и причуды озлобленного воображения принимал за действительность. В заточении он принялся лечить больных, но не утерпел, чтобы не кольнуть Царя своими целительными чудесами, послав ему список излеченных, а царскому посланцу сказывал, был де ему глагол, «отнято де у тебя патриаршество, за то дана чаша лекарственная: «лечи болящих». Никон принадлежал к числу людей, которые переносят страшные боли, но охают и приходят в отчаяние от булавочного укола. У него была слабость, которой страдают нередко сильные, но мало выдержанные люди: он скучал покоем, не умел терпеливо выжидать; ему постоянно была нужна тревога, увлечение, смелою ли мыслью, или широким предприятием, даже просто хотя бы ссоры с противным человеком. Это словно парус, который в бурю бывает самим собой, а в затишье треплется бесполезной тряпкой».

Последняя характеристика основана на Соловьевских материалах и никак не может быть принята за отражение действительности. Никон не колол Царя указаниями на свои исцеления. Теперь они засвидетельствованы, как факт. Никон никогда не искал бурь, ибо их слишком много было вокруг него и притом специально направленных против него. Он никогда не оставался без дела, и потому не мог трепаться бесполезной тряпкой. Если ему искусственно не дали сделать всего того, что мог сделать этот великий человек положительного, то в самом его бездействии и заточении было величайшее дело его жизни: борьба за независимость Церкви и протест против начинавшейся секуляризации государства ценой самопожертвования: страдание и за свое

учение и за обличение. В отрицательных чертах, приписанных Ключевским Никону, чувствуется искусственность и придуманность. Никоновская, будто бы, «нетерпеливость», «малая выдержанность» окажутся совершенно чуждыми ему, если вспомнить грандиозность частью выполненных и частью задуманных реформ среди столь неблагоприятной ему обстановки. В неиссякаемой и непрерывной напряженности Никона такие мелкие факты, как «обида по малу рукой» провинившегося в алтаре или пренебрежение к боярской спеси ради приведения к смирению, является тем же, чем щепки в лесу, где идет рубка деревьев. В лице Никона отразилась во всем своем могучем размахе старая русская церковная культура, покидавшаяся людьми, ведшими государство к усвоению иной культуры и иного миросозерцания, где Церкви отводилось уже не значение учреждения, указующего конечные цели самому государству, а вспомогательного государственного учреждения, на ряду с другими, с которыми государство считается, лишь поскольку это нужно ради его собственной пользы, свободно понятой им самим без содействия Церкви.

С. Ф. Платонов.

Также С. Ф. Платонов в своем сокращенном курсе русской Истории (стр. 204 изд. 1917 г.) повторяет Соловьевские суждения. «Никон действовал властолюбиво и высокомерно не только по своей энергичной и властной натуре, но и по своим взглядам на назначение церковной власти: «Священство выше царства», говорит он: «священство от Бога, помазание же на царство от священства». «Господь Бог, когда сотворил землю, повелел двум светилам светить ей, солнцу и месяцу, и через них показал нам власть архиерейскую и царскую, солнцем власть архиерейскую, месяцем царскую»; «в вещах мирских Царь и архиерей не выше один другого», «в вещах же духовных архиерей великий выше Царя». Говоря так, Никон не мог смотреть на себя иначе, как на «великого Государя» но притязания Никона не имели почвы в русском быту, так как на Руси

духовенство никогда не ставило себя выше Князей и Царей и не искало мирской власти и прямого воздействия на государственные дела. Поэтому Никон на нашел себе сочувствия не только в светском обществе, но и в духовенстве. Его стремления к особому возвышению патриаршего авторитета приписывали его личной гордости и заносчивости, и Собор согласно осудил Никона...» В примечании он говорит, «что русские архиереи после осуждения Никона стали настаивать, чтобы Царь имел преимущество в государственных делах, а Патриарх – в церковных. На этом после многих споров, и решил Собор. Однако мнение греческих иерархов о неправоте Никона и об общем превосходстве царской власти над патриаршей было усвоено Московскими Государями и подготовило в будущем полное подчинение Церкви государству». Мы слишком долго разбирали учение Никона и для опровержения этого суждения о Никоновской теории пришлось бы его целиком повторить. Отметим только, что одна цитата: «В вещах мирских Царь и архиерей не выше один другого» – неправильна, ибо именно Царь-то в мирских делах и признавался Никоном выше. Наименование «Великого Государя» дано Никону, как он сам говорил, за службу Царю, и потому совсем иной природы, чем думает Платонов, выводящий его не из пожалования Государя, а из самостоятельного будто выведения этого титула из состава патриаршей власти. Воззрения Никона вытекают из канонов и всей прежней до-Петровской истории Руси. Он не нашел сочувствия, ибо с своим стремлением к святости был слишком тяжел для духовенства и боярства. Но что мнение греческих архиереев легло в основу последующего построения церковно-государственных постановлений, вопреки соборным постановлениям, с этим можно вполне соглашаться, с той прибавкой, что инициатором и вдохновителем этого мнения, его проводником, выразителем и праотцем был запрещенный Митрополит, католик Паисий Лигарид.

Но все же и в Русской литературе мы находим другую линию отзывов о Никоне, совершенно противоположную,

которые дают основу для другого суждения об его деле, чем представление о непрерывном стремлении к власти, то удающемся (время его патриаршества), то неудающемся (после его ухода). Эти отзывы исходят прежде всего из кругов, близких Никону по духу и не загипнотизированных современным им неканоническим типом церковно-государственных отношений, построенных по типу территориализма, взятого из немецкого, шведского, голландского и английского строя.

Шушерин.

Биография, написанная клириком Шушериным, неотступно жившим при Никоне с Новгородского периода его жизни до 30 ноября 1666 года, когда он был арестован, рисует нам Никона в совершенно ином свете, чем официальные барды Императорского периода Русской истории. Клирик Шушерин простым языком неученого человека дает непосредственное описание его жизни и именно своей непосредственностью оно дышит правдивостью. Оно было написано в 80-х годах XVII века и не могло преследовать никаких иных целей, кроме передачи потомству его жизнеописания от клирика, пригретого в качестве чтеца на склоне жизни почитательницей Никона царевной Татьяной Михайловной в своей придворной церкви. Мы несколько раз его цитировали, и в нем Никон встает перед нами, как благочестивой жизни человек, искавший прежде всего угождения Богу и все силы своей даровитой натуры отдавший Ему на служение. Его правила, исполнения которого он требовал от других – быть не по имени только христианином, а на деле; он больше всего предъявлял требований к себе самому, и это выражалось и в его настроении во все периоды его жизни, и в предметах его первоначальных занятий по чтению Св. Отцов, и в его отношении к человеческому горю и страданиям, как духовным так и физическим, и в его учении о православной царской власти, и в его учении о том положении, которое должна занимать в государстве Церковь. Можно сказать, что

жизнеописание Никона Шушериным, не давая обилия фактов из деятельности Никона, а тем паче критического отношения к ним, дает однако основу для понимания нравственного облика Никона, и через это дает освещение главных стимулов его деятельности. Естественно, что неизменный спутник в жизни Никона больше поможет разобраться в его личности и делах, чем иностранец, иноверец, растрига, отлученный от Церкви, содомист, авантюрист, искатель наживы, фальсификатор документов, продавшийся придворно боярской партии – Лигарид, увидевшийся впервые с Никоном в июле 1663 г., а потом на суде, где молча принужден был выслушивать всю правду от Никона о себе самом. Жизнеописание, составленное Шушериным похоже на жизнеописание святого, но без всякой стилизации, и оно послужило материалом для более подробных описаний, составленных священником Михайловским в 1863 году, с подробным исчислением всех заслуг Никона перед Русской Церковью и государством. В смысле благоприятном Никону написана и биография его, составленная архимандритом Аполлосом, настоятелем Воскресенского монастыря в 1821-1837 году и изданная Воскресенским монастырем («Начертание жизни Патриарха Никона. Москва». 1845).

О чудесах Никона.

Шушерин сообщил о том, что тело Никона было нетленно 26 августа 1681 года, день его переодевания и погребения, несмотря на то, что оно в очень жаркую погоду следовало в течение 9 дней от 17 августа от Ярославля до Воскресенского монастыря (По изд. 1817 г. стр. 193). Записи об его исцелениях есть в приложениях к некоторым спискам жития, составленного Шушериным и имеют заглавия «Дела Св. Никона Патриарха, паче же рещи чудеса врачебные яже содеяше жив сый в изгнании в Ферапонтовом и Кирилловом монастыре». В одной рукописи Императорской Публичной Библиотеки насчитано 194 исцеления. У Николаевского в его статье в «Христианском Чтении» за март—апрель 1886 г.

насчитано 132 исцеления (68 мужчин, 53 женщины и 11 младенцев). «Дела Св. Никона Патриарха», изданы исследователем XVII века времени Никона Белокуровым (в М. О. И. и Д. Р. 1887, I, 83—114), который использовал записи Воскресенского монастыря о чудесах при гробе Патриарха Никона (в этом списке отмечено 129 исцелений с 1673—1676 г. и 5 случаев в 1660, 1682, 1691, 1695 и 1705 г.). Некоторые из них описаны Колосовым (в Ист. Вестн. 1880, II, 793—796).

Жизнеописание Никона по Шушерину.

От Шушерина мы узнаем и главные события Никоновской жизни. Он родился в крестьянской семье села Вельдеминово около Нижнего Новгорода в мае 1605 года и назван Никитой по имени преподобного Никиты Переславского Чудотворца, празднуемого 24 мая. Он рано потерял мать и испытал жестокое обращение от мачехи, 12 лет ушел из родительского дома в монастырь Макария Желтоводского, где его игумен благословил пребывать с клириками и навыкать Божественному Писанию, в чем Никон был абсолютно исправен. Когда он подрос, его отец и бабка хитростью выманили его из монастыря, и «скоро их лишившись, Никон, по совету родственников, женился, потом ушел в село, где не было клирика, и там стал сначала псаломщиком, а скоро и священником, а потом перешел на священническое место в Москву. Потеряв 3 детей, Никон уговорил жену уйти в Алексеевский монастырь, а сам ушел в Анзерский скит около Соловецкого монастыря, где и был пострижен в монахи и жил под руководством преподобного Елеазара (1635-1640 г.).Устав Анзерский был очень строгий: там было только 12 братьев, живших вдали (2 поприща) друг от друга, видевшихся между собою только на всенощных в субботу и на литургиях в воскресенье в общей церкви. Питание было ягоды и овощи, подаяние рыбой от рыболовов и (3/4) три четверти муки на брата на лето. Никон клал по 1.000 поклонов ежедневно и прочитывал на ночь целый псалтир. Это житие продолжалось года три, когда у Никона вышла со старцем Елиазаром ссора из-за того, что собранные

ими в Москве на постройку каменной церкви деньги старец медлил употреблять по назначению, а из-за этих денег все могли подвергнуться смерти от разбойников. Старец сильно гневался на Никона, и Никон ушел от гнева на материк в Кожеозерскую пустынь (1640 г.). На море его застигла буря в лодке, в которой он был еще с одним человеком. Буря пригнала его к острову Кию, где он и водрузил деревянный крест; он дал обет, если Бог подаст ему помощь, построить здесь монастырь, который и был построен, когда он стал Патриархом (Крестный). Отсюда он по утишении бури поехал (за 10 поприщ) к Онежскому устью и, выйдя на берег, пошел один пешком вверх по Онеге. Отдав свое последнее имущество – полуустав и канонник в Кожеозерский монастырь, Никон был принят в число братии. Желая продолжать тот же образ подвига, как и в Анзерском скиту, Никон отпросился жить на острове на том же озере, на берегу которого был и Кожеозерский монастырь. Это продолжалось пока жив был игумен; после же смерти игумена его братия умолила после многих отказов стать игуменом. Посвятил его в Новгороде Митрополит Авфоний Новгородский (1643 г.). Когда он по делам бывал в Москве, об нем узнал Царь, и Патриарх Иосиф его посвятил в архимандриты Новоспасского монастыря (1646 г.), а Царь велел каждую пятницу приходить к нему на заутреню. В это время Никон прославился своими челобитными за несправедливо обиженных.

О предсказаниях Никону об его будущем патриаршестве.

Через три года он был посвящен в Митрополиты Новгородские, в 1649 г. за старостью Митрополита Авфония, ушедшего на покой. Характерно, что когда Никон отправился в Хутынский монастырь получить от него благословение, тот категорически отказался первый дать благословение, пророчески назвав Никона Патриархом, и дал его только тогда, когда Никон дал первый (сообщается у Шушерина и Михайловского). Это было четвертое

предсказание Никону о его патриаршестве. Первое, приведенное и в истории преосвященного Макария и у Шушерина, исходило от татарина волхва, когда Никон был отроком и вышел из монастыря Желтоводского прощаться со сверстниками. Второе исходило от старца иерея Анании, жившего в Желтоводском монастыре, когда Никону было 12 лет (у Михайловского) в 1617 г. Впоследствии этот старец, в иночестве Антоний, был избран одновременно с Никоном в Патриархи, а его сын Илларион, будущий Митрополит Рязанский, был врагом Никона. В третий раз предсказание исходило от преп. Елеазара (сообщается у проф. Субботина в «Опровержении раскольничьих клевет на п. Никона в Приб. к твор. Св. Отцов 1860 г. XIX) Именно в написанном в 1700—1705 г. житии преподобного Елеазара (Пр. Соб. 1860 г., I) повествуется, что «сей прозорливый муж однажды, когда Никон совершал литургию, увидел на его челе омофор и тогда же предсказал ему святительский сан. В житии этом говорится между прочим о Никоне «той чуден бысть в житии своем». В этом житии говорится еще о написании чудотворной иконы Спасителя вследствие особенного откровения преподобному Елеазару. Он продолжает: «преславно здесь поведати и о друзем образе Божественном, его же написа Св. Никон Патриарх по повелению препод. Елеазара, егда был учеником его. Да и сему обряду чудится лепотствует, яко 60 ти и пяти летом преминувшем уже и даже до днесь (1700—1705 г.) Божественной силой обретается невредим». Шушерин повествует нам и о вражде бояр против Никона: «и убо предивно есть, яко на убрусе бяше изображен и устроен над входом церковным, со внешнюю страну от западу и на всякое время от жара солнечного попишаем и зноем и мразом и вихры и дождем и снегом изнуряем и цел пребыает, чудесно соблюдаем Божией благодатью за угодших ради преподобного Елеазара и ученика его.» И, впоследствии, будучи Патриархом, Никон хорошо относился к преподобному Елеазару и помогал всячески деньгами и подарками для Церкви. Никон никогда не забывал добра, ему сделанного: Шушерин рассказывает,

как отблагодарил Никон, будучи Митрополитом, и ту почтенную женщину, которая поручила сыну перевезти его через реку, накормила его, когда он шел по берегу Онеги в Кожеозерский монастырь без еды и денег.

Павел Алеппский.

Из жизнеописателей Никона – его современников известен еще дьякон Павел Алеппский, который был почти два года 1654—1656 в России, а в Москве с февраля 1655 до мая 1656 года, когда Никон был не только Патриархом, но и государственным регентом. Из его описаний мы узнаем о необыкновенной неутомимости Никона в пастырских трудах, в исполнении церковного устава, о строгости к духовенству, вызванном желанием изменить его нравы – прекратить пьянство, о его государственных трудах. Все описание дышит преклонением перед личностью Никона и только в немногих местах, которыя, по исследованию Пальмера (II, введ. 57, 58), вставлены во вторичный приезд Павла с Патриархом Антиохийским в 1666 году, когда кругом была искусственно создана боярами атмосфера осуждения на Никона, слышатся, как отголосок ея, в диссонанс со всем суждением Павла о Никоне, замечания об его будто бы превозношениях над боярами.

Труды Шушерина и Павла Алеппского являются литературой мемуарного характера и наиболее драгоценны в качестве источника, «чего нельзя сказать о Паисии Лигариде, который Никона видел только на следствии в июле 1663 года и на суде 1666 г. в обстановке, нарочито враждебной, и писал и действовал под влиянием своекорыстных рассчетов.

Н. А. А. В Ч. О. И. и Д. Р. 1848. 5

В литературе русской в XIX веке появляется ряд писателей, которые все более и более признают заслуги Никона и обвиняют в его разрыве с Царем бояр. Так биография Никона, помещенная в Чтении М. О. И. и Д. Р. за 1848 г. № 5, подписанная Н. А. А., чужда всяких обвинений

Никона в гордости и властолюбии, говорит об его пастырских заботах и благотворительности, печаловании за обиженных, о посещении тюрем, говорит об его частых отъездах в 1657 г. по постройке монастырей, облегчивших работу бояр по отчуждению от него Царя; ненависть бояр объясняется патриаршей строгостью и их завистью к титулу «Великого Государя»; делается указание, что Никон не уходил из Москвы с клятвой не возвращаться на престол, в доказательство чего в 1664 году взял с собой посох из Успенского собора. Говорится об его постройках и о подвижническом образе жизни. Не чувствуется здесь никакой искусственной натяжки, которой так дышит труд Каптерева, поставивший в основу предполагаемое безграничное властолюбие Никона. Чувствуется, что биограф Н. А. А., говоря о Никоне, не вкладывает в него идей, чуждых всему укладу его жизни, и судьба Никона является следствием интриг его врагов, а не его каких-то выдуманных «замахов».

Митрополит Платон Левшин.

Еще у Митрополита Платона, жившего в начале XIX века, хотя он не высказывается определенно, право или неправо поступил суд, осудя Никона, однако указывается, что истинные вины его были не те, которые указаны в судебном приговоре, а иные: зависть придворных вельмож, завидовавших благосклонности Царя к Никону, а с другой стороны горячий и неуступчивый нрав Никона, который и при малой уступчивости мог бы укротить гнев Царя. Митрополит Платон отмечает, что Никон примечал нарушения прав церковных и их выговаривал Царю, чем и навлекал гнев. Нарушения эти были в создании Монастырского Приказа, в отчуждении у патриархии имений, в назначении властей духовных по монастырям и священников Царем без сношений с Патриархом (Церков. Ист. II, 237).

Щапов.

Щапов, писавший в 1859 г., подробнее развил вопрос о боярском участии в деле Никона в своей книге «Русский раскол старообрядчества». Он определенно указывает, что Татищев, Голиков, Берх и другие выставляют Никона мятежником против царской власти, исключительно основываясь на неблагонамеренном суде бояр («доселе нераскрытом»), злобствовавших на Никона за то, что Никон сдерживал их произвол в Боярской Думе, а Царь не только допускал это, но и звал его другом и именовал «великим Государем». Они его и выставляли перед Царем, как злоумышленника против царской власти, употребив 9 лет на его низвержение. Никон представлен строгим ревнителем прав Русской Церкви, которую он считал попранной непомерным самоуправством бояр в непринадлежащей им сфере церковного управления через Монастырский Приказ, откуда они распоряжались помимо Патриарха, иногда с открытым намерением его оскорбить, даже в таких делах, чисто церковных, как поставление священников. Учреждение Монастырского Приказа стеснило действия Патриаршего Судебного Приказа и при злоупотреблении бояр ввело беспорядок, который и был в конце концов, едва ли не главной причиной падения Никона и полного успеха раскола. Щапов вообще придает огромное значение в падении Никона союзу Бояр с расколоучителями, которым они облегчали деятельность ради общей цели – свержения Никона. У князя Хованского жил Аввакум, у боярина Салтыкова ученик Аввакума расколоучитель Потемкин. В новом устройстве церковного управления было сближение с протестантским управлением Церковью, а Никон отстаивал древнее каноническое устройство Церкви. Никон дорожил больше честью Царя, чем бояре, которые не слушались его, как он писал Никону, а Никон всегда сохранял подобающее к Царю уважение, даже в гневе. Он не проклинал Царя и в 1664 г. принес ему мир и благословение. «Никто, пишет Щапов, кроме бояр и их единомышленников, и не думал, что Никон восставал против власти Царя, который до конца

жизни почитал Никона. Да, если бы Никон был опасен для царской власти, разве Царь Феодор думал бы возвести его на патриарший престол? Если бы он был опасен для царской власти, разве Царь Алексей Михайлович внял бы голосу Епифания Славинецкого и Полоцкого Архимандрита Игнатия Иевливича в 1660 г., когда он не осуществил постановлений Собора? Наконец Восточные Патриархи в грамоте 1682 г. признавали не высокомерное восстание Никона против царской власти, а только то, что он «человеческим некием малодушием и гневом побежден бысть и оставль паству свою и патриаршеское достоинство презрев, далеко отшедше, живе, не хотя возвратиться, которых ради вин явися тяжек и безприютен бысть». Отношения Никона к Царю и боярам проистекали не из личного властолюбия, а из идей его о патриаршестве. «Вся вина Никона в том, что он по сильной вспыльчивости сердца, раздраженного самоуправством на бояр и по пламенной горячей ревности своей к правам Церкви и к достоинству высшей церковной власти, досадовал Царя за допущение бояр до необузданного самоуправства в делах Церкви и государства. Гневался, хоть и непростительно, но справедливо, ибо это – гнев пастыря, ревнующего за права Церкви, беззаконно нарушаемые произволом бояр. Это не гнев злобы высокомерной против Государя, а невольная досада души сильной, пламенной, уязвленной злом. Это не восстание подданного против Государя, а недовольство друга государева тем, что козни бояр, вредные Церкви и государству, охладили к нему сердце Царя. Здесь только слабость великой души... Но, как подданный, Никон почитал Царя, молился за него и скорбел от гнева». «Удивительно ли, пишет он в другом месте, что Никон, этот истинно замечательный гений своего века, световодитель, как называли его лучшие просвещеннейшие современники, vir prudentia et auctoritate erregius, как отзывались о нем иностранные наблюдатели внутренней жизни России во II половине XVII века, удивительно ли, что великий Никон должен был испытать и встретить упорное противоречие и

противодействие со стороны остальных отсталых, запоздалых ревнителей старины».

Архиепископ Филарет Черниговский.

Также Архиепископ Филарет Черниговский (Ист. Русск. черниговский. Церкви IV; 27 49 и 145, 149) обратил внимание на основании известий Коллинса и Мейебера на значительное участие бояр в разрыве Царя с Патриархом и на негодование на Никона за исправление церковных книг, которые имели главное значение в исходе борьбы.

Н. А. А. в Правосл. собесед. 1860 г.

Статья в Православном Собеседовании за 1860 год за подписью Н. А. А. подвергла критике самый суд над Никоном и указала на ряд неправильностей на Соборе: 1) неправильное применение правил, 2) прибегание к частным толкованиям правила, когда самое правило не давало оснований для обвинения (III Вс. Соб., 9); 3) обвинение во вмешательстве в гражданские дела не исследовалось вовсе на Соборе. Собственные же обычаи в России допускали это вмешательство и не осуждали его раньше, а в данном случае оно вызывалось просьбой Царя, и Никон рассматривал это, как временное поручение. 4) Ругательства на Лигарида были справедливы. 5) Никона признали виновным в клевете за обозвание Церкви латинствующей, но он объяснил, что ее епископы принимают свой начаток от Лигарида. 6) Обвиняли Никона за досаждение Царю по 12 Ант. пр., но оно неприменимо, ибо там предвиден лишь случай обращения клирика к Царю после извержения из сана. 7) Обвинение в произволе по делу Павла Коломенского неправильно, ибо Собор осудил всех противников исправления книг. 8) Никона обвиняли в жестокости, но он не видел греха в наказании за нарушение церковного порядка. Суд не принял во внимание грубости нравов провинившихся и не слушавших Патриарха. 9) Обвинение в самовольном причислении Коломенской епархии к патриаршей области неправильно, ибо Никон

сделал это по согласию с Царем. 10) Никона обвиняли за приписывание вотчин к Никоновским монастырям без согласия с архиереями, но он делал это по согласию с Царем и с тем архиереем, которого это касалось. 11) Его обвиняли в том, что он вопреки седьмому пр. Двукр. Соб. строил монастыри, но правило это запрещает строить монастыри с разорением для епархии, и потому сюда не относилось. Вообще Собор рассматривал деяния Никона, оторвав их от действительности, а значение его дел совершенно изменялось в исторической постановке; внутренняя сторона его актов совершенно оставлена без внимания, и забыта главная мысль церковных правил: внимание к сущности дела и особая осторожность к священному сану (1 Тим. 5, 19). Собор не исследовал главного пункта мотива самовольного оставления кафедры. Обращали внимание на частные пункты, на которые никто не обратил бы внимания, если бы не было главного обвинения. Это был не суд, обсуждавший дело и применявший правила, а только обвинение в актах, которых нечего было и обсуждать, ибо они уже предварительно были осуждены; факты не разбирались, а подгонялись так, чтобы из принятых начал вынести готовое заключение. Судьи, по словам самого Никона, не посмели бы этого сделать, если бы Царь этого не разрешил. Они не в дело вникали, а старались угодить Царю. Что Никон не обвинен в том, в чем его обвиняли на суде, говорила и грамота Патриархов 1682 года о восстановлении его в патриаршем сане.

Николаевский. Хр. Чт. 1883 г.

Проф. Николаевский в своей статье «Об обстоятельствах ухода Патриарха Никона» в Хр. Чт. за 1883 г. доказал, как мы видели, что показания главных свидетелей ухода Патриарха Никона не подтверждаются другими свидетельствами, и явно тенденциозны и не могли приводить Собор к заключению, что Никон отрекся от патриаршества да еще с клятвой, а между тем это суждение легло в основу постановлений суда Собора 1666 г.

Субботин Н. И.

У нас не было под рукой сочинений Субботина «Дело Патриарха Никона» но, судя по цитатам, приведенным у Пальмера и у проф. Иконникова, Субботин упрекнул Соловьева в игнорировании частных материалов и выяснил непривлекательность роли Лигарида; кроме того, он признал неосновательность раскольничьих клевет на личные качества Патриарха Никона, рассмотренные им в статье «Опровержение раскольничьих клевет на Патриарха Никона». Первое обвинение в честолюбии основано на простом факте быстрых повышений Никона без рассмотрения однако его монашеского образа жизни; между тем жизнь его наполнена не только личными монашескими подвигами, но ознаменована устроением многих иноческих обителей с заботой о внутреннем их процветании, что показывает, что он принял монашество не ради семейных огорчений и рассчетов честолюбия, а из искренней любви к иночеству с юношеских лет. Ссора с преп. Елеазаром вызвана не тем, что последний усматривал в Никоне врага Церкви, а тем, что его замечания были, хоть и откровенны, но неуместны относительно медленного расходования денег. Протопоп Аввакум обвинял Никона, что он для получения патриаршества много льстил из хитрости, чтобы привести в исполнение свои замыслы. Но достоверный источник говорит, что Никон действительно не только не употреблял происков для получения этого сана, но, предвидя трудности, отказывался его принимать. Зная отношение Царя к Никону в это время, трудно думать, что кто-нибудь оказывал на него давление. Сам Царь писал после смерти Патриарха Иосифа Митрополиту Никону, когда тот был в Соловках за мощами Св. Филиппа, что будущего Патриарха знает только три человека: он, Казанский Митрополит, да его отец духовный. Точно также во время своего патриаршества в делах чисто церковных Никон, когда этого требовал канон и обычай, не действовал авторитарно самовластно, как показывает и дело исправления книг и обрядов. Не говоря о том, что он осторожно и благоразумно не спешил и в течение двух лет

своего патриаршества не приступал к этому делу, хотя оно уже было задумано еще до его патриаршества Стефаном Вонифатьевым, он призвал к этому и Царя, и Собор русских архиереев, и даже представителей востока (на Соборе 1655 г. участвовали и Патриарх Антиохийский Макарий и Сербский Митрополит Гавриил); на Соборе были рассмотрены средства исправления и способ и характер исполнения; здесь же произведен и опыт исправления: так Собор 1655 г. рассмотрел Служебник в исправленном виде. Когда упрекают Никона, что будто он употребил на Соборе насилие, и присутствовавшие архиереи шли за ним по обольщению или из страха, то это опровергается фактами. На Соборе 1654 г. Никон показал несогласие наших книг с греческими и спросил, каким следовать, нашим ли печатным или греческим и славянским, и Собор ответил, что надо исправить по старым харатейным и греческим. Никон подробно указывал на эти несогласия, в чем заключаются отступления от православной древности, и члены Собора заранее знали, в чем будет исправление. В пример отступления, продолжает проф. Субботин, Никон указал на двуперстное крестное знамение, и Собор признал, что надо исправить. Что давление Никона не было на Соборе 1654 г. видно из того, что съехавшиеся на Собор архиереи в феврале 1666 года собственноручно засвидетельствовали, что признают Собор 1654 совершенно правильным и законным, действовавшим не по обману и принуждению, а в согласии с Патриархами Восточными, и книги греческие вполне православными. Им уже нечего было теперь бояться Никона, а Собор 1666 г., судивший Никона, ничего не говорил о том, чтобы Никон исправлял книги вопреки обещанию, данному на Соборе в 1654 году; мало того, он определено настаивал, что «Св. Никон Патриарх исправление книг сотвори не собою, но по совету Св. Патриархов греческих и всего Российского государства со архиереи и всем освященным Собором рассмотри и исправи со греческих и древних славянских книг». Также неправильно обвинение в действиях Никона по отношению к Собору 1655 г. и к

архиереям, страхом и насилием напуганным будто бы опалой на епископа Павла Коломенского, причем указывается жертвами насилия Новгородский Митрополит Макарий, архиепископ Вологодский Маркел и епископ Вятский Александр. Когда против Никона представляли обвинение в 1666 г., едва ли бы опустили и это, ибо эти обвинения были бы более тяжкими, чем обвинения в осуждении Павла Коломенского, которое было одобрено грамотой Константинопольского Патриарха Паисия, и сам Никон сообщал Патриарху Паисию только о противлении епископа Павла и протопопа Ивана Неронова. Раскольничьи писатели представляют совершенно неверно соборные распоряжения личным делом Никона, как и Каптерев неправильно выставляет личным делом его борьбу за права Церкви. Также на Соборе 1656 г. тщательно рассматривалась книга «Скрижаль», объяснявшая все богослужебные чины, и Большой Собор 1666 года заповедал ее иметь в «великой чести». О самом Никоне проф. Субботин отзывается так: «Все (даже и враги) согласны, что Никон, хотя по рождению принадлежал к простому классу народа, обладал необыкновенными природными способностями и развил их прилежным чтением, в котором упражнялся с самых юных лет, чему способствовала жизнь его в монастыре; его сочинения показывают, что он хорошо знал Священное Писание и близко знаком был с отеческими творениями, вообще обладал начитанностью, а письма его к Алексею Михайловичу показывают, каким ясным и сильным языком он умел выражаться». Нельзя рассматривать и действия Никона против расколоучителей, как выражение мести за противление себе, ибо даже после Никона, когда кары на раскольников усилились и качественно и количественно, каре подвергались по законам Уложения только те раскольники, которые виновны были в открытом и упорном мятеже против государства и Церкви, или произносили слишком резкие хулы на святыни Православия. Никон же тем более действовал наказаниями лишь в отношении к возмутителям церковного и гражданского спокойствия и

действовал лишь обычными тогда мерами воздействия, а за обиды в отношении лично себя быстро и легко прощал.

Самые наказания при нем были мягче, чем после; сожиганий от него не было, и обычным наказанием была ссылка расколоучителей во избежание пропаганды. Об этом осталось свидетельство самого Аввакума: «Никониане де с ним поступили пуще отца своего Никона». Аввакум ополчился на Никона за его влияние на Царя в деле церковно-обрядовой реформы и ошибочно приписывал ее Никону, тогда как идея ее исходила по преимуществу от Царя и Стефана Вонифатиева. Он говорил так: «ум отнял (Никон) у милого, (Царя) у нынешнего, как близ его был. Я, ведь, тогда тут был, все ведаю. Всему тому виною сваха Анна Ртищева с дьяволом». Протоиерей Муромский Логгин дерзновенно укреплял народ стоять твердо в древнем благочестии и Никоновских новин не принимать. Он за то, что убеждал народ не повиноваться церковной власти, и был лишен сана; когда последний раз перед его расстрижением Никон в Успенском соборе его склонял к покаянию, он в лицо злословил Патриарха и позволял бесчинства при Царе и народе. Он по царскому указу сослан в Муром, где и умер. Никон законно лишил сана и протопопа Даниила, ибо соборное определение 1656 г. говорило: «аще кто отселе ведый не подчинится творити крестное изображение на лице своем тремя первыми великими перстами десной руки, сего имамы всячески отлучена от Церковь». Аввакум вместе с Даниилом подавал жалобу Царю с хулой на троеперстие; он восстанавливал жителей Москвы против распоряжения Никона, ходил в Казанский собор учить народ, пользуясь дружбой Неронова. Его осудили за противление Патриарху и распространение мятежа. Все увещания в Андрониевом монастыре, куда его посадили, и на патриаршем дворе, были напрасны; Патриарх определил его лишить священства, но, благодаря заступничеству Царицы Марии Ильинишны, его только сослали в Тобольск, а после за пропаганду на Лену, откуда он возвращен был после ухода Патриарха Никона в Воскресенский монастырь. Жизнь Никона в Воскресенском

монастыре была рядом тяжких испытаний в виду непрерывных стремлений бояр ему досадить всеми способами. Проф. Субботин обратил внимание на те способы, которыми бояре всячески препятствовали в возможности Царю и Никону найти способы договориться друг с другом. Зная доверчивый характер Царя и овладев им до того, что он не имел уже силы выйти изъ-под влияния, они не допустили его до личных объяснений с Патриархом; это высказал сам Царь в разговоре с Нащокиным и Матвеевым, говоря, что Никону удобнее действовать в пользу примирения: «бояре все приводят меня на ярость, только избави Боже меня от того; а ему одному лучше меня, что хочет, то и делает в помысле своем, не по силе. Бояре не допускали личных переговоров Никона с Царем. Когда Никон жаловался Царю на обиду от Хитрово его посланному, Царь обещал сам с ним увидеться, но бояре не допустили его даже к выходу 8 и 10 июля. Бояре в искаженном виде передавали Царю слова и действия Никона. «Елико речено нами смиренно, жалуется Никон в письме Царю, се поведано гордо и елико благохвально, се сказано хульно и таковыми лживыми словеси возвеличен гнев твой». Что касается Никона, то они, зная его горячность и прямоту, оскорбляли его как бы от имени Царя, и тем вызывали его на резкие слова, которые тотчас передавались Царю в утрированном виде. Слова, сказанные в пылу спора Никоном, не могут быть, конечно, основой для суждения об его взглядах, но враги Никона ничто не упускали, чтобы использовать свое положение, как посланцев Царя, чтобы сильнее задеть Никона, который должен был испытывать горечь обиды как бы от самого Царя, к которым был раньше в интимной дружбе. Субботин обращает внимание, что 10 июля 1658 г. Ромадановский, сообщая о неприбытии Царя к литургии, грубо упрекал Никона в незаконном вмешательстве в государственные дела, в самовольном присвоении титула, «великого Государя,» что Царь его впредь почитать не будет. А Трубецкой, присланный после обедни просит остаться Никона, не мог иметь поручения

оскорбить Патриарха и утвердить его в намерении покинуть Москву. Трубецкой в своем показании умолчал о тех оскорбительных словах, о которых пишет Никон в послании к Патриарху Дионисию. Трубецкому надо было сделать вид, что верно исполненное приказание Царя не достигло цели по вине Патриарха.

После ухода Никона бояре пользовались случаем говорить Никону оскорбления; в 1664 г., когда Никон приехал в Москву, они не допустили его до Царя: Никон в свою очередь жаловался Царю, уже после ухода, на обращение с ним, между прочим на то, что его письма в патриаршем дворе вскрываются, осматриваются бумаги. Никон с горечью писал об этом: «Дивлюсь и о сем, как вскоре в такое дерзновение пришел еси, иже иногда страшился еси на простых церковных причетников суд наносити, якоже и святые законы не повелевают; ныне же всего мира иногда бывше аки пастыря восхотел грехи и таинства видети... Убойся глаголюща: еже себе не хощеши иным не твори: хощеши ли да твои таинства не по воле твоей, видети станут человеци?» Царь в свою очередь также обижался. Трудно было Никону сносить обиды духовенства, которое он считал себе подчиненным. На следствии в июле 1663 г. Никон отвечал следователям очень неспокойно, и объяснение было очень бурное. Кричали, по выражению доклада бояр, «очень много». Проф. Субботин обвиняет Никона в горячности и резкости суждений высказанных против Царя, бояр, церковных властей, даже за оставление кафедры, совершенное будто бы тоже сгоряча, но не видно, чтобы проф. Субботин указал, что же было надо делать Никону для сохранения канонического управления в Церкви. Он пишет: «В таком состоянии духа (горячности) он допускал действия, за которые главным образом и осудил его Собор, именно самовольно оставил кафедру, писал Патриарху Дионисию жалобу на Царя, и досаждал ему резкими письмами, называл Лигарида еретиком, предавал проклятию архиереев и бояр. Эти именно поступки исчислены, как главные вины Патриарха Никона, в соборном определении, найденном

Митрополитом Платоном, которое он справедливо назвал подлинным соборным определением, ибо в нем приведены и самые правила, на основании которых Собор поставил сии поступки в вину Патриарху Никону».

Но мы видели, что Никон был совершенно прав в своих суждениях, по существу, а за горячность и резкость можно ли обвинять, когда его искусственно изолировали, потом арестовали, заставляли думать, что его преследует и Царь столько же сколько бояре!... Субботин не оправдывает Никона за эти поступки и говорит, что Никон не показал архиерейской кротости, но объясняет это болезненным состоянием его души, которая столь была уязвлена, и пылкостью его характера искусственно воспламеняемой боярами в течение 8 лет. Но и он соглашается, что по этому патологическому состоянию, до которого довели Никона его враги, нельзя судить об его характере, который он имел до расхождения с Царем. Даже Собор 1666 г. строго различал между поведением Никона во время расхождения с Царем и его действиями по исправлению книг и обрядов. Однако и в действиях Никона во время расхождения с Царем, добавим мы, надо различать обдуманно написанные его сочинения, в которых он говорил о защищаемых им принципах, и продуманные действия, от тех случайных форм, в которые облеклись эти выражения и действия в разговорах с лицами, нравственное ничтожество которых Никон понимал, но в то же время принужден был видеть в «их людей, влиявших на судьбу его дела, и его самого, как Патриарха. Недаром и грамота Восточных Патриархов 1682 г. признает с одной стороны, что Никон был «хранитель веры и канонов преискуснейший» и «лишь как человек поддавался иногда унынию». Субботин обратил внимание на узость взглядов русской иерархии, современной Никону, тяготившейся только его строгостью и проглядевшей принципиальную важность его дела для Русской Церкви. «Когда судьба Патриарха Никона была решена, когда этот всемогущий человек, которого все так боялись, сошел со сцены, тогда некоторые из властей русских взглянули на совершившееся

спокойнее, и, к крайнему огорчению своему, увидели, что, действуя так упорно против Никона, они действовали против самих себя, что в деле Никона с Алексеем Михайловичем решался очень близкий к ним вопрос – вопрос о сравнительном превосходстве властей царской и гражданской, увидели, что с падением Никона, восторжествовало это последнее, и что от этого можно ожидать в будущем многих неблагоприятных последствий для Церкви..., и они решились поискать средств исправить как нибудь свою ошибку: стали просить, чтобы точнее были определены взаимные границы власти гражданской и церковной». Границы то теоретически определили, но факт падения Никона оказался сильнее теоретических определений и дал толчок, из которого родилась после церковная реформа Петра I. Проф. Субботин указал на отсутствие в Никоновской деятельности стремления к власти и к единовластию в церковных делах.

Гюббенет.

Огромную услугу в уяснении дела оказал Гюббенет. Последний исследует жизнь Никона за период 1658—1666 г., оперируя с официальными документами, как и Соловьев, но он не разделяет мнение Соловьева о властолюбии Никона, исправляет его официальные источники, в которых много пропущено или не так передано. Например, пропущено очень важное всенародное объявление Никона 10 июля 1658 г. с амвона об его уходе от царского гнева, объясняющее действительные причины ухода (Гюбб. I, I гл.). У Соловьева из разговора приехавшего к Никону в Воскресенский монастырь дьяка Башмакова выпущено все обнаруживавшее, что у Никона в Москве было много сторонников, что сочувствие ему преследовалось, что у Никона выпытывали, кто его посещает; Соловьев придал посылке Башмакова другое значение, будто бы по поводу посещения Никона певчими дьяками, между тем как Башмаков был 17 мая 1659 г. у Никона, а эти дьяки лишь 2 июля 1659 г. Соловьев из сего разговора привел только беседу о должном почитании

Никона со стороны духовенства, как будто с нарочитой целью указать на его честолюбие, а между тем из контекста выясняется, что Никон объяснил, почему должны были бы духовные лица посещать его, именно что он не оставлял патриаршества (т. I гл. 2). Так же благодаря краткости извлечений из письма Зюзина к Никону от 3. II. 1660 г. смысл его меняется. Соловьев говорит, что Никон писал: «Когда вера Евангельская начала сиять, тогда и архиерейство почиталось; когда же злоба гордости распространилась, то и архиерейская честь изменилась». Но Никон писал и о царствах, что они гибнут при бесчестии и процветают при благочестии (I, 3 гл.). Соловьев неправильно сказал, что все показания об уходе были согласны в том, что он от патриаршества отрекся и обещал впредь им не быть, ибо в действительности свидетели показывали не одинаково, и даже не все говорили, что Никон обещал не быть на патриаршем престоле. Гюббенет указывает, на основании сличения сказок, что Трубецкой умолчал о Никоновских словах о гневе Царя и, вопреки показаниям других, показывал, будто Никон утверждал, что гнева Царя не было, а это было неверно, ибо в тот же день еще, несколькими часами раньше Ромодановский сказал Никону, что Царь на него гневается. Гюббенет указал, что Соловьев неверно понял Лигарида, говоря о нем только, как о самом образованном и самом представительном из греческих духовных лиц. Соловьев неправильно считает его примирителем, попытка которого не удалась, что будто бы он первый написал письмо Никону 12 июня 1662 г., уговаривая его возвратиться на патриаршество. Гюббенет указал на подозрительное в каноническом отношении положение Лигарида, на то, что вышеупомянутое письмо его было лишь ответом Никону, что никаким примирением он не занимался, а сразу понял, что выгоднее ему быть на стороне врагов Никона, чем на стороне гонимого Никона (I, гл. 5). Благодаря смешению разных документов Соловьев упустил из виду попытку Никона поехать в Москву и переговорить с Царем, сделанную 28 декабря 1662 года, отнеся ошибочно документы,

относящиеся к ней, к другой поездке 19 декабря 1664 года (1, гл. 6). Гюббенет обратил внимание, что Соловьев не цитирует тех частей Никоновских писем к Царю, где выражается смирение, покорность Никона, и всегда цитирует, где Никон резок, например по Боборыкинскому делу (Сол. XI, 272-275) или говорится о правах его, причем, добавим, что говорится ведь, обычно больше о правах Церкви вообще, а не Патриарха специально. Соловьев неправильно определил действия греческих архиереев на Соборе 1660 г., будто они подтвердили приговор русских, а Царь велел его утвердить. Напротив, греки, хотя и признавали виновным Никона в оставлении престола, отнеслись к нему с сочувствием и предлагали в своих докладных записках оказать ему заслуженное по его благочестию снисхождение и представили два разных приговора в строгом и снисходительном смысле. Соловьев приписывает Никону слова, будто бы сказанные Одоевскому в июле 1663 г. «Дайте мне только дождаться Собора, я великого Государя отлучу от христианства, уже у меня и грамоты заготовлены». Но в донесении Одоевского, по которому описываются в Истории объяснения Никона на вопросы посланных к нему для допроса, о грамоте не говорится, а сказано: «И на письме у меня изготовлено». На письме же было изготовлено то «Раззорение», которое говорило о том, что Царь поступает не так, как подобает православному Царю (II, 4 гл.). Взятые примеры исправлений, сделанных Гюббенетом в описании Соловьева, показали, что в основу оценки Никоновской деятельности надо положить действительные факты. В результате этих дополнений и изменений Никон оказывается человеком добрым, даже благодушным, но строгим администратором. Причина его падения в боярской интриге. Гюббенет пролил свет на боярские козни за время пребывания Никона в Воскресенском монастыре, до него не разъясненные , но он не ставил себе задачей уяснить основную идеологию Никона.

Пальмер. «The patriarch and the tsar».

Выяснению последней задачи более всего содействовал Пальмер, который тщательно проследил самое судебное цело Никона и старался вникнуть в каждое объяснение Никона на суде и в его каноническую предпосылку. На ряду с этим, так как Пальмер исходил из воззрений самого Никона, помещенных в «Раззорении», то для него уяснена была основная противоположность цезарепапистского воззрения бояр и точки зрения Никона на взаимоотношения Церкви и государства. Труд Пальмера нами постоянно цитировался. Основой Пальмеру для жизнеописания Никона служил Шушерин, Павел Алеппский и священник Михайловский, которых он приводит иногда целиком, целыми главами, а иногда в сокращении, Пальмер детально разработал подготовку правительства к суду над Никоном, особенно в деле постановки вопросов Патриархам и их ответов и самое судебное дело в 1660 и 1666 г., а также переговоры с Никоном об отречении Никона в 1665 г. Приложенные им показания свидетелей вместе с речью Никона 10 июля 1658 г. в Успенском соборе проливают на все дело Никона иное освещение, которое в свете высказанных самим Никоном воззрений в «Раззорении» видоизменяют и фактическую сторону дела и понятие о мнениях и учении самого Никона[38].

Николаевский. «Жизнь Никона в ссылке».

Конец жизни Никона в ссылке описан у профессора Николаевского в его статье в Хр. Чт. за 1866 год (Он же описал путешествие Никона в Соловецкий монастырь за мощами Св. Филиппа в Хр. Чт. за 1885 г.) и у Успенского в журнале «Странник» за 1899 год. Они дали нам факты, которые проливали свет на уяснение отношения Патриарха Никона к Царю Алексею Михайловичу, как к Царю и как к

---

[38] Пальмер целиком напечатал «Раззорение», занявшее целый I том его сочинения «The patriarch and the tsar», а «История Лигарида» вошла в III том означенного сочинения.

человеку, и тем способствовали уяснению общих взглядов Патриарха Никона на царскую власть и на патриаршую, поскольку здесь затрагивались его взгляды на свои обязанности и свое каноническое положение.

Среди иностранцев, оставивших свое суждение о Никоне, надо различать лиц, бывших при Московском дворе вскоре после Никона и знавших о нем по слухам в окружающей среде, а затем иностранных ученых.

Бар. Мейербер.

Барон Мейербер (V. ap. 14), прибывший в Москву 25 мая 1661 г., когда Никон ушел в Воскресенский монастырь, пишет: «Всероссийский Патриарх Никон теперь в немилости и не живет в Москве; в прошлое время уважение Царя и доверие к Никону были так велики, что он казался всемогущим, но превратностями придворной жизни потерял царскую милость; он ушел в Воскресенск, где он живет, скрывшись в монастыре, без какой-либо надежды вернуться, но с настроением бодрым и не упавшим». Он указывает далее на источник своего осведомления (двор). «О причинах его падения существуют разные толки. Наиболее вероятное объяснение у тех, кто приписывает его падение страсти нововведений и его неугомонному настроению, которым он вовлек Россию в войну сначала с Польшей, и затем с Швецией. Однако в вопросах, посланных о нем в 1663 году в Константинополь, ничего не сказано о вовлечении им в войну, но только о его попытках поставить границы вмешательству царской власти в духовные дела, о неодобрении им Уложения 1649 г. и о других делах, связанных с этими, или с исключительным положением, влиянием и титулом, от Царя полученным, названных нововведениями. Представления об этих нововведениях, сделанные Царю врагами Никона, навлекли на него гнев Царя. Народу они говорили, что Никон навлек гнев введением во вновь устроенных школах латинского и греческого языка, переменой некоторых церковных обычаев, строгостью, с которой он восстал против разных обычаев, и

разными другими нововведениями, которыми он хотел де поколебать православную веру. Такими средствами они возбудили против него всеобщее недовольство, и, когда через инсинуации царицы и ее отца, которые по частным причинам были его врагами, Патриарх постепенно потерял благоволение Царя, они не считали нужным обнаруживать к нему снисхождения».

Архидиакон Кокс.

Архидиакон Кокс, сопровождавший лорда Герберта в его путешествии в Польшу и Россию, напечатавший о нем в 1792 г. в Лондоне, называет Никона человеком выдающихся способностей, просвещения и добродетели, смелым патриотом и самым верным советником и слугой Царя, падение которого вызвано завистью и злобой придворных, не могших вынести его превосходства. Кокс не входит в оценку религиозных принципов, за которые боролся Никон, а только, как и Мейербер, восхваляет его за государственный смысл, возводя его на степень народного героя. (Пальмер V ар. 15 стр.).

Д-р Коллинс.

Коллинс, сопровождавший в Москву компанию английских купцов, как капеллан, писал в 1660 г. о Патриархе Никоне: «Патриарх – глава во всех церковных делах, очень почитаем его величеством, но изъ-за какого-то неудовольствия он удалился в свой монастырь два года назад. Престол продолжает быть незанятым, и они не могут выбрать другого на его место. Его дворец примыкает к царскому; он каменный и довольно красив по своей величине. О Царе Алексее он пишет: если бы он не имел такой толпы сикофантов и завистливого боярства вокруг себя, то он мог бы считаться среди лучших и мудрейших государей». (П. III, 534). Он пишет: «евреи недавно проникли во дворец через одного врача лютеранина, помогающего Богдану Матвеевичу Хитрово, царскому дворецкому, в его любовных похождениях и доставляющего ему польских

девок Он большой фаворит Царя, регулирующий все его домашние дела; он с детства воспитан с Царем и одного с ним возраста. Царь – покровитель Церкви, но ограничивает щедрость к ней умирающих. Никто не может основать монастыря без его разрешения. (Пальмер добавляет: «а когда он дает разрешение, хотя бы Патриарху, то бояре заставляют взять его обратно, побуждают Восточных Патриархов простить это, как акт слабости, и благословить его за нарушение Богу данных обетов, и побуждают Царя подводить себя под свои собственные проклятия»). Он смело занимает деньги у церковного казначейства и откладывает платеж ad calendas graeca. (Бояре говорят, что Никон, если бы имел власть и время, захватил бы 1/3 государства; но когда Никон предложил условия своего ухода и заметил, что патриарший дом может же чемъ-нибудь содействовать его содержанию, ибо он увеличил его доход до 20.000 руб. ежегодно, то они не смогли согласиться). В заключение Коллинс говорит: «без сомнения Царь благочестив, милосерд и хороший Государь, но, что касается его людей и министров, то они подобны слугам и министрам других стран, готовы на все за взятку или деньги и обманут кого могут». В этих отзывах указана беспристрастными современниками и причина падения Никона (П. III, 537).

Униат Кульчинский.

Униат Кульчинский, помещенный в словаре духовных писателей Митрополита Евгения (II, 121-122), пишет, что «Никон хотел носить титул Папы по примеру Восточных Патриархов, писавшихся иногда папами, что будто у него заготовлены были папские регалии»; он писал разные несообразности о Никоне, навязывая ему католичество, связывая это и с напечатанием Дарственной грамоты Константина Великого; он писал, что Никон не соглашался на войну с Польшей, что он аппеллировал к папскому престолу, но говорить о переходе в католичество Никона – величайшая несообразность, когда Никон не допускал даже влияния католической живописи, органов, и на суде обозвал

Лигарида еретиком латинским, и даже всю иерархию русскую обвинял в приобщении к католичеству за допущение в свое лоно католика Лигарида. Дело в том, что многие смотрели на распрю Алексея Михайловича и Никона, как на политическое дело, и противники России пользовались ею в своих интересах; католические писатели хотели использовать и помещение грамоты Константина Великого в Кормчую, и связь с южнорусскими учеными, которые были и в сношениях, и в борьбе с католичеством. Враги Никона распускали слухи, проникшие к иностранным писателям, будто Никон, будучи в силе, получал тайно деньги от польского короля и австрийского посла Аллегретти. Это опровергал еще Мейербер, как сообщает проф. Иконников: известие это совершенно несообразно, ибо Никон побуждал к войне с Польшей, настаивая на полной победе, активно способствовал успеху войны в качестве государственного регента, подготовкой и снабжением войск, и подкуп невозможно даже и представить для человека такого горячего патриотизма и прямоты, каким был Никон; обвинение это характеризует лишь приемы его врагов, добившихся отчасти своего – затемнением его личности для потомства через писателей вроде Кульчинского, писавшего о сплетнях, как о фактах, и передававшего свои сведения дальше Берху, который повторял за Кульчинским о властолюбии Никона, о католических поползновениях Никона; отзвуки отсюда попали даже к биографу Патриарха Иоакима Смирнову, ссылающемуся на Берха в сообщении о заготовлении Никоном папских регалий и осуждающему Никона за то, что он шел в сторону прямо противоположную потребностям времени» (лучше сказать, противоположную секуляризационным стремлениям государства и восхваляющему Патриарха Иоакима за то, что он своей деятельностью ограничил героическую силу великого Никона.

Pichler.

Пихлер в своем сочинении «Geschichte der kirchlichen Trennung swischen dem Orient und Occident». (München 1865) говорит (II, 138) о сочинении Кульчинского, изданном в 1733 г., в котором он сообщает существовавшие о Никоне небылицы, которые он тут же и опровергает. «Именно Кульчинский говорит, будто Никон просил Царя сделать его Папой и для этого де Никон напечатал грамоту о Дарении Константина Великого. Так как Царь на это не согласился, то он стал католиком и ушел в монастырь, чтобы избежать общения с схизматиками. Когда Царь его хотел судить через духовенство, то он апеллировал к Папе, так что Царь вынужден был обратиться к Восточным Патриархам, которые его объявили еретиком и сослали. Но если бы хотя бы видимость правды была в этом рассказе, прибавляет Пихлер, то Собор не обошел бы этого молчанием. «Dasselbe machte aber umgekehrt dem Nicon den Vorwurf er habe den Zaren und die Russiche Kirche geschmäht, als huldige sie durch die Aufnahme des Mitripoliten Paisius lateinischen irrthümern. Es wurde auch unter Nicon von Rom kein Unionsversuch gemacht, obwohl dies bald nacher wieder geschah (1672-1673) (1672-1673)»[39].

Такая разногласица мнений относительно Никона объяснима вполне, ибо с его лицом связана была борьба, определявшая дальнейшую судьбу отношений церковной и государственной власти, борьба, которая не могла быть мягкой. Чтобы сломить власть Никона, боярам потребовалось настроить Царя против него, поднять церковную иерархию вопреки ее собственным интересам, возбудить массу кривотолками о Никоне; естественно, что и в литературу попали мнения, затемнявшие личность Никона ради дискредитирования его дела.

---

[39] «Наоборот он упрекал Никона в том, что осмеял Царя и Русскую Церковь за то, что будто они именно виновны в принятии латинских заблуждений Митрополита Лигарида. Также при Никоне Рим не выступал с униональными попытками, хотя это случилось скоро после (1672-1673)».

Levesque.

Некоторые писатели касаются участия Никона во внешней политике Московского государства. Французский историк Levesque пишет в «Histoire de Russie» 1782 года 4 т. 63 стр.: «Никон содействовал своим мнением войне с Польшей. Шведская война вытекла из нее. Когда пришлось снять осаду с Риги, когда успехи в Польше стали менее значительны, Алексей отнес все несчастья к советнику. В событиях Царь был виновен не менее Никона. Но Никон увидел перемену чувств в Царе и не захотел играть при дворе в столице смиренное лицо опального фаворита; он ушел на дело простого монаха в Воскресенский монастырь. Здесь он собирал летописи, сравнивал их, исправлял, дополнял одни копии другими и составил исторический свод. Его главные враги – супруга Царя и тесть его». Однако, если бы Никона так считали виновным в Шведской войне, едва ли бы удержались от предъявления этого обвинения, которого , однако, не было сделано.

Hermann.

Оно повторяется снова у немецкого историка Hermann в Geschlichte von Russland (1846—1866), причем окрашивается заботами Никона о православных Ингрии и Карелии (III т., 672 стр.): «Hätte Nicon durch seinen Einfluss vorzüglichen Antheil am Beginne des Polnischen Krieges gehabt, so war er gleichfalls in der Hoffnung die dem griechiscbem Glauben bekennenden Bewöhner Kareliens und Ingermanlandes unter Russische Herrschafft zu bringen, den Zar zum Krieg gegen Schweden in Livland ansponnte. Seit dem unglücklichen Ausgang dieses Beginnens erkaltete sichtlich das Vertrauen, das bisher der Zar in ihm gesetzt hatte. Er wurde seltener zur Hof gezogen, selbst bei festlichen Gelegenheiten übergangen. Die Grossen begegneten ihm ungescheut mit der gröbsten Nichtachtung. Einer derselben Strescbneff gab seinem Hund den Namen Nicon. Schon wurden Anordnungen, die der Patriarch sonst allein zu treffen pflegte, allmählich wie der vor die Entscheidung des Bojarenraths gezogen. Nicon hatte das polozkische Kloster

zum Erscheinung Gottes für exempt erklart; plotzlich wurde es dem für die dortige Eparchie geweihten Bischof Kallist untergeben»[40]. (Этот частный случай не совсем точен в отношении хронологии, ибо ставропигия была нарушена указом Царя после ухода Никона). «Auch die Klosterkammer fing wieder an vor ihr Gericht Personen und ihre Güter zu ziehen, und der Bojarenrath erliess gestüzt auf die Uloschenie nach eigenem Ermessen Entscheidungen über die wider die Verordnungen Iwan's IV von der Kirche gemachten Erwerbungen, Nicon ertrug es schwer seinen Einfluss geschwacht zu sehen. Er zog sich zurück und gab sich ganz der Sorge für die Einrichtung der drei ihrn gestiftesen Klöster zum Kreuz, der Iberischen und des Kiosters zur Auferstehung hin, Seine Feinde aber benützten seine häufige Abwesenheit um ihn völig zu stürzen... Wir sehen diesen Schritt (удаление в Воскресенский монастырь) nicht aus Widersetzlichkeit gegen die weltliche Obrigkeit, sondern wegen der ihm widerfahrenden mit seinem geistlichem Amt, und seine Würde unverträglichen Ehrenkränkung»[41].

---

[40] Если Никон имел своим влиянием преимущественное участие в начале Польской войны, то одновременно он надеялся поставить под русское господство православных жителей Карелии и Ингерманландии и поощрял ради этого царя к войне с Швецией в Ливонии. После неудачного исхода с этим начинанием охладело к Никону то доверие, которое делало из Никона закон для Царя. Его стали реже приглашать ко двору, даже обходили и в торжественных случаях. Бояре стали обходиться с ним безбоязненно с самым грубым презрением. Один из них дал своей собаке имя Никона. Указы, которые когда-то Патриарх обычно издавал своей властью, постепенно отдавались на суждение Боярского Совета. Никон объявил Полоцкий Богоявленский монастырь ставропигиальным; вдруг он был подчинен посвященному для тамошней епархии епископу Каллисту.

[41] Точно также Монастырский приказ снова ста привлекать к своему суду лиц и их имущества, и бояре, опираясь на Уложение, стали издавать по своему усмотрению решения о приобретениях, сделанных Церковью вопреки Указов Ивана IV. Никону тяжело было переносить ослабление своего влияния. Он удалился и отдался вполне устройству трех учрежденных им монастырей: Крестного, Иверского и Воскресенского. Но враги использовали его частое отсутствие, чтобы его окончательно свалить. Мы видим, что он удалился в Воскресенский монастырь не из противодействия светской власти, а вследствие порухи чести,

Видно, авторы иностранцы, не ослепленные цезарепапизмом, даже писавшие еще в 50-х годах XIX века, как Hermann, не нуждались для объяснения ухода Никона в придумывании властолюбия, а им было ясно, что Никон защищал права Церкви, а бояре наносили им ущерб своим засилием, с которым надо было бороться во имя прав Церкви.

Стэнли.

Стэнли, писавший в первой половине XIX в., преисполнен великого почитания к характеру и деятельности Никона, но он не видит в нем ничего похожего на Гильдебранта. «Неоспоримо, пишет Стэнли («Приб. к творениям Св. Отцов 1862 г. статья Н. Соколова), Никон есть величайший характер в летописях русской иерархии, и даже между деятелями всей Восточной Церкви немного можно указать таких, которые могли бы сравняться с ним, как церковные политики. Фотий в IX и Златоуст в IV веках в некоторых отношениях напоминают нам судьбу Никона, и это сходство может быть принято в доказательство тожества принципов, которые в течение шести столетий одушевляли две главные отрасли Восточной Церкви... Через всю глубокую мглу, которая лежит над нами, можно разглядеть оригинальный характер человека, соединяющего с своенравным упрямством переросшего избалованного ребенка, редкий юмор и неутомимую энергию западного политика. В ряду портретов, представляющих иерархию древней России, его фигура первая оставляет в нас впечатление индивидуальной оригинальности. В разных монастырях, которыми он управлял, его угрюмая физиономия смотрит сверху на нас своими кровавыми глазами, с нахмуренными глубоко бровями и красным цветом лица. Длинные первосвященнические одежды хранятся, как памятник пышности, и рисуют перед нами величественную статую его, не менее 7-

---

несовместимой с его духовным положением и непереносимой для его достоинства.

ми футов, – черта общая многих из знаменитейших соплеменников Никона». Соколов правильно протестует против названия Никона церковным политиком, ибо Никон не был политик. Осторожный в вопросах веры, исправления обрядов, он в отношении к людям прям, решителен и непреклонен. Недостаток гибкости и приспособления к людям, резкость в обращении с людскими слабостями – одна из причин его падения. «Никон, говорит Стэнли, был первый русский реформатор, но мы не должны ожидать при этой параллели прямой реформации учения или философии. Такой реформации никогда не было ни в одной отрасли Восточной Церкви... тем не менее Никон был великий первый восточный иерарх за исключением одного Кирилла Лукариса, который понял, что настало время дать жизнь обрядовым церемониям и нравственное направление набожным чувствам русской религиозности». Стэнли приветствует Никона за его неумолимую строгую борьбу против пьянства и за его благотворительность. «С безграничной щедростью он основывал больницы и странноприимные дома для сирот, вдов и престарелых. Во время голода, опустошившего Новгород, он показал щедрость и великодушие, достойные Карла Борромео в Милане, Франче в Галле. Хотя Стэнли превозносит больше всего Никона за обрядовую реформу, за что он готов его считать русским Лютером, но весь характер Никоновской реформы – советы с Патриархами, посылка на восток за книгами, самое их исправление показывают, что у Никона не было мысли о реформе в смысле западном. Никон стремился к приведению богослужения в согласие с греческим, просветить духовенство «Скрижалью» и школами, искоренить худые нравы, поэтому Стэнли напрасно сравнивает его с Лютером, посягнувшим на учение Церкви. Стэнли почитает Никона за реформу церковного пения, заменившую грубый напев московитян приятной интонацией из Польши и из Греции. Никон позаботился о чистейшем переводе Библии на славянский язык. Никон лично оживил проповедничество. О приемах

проповедничества рассказывал Павел Алеппский: «Патриарх благословил Государя и потом стал перед ним, возвыся свой голос в молитве за него и произнес прекрасное поучение с примерами и изречениями древних о том, как Бог дал победу Моисею над фараоном, из новой истории о победе Константина над Максимином и Максентием и приводил многие другие примеры в этом роде; и говорил с таким обилием красноречия, которое понадобилось быстрому течению потока. Когда он запинался или спутывался в словах или делал ошибки, сам же опять поправлялся с совершенным спокойствием. Никто не думал искать погрешности в нем или не был утомлен его речью, как будто каждый стоял перед ним, как раб перед своим господином». Стэнли мирится и с недостаточным с его точки зрения радикализмом Никоновских реформ. «Пусть скажут, кто является истинным благодетелем, те ли, которые пытались ниспровергнуть существующие формы веры, или те, кто путем воспитания вливали новую жизнь в эти формы? Эти размышления примиряют нас с полумерами Никона, и мы приветствуем его усилия на этом пути». Протестант Стэнли – не судья православному церковному реформатору, особенно в вопросах каноники, когда понятие иерархии исчезло из протестантизма, но мы привели его суждения, как показатель того, как люди совершенно разных исповеданий воздавали должное уму, энергии, осторожности, вдумчивости и духовному размаху Патриарха Никона при господствующем непонимании его окружающей средой. Стэнли полагает, что Никон враждовал с грубым дворянством и невежественным клиром, а не с Царем. Разрыв с Царем он считал изъ-за личных причин. «Мы слишком довольно слышим и знаем о гражданских и иерархических столкновениях в Западной Европе, не будем переносить их на историю простой и очень естественной ссоры между двумя друзьями, с которой те не имеют ничего общего». Стэнли объясняет просто ссору Царя и Патриарха продолжительным отсутствием Царя в походе и неудачей Шведской войны, что дало врагам случай для разъединения Патриарха в Царем. Одно свидание все бы

прекратило, но враги его и не допустили. Они поймали Патриарха на слове и объявили кафедру праздной; и Стэнли о соборе, судившем Никона, говорит: «Нужно было, чтобы самое торжественное собрание отцов, какое когда-либо видела Москва, было учреждено для осуждения величайшего человека, какого произвела восточная иерархия в новейшие времена». А в другом месте, описывая его гробницу в Воскресенском монастыре, он пишет: «Там лежит он на месте, им самим означенном у подножья Голгофы, где в действительном храме Св. Гроба лежат останки Готфрида Бульонского. Над гробницей повешены тяжелые вериги, которые он носил во время своего отшельничества. Над головой лежит небольшое восковое изображение, которое он всегда и везде носил с собой. Здесь покоится он, далекий от идеального типа святого характера, оставив однако же своей Церкви пример, в котором она нуждается, решительного и деятельного руководителя, признанного и прославленного, когда признание и слава были уже слишком поздни. Стэнли не понял вовсе основных стремлений Никона по реформе церковно-государственных отношений, для него, как протестанта, здесь не возникало и вопроса; потому и все дело борьбы с цезарепапизмом превращено у Стэнли в личную распрю Никона с Царем. Его отзывы о Никоне можно было бы просто оставить без внимания, как исходящие от человека, не могущего по своим воззрениям оценить идеи Никона, его исповедничество и мученический характер его борьбы, а также и ценность этой борьбы для Русской Церкви, в которой Никон своей личностью запечатлел вечно неумирающий идеал самостоятельной Церкви от чуждых стихий мира сего. Но Стэнли, независимо от всего этого, оценил могучую природу Никона, его нравственную независимость, прямоту, бескомпромиссность в борьбе, полное отсутствие человекоугодничества и признал в нем одного из величайших иерархов всей Восточной Церкви: нельзя было не отметить этого суждения иноверного историка.

Пальмер. «Dissertations».

Несравненно ближе проникся и в учение Никона и в его личность католик Пальмер. «Вот, пишет он в «Palmers dissertations on subjects relating to the Orthodox or Eastern Communion, London. 1853. «Истинный реформатор, не человек из низших рядов общества возбуждающий народ желчными воззваниями против властей, но епископ, первенствующий иерарх великого государства, который по чувству долга принимает на себя инициативу при введении справедливых и необходимых реформ». Или в другом месте: «Чем больше мы изучаем характер Никона, тем менее находим оснований обвинять его в каком-либо из тех недостатков, которые навязывались ему его врагами. В нем не было ничего похожего на незнание или забвение различия и пределов между духовной и гражданской властью, никакой склонности к мирскому или духовному надмению», В его духовной деятельности Пальмер видит образец тех отношений, в которых должна стоять духовная власть к власти гражданской... «Во всю продолжительную борьбу, составившую его жизнь, мы видим, чего он требовал для себя и от себя лично: именно строгого покаяния и самоумерщвления за грехи свои и своего народа, скудной пищи, жесткой, как камень, постели и изголовья и тяжелых вериг».

«После несправедливого осуждения и низложения, он не позорит своих врагов, не покровительствует отпадению от Церкви, которая сама была участницей в неправде, но неуклонно содержить истину; он возносит молитвы за врагов своих и предлагает им разрешение, если они раскаются, принимает на себя тяжелое покаяние за общественные грехи и в тяжком заключении прилагает добровольные подвиги святого аскетизма». Пальмер как бы упрекает Русскую Церковь в неблагодарности к великому ее деятелю и ждет от Русской Церкви, «чтобы она воздала памяти великого Патриарха то же воздаяние, которое было сделано Св. Златоусту и Св. Филиппу митрополиту преемниками Государей согрешивших против Бога и Церкви, преследовавшей ее великих заступников, и чтобы имя

Никона было присоединено на литургии к именам Св. Митрополитов Петра, Алексея, Ионы и Филиппа». Такое суждение высказал Пальмер, не зная, по-видимому, о чудесах у гроба Никона, ибо он о них не упоминал, принимая католическую точку зрения на канонизацию по человеческой оценке. Но, так как были свидетельства о Никоне и свыше через чудеса, то он подлежит канонизации и по правилам нашей Православной Церкви. Надлежит совершить такое же обращение к нему с мольбой о прощении, с каким обращался в свое время Царь Алексей Михайлович за своего предшественника Грозного Царя, чтобы общественный грех, тяготеющий за несправедливость, учиненную Никону, был снят с царской власти и со всего народа русскаго. Мы уже цитировали слова Пальмера о том, что «судьбы России были бы иными, если бы Никон остался Патриархом, но Никон пал, и его падение повлекло за собой заслуженное наказание и духовенства и боярства и предержащих властей, наказание, которое не могло быть отвращено, пока грех, причинивший его, не был бы достаточно исповедан и пока не была бы воздана справедливость тем правам Церкви, которые представлял Никон. Ибо это была не личная только борьба, но борьба двух противоположных начал, встретившихся между собой около личности человека, который по своему положению и характеру становился представителем и олицетворением одною из них». Причину ссоры Никона с Царем Пальмер усматривает в обширном соумышлении бояр. «Их ненависть была напряжена до чрезвычайности, и такая напряженность вызывалась не церковными преобразованиями Никона, не защитой им прав Церкви, а чрезмерным влиянием на Царя и блеском его дарований. Наиболее раздражал бояр титул великого Государя, который и стал несправедливым и глупым обвинением против Никона. Лица, окружающие Никона и привязанные к нему, были людьми его же духа, а враги его резкими противоположностями им – людьми по существу весьма дурными. Они, не желая допустить дела до примирения Никона с Царем, представляли Царю

совершенно ложно, что будто дело идет о борьбе изъ-за безраздельного господства духовной власти, или безраздельного светского господства, так что один был выход – или низложить Никона, или отдать ему всю Москву, как отдал Константин Великий Рим Папе Сильвестру. Но в действительности дело вовсе так не стояло, а Царь был вовлечен и затянут в борьбу так, что назад поворота не было, о чем и сказал ему на суде Никон, когда Царь подошел к нему и сказал, что он не хочет ему ничего дурного. Степень же виновности самого Никона Пальмер определяет словами Никона Царю на суде, когда бояре не осмеливались поддерживать открыто обвинения Царя: «О Царю сих всех предстоящих тебе и собранных на сию сонмищу, девять лет всячески вразумлял еси и учил и на день сей уготовлял, яко да нас возглаголят; но се что бысть, не токмо что глаголати умеяху, ниже уст отверзти можаху, не вскую ли поучашеся тщетным: но аз о Царю!.. совет ти даю, аще повелиши сим на нас вергнути камения, тое сие они абие вскоре сотворят, а ежели оглаголати нас, аще и еще 9 лет имаши учити, и тогда егда обрящеши что». (Шушерин 115 стр.). Пальмер углубил проблему Никона, показав не только каноничность его действий, но и значение его борьбы Церкви для России в том смысле, что она даже и не кончилась, видна еще только в начале, ибо следствием, совершенного по отношению к Никону греха и враждой против Церкви, Государство приготовило близкую гибель себе. Из приведенных нами в разных местах цитат, мы видим, что Пальмер говорил о несомненной гибели Русского Государства, в основу которого с падением Никона закладывался фундамент цезарепапизма. Он одновременно говорил о том, что исправление этого пути слишком трудно для человеческих усилий и возможно только Промыслу Божию. Теперь, после свершившейся гибели государства, снова восстает перед нами вопрос, пойдет ли оно восставши по пути Никоновского православного государства, или по пути полуязыческого государства, в котором понтифекс максимус

будет подкреплен протестантским учением о Государе – носителе церковной власти.

Мы приведем еще некоторые отзывы о Никоне в иностранной литературе:

Theiner.

Theiner в своем сочинении: «L'Eglise schismatique Russe d'après les rélations récentes du prétendu Saint - Synod», Paris 1854, пишет (39 стр.): «A Joseph l a succedé Nicon, homme de merveilleuse grandeur d'âme vraiment digne d'occuper un siège patriarcal, mais non celui de Russie, trop indigne de lui. C'est le permieret le seul patriarche russe qui ait agi par le sentiment du devoir et de la dignité de sa charge. Aussi tombat-il victime du peavoir temporel que sa grandeur d'âme offusquait. Les patriarches d'Antiochie et d'Alexandrie, appelés par le tsar, eu-ren, le courage de s'unir à ce dernier pour perdre leur collogue. Ils confirmèrent le jugement inique porté contre le patriarche par le prince, jaloux de maintenir l'autorité de sa théocratie usurpée. Nicon fut en conséquence deposé et renfermé dans un monastère comme simple moine. Sa chute porte un coup mortel à l'église de Russie, et l'église grecque en condamnant Nicon se rendit pour la seconde fois aux tzars comme déja elie l'avait fait sous Godounov.

Nicon déposé, il ne restait plus qu'un pas a tenter pour Slip primer le patriarcat moscovite. Trente aps après Pierre le Grand y reussit Ce prince concentrant en lui-meme toutes les usurpations théocratiques de ses prédécesseurs, les rattacha toutes a son trone d'une manière invariable, et les transmit comme un précieux héritage à ses successeurs. L'autorité des évêques était depuis longtemps réduite au plus grand dégré d'avilissement. Ils se montrèrent dignes de leur positirhi par la honteuse part qu'ils prireot à la condamnation du prince Alexis, fils unique de Pierre. Cet a te barbare à jamais la honte du père dénaturé qui le commit, a fait voir à la postérité que Pierre pouvait en fait de cruauté surpasser même Ivan IV. Ce dernier en effet avait tiré son fils dans un accès de colère; Pierre fit mourir le sien de sang froid, obligeant l'Eglise et l'état à le condamner pour des fautes en

partie inventées, en partie représentées sous les plus perfides couleurs»[42]

Tondini

Так Tondini в Réglement ecclésiastique de Pierre le Drand называл Никона l'un des hommes les plus savants de son époque. Он пишет: «Parmi les patriarches de Moscou il s'en trouva un en eflet doué d'une âme vraiment épiscopale; ce fut Nicon qui occupale siège patriarcal du temps du tzar Al. Mikhailovitch père de Pierre I. L'histoire de l'Eglise sous le patriarche Nicon, c'est l'histoire de la lutte suprème soutenue par ce prélat pour sauver l'indépendance du pouvoir spirituel. Il ne fufe pas secondé et un jour il se trouva presque seul à lutter contre le tsar. Par un travail habilement dirigé les autres évêques avaint été gagnés au parti du tzar. Nicon condamné par ses frères

---

[42] По Иосифе I вступил Никон, человек дивного величия духа, воистину достойный занимать патриарший престол, но не русский, слишком недостойный его. Это — первый и единственный русский Патриарх, поступавший по чувству долга и по достоинству своего служения. И он пал жертвой власти, которую пугало его величие. Антиохийский и Александрийский Патриархи, приглашенные Царем, имели смелость соединиться, чтобы погубить своего товарища. Они скрепили нечестивый суд Царя против Патриарха, ревностного в поддержании авторитета его узурпированной теократии. Никон был низложен и заключен в монастыре, как простой монах. Его падение наносит смертельный удар Русской Церкви, и Церковь Греческая, осуждая Никона, второй раз сдалась Царям, как она это уже сделала при Годунове. По низложении Никона оставался один шаг, чтобы попытаться уничтожить Московский Патриархат, и он удался Петру I чрез тридцать лет. Этот Государь, концентрируя в себе все теократические захваты своих предшественников, незаметно их прикрепил к своему трону и передал их, как драгоценное наследие своим преемникам. Авторитет епископов уже давно был доведен до последней степени унижения. Они заслужили свое положение постыдным участием, которое они приняли в осуждении наследника Петра Алексея. Этот варварский акт, к стыду совершившего его отца искаженного в своей природе, показал потомству, что Петр мог в жестокости превзойти даже Ивана IV. Последний, правда, убил своего сына в припадке гнева, но Петр убил хладнокровно, вынуждая Церковь и Государство осудить его за вины, частью выдуманные, частью изображенные искусственно, как самые вероломные.

dans l'épiscopat (1666) succomba mais il succomba en martyr»[43]. Tondini в другом сочинении «La Chiesa Russa» указывает на опасность для самой Церкви находиться в управлении государственном: через это падает собственная энергия строительства и борьбы, и как она справится с правительством, если таковым окажется в более или менее близком будущем вместо Царя социалист! Tondini оказался пророком в последнем случае, ибо он писал еще в XIX веке: (1875 г.) (p. 68).

«Ma i protestanti, i razionalisti, i giudei, i maometani e i rascolnici non sono i soli nemici che la chiesa russa deve apparechiarsi a combattere, e contro i quail non trovera efficace ajuto che dai cattolici. Essa potra avere per nemici il governo, l'ateismo nella legislazione, gli ostacoli d'ogni maniera fatti alia propoganda ortodossa, lisrruzione irreligiosa obligatoria, l'incredulita e il materialismo premiati dalle academie in una parola tutte le autorita costituite da cui dipende il popolo. Ora puo mai la chiesa russa ripromettersi di combattere con successo contro sifatti nemici? Niuno vorra asserire che la storia passata di questa Chiesa ce ne offra sincere guarantigie; la sua vita, particolarmente dopo Pietro I é stata si uniforme e si é tenuta in un campo si ristretto, che non ha potuto far prova di sue sforze. Ma sventuramente v'é di peggio: per quanto si stata uniforme la sua vita, esso ci mostra come sua nota distintiva, la facilita onde gli tsar imposero ad essa le loro leggi, e ottenero da essa cio che in nessuna maniera si farebbe estorto dai grandi dottori e padri della chiesa greca. Or se la chiesa russa si é mostrata si debole dinanzi agli tsar, é certo forse che ritroverebbe subito la sua sforza quando avesse dinanzi

---

[43] «...одним из самых ученых людей своей эпохи». Он пишет: «Среди московских Патриархов оказался один с духом по истине епископским; это был Никон, занимавший патриарший престол во времена Царя Алексея Михайловича, отца Петра I. История Церкви при Патриархе Никоне, это — история крайней борьбы, выдержанной этим Патриархом ради спасения независимости духовной власти. Ему не помогли, и он оказался однажды почти одиноким в борьбе с Царем. Искусными происками другие епископы были привлечены на сторону Царя. Никон, осужденный своими собратьями по епископату, пал, но пал, как мученик».

un governo animato dai principi più ostili al cristianisimo, nemico giurato, non solo di tutta la Chiesa cristiana, ma anché di Gesu Christo? Noi non siamo profeti; ma alia fine non é assolutamente impossible che in un tempo pi̇ü o meno lonta no non segga sul trono degli tsar un socialtsta russo»[44]. В другом месте той же книги (25 стр.) он говорит: «Цари лично мало делают неправославного, со строгостью поддерживают Православие в народе, а высшие слои общества – или неверующие или скептически настроены; огромное число русских разделяет самые разрушительные учения, а Церковь государством используется лишь, как полицейское орудие, столь презренное, что редко поп может войти дальше передней барского дома; вот чем стала Русская Церковь в результате дела Царей». (XVIII и XIX век). Здесь много преувеличения относительно результата, ибо Русская Церковь в гонении обнаружила силу Церкви первых времен

[44] Но протестанты, рационалисты, евреи, магометане и раскольники — не единственные враги, с которыми Русская Церковь должна приготовиться бороться и против которых найдет действительную помощь только у католиков. Она будет иметь врагами правительство, атеизм в законодательстве; препятствия всякого рода созданные для православной пропаганды, обязательное безрелигиозное обучение, неверие и материализм, венчаемые академией, одним словом все авторитеты, от которых зависит народ. Сможет ли Русская Церковь быть уверенной в борьбе успешной против этих врагов? Никто не захочет утверждать, что прошлая история этой Церкви дает нам действительные гарантии; ея жизнь, в особенности после Петра I стала так однообразной и поставлена в столь тесные рамки, что не могла дать доказательств своих сил. К несчастью, хуже того. Насколько однообразна ея жизнь, показывает ея отличительная черта, легкость, с какой Цари наложили на нее свои законы и добились от нее того, чего никоим образом не добились бы от великих учителей и отцов Греческой Церкви. А если Русская Церковь оказалась столь слабой перед Царями, то может ли она вдруг обрести силу, когда увидит перед собой правительство, вдохновенное принципами враждебными христианству, врага заклятого не только всей Церкви христианской, но и Самого Иисуса Христа? Мы не пророки, но не абсолютно невозможно, что во времена. более или менее отдаленные, воссядет на престол Царей русский социалист». Случилось худшее: троном Царей овладело богоборческое еврейство.

христианства, но много правды в том, что ее ненадлежащее положение в государстве после Никона лишало ее подобающего влияния на общество. В другом месте (стр. 55) Тондини говорит, что «русский епископат не дал своими писаниями поддержки Православию, пропорциональной угрожающей ему опасности; что же будет, когда Церковь будет лишена опоры уголовного закона, а епископы и священники, будучи опекаемы, не имели случая считаться самостоятельно с великими врагами Церкви». С другой стороны он же указывает, что влияние Православия ослабленно самими Царями. «Если вы посмотрите Регламент Петра Великого, то вы увидите его протестантский дух. Священники, монахи и епископы Православной Церкви не могли быть уважаемы при таком способе обращения с ними Царя Петра. Равным образом его покровительство протестантам и почитание их мнений, неограниченное доверие в секуляризации России, неуважение его к святым вещам в его нечестивых оргиях, все это совершенно непримиримо с обязанностью христианского Государя». Екатерина II считала себя слугой Вольтера, и должно краснеть православному человеку при чтении ее корреспонденции с Вольтером. Если протестанты могут рассматривать Петра, как одного из своих, то неверующие – Екатерину, ибо она высмеивает церемонии и таинства своей Церкви в этой корреспонденции; а дух нечестия вокруг нее и костюмы – зеркало ее неверующей души. Было бы чудо, прибавляет Тондини, если бы православные, умеющие читать и писать, оставались верующими при таком режиме. Она сама это понимала и писала Московскому губернатору: «Я не устраиваю школ, но для Европы надо сохранять в общественном мнении наше отношение. В тот день, когда наши крестьяне пожелают учиться, ни вы, ни я не останемся на своем посту». Тондини говорит о преемниках Екатерины II: «Sotto i successori di Caterina II I'ortodossia ando soggetta a diverse vaiiazioni secondo il grado d'ortodossia degli tsar, e le vicende della ioro politica in casa e fuori. Paolo I era tanto convinto di essere il vera capo delta sua Chiesa, che un giorno si diede a credere di poter celebrare la

Santa Messa... Non imponendo egli la fede col prestigio della sua scienza e delle sue virtü morali, l'incredulita continué a fare strage in Russia. Nella vita di Alessandro I si puo distinguere un periodo di tempo in cui esso piego non poco al protestantismo; e sappiamo della storia quant' autorita avesse sopra di lui una dama protestante M. de Kxudener. Se non c'inganiamo, coloro che sotto il regno di Alessandro, s'affaticarano tanto per istablire una societa biblica in Russia, non intendevano concio di favorite Tortodossia. L'Imperatore Alessandro era cristiano ortodosso non nel senso della sua chiesa ma nella rigorosa con-formita della sua credenza al domma fondamentale di tutte le chiese cristiane, che é la redenzione del genere umano per la morte riparatrice di Gesü Cristo mediante la fede»[45]. Влияние протестантизма на руководящие слои общества и создало разделение их от народа в Императорской России; ибо протестантизм несет другую культуру; Тондини указывает это различие:

«Il protestantismo é una religione che in moltissimi questioni riguardanti la morale non riconosce altro giudice che la ragione privata; laddove rispetto alle stesse questioni la Chiesa ortodossa possiede un’autorita che le risolce nel senso meno favorevole all’inclinazioni della natura. Il protestantismo é una religione che non impone nessuna pratica speciale di culto, la Chiesa ortodossa non ne lascia del tutto la scelta ai fedeli; il protestantismo rigetta

---

[45] При преемниках Екатерины II положение Православия было подчинено разным вариациям в зависимости от степени православия Царей и превратностей их политики внешней и внутренней. Павел I был так убежден, что он — истинная Глава Церкви, что однажды он заставил поверить, что он может служить обедню. Он не импонировал ни престижем своих знаний, ни своими нравственными добродетелями, и неверие стало свирепствовать в России. В жизни Александра I можно различать период времени, когда он не мало склонялся к протестантизму; из истории мы знаем, какое влияние имела на него дама протестантка баронесса Крюденер. Не ошибемся, что те которые в царствование Александра I так старались учредить в России библейское общество, не думали этим благоприятствовать Православию. Император Александр I был православным христианином не в смысле Православной Церкви, а в строгом соответствии своей веры с основной догмой всех христианских Церквей, т. е. искуплению рода человеческого искупительной смертью Иисуса Христа через веру.

le opere espiatrici; la chiesa ortodossa impone astinenze e digiuni molto prolungati; il protestantismo ci manda a Dio le confessione delle nostre colpe, la Chiesa ortodossa vuole che sieno dichiarate ad un uomo per ottenere per questo atto umiliante e penoso il perdon del Signore. Se il protestantismo ci presenta Gesü Cristo come modello, limita cio che dobbiamo o possiamo imitare in Esso, ma la Chiesa ortodossa non fissa alcun limite all' imitazione del nostro divino modello: la verginita, la poverta, e i'obbedienza volontaria sono per il protestantismo quello che era la croce per Gentili, una follia; ma la Chiesa ortodossa li ritiene per consigli dati da Gesü Cristo stesso a coloro, che stimano felici di rassomigliarlo»[46]

Перед лицом неверия требуется, чтобы Церковь требовала от священников нечто большее, чем общая слава человека честного, послушного подданого своему Государю, верного своей жене и уважаемого своими сыновьями». Тондини говорит, что это Русская Церковь утратила. События русской революции, сопровождавшиеся добровольным мученичеством и исповедничеством иерархии и священников и верующих его в том опровергали. Невольно вспоминаются слова о. Сергия Булгакова «Друг жениха»

[46] «Протестантизм — религия, которая в весьма многих вопросах, касающихся морали, не признает другого судьи, кроме индивидуального разума; в отношении к другим вопросам Православная Церковь имеет авторитет, который их разрешает в смысле менее благоприятном наклонностям природы. Протестантизм — религия, которая не налагает никакой специальной практики культа; Православная Церковь вовсе не оставляет их выбору верующих; протестантизм отбрасывает искупительные дела; Православная Церковь накладывает воздержание и весьма продолжительные посты; протестантизм оставляет признание наших грехов Богу, Православная Церковь требует их исповеди перед человеком, чтобы этим смиренным и трудным актом добиться прощения от Господа. Если протестантизм представляет нам, как образец, Иисуса Христа, ограничивает то, в чем мы должны или можем подражать Ему, то Православная Церковь не ставит никакой границы в подражании нашему Божественному образцу; девство, бедность и добровольное послушание — то, что было крест, для язычников — безумие; но Православная Церковь их признает как советы Самого Иисуса Христа тем, которые считают себя счастливыми подражать Ему».

(стр. 166), по поводу убиения Предтечи. «Этим преступлением обличается все безумие зла, ибо именно в нем совершается величайшая победа добра. Разве есть большее для него торжество, нежели непреклонность даже до смерти? Разве умолкли уста усекновенного Предтечи? Разве безмолвствует язык, который согласно преданию, в своей сатанинской злобе пронзила иглой Иродиада? Разве может быть более победное торжество истины, нежели приятие за нее страдания и смерти?» То же относится к Соловецким мученикам. Однако Тондини правильно отметил совершенную неуместность протестантских идей для реформ Православной Церкви; она возможна была только потому, что Царь почитал себя в праве производить реформы в Церкви по своему усмотрению, т. е. почитал себя не связанным учением и канонами Церкви благодаря тому же протестантскому влиянию. Мы привели длинные цитаты из Тондини, поскольку он рисует разрушительное действие в Русской Церкви Петровской церковной реформы и при этом иллюстрирует важность и значение основной идеи Никона, которую мы выразим так: Царь не может иметь авторитета в делах Церкви, не имея на то соответствующей благодати, Царь православный должен быть не только по имени и по личной жизни православным, а и в делах, где он законодательствует, управляет и судит, он должен знать свою меру; если мы признаем, что с коронацией Феодора Алексеевича Царь в Русской Церкви является священным чином, то не чином епископским, а соответствующим дьяконскому чину, как в Византии, и потому власти на законодательство, управление и суд в Церкви (in foro interno) не имеющим. Если бы Никоновская идея православного Царя была осуществлена при нем же, то Петровской церковной реформы быть не могло бы, и в России не было бы культурного разъединения в различных слоях общества; ибо основной стержень – ее религия – не перестал бы быть вдохновляющей жизнь силой, нисколько не мешая благодетельным реформам и успешным войнам Петра. Быть может, при надлежащем сохранении православной культуры в руководящих слоях общества, и надлежащем отношении к

Церкви, с образованием народа и Царь и губернатор остались бы на своем посту, а не были бы удалены, как предсказывала Екатерина II Московскому губернатору. Не обходит в своем последнем сочинении «La Chiesa Russa» Никона и Palmieri.

Palmieri.

Он считает, что «с Никоном, непоколебимым в своих требованиях, прекращается моральная свобода русской иерархии. Петр I уничтожает патриархат, ибо Патриарх есть второй Государь, и священство – второе царство. По русскому канонисту Павлову, великий реформатор вводит в Православную Церковь принцип территориализма, выдвинутый протестантским каноническим правом: Cuius regio – eius religio. В своем законодательстве он ставит светскую власть во главе Церкви: дела чисто церковные во власти Царя (Павлов); он запрещает духовенству хоронить в дубовых гробах, и духовенство смиренно исполняет его приказы. Другой указ превращает монастыри в scuderia delle trupe, третий запрещает монастырям отшельническую жизнь и заставляет принимать отставных солдат, и иерархия молчит. Но эти указы не ограничились только второстепенными предметами, но нарушали иногда священные предписания Церкви и даже ее догматические решения.

«Una delle prescrizioni piu vergognose concerne la violazione del sigillo sacramentale. L'ukaze del 17 maggio 1722 impone ai confessori di rivelare alia cancelleria segreta le congiure contro la famiglia imperiale, i cattivi pensieri che ledono Tonore della medesima, anche le parole pronunziate contro di essa. Il sinodo spiego in una sua disposizione che un simile atto non contradice alle massime del Vangelo. Ed il clero obbedi servilmente esercitando con zelo il mestiero abjecto di delatore e di profanare della santita del sacramenti»[47]

---

[47] «Одно из наиболее постыдных предписаний касается нарушения исповеднической тайны. Указ 17. V. 1722 г. обязывает исповедника открывать в Тайной Канцелярии заговоры против Императорской семьи,

Это – результаты той системы, которую выдвигали патриаршие свитки 1664 г. о высшей безграничной власти Царя, причем все неподчиняющиеся ему (хотя бы духовные в духовных делах) враги его власти. «E infatti gli eredi del servilismo bizantino non ismentirono le loro teorie, giungendo sinanco a strappare all' intrepido Nicone le insegne, della sua dignita»[48]. И сам Пальмиери видимо восторгается, что низложенный Патриарх бросил им в лицо упрек в уничтожении священства ради денег. Пальмиери говорит, что борьба Никона с Царем ради прав иерархии кончилась поражением, ибо русский епископат привык склоняться под железной палкой гражданской власти. Энергичный Патриарх, говорит Пальмиери, воспроизводит в своих сочинениях теорию, развитую в средние века Папами, говорившими во имя Бога и христианского общества». С последним мы никак не можем согласиться, ибо, хотя Никон и цитирует теорию двух мечей, но в нее вкладывает другой смысл. Метафорическое сравнение не доказательство особенно, когда определенно указан смысл Никоновской теории в зависимости от которого и образное сравнение получает иной смысл. Булла «Unam sanctam» 1302, которая дала законодательное выражение теории двух мечей, говорила не о двух разных мечах, о духовном и светском, которые принадлежали бы самостоятельно представителям власти духовной и светской, независимо одной от другой, как говорил Никон, а прибавляла нечто иное. Папа де осуществляет только власть духовного меча, т. е. слова, но и материальный меч принадлежит также Папе, лишь извлекается не самим Папой, а рукой королей.

дурные мысли, оскорбляющие ее честь, и слова, высказанные против нее. Синод объяснил в одном из своих актов, что подобное действие не противоречит правилам Евангелия. И клир рабски повиновался, осуществляя с усердием отвратительное ремесло доносчика и профанации святости таинства».

[48] «Действительно, наследники Византийского сервилизма подтвердили свои теории, идя до срывания с неустрашимого Никона знаков его достоинства».

Материальный меч и владеющая им светская власть должны были подчиняться духовному мечу и духовной власти: подчинение всех римскому первосвященнику есть догмат, необходимый для спасения души. Мало того, духовная власть устанавливает земную власть и в случае уклонения ее от истинного пути, может ее судить. Булла Unam sanctam так и говорила: «Uterque ergo est in potestate ecelesiae spiritualis sciliset gladius et materialis. Sed is quidem pro ecclesia, ille vero ab ecelesia exercendus. Ille sacredotis, is manu regum et militum sed ad nutum et patientiam sacerdotis; oportet autem gladium esse subgladio et temporalem autoritatem spirituali subici potestati. Spiritualis potestas terrenam potestatem instituere habet et judicare. Ergo si deviat terrena potestas judicabitur a potestate spirituali. Porro subest romano pontifici omni humanae creturae declaramus, dicimus, diffinimus et pronuntiamus omnino esse de necessitate salutis»[49]. Но у Никона духовная власть, как он определенно говорит, не устанавливает земную власть, а только освящает. Земная власть имеет у него самостоятельный источник происхождения; духовная власть у Никона не судит земную власть в смысле произнесения юридического приговора, который и был бы исполнен в случае уклонения от земного приговора, как в папской системе, вооруженной рукой, а ограничивается тем, что сделал священник Азария с царем Осией, т. е. протестом словесным, оставляя остальное Богу. Духовная власть может уклониться у Никона от соучастия в грехе, и ради этого Никон сам удалился с патриаршего престола, чтобы усугубить свой протест и воздействовать на светскую власть

[49] «Оба меча во владении Церкви, то есть духовный и материальный. Но один осуществляется за Церковь, а другой самой Церковью. Один рукой священства, другой рукою Царей и воинов, но для надобности священства. Но необходимо, чтобы один меч повиновался другому и светская власть духовной. Духовная власть должна установлять и судить власть земную. Поэтому, если земная власть провинится, то ее может судить духовная власть. Итак утверждаем, объявляем что для необходимости спасению необходимо подчинение всякого человеческого создания Римскому Первосвященнику».

этим величественным напоминанием, но о праве низлагать Царя Никон никогда не заикался и всегда за Царя молился, несмотря ни на какие преследования. Никон говорил только о направлении деятельности Царя Алексея Михайловича, чтобы он был Царем православным и стяжал благополучие самому царству, но он не ставил и вопроса о том, что царская власть исходит от духовной власти, и в короновании и таинстве миропомазания не усматривал делегации власти от представителя духовной власти. Никон ставил пред царской властью обязательства пред Церковью, но никогда не говорил, что в случае неисполнения их ею Царь может быть низложен; нет, он будет наказан Богом, и царству его уготовляется этим гибель, хотя бы и не сразу, а через несколько поколений. Никон выступал, как ветхозаветный пророк с одним духовным оружием слова, а не как средневековый Папа, объявляющий низложение одному королю и поручающий другому привести его постановление в исполнение. Светская власть с средневековой системой может быть по усмотрению Папы передана другому лицу. Все это – следствия того положения, что средневековый Папа имеет верховную власть не только в духовных делах, но и в светских, и все короли имеют от него свои территории на ленном праве. Сколько бы Никон ни получал имущества для Церкви или для своих монастырей, он получал их от Царя или с разрешения Царя, и их неотчуждаемость от Церкви выводил не из верховных прав Церкви, которые бы стояли выше прав государства в сфере юридических вещных отношений, а из заклятия, с которым связывали все прежние Цари пожалование имуществ Церкви. Следовательно, он ссылался не на первоначальное право Церкви, а на самоограничение государства, вытекающее из религиозной настроенности представителей его власти. Царь православный никогда с себя такого самоограничения снять не может, ибо Церковь – его мать, которой он духовно всем обязан; напротив в иерократической системе средних веков все, что король имеет, имеет на ленном праве от Папы.

Грамота Восточных Патриархов 5 мая 1682 г.

Отзыв иностранных православных иерархов, имеющих право судить и высших духовных лиц судом компетентным, дается о Никоне в грамоте Константинопольского Патриарха Якова от 5 мая 1682 года: «не токмо оставляемых познахом покающимся ко всемилостивому Господу воелику согрешив, но и к прежнему достоинству приводимых. Понеже убо и в прошлых годех бывший Патриарх Московский и всея Русии кир Никон... столп благочестия не колебаемый знаем бысть, и Божественных и священных канон оберегатель искуснейший, отеческих догмат повелений же и преданий неизреченный ревнитель, но заступник достойнейший: но яко человек человечески болезнствуя от малолушия некоего гневом и унынием побеждаем бысть, которых ради винъ.. умноживше ссоры. и обличен и повинен осужден по закону церковному наказанию и оставлению патриаршеского достоинства, яже благосоветнее приняв многими и тьмочисленными печальми и нуждами себе усмири и. яко злато в горниле искушен бысть. сего ради ныне явилося благословно и безпричинно быти милости сподобитися в терпении великодушному оному страдателю и к патриаршескому воззывати поминовению, не разрушая ради Собора того, от которого он низвержен бысть никако; Собор бо той неразрушаем, быти же паче нерушимо и крепко хранимое хочем; но по подражанию дающого Божественную милость, ею же Церковь богатствует, яко не безпрощательная прегрешивше, многократными же добродетельными кончины мало порока прегрешения своего очистив, праведно и достойно благоприятного мужа оного от извержения возменяем, но извыше от Святых Отцов содержимому извычаю и по правильной церковного милосердия». Изображая Никоновское построение церковно-государственных отношений, мы видим, что Никоновская теория не была оторвана от действительности и восходит, как к своему источнику, к святоотеческому преданию, и здесь особенно иллюстрируется правильность мысли, выраженной по другому случаю Ю. Самариным: «общественные идеалы

не выдумываются и не навязываются; они слагаются сами собой, вырабатываясь постепенно жизнью народа и передаются от одного поколения к другому бесчисленными нитями живого предания».

Митрополит Антоний (Храповицкий).

Такую же высокую оценку в русской литературе, какую встречает Никон у иностранных корифеев науки, Стэнли, Пальмера, Theiner и Tondini, Никон встречает у Митрополита Антония. В своем IV томе полного собрания сочинений маститый автор, подобно им, называет Никона величайшим человеком Русской Истории и подробнее, чем кто-либо из историков до него, останавливается на личности Никона. «Гений, говорит он, познается тем, что его личная жизнь сливается с жизнью народа. Три его личных предприятия, Иверский, Воскресенский и Крестный монастыри стали общенародными русскими величайшими святынями. Главная его задача – ослабление русского церковного провинциализма. В Церкви Христовой не должно быть национальной обособленности; национальные различия, предания должны подчиняться единому общецерковному преданию. Этой вселенскости он давал явное предпочтение перед национализмом и потому не стеснялся вводить греческое пение и по изучении греческого языка служить литургию по-гречески. Никон, учась у греков, отбрасывая национальное самолюбие, процветавшее у раскольников, показывал свое смирение». Никакого властолюбия и честолюбия Митрополит Антоний не находит у Никона и подчеркивает, что он не разрешил величать себя великим Государем в Церкви, и не стремился к церковному подчинению Малороссии, что легко мог бы сделать при тогдашних обстоятельствах. Никон никогда не мечтал о подчинении светской власти духовной. Нелепое обвинение его в унижении царской власти – боярская клевета. Митрополит Антоний особо останавливается на Никоновской неустрашимости, бесхитростности, прямолинейности, на его ревности к славе Божией, просвещении

ума. Еще Новоспасским архимандритом он вошел в кружок ревнителей просвещения, мечтавшего о широких планах – сделать всех инородцев в России православными, освободить греков от турецкого ига, устроить Церковь на строго канонических началах, чтобы она прежде всего руководилась правилами Св. Апостолов, Вселенских и Поместных Соборов и Св. Отец, а государство – Кормчей. Никон всегда старался ревновать своему любимому святому – Святителю Московскому Филиппу – мужественному поборнику правды, запечатлевшему верность ей своей жизнью и сподобившемся мученического венца. Сам Никон испил чашу страданий до дна от своих врагов за свою прямолинейность и бескомпромисность. Митрополит Антоний обратил внимание на то, что причина ухода Никона с престола психологически осталась необъясненной и после сочинений Каптерева. Писатели исходили из приписывания Никону личного эгоизма, тогда как у него была только ревность о славе Божией. Логику отречения Никона Митрополит Антоний видит в пренебрежении со стороны Царя дружбой Никона. «Наша жизнь дает примеры такой пламенной дружбы только в самой ранней юности, но когда она возникает и связывается в умах идеалистов со всеми планами жизни, со всей ценностью последней, и, если дружба разрушается, то все планы ее признаются разбитыми. Понять такую логику могут только идеалисты, которыми однако, по справедливому наблюдению Достоевского, и подвигается жизнь к лучшему и совершается общественное возрождение. Дружба Царя и Патриарха восстановила благообразие общественной молитвы, исправила Св. Книги, присоединила Малороссию, привлекала в Москву Патриархов и ученых, побеждала поляков и шведов, и политически возродила Московию на степень величия III Рима в Царстве Божием».

Нисколько не оспаривая значения этой дружбы для успеха церковных и государственных дел и той катастрофы нравственной, которую переживал Никон от охлаждения к нему его друга-Царя под влиянием дурных людей, мы укажем только, что центр тяжести исторической проблемы,

связанны и с делом Никона, не в этих личных отношениях, а в разрешении того, какое положение должна занимать Церковь и как государство должно относиться к просветительной миссии Церкви в государстве, – есть ли Церковь поместная – союз самостоятельный, в духовном смысле высший, чем государство, параллельный государству в известном смысле, или только государственное учреждение для известного нужного самому государству порядка дел.

Самое разъединение Царя и Патриарха было не продуктом их какого-либо недоразумения, а результатом того, что Царь отказался по существу идти по пути, указываемому теорией симфонии, лежавшей в основе Московского государственного строя, как того хотел Никон 22 июля 1652 г. и как Царь ему обещал, а пошел по пути, указанному Уложением, боярами и Лигаридом, т. е. по пути цезарепапизма. Одним словом главное дело в идейном их разногласии, при котором указанные психологические причины имеют значение второстепенное в оценке событий, но конечно чрезвычайно важны для понимания психологии самих участников. На лицо была борьба двух традиций: воскресшей языческой и традиции оцерковления государства в святоотеческом понимании.

Митрополит Антоний называет совершенно правильно суд над Никоном нечестивым и призывает благословение Божие на имена трех архиереев, отказавшихся подписать приговор над Никоном (Лазарь Баранович, архиепископ Черниговский, Симон архиепископ Вологодский и Михаил епископ Коломенский) и напоминает слова Никона о таинственности его низвержения «зачем в отсутствии Царя и в малой Церкви, а не в том Соборе, где некогда умолял его вступить на патриарший престол, ныне неправедно и в тайне его низлагают?... Вы неправедный суд произвели тайно; вы осудили меня в частной монастырской Церкви, в присутствии одних клеветников моих». Такой участи подвергся тот, кого автор называет величайшим святителем не только поместной русской но и всей Вселенской Церкви. «Среди великих вселенских святителей Божиих имя

Святителя Никона блестит, как яркая звезда первой величины на нашем духовном небосклоне». Судя по новым документам напечатанным в Русском Архиве за 1893 г., выясняется, что главных жизненным правилом Никона в отношении к людям была любовь. То он заботится о крещенном греченке, то о крещенном калмыченке, то удовлетворяет просьбу мужиков о пшенице, в которой отказал монастырь, а Никон делает пометку «и надо бы отказать, да боюсь, чтобы на нас Бог не прогневался». У Никона, пишет Митрополит Антоний, была нежная мягкая, любящая душа»; это не был грубый черствый и жестокий Никон Каптерева, только карающий и заботящийся о своей власти и чести. Его душа горела о славе Божией, и Митрополит Антоний пишет: «этот великий человек понимал, что нет ничего на земле святее храма Божиего, а потому усердно строил благолепные храмы, Он понимал, что храм – это есть как бы книга, живое существо, воплощение религиозного восторга. И вот размышляя смиренно об этом величайшем человеке, думаешь, каких даров ему не хватало. Аскет и демагог, правитель и отшельник, художник и хозяин, демократ и друг двора, патриот своего народа и вселенский святитель, поборник просвещения и строгий хранитель церковной дисциплины, нежная душа и грозный обличитель неправды»... И его смирение запечатлено надписью под образом Спасителя в Воскресенском монастыре, перед которым склоняются Св. Филипп с одной стороны, и Никон с другой. Над головой Никона слова кондака Великой Среды: «Паче блудницы, блаже, беззаконновах, слез течения никакоже Тебе принесох: но молчанием моляся, припадаю Ти любовию облобызая пречистыя Твои нозе, яко да оставление мне, яко Владыка, подашь грехов, зовуща: Спасе, от скверных дел избави мя, смиренного Никона раба Своего».

Если Пальмер, исходя от дел, совершенных Никоном для Церкви и государства, говорит, что Русская Церковь должна сопричислить его с именами Петра, Алексея, Ионы и Филиппа, то Митрополит Антоний приходит к тому же,

исходя уже из свидетельств Божиих о Никоне через чудеса, за которые чтит его русский народ. «По глубокому убеждению благочестивых русских людей, пишет он, настанет время, когда этот великий угодник Божий будет прославлен на земле и причислен к торжествующей Церкви на небесах. Святой Патриарх еще при жизни своей творил исцеления, обладал прозрением и другими высокими дарованиями и после смерти своей подает исцеление и дарует благодатную помощь всем, с любовью и верой к нему притекающим. Эту веру особенно имеют новоиерусалимские монахи, которые веруют в нетление его мощей и ежедневно творят по нем панихиду, на которой полагается особенный отпуст: «Христос Истинный Бог наш. душу от нас представшегося раба Твоего св. Патриарха Никона в селениях праведных учинит, в недрах Авраама упокоит, с праведными сопричтет и нас его святыми молитвами помилует, яко благ и человеколюбец». В книге, хранящейся при его гробе, записано много исцелений и видений после его кончины и до последнего времени. Придет время, когда св. Патриарх будет изображен не со смиренным молением кающегося грешника, а с тропарем, прославляющим его высокие добродетели и подвиги, подъятые во славу Божию». Характерно, прибавим мы, и то реальное участие, которое связывается с именем Никона в жизни одного из важнейших учреждений Русской Церкви и государства. С падением Никона пало и учреждение, в которое он вдунул душу и слил с собой; когда в 1917 г. восстановлено было патриаршество, то этому предшествовало на Соборе восстановление и прославление имени Никона в лекциях Митрополита Антония до степени заслуженного им культа. Не случайно и то, что больше всего содействовавший в 1917 году в России восстановлению памяти Патриарха Никона, Митрополит Антоний более всего содействовал и восстановлению канонического строя Русской Церкви через воссоздание в ней должности первосвятителя – Патриарха. Еще в 1906 году в Предсоборном Присутствии он указывал, что «насильственная противоканоническая реформа Петра

обезличила и затмила религиозное сознание русского народа, оторвала духовенство от народа, превратив духовенство в касту. Реформа эта, приведя Русскую Церковь под господство государственного чиновника, лишила Церковь приличествующего ей одушевления и дерзновения и положила начало отступлению от благочестия во исполнение Божьего глагола: поражу пастыря и разыдутся овцы стада». Для христианизации быта нужно обновление церковного строя на канонических началах, ибо каноны есть выражение Божественной воли, а они требуют, чтобы епископат Поместной Церкви возглавлялся ответственным перед ним иерархом – первосвятителем, имеющим право воздействия на всю Поместную Церковь. «Воплощающая в своем сердце полноту Поместной Церкви, говорит Митрополит Антоний, облагодатствованная личность почти непроизвольно отрешается от земного самолюбия и, нося в своем сердце Христово достояние, отражает на лице своем Божественную славу, как Моисей Боговидец, сошедший с Синая после беседы с Всемогущим. И этой красоты Церкви мы были лишены в продолжении 200 лет сперва через насилие, а потом по недоразумению. Коллегия не может заменить Божьего пастыря и без главы не бывает Церковь в очах Божиих, но Церковь наша пребывала в двухвековом пленении; ее глава был связан в своих высших полномочиях, был вовсе лишен права их проявлять, так что и узнать его трудно было бы христианам; Церковь Поместная казалась обезглавленной, а потому она не имела приличествующего ей одушевления; а лучшие ее силы удалялись в леса и пустыни, светильники скрывались под спудом и люди, лишенные света в храмине, отыскивая свет, бежали ночью из ограды Церкви». «С кончиной последнего Патриарха (Адриана) наш быт развил себялюбивые и чувственные начала быта языческого, выработал тип русского нигилиста, из размножения коего возник теперешний, ужасающий всю вселенную безобразный мятеж против родины и против христианской веры» (слова в заседании Пред. Соб. Присут. 1906 г.). В восстановлении главы Поместной Церкви

Митрополит Антоний рассчитывает видеть начало возвращения общественной жизни к истинным христианским началам, подобно тому, как лишение ее главы положило начало отступлению от благочестия. «Да будет, говорит он, это возвращение еще более славным, чем в древней Руси. Пусть возродится прежняя ревность о спасении, прежнее евангельское смиреномудрие и воздержание, искренность и всепрощение, но обогащенная более зрелым разумом, науками и общественным развитием. И да воссияет снова над землей нашей церковная Божественная слава и исполнится наша ежедневная молитва». И в своих сочинениях о восстановлении патриаршества, он напоминал, что патриаршество не есть ограничение самодержавия, а самая надежная его опора, так что нет нужды делать выбор между этими двумя священными симпатиями русского народа. Ведь и тому и другому учреждению сопутствует одно и то же направление мысли.

Дух Регламента. Смысл клеветы о замахах Никона на царскую власть.

Когда Петр, добавим, писал в Регламенте о замахах, разумея Никона, на царскую власть, он грубо клеветал, повторяя боярскую выдумку, и на самом деле пользовался ею для дискредитирования учреждения, которое в русской жизни олицетворяло чуждую и противную его неправославному мировоззрению, православную идею оцерковления жизни во всех ее проявлениях. От этого оцерковления Петр хотел прежде всего освободить царскую власть и вернуть ее к идее Царя – понтифекс максимус; но этим самым он вырывал из под нее ее главную опору и смысл, ибо смысл царской власти в русском понимании неотделим от Церкви; сам Царь есть воплощение народного православного самосознания, и без такового это учреждение не может существовать. Коль скоро идея Царя – как первого ктитора православия и основы жизни, (как говорит грамота Вселенских Патриархов об учреждении царской власти) исчезнет, учреждение это лишается своего непреходящего

значения, и оно бросается в тот водоворот идей, в котором погибла в действительности царская власть в России в результате искажения этого учреждения и расцерковления его в своей идее, положенного Петром I.

Наше заключение об идеях Патриарха Никона.

В дополнение к ранее нами сказанному, скажем теперь свое заключение о Никоновской идее царской власти. Он дал теорию Царя православного, подчиняющегося и в своей личной жизни и в общественной деятельности православному учению и правилам Церкви. В этом залог благоденствия и прочности царства. В соответствии с теорией симфонии, для государственной деятельности есть высший смысл и критерий – в духовом отношении к жизни, не забывающий ее конечное назначение за гробом. Подобно тому, как в наше время в 1906 г. Митрополит Антоний предостерегал от распадения государства в результате нецерковного и противоцерковного течения интеллигентской мысли, так в 60-х годах XVII века Патриарх Никон предостерегал государство от разрушения в виду едва тогда начинавшегося того же процесса в виде умаления общественного значения Церкви, пренебрежения ее канонов, пренебрежения архипастырских слов, предостерегающих от нарушения клятвы, данной Царем Патриарху. Архиереи, не поддержавшие Патриарха в исполнении его священных обязанностей, из человекоугодничества перед двором Царя, обессилили иерархию на будущее время перед лицом царской власти, подпадавшей впоследствии разным философским, нецерковным влияниям, и через то подтачивавшей тот корень, на котором она сама росла и крепла вместе со своим царством.

Никон напомнил святоотеческую идею различия властей светской и духовной и косвенно побудил русских архиереев на Соборе 1667 г. установить это различие, по крайней мере, в принципе, но это принципиальное утверждение не могло дать жизнь идее, когда ее носитель, исповедник и воплотитель пал сам жертвой мелких страстей идейно

выродившегося боярства. Никон считал обязанностью Патриарха стоять за истину и за воплощение правды в жизни и говорил, что на это иерархи и поставлены. Он ушел с своей кафедры, когда Царь отступил от обещанного пути, и этот его уход через два столетия говорит нам красноречивее всех слов, что в этом он усматривал высшую, но и необходимую меру воздействия для православного архипастыря; гибель нашего отечества в результате господства идей противоположного свойства, есть исполнение его предсказания. Ценой своей жизни он засвидетельствовал веру в истину своего миросозерцания и показал, что «плоды его разума, и имя его будет живо во веки».

Языком юридическим он объяснил, чего Царь не имеет права делать, за недостатком соответствующих благодатных даров, даваемых только иерархии через хиротонию; этих прав не дает хиротесия, – каковую получает Царь; она указывает, к чему он призван в отношении к Церкви – быть ее защитником, ктитором. Давая ей пожертвования и реально свидетельствуя любовь к ней через то положение, которое он дает в своем царстве, Царь делает ее молитвы за него доходными до Бога и через то получает от Него благоденствие для царства, во много крат превышающее его пожертвования. Давая судебные привилегии духовенству, он предохраняет его от засилия своенравных невежественных воевод и властей и дает возможность развивать ему свое нравственное воздействие на народ. Давая средства Церкви, он дает возможность ей выполнить ее долг благотворения, помощи больным, страждущим и престарелым, дает ей возможность содействовать просвещению народа.

Но прежде всего нужно, чтобы соблюдались каноны, как выражение Божественной воли. В этом отношении Никон шел по пути Византийских ревнителей канонов, требовавших обязательности соблюдения не одних догматов, но и канонов, не только ̓ακριβεία τωνδογμάτων но и ̓ακριβεία τῶν κανόνων.

Не входя в изучение того, что в канонах есть результат непосредственного Божественного волеизъявления и что –

результат исторических условий места и времени, Никон однако в сущности не расходится в определении современной нам науки неотъемлемых церковных полномочий и, когда защищает такие делегированные государством права духовенства, как права суда в гражданских делах или права собственности, то прибегает уже не к Божественной воле, а к заветам истории и царственных предков, указавших на должное отношение к этим правам. Он требовал, чтобы государство православное прежде всего воздавало признание Церкви и ее правам, вытекающим из ее природы. Он раскрыл с ясностью, поразительной для его времени, смысл теории симфонии и установил ее, как учение, рекомендуемое Церковью для государства, не по имени только называющегося себя православным. Выполнение первого долга «единого на потребу» есть первая обязанность Царя православного.

Он отверг формы национального русского благочестия, как высший критерий истинности, и истину вселенскую предпочел при всей своей горячей любви к родине. Он мыслил свою Русскую Церковь, не как особую самодовлеющую силу, указывающую свет миру, а принимал ее в единении с прочими Поместными Церквами, как часть целого, но старался возвысить эту часть до того, чтобы она на деле, а не по старообрядческому самомнению была светочем, озаряющим и все другие, и Москва, как Третий Рим стала действительно столицей православия, не только по унаследованному титулу, но и по действительному влиянию. Одно напоминание о своей Церкви, как о занимающей пятое место среди Восточных Патриархатов и признание на деле соборного принципа совершенно устраняют возможность приписывать ему стремление к воссозданию восточного или русского папизма в смысле единовластия. Его стремление к известной независимости Церкви от государства есть восстановление святоотеческой забытой традиции, а общение с другими Православными Церквами и соборные совещания с ними создавали бы в действительности ту независимость, которая и была утрачена с получением

Русской поместной Церковью своего устройства из рук государственной власти по указанию тех идей, которыми в данное время увлекались представители государственной власти.

Если сейчас жизнь создала совдепию, вдохновляемую идеями III Интернационала, вдохновляемого безбожной материалистической философией, то мы можем вспомнить, что на ее месте некогда была Россия, вдохновляемая православным учением и идеями III Рима Никона.

Для своего времени Никон был консерватор в смысле отсутствия стремлений к изменению системы существующих органов власти, но был радикальным преобразователем в смысле изменений, по сравнению с найденным им status quo при вступлении на патриаршество. Но эти изменения ему предносились, не как придуманная комбинация, а как воплощение святоотеческой традиции Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Феодора Студита, которую он отстаивал всеми средствами, приличествующими православному архипастырю. В течение восьми лет добровольного удаления и 15 лет своей ссылки Никон с полной непоколебимостью и неустрашимостью свидетельствовал свою правоту и, оставался все тем же «Никоном суровым, строгим, каким он был в минувшие годы, в оны дни величия своего»; и его добровольное мученичество за Св. Церковь было прообразом того мученичества, в которое ввергнуто неприявшее его при жизни и отвергнувшее его идеи после его смерти его ныне страждущее отечество.

Собравшийся в 1917 г. Московский Церковный Собор под влиянием революции и первых ее руководителей в лице временного правительства был настроен сначала неблагосклонно к реставрации канонического строя в виде патриаршества, и лишь в результате влияния Митрополита Антония, читавшего лекции о патриаршестве и о Никоне, с глаз членов собора снята была пелена, окутывавшая их мысленные взоры, и с патриаршества и с Патриарха Никона, лучшего носителя этого сана. Пишущему эти строки памятны и эти лекции, и паломничества членов собора на

место жизненной борьбы и место последнего упокоения Патриарха Никона в Воскресенском монастыре, и ему ниспослано счастье реально осязать, как память покойного св. Патриарха реально изъ-за гроба содействовала восстановлению того учреждения, падение которого было нравственным падением государства и этапом к его материальной гибели. Да будет восстановление патриаршества началом восстановления идеалов, с ним связанных, и прославления св. Патриарха - исповедника этих идеалов. И да послужит прославление его имени к восстановлению незаслуженно его поругавшего его отечества. Да будет он вспомянут как носитель своеобразной русской культуры, призывающей к расцвету всех человеческих дарований при неугасимом свете Церкви; да будет он вспомянут, как представитель русского крестьянского мира, давшего, в лице своего представителя, одно из лучших проявлений народного гения, как залог великих будущих возможностей для раскаявшегося преступника, стрелявшего в распятие (рассказ о преступнике у Достоевского в «Дневнике Писателя»); да будет он вспомянут как пророк Божий, предсказавший гибель своего отечества, и да будет он сопричислен к Русским первосвятителям Московским Петру, Алексию, Ионе, Филиппу и Гермогену, как запечатлевший праведностью своей жизни и мученичеством непоколебимую верность Православию, которое он понимал, не как теорию, а как «истину, путь и жизнь». Да отпадет Божья кара от отечества нашего, и да не будет более места для отмщения Божия, явившегося за грехи наши по заповеди: «Мне отмщение, и Аз воздам». Да будет искуплена делами нашими вина наша перед праведником Божиим, и да помогут Его святые молитвы обрести нам путь к спасению вечному и земному на родине своей, памятуя его назидания о Церкви Божией и о надлежащем к ней отношении, подобно тому, как они помогли восстановить в нашей Церкви сан, вознесенный им в меру возраста Христова. И да начнет свой путь восстановления Россия не кощунственными пародиями

всешутейшего патриарха и всепьянейшего собора, усовершенствованными в наши дни в Советской России, а покаянием перед Святейшим Никоном за неправду к нему и за забвение его высоких идеалов Святой Божией Церкви, призванной пресуществлять все людские отношения и в семье, и в обществе, и в государстве. Напоминание Никона об особой природе Церкви, ее полномочий, ее органов особенно важно при реставрации национальной государственной власти. В Основных Законах 1906 года эти понятия совершенно забыты, как то показывает ряд контроверз в русской государственной науке, возбужденных относительно природы власти Св. Синода, его положения в государственном строе Империи, а также относительно пределов власти Императора в церковных делах. Последний вопрос для государствоведов сводился к вопросу о том, принадлежит ли правообразующая деятельность к Церкви одному Императору в порядке верховного управления, или в единении с Государственной Думой и Государственным Советом. Самый же вопрос о пределах власти самого государства в Церкви как бы игнорируется или, в лучшем случае, недостаточно отмечается.

Оставляя в стороне уже выясненный вопрос о неканоничности учреждения Синода государственной властью, о котором упоминает ст. 65 Основных Законов, мы уже указывали, что его власть в соответствии с его положением по Основным Законам определялась как истечение власти Государя. Вопрос шел лишь о том, считать ли его в разряде государственных учреждений Верховного Управления, т. е. управления, в котором Государь действовал непосредственно и нераздельно, или подчиненного т. е. такого, которому вверена властью Государя известная подчиненная степень власти, т. е. где Государь действовал посредственно и раздельно. Характерно, что спорящие стороны о собственно церковной стороне совсем забывают. Один из них Темниковский прямо говорит: «непроизводной по происхождению и самостоятельной по осуществлению чисто церковной власти Русские Основные Законы не знают»

(Казанский op. cit. 244). Для него Император есть носитель высшей власти в Русской Православной Церкви. Его церковная власть есть часть или, вернее, одно из направлений высшей власти государственной. С формальной юридической стороны Русская Православная Церковь есть часть государственного строя, ведомство. Синод есть государственное учреждение, заимствующее власть от Монарха и действующее его именем. Еще определеннее говорит Engelmann (стр. 242 Казанский ib.): «Die Gesetzgebung in der Kirche und damit die Entscheidung über die Ausbildung und Entwicklung des kirchlichen Glaubens und des kirchlichen Rechts liegt in den Händen des Kaisers, desgleichen die Verwaltung. Dem Russischen Kaiser steht also nicht bloss das jus circa sacra, sondern auch das in sacris zu»[50]. В том то и ошибка Основных Законов, что они игнорируют эту собственную церковную власть. Мы видели, что Градовский сам от себя восполняет этот пробел Основных Законов, говоря о границах государственной власти в вселенском каноне, а пр. Казанский говорит об этой церковной власти совершенно глухо, ограничивая эту церковную власть вопросами догматов и правоверия, принаравливаясь к терминологии наших Основных Законов, но Градовский, не уясняя особой природы церковной власти и органов, оставил в стороне законодательство Поместной Церкви и говорит о Синоде, как об одном из государственных учреждений Верховного Государственного Управления (т. е. такого, в котором верховная власть Государя действует непосредственно). (Нач. Рус. Госуд. Права I, 348). Тихомиров вовсе не ставит вопроса об особой церковкой власти отдельной от государственной и не уточняет положение Синода среди государственных учреждений. На стр. 249 Казанский приводит его слова: «должно ли заключить, что в

[50] Законодательство в Церкви и вместе с тем решение об образовании и развитии церковной веры и церковного права лежит в руках Императора, равно и управление, Русскому Императору принадлежит таким образом не только jus circa sacra, но и jus in sacra.

церковном управлении высшая власть принадлежит только исключительно Императору, а Синод есть лишь его орудие, как Сенат, министерства и другие управительные учреждения? Это ясно не подтверждено и не опровергнуто, равно как не сказано нигде, чтобы Синод имел хоть какую-нибудь долю самостоятельной власти». В другом месте приведена из него другая цитата:[51] «фактически высшей властью Церкви является обер-прокурор, ибо он ведет сношения с верховной властью, он делает Государю доклады, все совещания Государя о действиях по Церкви происходят только с обер-прокурором... при этом власть обер-прокурора увеличивается тем, что назначение членов Синода зависит от Государя, а представитель Государя при Синоде и Синода при Государе есть сам обер-прокурор, т. е. фактически он имеет, если не абсолютное, то огромнейшее влияние на вызов епископов для присутствия в Синоде». Сам пр. Казанский также не ставит вопроса об особой церковной власти, которую игнорируют Основные Законы, и занимается только вопросом о месте Синода среди государственных учреждений. «Скорей всего, пишет он, следовало бы Синод считать органом управления подчиненного, но участвующим и в управлении верховном, словом равнять его с другими высшими государственными установлениями, имеющими так сказать, двойственную природу. Поскольку ему принадлежит решающая власть, Синод есть орган управления подчиненного, поскольку он является лишь советником и исполнителем велений Государя Императора, он есть орган Верховного Управления». Однако факт существования особой церковной сферы не может быть игнорирован государствоведами и всплывает не у одного Градовского. Так Авалов (Казанский ib. 264 стр.) определенно говорит об этой церковной сфере, но оставаясь на почве Основных Законов, отдает ее опять во

[51] Сами мы, несмотря на все старания, никак нигде не могли за пределами России найти сочинение Тихомирова «Монархическая Государственность».

власть Императора. Он пишет (ib. 254): «по общему правилу церковное Законодательство в прямом смысле слова, (т. е. не государственное о Церкви законодательство, а остальное) лежит за пределами Свода Законов, вне компетенции Совета Министров и Законодательных учреждений. Православная Церковь есть и самостоятельная религиозно-правовая сфера, жизнь которой регулируется многими факторами; одним из важнейших является главенство Монарха «блюстителя правоверия» и «благолепия» Церкви, «действующего при посредстве Синода». «Управление церковное есть верховное и органом Его является Синод». И у Авалова, как у Казанского, церковное управление охватывает различные виды деятельности и правообразование, и администрацию, и суд и все эти функции относятся к верховному органу государственной власти – Монарху. Мы не можем не обратить внимания, что комментаторы Основных Законов, держась только их, не могут никак верно нащупать субъекта церковного законодательства, управления и суда. Происходит это оттого, что понятие Церкви, как Божественного учреждения, имеющего особые благодатные полномочия и основанные на них функции законодательства, управления и суда, не принято во внимание в достаточной мере Основными Законами. Понятие это дано Русской канонической наукой и должно быть принято во внимание при определении границ власти государственной. Это-то понятие Церкви выдвигалось Никоном, как предмет обязательного признания для Православного Царя. Поскольку Русское государственное право оцерковилось далее до облечения верховного главы государства в священный Чин, эта связанность его канонами в его деятельности вытекает сама собой. Поэтому для нас ст. 65 Основных Закон является с одной стороны верным констатированием факта создания Синода государственной властью на положении государственного учреждения, и одновременно вопиющим каноническим беззаконием, явившимся следствием того разрушительного направления государственного отношения к Церкви, с которым боролся

Никон, отстаивая прежде всего права Церкви, вытекающие из ее существа, указанием, что высшее церковное учреждение не может быть создано властью государственной, что оно имеет прежде всего чисто церковную компетенцию, вытекающую из даров благодати Святого Духа, к каковой компетенции государство может прибавить нечто от себя в силу делегации, но эта добавочная компетенция для церковных учреждений не существенна и может быть только прикладной. Члены этих учреждений не могут зависеть в своем существовании от назначений государственной властью и определяться в своей деятельности ее влияниями. Тот переворот, который произведен в отношении Церкви и государства после введения христианства и признания Церкви государством, с упоминания о котором мы начали свой труд, и который напоминает нам об особой природе Церкви, должен быть всегда перед нашими глазами при уяснении нормальных отношений к Церкви со стороны государства, признающего Православную Церковь тем более, когда оно дает ей преимущественное положение.

Одним словом, Церковь является учреждением параллельным государству, но не стоящим юридически выше или ниже его. О способе их взаимодействия мы достаточно говорили, излагая теорию симфонии с ее Богомудрой Священной Двоицей Царя и Патриарха и теорию Никона, основанную на Святых Отцах Церкви. Теория симфонии, признающая Церковь, как особый самостоятельный организм, нисколько не нарушает принципа самодержавия, как верховного государственного властвования в силу собственного права, и полноты верховной власти, как власти государственной, действующей в пределах, подлежащих ведению государства.

Содержание

Михаил Валерианович Зызыкин

Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи

Ч. III. Падение Никона и крушение его идей в Петровском законодательстве. Отзывы о Никоне

Руководитель проекта *Л. Сурис*
Верстальщик *С. Мартынович*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru